

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Актамов Иннокентий Галималаевич

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АВТОНОМНОГО РАЙОНА
ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ КНР (1947-2020)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Научный консультант
академик РАН, д.и.н., профессор
Б.В. Базаров

Улан-Удэ – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография, источники и методологические основания исследования	
1.1. Историография исследуемой темы.....	35
1.2. Источниковая база.....	78
1.3. Методология исследования.....	92
Глава 2. Исторические основы формирования системы высшего профессионального образования во Внутренней Монголии	
2.1. Образование национальной районной автономии и социально-политическая ситуация во Внутренней Монголии в середине XX в	104
2.2. Сфера образования Внутренней Монголии на начальном этапе государственного строительства.....	130
2.3. Общая характеристика учреждений высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия	154
Глава 3. Развитие высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР в 1952-1978 гг.	
3.1. Ускоренная индустриализация страны и система подготовки кадров как особое направление образовательной политики.....	166
3.2. Развитие высшего профессионального образования АРВМ КНР в условиях коренной перестройки общества.....	191
3.3. Реализация этнокультурного образования: основные подходы и принципы.....	218
Глава 4. Высшее образование Автономного района Внутренняя Монголия в контексте построения общества малого благоденствия	
4.1. Реформирование системы высшего образования в контексте реализации концепции «четырех модернизаций».....	234
4.2. Развитие системы высшего образования в условиях реализации проектов «211», «985», «Двойной первый класс».....	259

4.3. Развитие высшего образования АРВМ как особое направление образовательной политики Китая во Внутренней Азии	275
Заключение	298
Источники и литература	310
Приложения.....	361

Введение

Актуальность исследования. В отечественной исторической науке Китай всегда занимал особое место в силу сложившихся геополитических условий, характера межгосударственных связей и культурных контактов. Общественный и исследовательский интерес к Китаю существенно возрос в последние десятилетия. Это определяется, в том числе, и общей политической ситуацией в мире, и характером российско-китайских отношений на государственном и региональном уровнях в политической, экономической, гуманитарной сферах. Развитие гуманитарных контактов обуславливает актуальность изучения системы высшего профессионального образования КНР в целом и приграничных регионов в частности. В практике двусторонних российско-китайских отношений важной составляющей является проведение перекрестных Годов. 20 мая 2026 г. во время своего официального визита в КНР президент России В.В. Путин принял участие в церемонии открытия Годов российско-китайского сотрудничества в области образования на 2026-2027 гг. Изучение процесса развития высшего образования в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР вносит вклад в общегосударственную стратегию по расширению востоковедных исследований, а также соотносится с планом мероприятий по развитию двусторонних связей в сфере образования в настоящее время.

Актуальность изучения становления и развития системы высшего профессионального образования определяется рядом причин. Прежде всего, Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) обладает уникальными историко-культурными характеристиками, представляющими научный и практический интерес. Данный регион является первой национальной районной автономией Китая, образованной в 1947 г. Историческое и политическое значение Внутренней Монголии еще не в полной мере получило свое научное осмысление, а вопросы эволюции высшего профессионального образования региона до сих пор не являлись предметом

системного исследования. Вопросы реализации национальной политики, двуязычного обучения, развития высшего профессионального образования во Внутренней Монголии представляют особый научный интерес в плане изучения исторического опыта, сравнительно-сопоставительного анализа, выявления эффективных практик, способствовавших повышению качества подготовки специалистов, формированию класса интеллигенции.

Изучение предпосылок формирования и развития системы высшего профессионального образования Внутренней Монголии, выявление специфики развития образовательной сферы в условиях ускоренной индустриализации, реализации масштабных политических кампаний, модернизации высшего образования при помощи специальных программ, среди которых особую эффективность продемонстрировали «211»¹, «985»², «Двойной первый класс»³ и др., позволяют не только проследить эволюцию системы высшего профессионального образования, но и представить динамику развития региона в указанный период, что позволит дополнить отдельные аспекты исторического процесса.

Во-вторых, особое историко-культурное значение Автономного района Внутренняя Монголия КНР в двусторонних отношениях выражается в ряде факторов. Особое значение имеет то, что регион представляет собой составную часть «монгольского мира» – этнокультурного пространства Внутренней Азии, включающую собственно Монголию и регионы Российской Федерации (Республика Бурятия, Усть-Ордынский бурятский округ в составе Иркутской области и Агинский бурятский округ в составе

¹ «211» – это специальный проект развития высшего образования КНР, запущенный в 1995 г. В рамках проекта было профинансировано более 100 китайских университетов с целью повышения их академического уровня до международных стандартов к концу XXI в. Название проекта «211» символизирует сокращение от 21 век и 100 университетов – 21+100.

² «985» является аналогичным проектом, направленным на развитие ведущих университетов Китая. На первом этапе было включено 9 вузов, основной акцент был направлен на научные исследования. Получил название от 5 месяца 1998 г. – 98/5.

³ «Двойной первый класс» (双一流) – новый проект, заменивший «211» и «985» с 2015 г. Цель – создание университетов мирового уровня. Особенность данного проекта в его гибкости и адресной поддержке конкретных направлений подготовки и дисциплин, которые должны быть конкурентными на мировом уровне.

Забайкальского края). Самой западной частью «монгольского мира» России является Республика Калмыкия, которая не является географической составляющей Внутренней Азии, но имеет общемонгольскую этнокультурную и языковую основу. В этом плане Внутренняя Монголия представляет собой особую часть «монгольского мира» в силу демографических, лингвистических, научно-образовательных характеристик. Изучение специфики развития автономии с момента ее образования до завершения 13-го пятилетнего плана имеет как теоретическое, так и практическое значение.

В-третьих, АРВМ имеет историческое значение для КНР в плане реализации внутренней политики, поскольку является первой национальной районной автономией в составе Китая. Управленческий и организационный опыт реализации социально-экономических программ, развития системы непрерывного образования в условиях ускоренной индустриализации, запуска политических кампаний представляет собой особую ценность, поскольку многие подходы и методы, показавшие свою эффективность, были впоследствии перенесены на другие провинции и районы КНР. Более того, руководство страны в условиях Внутренней Монголии получило первый опыт индустриализации неханьского общества.

В-четвертых, с начала 1950-х гг. руководство страны рассматривает АРВМ как национальную стратегическую ресурсную базу, которая обеспечивает экологическую, продовольственную, энергетическую стабильность Китая. Приграничное положение автономии определяет ее геостратегическую роль – обеспечение безопасности и стабильности на севере страны. Правительство КНР реализует комплекс мер по развитию инфраструктуры, торговли и реальных секторов экономики. Нынешнее руководство страны рассматривает АРВМ как «плацдарм для открытия Китая на Север», что выражается в реализации программ социально-экономического и культурного развития региона. Изучение этих процессов в

контексте двусторонних российско-китайских отношений в разных сферах имеет особую важность.

В-пятых, регион имеет геополитическое значение в контексте развития трехсторонних отношений в треугольнике «Россия – Монголия – Китай», реализации геоэкономических инициатив. Изучение особенностей развития высшего профессионального образования в новейший исторический период на основе обширного массива данных создает возможность реконструировать отдельные этапы исторического развития, создать системное представление, позволяющее выявить характер, движущие силы, механизмы социально-экономического развития китайского государства на пути к построению «общества малого благоденствия» (小康)⁴ в условиях национальной автономии.

Таким образом, региональные условия создания системы подготовки кадров во Внутренней Монголии, становление и развитие системы высшего профессионального образования АРВМ КНР, особенности образовательной политики, структурно-содержательные аспекты развития учреждений образования, органов управления, нормативно-правовой основы и другие вопросы нуждаются в комплексном анализе, общей характеристике и систематизации.

Степень научной разработанности темы исследования определяется наличием работ, посвященных различным аспектам развития системы высшего образования КНР в трудах отечественных, китайских и зарубежных ученых.

Советская научная школа изучения Китая формировалась на основе традиций, заложенных в XIX в. Вместе с тем она по объективным причинам, не могла развиваться вне практического поля, которое определялось характером межгосударственных отношений. Сформировавшиеся в 1920-

⁴ Общество «сяокан» (小康) – одна из стратегических целей столетия руководства КНР, которая в общем виде понимается как общество среднего достатка, искоренение крайней нужды населения.

1930-е гг. центры востоковедения стали больше ориентироваться на решение прикладных задач. Особое место здесь занимала столица как центр решения актуальных вопросов и подготовку революционных кадров. Сотрудники вели анализ национально-освободительного революционного движения и текущей политической и экономической ситуации в «современном Китае»⁵. Основными центрами китаеведения в указанный период являлись Москва, Ленинград и Владивосток. Характерной особенностью развития научных исследований этого периода являлось превалирование обществоведческой проблематики над исторической. Одним из первых ученых советского периода, обратившим внимание на Внутреннюю Монголию являлся востоковед П.Е. Скачков, издавший в 1933 г. свой труд «Внутренняя Монголия. Экономико-географический очерк»⁶. В обозначенный период проблематика, связанная с развитием системы образования в Китае, ее отдельных аспектов, затрагивала лишь вопросы подготовки кадров для партии и государственного управления.

В послевоенный период, с 1950-х гг., начался процесс формирования современного отечественного китаеведения, его различных центров и направлений. В МГУ им. Ломоносова при историческом факультете создаются востоковедные кафедры, которые в 1956 г. были преобразованы в Институт восточных языков (ИВЯ). В эти годы стали появляться первые очерки по истории Китая. Издаваемые труды в основном раскрывали отдельные аспекты политической истории, модной в те годы темы «борьбы народных масс»⁷. Для нашего исследования особое значение имеет труд И.Х. Овдиенко «Внутренняя Монголия»⁸, который был издан в 1954 г. В

⁵ Ульянов М.Ю. Древний Китай в работах советских китаеведов 20–30 гг. XX в. (краткий обзор) // Общество и государство в Китае. 2018. №2. Т.2. С. 158.

⁶ Скачков П. Е. Внутренняя Монголия. Экономико-географический очерк. М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем, 1933. 151 с.

⁷ Чудодеев Ю.В. Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН // Ориенталистика. 2018. №1(3-4). С. 428.

⁸ Овдиенко И. Х. Внутренняя Монголия. М.: Государственное издательство географической литературы, 1954. 166 с.

монографии дается общая характеристика социально-экономического развития Внутренней Монголии к середине XX в.

Новым этапом в развитии китаеведных исследований можно считать организацию Института Дальнего Востока академии наук СССР, который был образован согласно решению ЦК КПСС в соответствии с постановлением Президиума Академии наук СССР от 23-30 сентября 1966 г. Первым директором был назначен М.И. Сладковский, который руководил институтом в 1967-1985 гг. В эти годы, несмотря на довольно сложную ситуацию в двусторонних советско-китайских отношениях, ведется работа по изучению социально-экономических и политических процессов в КНР. Историческое значение имело завершение работы над монографией «Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики», подготовленной авторским коллективом Института востоковедения Академии наук МНР совместно с сотрудниками Института Дальнего Востока Академии наук СССР. Монография была опубликована в издательстве «Наука» под общей редакцией акад. Б. Ширендыба и чл.-корр. М.И. Сладковского в 1980 г. В Главе 3 есть раздел «Культурное строительство», в котором представлена краткая характеристика народного образования автономии, подготовки учительских кадров, издания учебников, организации всеобщего образования. Теме высшего образования уделено всего несколько строк: «расширение сети средних школ и специальных учебных заведений подготовило условия для создания первых вузов. В 1952 г. в автономном районе был создан педагогический институт. В том же году появился ветеринарный институт, а в 1956 г. – медицинский. В трех вузах в 1956-1957 учебном году обучалось 2438 студентов, в том числе 566 монголов... Важным событием в культурной жизни района явилось открытие в 1958 г. в Хух-Хото Университета Внутренней Монголии»⁹.

⁹ Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. Под общ. ред. Б. Ширендыба и М.И. Сладковского. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – М., 1980. – С. 88.

Нормализация отношений между Советским Союзом и КНР в 1980-е гг. способствовала расширению исследовательского поля, ослаблению жестких идеологических рамок и подходов. В практическом плане больше внимания стали уделять вопросам экономического реформирования, развития двусторонних отношений, в том числе межрегионального сотрудничества.

Вышедшие в 1990-е гг. труды российских специалистов по Китаю затрагивали различные вопросы общественного и политико-экономического развития страны. Особое внимание стало уделяться изучению внешней политики КНР. Характерной тенденцией данного этапа явилось ухудшение экономической ситуации в стране, сокращение финансирования на фундаментальную науку, что повлекло отток кадров из академической среды. Что касается собственно научных проблем, то на смену марксистско-ленинской идеологии пришли разнообразные подходы, обозначилась тенденция к комплексному исследованию китайского общества.

Вопросам развития высшего образования стало уделяться больше внимания на рубеже XX – XXI вв. Одним из первых ученых, начавших заниматься вопросами развития образования в КНР, является В.З. Клепиков, работавший в системе АПН СССР. С позиций востоковедных исследований эту проблематику изучала Н.Е. Боровская, труды которой посвящены разработке вопросов образовательной политики, изучением опыта Китая и возможности его применения в российских условиях. В новейший период системным анализом вопросов развития высшего образования КНР занимается Т.Л. Гурулева. В своей монографии «Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество» она развернуто представила анализ особенностей реформирования системы образования страны. В последние годы интерес российских ученых к проблемам развития высшего профессионального образования КНР значительно возрос, особенно в контексте двусторонних связей РФ и КНР, усиления межрегионального сотрудничества, активизации

академической мобильности, реализации совместных образовательных программ.

Знаковым явлением в двусторонних российско-китайских академических связях стало издание сборника «Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX - XXI вв. сравнительный анализ»¹⁰ под редакцией Н.Е. Боровской, который был издан в 2007 г. совместно Российской академией наук и Центральной академией педагогических исследований КНР. В данном сборнике впервые была представлена целостная характеристика систем образования РФ и КНР в сопоставительном аспекте. В 2019 г. был опубликован коллективный труд «Россия – Китай. Тенденции развития образования в XXI в.»¹¹. Как пишет в предисловии академик РАО В.П. Борисенков, «книга... является продолжением лонгитюдного исследования, начатого российскими и китайскими учеными еще в 2005-2007 гг.»¹². Эти два издания неразрывно связаны между собой, в каждой главе содержится анализ стратегии и тактики одной из ключевых проблем образовательных реформ с учетом национальной специфики и глобальных вызовов. В издании 2019 г. особый интерес представляет Глава 11, в которой раскрыты основные тенденции развития высшего образования в России и Китае в контексте реформ в новом веке, вопросы повышения и обеспечения качества подготовки кадров, проблемы диверсификации и управления, а также создание китайской модели высшего образования в русле модернизации и интернационализации.

В отечественной историографии сравнительно мало работ, затрагивающих проблемы развития высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия. Можно отметить исследования Т.И. Гармаевой, которая занималась вопросами развития высших учебных

¹⁰ Россия - Китай: образовательные реформы на рубеже XX-XXI вв.: сравнительный анализ / Российская акад. образования, Центральная акад. пед. исслед. КНР ; ответственные редакторы: Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяомань. Москва : [б. и.], 2007. 592 с.

¹¹ Россия - Китай: тенденции развития образования в XXI в.: сравнительный анализ / [В. П. Борисенков и др.] ; ответственные редакторы: В. П. Борисенков, Мэй Ханьчэн. Москва: Наука, 2019. 662 с.

¹² Там же. С. 1.

заведений Внутренней Монголии в условиях регионального развития и образовательной политики центрального правительства в отношении АРВМ. В рамках гранта РГНФ (2014-2016) было проведено исследование, результаты которого отражены в коллективной монографии «Студенческая молодежь в социальном пространстве столиц Внутренней Азии»¹³.

Следует отметить возросшую актуальность данной проблематики в более широком контексте модернизации Китая, где характер развития высшего профессионального образования рассматривается как одно из условий ее реализации. Большой вклад в изучение процесса модернизации в Китае внесли А.В. Виноградов¹⁴, А.В. Гордон¹⁵, Д.А. Смирнов¹⁶, О.Н. Борох и А.В. Ломанов¹⁷ и др. Вместе с тем вопросы развития образования и подготовки кадров не нашли должного отражения в исследованиях вышеперечисленных ученых.

Вопросы модернизации Китая являются одной из магистральных тем китайских и зарубежных ученых, в том числе написанных на русском языке. Например, М.М. Ковалев и Лю Цзэпин¹⁸, Ху Аньган¹⁹, Хэ Чуаньци и др.

Одним из ведущих специалистов по данной проблематике является Хэ Чуаньци (贺川崎). В своих трудах он разрабатывает теорию вторичной модернизации, в рамках которой осуществляется переход от индустриальной

¹³ Гармаева Т. И. Студенческая молодежь в социальном пространстве столиц Внутренней Азии / Т. И. Гармаева, А. А. Шахаева, К. Б.-М. Митупов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. 162 с.

¹⁴ Виноградов А.В. Отечественное китаеведение о проблемах модернизации и моделях развития Китая / А. В. Виноградов // Основные направления и проблемы российского китаеведения / Ответственный редактор Н.Л. Мамаева. – М.: Издательство "Памятники исторической мысли", 2014. С. 291-317.

¹⁵ Гордон А.В. Парадигма китайской модернизации в понятиях «второй модерности» // Россия и современный мир. 2015. № 1(86). С. 30-47.

¹⁶ Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. 324 с.

¹⁷ Борох О.Н., Ломанов А.В. Модернизация китайского типа: эволюция концепции / О.Н. Борох, А.В. Ломанов // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 1. С. 31-47. DOI 10.20542/0131-2227-2024-68-1-31-47; Борох О.Н., Ломанов А.В. От переосмысления советской модели к поиску китайского пути // Мировая экономика и международные отношения, 2021. Т. 65. № 7. С. 45-55. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-45-55>.

¹⁸ Ковалев М.М., Лю Цзэпин. Китай в XXI веке: обгоняющая модернизация / М.М. Ковалев, Лю Цзэпин. Минск: Изд. центр БГУ, 2011. 172 с.

¹⁹ Ху Аньган. Путь китайской модернизации (1949–2014) // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 90-109.

экономики к экономике знаний. В 2011 г. был опубликован «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010)»²⁰, который в определенной степени расширил понимание концептуальных подходов по проблеме модернизации Китая для широкого круга специалистов.

Специфике модернизации по-китайски, построению общества «сяокан» уделено особое внимание в исследованиях видного ученого Ху Аньгана (胡鞍钢)²¹. Отдельные труды по данной проблематике изданы у партийного секретаря Китайской академии общественных наук Ван Вэйгуана (王伟光)²². Краткую историю китайской модернизации в своем труде представили Ли Чжэнхуа (李正华) и Сун Юэхун (宋月红)²³

В 2025 г. в Сингапуре на английском языке была переиздана монография У Чжунмина (吴忠民) под названием «Теория китайской модернизации»²⁴, которая стала доступна широкому кругу исследователей по всему миру. Оригинальный текст, написанный на китайском языке (中国现代化论), был издан в 2019 г. в Пекине. В перечисленных трудах делается отсылка к пониманию модернизации в китайском стиле, направленной на достижение процветания для всего народа. Для достижения всеобщего процветания необходимо реализовывать стратегию сбалансированного регионального развития, улучшать качество жизни в сельских районах, повышать уровень культуры, развивать экологическую среду. Образование, наука и технологии являются основополагающими стратегическими опорами китайской модернизации. Это напрямую указано в «Решении Центрального

²⁰ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Пер. с англ. Под общей редакцией Н.И. Лапина / Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 256 с.

²¹ 胡鞍钢. 2020 中国全面建设小康社会. 北京, 清华大学出版社. 2007 年 105 页. (Всестороннее построение Китая общества «сяокан» в 2020 г. Пекин: Изд-во Цинхуа, 2007. 105 с.).

²² 王伟光: 中国式现代化是中国特色社会主义的现代化. (Ван Вэйгуан: Модернизация в китайском стиле – это модернизация социализма с китайской спецификой). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.hswl.org.cn/wzzx/llyd/zz/2023-06-20/82384.html>. Дата обращения: 22.03.2026 г.

²³ 中国式现代化简史. 当代中国出版社. 2023 年 12 月.

²⁴ Zhongming Wu. The Theory of Chinese Modernization. The Commercial Press, Ltd. 2025. 481 p.

комитета КПК о дальнейшем углублении реформ и продвижении модернизации по китайскому образцу»²⁵.

Развитие системы высшего профессионального образования является актуальной темой в современной китайской исторической и педагогической науке. Результаты исследований по данной проблематике весьма востребованы и в российском научном сообществе. Например, в 2019 г. на русском языке была издана монография Хао Пина «Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае»²⁶, а в 2020 г. вышел труд Хуан Чжунцина «Китайский путь развития фундаментального образования»²⁷.

Одним из первых ученых, обратившихся к проблеме анализа историографии исследований по проблемам высшего образования в Китае, является профессор Ли Цзюнь, который в 2005 г. опубликовал монографию «История исследований в области высшего образования»²⁸. Согласно мнению автора, история исследований делится на четыре этапа: 1) до оформления отдельного научного направления – конец династии Цин – 1977 г.; 2) зарождение современных исследований; период становления дисциплины – 1978-1984 гг.; 3) расширение научно-исследовательских учреждений и накопление опыта – 1985-1991 гг.; 4) период устойчивого совершенствования – после 1992 г.

В историографии данного вопроса можно отдельно выделить труды китайских аспирантов, стажеров, ученых, посвященные изучению особенностей развития современного китайского образования,

²⁵中共中央关于进一步全面深化改革 推进中国式现代化的决定 (Решение Центрального комитета КПК о дальнейшем углублении реформ и продвижении модернизации по китайскому образцу). Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.mofcom.gov.cn/xwfb/ldrhd/art/2024/art_ec1f616bbfba49d7bd9baf70152f9caf.html. Дата обращения: 25.03.2026.

²⁶ Хао Пин. Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае; пер. с кит. К.А. Орышич. М.: Международная издательская компания «Шанс». 2019. 431 с.

²⁷ Хуан Чжунцин. Китайский путь развития фундаментального образования / пер. с кит. Ван Юе и др. СПб.: Нестор-История 2020. – 576 с.

²⁸李均. 中国高等教育研究史. 广东高等教育出版社. 2005. 435 页. (Ли Цзюнь. История исследований в области высшего образования в Китае. Издательство «Высшее образование провинции Гуандун». 2005. 435 с.).

опубликованных на русском языке. Среди них Ли Мэнлун, Цинь Бэнчюэ, Бай Яцзин²⁹, Сюй Ин³⁰, Юань Фаньфань³¹, Ван Ян³², Ли Яньхуэй³³ и др.

Особенности развития региональной системы высшего образования рассмотрены в трудах Дуань Цуньюй³⁴, Сэ Вэйхэ³⁵, Чу Чжаохуэй³⁶ и др. Отдельное исследование влияния китайских местных органов власти на реализацию проекта «Первоклассные университеты и специальности международного уровня» рассмотрены в работах Синь Фанкуня³⁷.

Достаточно широко представлены результаты исследований по вопросам развития образования на английском языке. Например, «Реформа высшего образования в Китае. За пределами расширения»³⁸ под редакцией У. Джона Моргана и Бинь У. Особое значение для нашего исследования имеет глава 1 под названием «Региональное разделение сектора высшего образования в Китае: пространственный анализ», где дается характеристика межрегионального разрыва в уровне развития высшего образования и связанной с ним социально-экономической отсталости отдельных районов страны. В 1990 г. была издана монография Сюзанна Пеппер, посвященная

²⁹ Ли М., Цинь Б., Бай Я. История и реальность «китайской модели» развития высшего образования с точки зрения слияния университетов // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 2. С. 527–575. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-4>

³⁰ Сюй Ин. Основные тенденции распространения западных теорий высшего образования в современном Китае // *Общество: философия, история, культура*. 2021. № 12. С. 88–91. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.13>.

³¹ Юань Фаньфань, Бражник Е.И. Специфика развития университетского образования в Китае // *Человек и образование*. – 2020. – № 4(65). – С. 121–126. – DOI 10.54884/S181570410020504-9.

³² Ван Ян. Реформирование системы высшего образования в Китае в XX - начале XXI вв. // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 3. С. 62–71.

³³ Ли Яньхуэй. Новая динамика высшего образования в Китае // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2015. № 6 (28). С. 151–160.

³⁴ 段从宇. 中国高等教育区域协调发展研究. 北京:科学出版社, 2015. 212 页. (Дуань Цуньюй. Исследование регионального скоординированного развития высшего образования в Китае. Пекин, Издательство «Наука». – 2015. – 212 с.).

³⁵ 谢维和. 高等教育: 区域发展的新地标. 中国高教研究. 2018 年. 第 4 期. 第 12–15 页. (Се Вэйхэ. Высшее образование: новая веха в региональном развитии // *Исследование высшего образования Китая*. 2018. №4. С. 12–15).

³⁶ 储朝晖. 中国大学精神的历史与省思. 山西教育出版社, 2010. – 364 页. (Чу Чжаохуэй. Размышления об истории и духе китайских университетов. Издательство «Shanxi Education press», 2010. 364 с.).

³⁷ Синь Фанкунь. Реализация в КНР проекта «Первоклассные университеты и специальности международного уровня»: роль местных органов власти // *Университетское управление: практика и анализ*. 2020. Т. 24, № 4. С. 75–86. DOI 10.15826/umpa.2020.04.036.

³⁸ *Higher Education Reform in China. Beyond the expansion*. Edited by W. John Morgan and Bin Wu. Routledge, New York. 2011. 174 p.

вопросам политики, исследований и исторических перспектив образования в Китае в контексте реформ 1980-х гг.³⁹.

Ряд исследований Цай Юйчжуо посвящен изменениям и реформам в высшем образовании Китая⁴⁰. Одним из ведущих экспертов в сфере изучения образования являлся профессор Колумбийского университета Мун Цан. В сферу его интересов входят вопросы финансирования образования, анализа затрат в образовании, экономики образования, а также образовательной политики КНР⁴¹.

Вопросу развития образования после начала политики реформ и открытости посвящена монография под редакцией Чжан Сюлань «Развитие образования в Китае и образовательная политика в 1978-2008 гг.»⁴².

Высокий интерес представляет монография «Образование и общество в постмаоистском Китае» под редакцией Эдварда Викерса и Цзэн Сяодун⁴³, в которой прослеживается развитие образования в Китае за сорок лет после эпохи Мао. Основное внимание уделяется формальному образованию в школах и традиционных учреждениях высшего образования, но также рассматриваются дошкольное образование, профессиональная подготовка и неформальное обучение. Отдельные главы посвящены финансированию и управлению школьного образования, разработке учебных программ, системе

³⁹ Suzanne Pepper. China's Education Reform in the 1980s: Policies, Issues and Historical Perspectives. Berkeley: University of California Press, 1990. 196 p.

⁴⁰ Cai Yuzhuo. Chinese higher education: The changes in the past two decades and reform tendencies up to 2020 // China and Brazil: Challenges and Opportunities / eds. L. d. C. Ferreira, J. A. G. Albuquerque. Campinas : Anablumme, 2013. P. 91–118. URL: https://www.researchgate.net/publication/236869510_Chinese_higher_education_The_changes_in_the_past_two_decades_and_reform_tendencies_up_to_2020; Cai Yuzhuo. Chinese higher education reforms and tendencies: Implications for Norwegian higher education in cooperating with China. URL: https://www.researchgate.net/publication/233426307_Chinese_higher_education_reforms_and_tendencies_Implications_for_Norwegian_higher_education_in_cooperating_with_China.

⁴¹ Tsang Mun Chui. Education and National Development in China since 1949: Oscillating Policies Enduring Dilemmas. China Review, 2000. 26 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/246015014_Education_and_national_development_in_China_since_1949_Oscillating_policies_and_enduring_dilemmas.

⁴² China's Education Development and Policy, 1978-2008. Edited by Zhang Xiulan. LEIDEN • BOSTON. 2011. 480 p.

⁴³ Education and Society in Post-Mao China. Edited by Edward Vickers and Zeng Xiaodong. New York. 2017. 395 p.

государственных экзаменов, профессии учителя, феномену маркетизации и «международному измерению» китайского образования. В заключении представлена оценка социальных последствий изменений в образовании в постмаоистскую эпоху и критический анализ китайской образовательной модели. Анализ подкреплён множеством первичных и вторичных источников, статистических данных. Ведущим исследователем по сравнительному международному образованию считается профессор Линнаньского университета (Сянган) Ка Хо Мок. Его исследования посвящены развитию системы образования в Китае после Мао⁴⁴, реструктуризации высшего образования в условиях глобализации, повышению международной конкуренции, трансформации управления вузами и их новой миссией. Более детально можно ознакомиться с направлениями его исследований в отдельной статье Сюн Вэйяня «Лидер в области сравнительного и международного образования: Ка Хо Мок»⁴⁵.

Одним из направлений образовательной политики КНР является реализация билингвального обучения в национальных административных единицах различного уровня. В числе ученых, внесших вклад в исследование данной проблематики, следует отметить Сюэ Ханя и Судэ⁴⁶, Ли Сяохуна, У Маньли и Го Цици и др. Внимания заслуживает монография Фэн Аньфэя «Двуязычное образование в Китае: практика, политика и концепции»⁴⁷.

В последние годы появились исследования, посвященные тем или иным аспектам развития высшего образования во Внутренней Монголии, в том

⁴⁴ Ka Ho Mok. Riding over socialism and global capitalism: changing education governance and social policy paradigms in post-Mao China // Comparative Education: Vol 41, N 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/44836564_Riding_over_socialism_and_global_capitalism_Changing_education_governance_and_social_policy_paradigms_in_post-Mao_China

⁴⁵ Weiyan Xiong. Profile of a Comparative and International Education Leader: Ka Ho Mok // Global Comparative Education: Journal of the WCCES. Volume 5, Numbers 1-2, September 2021.

⁴⁶ 薛寒 苏德. 1947 年以来内蒙古民族教育政策的演进—基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020 年第 1 期. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (Сюэ Хань, Су Дэ. Эволюция образовательной политики в отношении этнических меньшинств Внутренней Монголии с 1947 года — анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020, № 1)

⁴⁷ Bilingual Education in China: Practices, Policies and Concepts. Feng Anwei (Ed.). Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2007. — 288 p.

числе выполненные китайскими аспирантами, обучающимися в вузах России. Детальный обзор этих трудов представлен в первом параграфе первой главы диссертации.

Таким образом, проблема развития и становления высшего профессионального АРВМ в контексте модернизации КНР не получила комплексного освещения в отечественной историографии. Отсутствуют специальные работы, в которых региональная система высшего профессионального образования рассматривается как самостоятельный объект исторического анализа, отражающий взаимосвязь процессов модернизации, национальной политики, регионального развития и трансформации этнокультурного пространства. Данное обстоятельство определяет научную актуальность и новизну исследования.

Цель настоящего диссертационного исследования заключается в выявлении основных закономерностей становления и развития высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия в условиях модернизации китайского государства.

Задачи исследования:

1. дать общую характеристику тенденций развития историографии по данной проблеме и описать источниковую базу исследования;
2. определить методологические подходы к изучению проблемы исследования;
3. проанализировать и дать характеристику образовательной ситуации во Внутренней Монголии, выявить предпосылки создания системы высшего профессионального образования в регионе;
4. дать характеристику модели этнического образования Автономного района Внутренняя Монголия;
5. выявить основные факторы развития высшего профессионального образования в АРВМ в условиях ускоренной индустриализации страны и последовавшей коренной перестройки общества с 1958 по 1977 гг.;

6. представить особенности развития системы высшего профессионального образования АРВМ в контексте реализации концепции «четырёх модернизаций»;

7. определить влияние национальных проектов «211», «985», «Двойной первый класс» на региональную систему высшего образования;

8. раскрыть роль Автономного района Внутренняя Монголия в реализации образовательной политики Китая во Внутренней Азии.

Объектом исследования является система высшего профессионального образования АРВМ КНР.

Предмет исследования: процесс становления и развития высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия с 1947 по 2020 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента образования Автономного района Внутренняя Монголия в 1947 г. до 2020 г. (завершение 13-го пятилетнего плана и построение общества «сяокан» 小康).

Нижняя граница (1947 г.) связана с образованием Автономного района Внутренняя Монголия, который стал первой региональной национальной автономией в составе Китая. Исторические особенности политического управления регионом, характер проводимой КПК политики, отношения между руководством АРВМ и центральным правительством создали предпосылки организации системы высшего образования. Верхняя граница (2020 г.) знаменует собой качественный рубеж в новейшей истории Китая. Этот год ознаменован успешным завершением 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР, в рамках которого были достигнуты ключевые показатели модернизации образовательной сферы. Кроме того, 2020 год можно считать определяющим в построении общества «среднего достатка» («сяокан»), что завершило масштабный исторический этап трансформации китайского общества и определило переход высшего образования на новый уровень функционирования.

Территориальные рамки исследования – Автономный район Внутренняя Монголия КНР. Данный регион являет собой территорию, имеющую геостратегическое, историческое и социально-культурное значение для китайского государства. За основу определения территориальных рамок взят административный подход. С момента своего образования административно-территориальные границы региона подвергались существенным изменениям, в том числе административный центр перемещался из Улан-Хото в Хух-Хото. Современные границы были утверждены в 1979 г.

В отечественной историографии существует понимание, при котором «Автономный район Внутренняя Монголия» зачастую совпадает с «Внутренней Монголией»⁴⁸, которая характеризуется не сколько административными рамками и политическим статусом, а в большей степени геокультурными координатами. В нашем исследовании данный подход также нашел свое отражение в контексте учета этнокультурных факторов, обусловивших специфику методов и содержания образования.

Источниковая база исследования представлена корпусом источников, позволивших в соответствии с исследовательскими задачами систематизировать массив данных, дополнить композицию диссертационной работы, сформулировать научные выводы. Выделены следующие группы использованных источников: опубликованные и неопубликованные архивные документы, материалы периодической печати, данные официальной статистики, мемуары, свидетельства преподавателей, работавших в университетах Внутренней Монголии с конца 1970-х – начала 1980-х гг. и являвшихся непосредственными участниками реформирования высшей школы. Сбор документов на китайском языке, включающих архивные материалы по региональному развитию КНР, осуществлялся в ходе

⁴⁸ Мажинский С.В. Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911-1976 гг.): дис. ... канд.ист.н. Томск, 2014. С. 20.

работы в Государственном архиве Внутренней Монголии, личных фондах преподавателей, а также в библиотеках университетов г. Хух-Хото.

В структурном плане источники диссертационного исследования можно разделить на несколько групп. В первую группу включены нормативно-правовые акты, в первую очередь, это Конституция КНР (1954, 1982 с изменениями в 1988, 1993, 1999, 2004, 2018), «Основные принципы осуществления районной национальной автономии», Закон о национальной районной автономии (1984), Закон об образовании КНР (1995), Закон КНР «О высшем образовании» (1999, с изменениями в 2015 и 2018), Закон КНР «Об обязательном образовании», Закон КНР «Об учителях», Закон КНР «О профессиональном образовании», Закон КНР о содействии частному образованию, Положение «Об ученых степенях», различные программы по развитию системы высшего образования («211», «985», «Двойной первый класс» и др.), отчеты правительства Китая и АРВМ в сфере социальной политики и образования и т.д.

Сюда же включены все нормативные и иные документы, определявшие характер реализации внутренней и внешней политики, а также специальные документы, регулировавшие характер развития образовательной сферы, представленные на официальных сайтах Государственного совета КНР, Министерства образования КНР, Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), Всекитайских съездов Коммунистической партии Китая (КПК) и Пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК), Устав КПК, программы пятилетних планов КНР, Народного правительства АРВМ, Департамента образования АРВМ и др.

Во вторую группу включены статистические данные, представленные Национальным бюро статистики КНР (Китайские статистические ежегодники), данные официальных сайтов, посвященных теоретическим

подходам лидеров страны к управлению страной в условиях модернизации⁴⁹, «Белые книги»⁵⁰, «Синие книги»⁵¹ и т.д. Комплексная характеристика источниковой базы представлена во втором параграфе первой главы.

Третью группу источников представляют нарративные данные. Важным эмпирическим инструментом сбора полевого материала стал метод неформализованного интервью. Данный метод был ориентирован на фиксацию оценок, суждений, накопленного опыта работы преподавателей, административных и партийных руководителей структурных подразделений и вузов Автономного района Внутренняя Монголия КНР, которые не отражены в официальных документах, но имеют значение в плане составления более полной картины развития высшего образования в автономии в целом и в конкретном вузе в частности. Например, это профессор Педагогического университета Внутренней Монголии Ло Цзяньцзинь (罗见近, 1942 г.р.), профессор Университета Внутренней Монголии Насанбаяр (Nasunbayaar 那顺巴依尔, 1939 г.р.), доцент, бывший заместитель председателя Народного суда средней инстанции округа Джирим Син Ляньшунь (邢联舜, 1937 г.р.), бывший ректор Университета Внутренней Монголии Сю Жигань (монг. Бо Шуурган, кит. 旭日干 1940-2015), ректор частного института Хундэ (鸿德) Чжоу Юшу (周玉树 1964 г.р.), преподаватель русского языка Педагогического университета Внутренней Монголии Цуй Ин (崔颖 Галина, 1963 г.р.), научный сотрудник исследовательского центра по укреплению чувства общности китайской нации⁵² Университета Внутренней Монголии Мэнгэнсан (孟根仓, 1982 г.р.), профессор Института истории науки и техники Дайцинь (代钦, 1967 г.р.),

⁴⁹ Теория Китая. Ресурс для понимания Китая. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.theorychina.org.cn/>. Дата обращения: 12.09.2025.

⁵⁰ Белые книги. Электронный ресурс. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/node_2063555.htm. Дата обращения: 12.09.2025.

⁵¹ 中国蓝皮书. (Синяя книга Китая). Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.cas.cn/xw/zjsd/200906/t20090608_641839.shtml. Дата обращения: 12.09.2025.

⁵² 内蒙古大学铸牢中华民族共同体意识研究培育基地

руководители Института международных обменов Педагогического университета Внутренней Монголии Тогтох (Taogetu 陶格图 1970-2024), Чжоу Цюаньшэн (周全胜, 1964 г.р.), Хаса (Hasi 哈斯, 1976 г.р.), Сонинбаяр (Suningbayaer 苏宁巴雅尔, 1982 г.р.) и др.

Методология и методы исследования. Исследование исторического опыта формирования и развития системы высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия в контексте модернизации Китая обуславливает решение методологических вопросов, которые формируют концептуальные рамки настоящего исследования.

Методологической основой диссертации является принцип историзма, предполагающий рассмотрение общественных процессов в контексте развития или изменений исторической реальности, неразрывной связи между прошлым, настоящим и будущим. В соответствии с данным принципом процесс становления и развития высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия рассматривается с учетом политических, социально-экономических и культурных трансформаций китайского общества на различных этапах его развития.

Принцип объективности отражает беспристрастный характер изучения фактов, явлений, процессов, обуславливает непредвзятый анализ и трактовку исторических событий, который обеспечивается привлечением большого массива разнохарактерных источников, их критическим анализом, интерпретацией и сопоставлением, а также стремлением к исследованию вне идеологических и политических интерпретаций.

Одним из основополагающих является принцип системности, который определяет высшее профессиональное образование как сложный социальный институт, находящийся во взаимосвязи с государственным управлением в целом, национальной политикой, социально-экономическим развитием и процессом модернизации.

Многоаспектность проблемы исследования обусловила использование модернизационного подхода, в рамках которого развитие системы высшего профессионального образования АРВМ представляется составной частью общего процесса модернизации КНР. Это позволяет проследить взаимосвязь образовательных реформ с индустриализацией, реализацией программ сотрудничества между СССР и КНР, социально-экономическими кампаниями, развитием науки и технологий, а также с задачами формирования современной системы подготовки кадров в условиях глобального взаимодействия. В тесной взаимосвязи с модернизационным подходом использовались концепция регионального развития и теория человеческого капитала.

В исследовании особое место занимает институциональный подход, определяющий высшее профессиональное как связанную совокупность институтов – органов управления образованием регионального и общегосударственного уровня, сети высших учебных заведений различного типа и уровня, нормативно-правовой основы регулирования, образовательных программ и программ обучения (в том числе для взрослых).

Специфика АРВМ, его историко-культурная роль обусловили использование цивилизационного подхода, который позволяет рассмотреть развитие системы образования автономии в условиях китайской цивилизационной модели в указанный период (сочетание традиционной культуры, социалистической идеологии и модернизационных процессов). Отдельное внимание уделяется особенностям функционирования системы образования в условиях национальной автономии и взаимодействия различных этнокультурных групп.

В нашем исследовании сочетаются методы общенаучного и исторического анализа с основными положениями, разработанными российской школой востоковедения. В качестве основных методов

определены историко-генетический, сравнительно-сопоставительный, нарративный, системный, статистический.

Историко-генетический метод дал возможность реконструировать процессы становления, формирования и развития системы высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия. Сравнительно-сопоставительный метод применялся для сопоставления различных этапов образовательной политики, а также сравнения опыта АРВМ с другими китайскими провинциями и районами с целью определения общего и особенного в развитии высшего образования. Системный метод позволил рассмотреть образование как целостный социальный институт.

Рассматриваемые в диссертационном исследовании проблемы обусловили использование статистического метода, в соответствии с которым проводилась вторичная обработка исторических источников, а также анализ, перевод, ввод в научный оборот источников, написанных на китайском языке и классической монгольской письменности. При работе с русскоязычными, китайскими и монгольскими источниками, отражающими исторические события XX – начала XXI вв., применялся атрибутивный анализ. Указанный метод основывается на установлении зависимости между содержанием и формой исторических документов, а также для анализа образовательного процесса с целью выявления его характеристик как фактора развития общества и государства. Развернутая характеристика методологии исследования представлена в отдельном параграфе первой главы диссертации.

Таким образом, комплекс теоретических подходов и научных методов позволил сформировать целостную картину становления и развития системы высшего профессионального образования в Автономном районе Внутренняя Монголия, определить ключевые закономерности, факторы, движущие силы развития, а также обосновать роль региональной образовательной политики в модернизации китайского государства.

Научная новизна заключается в том, что впервые в отечественной исторической науке реализовано комплексное исследование процесса становления и развития системы высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР в период с 1947 по 2020 гг. в контексте модернизации китайского государства. В диссертации дана системная характеристика развития высшего профессионального образования Внутренней Монголии с момента организации первых учебных заведений нового типа до создания региональной образовательной системы, интегрированной в общегосударственную стратегию модернизации и построения общества «сяокан».

В работе рассмотрен широкий спектр вопросов, касающихся особенностей социально-культурного развития населения АРВМ. Обоснована связь между политическими, социально-экономическими факторами и этно-демографической структурой населения. В процессе решения поставленных задач проведен анализ динамики численности, демографических, социальных и этнических характеристик населения региона в условиях модернизации общества.

В научный оборот введены источники на китайском языке и классической монгольской письменности, в том числе материалы, полученные в Государственном архиве Внутренней Монголии, университетских библиотеках, личных библиотеках преподавателей вузов, а также нормативные документы органов управления образованием (положения, рекомендации, указания). Отдельно следует отметить свидетельства непосредственных участников образовательных реформ, которые поделились своими воспоминаниями, взглядами и оценкой этих процессов.

Впервые выявлены и представлены основные этапы эволюции высшего профессионального образования АРВМ в контексте социально-экономического развития страны, дана характеристика особенностей

образовательной политики в условиях национальной автономии, определены механизмы взаимодействия центральных и региональных органов власти, выявлены основные проблемы и противоречия в сфере подготовки кадров.

Автором установлено, что развитие системы высшего образования АРВМ, реализация конкретных образовательных программ были направлены не только на социально-экономическую модернизацию региона, но и решали важную задачу межэтнической и межкультурной интеграции, распространения государственного языка (普通话), подготовки политических кадров из числа национальных меньшинств и обеспечения стабильности в приграничных территориях Северо-Востока КНР.

В работе впервые осуществлен анализ влияния государственных проектов «211», «985», «Двойной первый класс» на развитие высшего образования АРВМ, дана характеристика их реализации в условиях национальной автономии.

Определено, что университеты Внутренней Монголии выступают не только учреждениями высшего образования, но и важным актором реализации гуманитарной политики Китая во Внутренней Азии, деятельность которых направлена на расширение образовательного, языкового и культурного влияния КНР.

Положения, выносимые на защиту:

1. Автономный район Внутренняя Монголия имеет особое значение в истории Нового Китая, поскольку является первой национальной районной автономией, образованной в 1947 г. на освобожденной территории еще до объявления о создании КНР. Многие подходы и принципы, показавшие свою эффективность в АРВМ, воплощались на практике в условиях других районов и провинций. Создание учебных заведений этнокультурной направленности и системы двуязычного образования во Внутренней Монголии заложили основы национальной школы в условиях КНР.

2. Система образования КНР представляет собой уникальное историческое явление, ее эволюция явилась одним из основных условий становления и развития Нового Китая. Ускоренная индустриализация страны тормозилась неразвитой системой общего и высшего образования, особенно на Северо-Востоке страны. Формирование образовательной системы в Автономном районе Внутренняя Монголия представляет собой особый опыт образовательной политики КПК на начальном этапе развития государства в условиях советско-китайского взаимодействия в сфере подготовки кадров, реализации научных исследований.

3. Правительство Китая реализовало ряд мер, направленных на расширение доступа к высшему образованию, в том числе представителей национальных меньшинств на окраинных приграничных территориях. Педагогический институт Внутренней Монголии был создан в 1952 г., с этого момента начинается формирование системы высшего профессионального образования автономии. Создание вузов было обусловлено спецификой социально-экономического развития АРВМ, постепенно создавались педагогические, сельскохозяйственные, лесотехнические и горнодобывающие профессиональные училища, которые по мере своего развития повышали статус до институтов. Разработка месторождения Баян-Обо в г. Баотоу, ставшего центром горнорудной отрасли КНР, придала импульс сфере подготовки профессионально-технических кадров. Университет Внутренней Монголии, созданный в 1957 г., представляет собой первый классический университет региона, получивший поддержку руководства АРВМ и центрального правительства и ставший основным академическим центром в деле подготовки научных кадров.

4. Политика «большого скачка» позволила увеличить охват высшим профессиональным образованием населения, но снизила качество преподавательского состава и общий уровень подготовки кадров.

«Культурная революция» явилась историческим этапом формирования общественного сознания молодежи. Руководство страны направило свои усилия на кардинальный слом сложившейся образовательной практики, создание совершенно новых морально-нравственных и идеологических императивов. Ощутимый урон был нанесен национальным автономиям, многие образовательные учреждения этнокультурной направленности были закрыты, любое проявление отстаивания интересов национальных меньшинств воспринималось как сепаратизм. С 1977 г. начался процесс восстановления достаточно серьезно пострадавшей системы образования. С 1978 г. получил развитие эгалитарный подход в реализации высшего образования, который позволил не только обеспечить квалифицированными кадрами разные секторы народного хозяйства, но и консолидировать многонациональный народ страны после «культурной революции». Большую роль в образовании национальных меньшинств сыграла политика «позитивной дискриминации».

5. С 1995 г. КНР вступает в новую стадию реформирования системы высшего образования, эффективными механизмами повышения качества образования стали проекты «211», «985», «Двойной первый класс», которые позволили поэтапно сформировать конкурентоспособную и привлекательную модель высшей школы к началу XXI в. Университеты страны становятся центрами притяжения талантливой молодежи из разных регионов, начинается реализация стипендиальных программ Правительства КНР, провинций и вузов для иностранных студентов. На постоянной основе реализуются проекты по приглашению на работу ведущих ученых в вузах КНР по разным направлениям. Эти мероприятия явились доказательством признания руководством страны стратегического значения системы высшего образования, в том числе и на глобальном уровне.

6. Модернизация системы высшего образования КНР реализуется в контексте концепции «модернизации с китайской спецификой»,

определяющей характер и направления развития всей государственной системы. Незыблемым принципом является определяющая роль Коммунистической партии Китая, которая обеспечивает планомерность эволюции и реализуется через политико-административные и идеологические механизмы. Сущность модернизации образования раскрывается в двух основных аспектах: во-первых, планомерное обновление с опорой на традиционную культуру и социалистическое строительство; во-вторых, курс на инновационное развитие, сопровождающийся реализацией специальных программ в сфере образования и сочетающийся с глобальной инициативой КНР «Один пояс – один путь».

7. Университеты Автономного района Внутренняя Монголия выступают основным актором внешней политики КНР в регионе Внутренняя Азия, расширяющим культурно-языковое влияние Китая в монгольском мире. Вузы региона участвуют в образовательных и научных проектах с университетами Монголии, а также российскими регионами Сибири и Дальнего Востока, Москвы, Калмыкии, в том числе открывают Институты Конфуция на базе российских вузов, реализуют программы академической мобильности студентов и преподавателей, осуществляют коммерческий набор абитуриентов. Перспективными направлениями работы вузов является расширение форм образовательного сотрудничества и реализация научных исследований с академическими институтами и учреждениями высшего образования РФ.

8. Главной целью развития высшего образования в КНР в новом тысячелетии является создание массовой высшей школы, планомерная консолидация населения страны, формирование гражданского общества интеллектуалов, способных выполнять задачи в условиях «великого возрождения китайской нации». Особое внимание в реализации образовательной политики уделяется распространению литературного китайского языка (путунхуа 普通话) во всех провинциях и национальных

районах страны. Уровень владения литературным языком является одним из основных квалификационных требований для преподавателей вузов наряду с ученой степенью и званием. Китайский язык становится одним из инструментов консолидации населения и механизмом распространения китайской культуры в регионе и мире.

Теоретическая значимость исследования. Результаты проведенного исследования в определенной степени дополняют отечественную историческую науку в контексте раскрытия региональной и трансграничной динамики социально-политических и культурно-образовательных процессов в регионе Внутренняя Азия. Введенные в научный оборот материалы позволяют проследить эволюцию системы высшего образования в контексте «всестороннего упорядочения всех сфер жизни», «большого скачка», «культурной революции», «политики реформ и открытости», «четырех модернизаций», «социализма с китайской спецификой» на материале Автономного района Внутренняя Монголия. Полученные данные уточняют представления об исторических закономерностях и национально-региональных особенностях модернизации КНР, создают основу для проведения междисциплинарных исследований культурно-образовательного пространства Внутренней Азии, способствуют расширению теоретико-концептуальных рамок исторической науки и востоковедения в целом.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов работы в сравнительном анализе исторического опыта реализации образовательной политики, организации учреждений высшего профессионального образования в национальных регионах России и Китая, реализации языковой политики в сфере образования, подходов к обеспечению качества подготовки кадров для региональной экономики. Прикладное значение могут иметь данные, раскрывающие опыт взаимодействия вузов приграничных регионов РФ и КНР в сфере академической мобильности, реализации совместных образовательных

программ в контексте российско-китайских перекрестных Годов образования. Полученные данные могут использоваться федеральными органами государственной власти, субъектов РФ, учреждениями высшего образования при реализации гуманитарного сотрудничества с соответствующими учреждениями КНР по различным направлениям и в различных формах. Отдельные результаты могут быть внедрены в образовательный процесс в вузах по гуманитарным и историческим специальностям.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на всероссийских и международных научных конференциях и семинарах, в том числе на XXII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 12-13 октября 2016 г.), Международном форуме Ассоциации экспертных центров Китая, России и Монголии (Хух-Хото, 26-29 сентября 2016 г.), III Международном форуме Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России (Улан-Удэ, 18-22 сентября 2017 г.), Международной конференции «Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.» (Улан-Удэ, 6-11 августа 2018 г.), Всероссийском научно-практическом семинаре «Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?» (Владивосток, 18-19 апреля 2019 г.), XIV Международном семинаре «Актуальные проблемы сопредельных стран (Россия – Китай – Монголия) в современном мире» (Циндао, 15-19 августа 2019 г.), XII Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура» (Казань, 9-12 октября 2019 г.), X Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск, 2-4 июня 2020 г.), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития» (Кызыл, 15-18 сентября 2020 г.), XXIV Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и

мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27-28 сентября 2021 г.), Международной научной конференции «Синология в XXI в.» (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.), Международной научной конференции «Мир Центральной Азии–V» (Улан-Удэ, 30 июня – 3 июля 2022 г.), VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР» (Владивосток, 10-11 ноября 2022 г.), Международной научной конференции «Пути и страны: цивилизации Востока в исторической динамике» (Екатеринбург, 14-15 ноября 2022 г.), Международной научной конференции «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.», посвященной 100-летию Республики Бурятия (Улан-Удэ, 29-30 мая 2023 г.), VII международной научно-практической конференции «Россия и Китай на перекрестке культур» (Новосибирск, 9-11 ноября 2023 г.), The 7-th International Symposium on Ancient Chinese Books and Records of Science and Technology (PR China, Hohhot, 17-18 September 2023), XV Международном семинаре «Актуальные проблемы сотрудничества России, Китая и Монголии в современном мире: история, экономика, культура, экология» (Улан-Удэ, 20-23 августа 2023 г.), Международной научной конференции «Скородумовские чтения» (Москва, 21 марта 2024 г.), Международной научной конференции «Олон улсын харилцааны тулгамдсан асуудал, одоо ба ирээдүй» (Актуальные проблемы международных отношений: настоящее и будущее), (Улан-Батор, 8-9 мая 2025 г.), «Belt and road Mutual Learning in Communication: New Frontiers in China – Russia – Mongolia International Communications» (PR China, Hohhot, 19-23 June 2025), Second World Conference on China Studies (PR China, Shanghai, 13-15 October 2025) и др.

Общее количество научных работ, опубликованных соискателем составляет 111, в том числе по теме диссертационного исследования – 53 научные статьи и 3 учебных издания. В журналах, включенных в Перечень

ВАК РФ по заявленной научной специальности опубликовано 19 статей, из них 8 статей – в международных базах данных Scopus и Web of Science.

Отдельные результаты исследования внедрены автором в образовательный процесс на уровне бакалавриата и магистратуры для обучающихся по направлению подготовки «Востоковедение и африканистика» Восточного института Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (2020–2026 гг.) в рамках дисциплин «Введение в востоковедение», «Этнология изучаемой страны (Китай)», «Историография и источниковедение изучаемой страны (Китай)», а также специальных курсов, таких как «Актуальные проблемы истории Китая», «История образования и педагогической мысли Китая», «Историческая наука в изучаемой стране (Китай)».

Структура диссертации включает в себя введение, четыре главы (двенадцать параграфов), заключение, список источников и литературы, приложения (7 таблиц и 4 диаграммы, 7 рисунков). Общий объем диссертации 371 с.

Глава 1. Историография, источники и методологические основания исследования

§ 1.1. Историография исследуемой темы

Выбор исследуемой темы был обусловлен тем, что в современных исторических исследованиях уделяется недостаточно внимания проблеме развития системы высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ, 内蒙古自治区) КНР в условиях модернизации страны. Внутренняя Монголия имеет особое историко-политическое значение для КНР, поскольку это была первая национальная автономия в составе Китайской Народной Республики: многие решения и принципы работы, показавшие свою эффективность, впоследствии были использованы в условиях других регионов. В современных условиях вопросы развития системы образования КНР в целом, а также отдельных направлений и уровней, в том числе в приграничных районах, представляют высокий интерес с точки зрения целостного анализа исторических процессов. В российском китаеведении и монголоведении Внутренняя Монголия занимает особое место как регион, находившийся на стыке трех цивилизаций – российской, монгольской и китайской. Исторические особенности развития определили этнокультурную, языковую, социально-экономическую и геополитическую уникальность, которой характеризуется автономия в настоящее время.

Российское китаеведение с момента своего основания насчитывает уже свыше 400 лет и обоснованно считается одним из старейших в Европе и мире. На начальном этапе своего развития российская синология развивалась как одно из направлений внешней политики государства, где была высока роль Русской православной церкви. Свою особую роль в изучении Китая и Монголии сыграл Н.Я. Бичурин, заложивший основы отечественной синологии, написавший большое количество фундаментальных трудов по истории, географии, культуре народов Китая. В своей статье, посвященной

деятельности Н.Я. Бичурина, известного также как отец Иакинф, востоковед А.Н. Хохлов отмечает: «Обладая уникальными знаниями в области китайской истории и отличаясь необычайной широтой научных интересов, он пользовался огромным авторитетом в России и за ее пределами, где его считали первым знатоком Китая, несмотря на критические замечания в его адрес отечественных и зарубежных коллег-ориенталистов. Перу выдающегося китаевода принадлежат 14 книг, среди которых важное место занимают труды по монголоведению. Не считая себя знатоком монгольского языка, но активно пользуясь им самостоятельно либо с помощью бурят, к услугам которых ему приходилось прибегать во время поездок по Забайкалью, Н.Я. Бичурин занимался разработкой сложнейших проблем истории и культуры Монголии»⁵³. Таким образом, российское китаеведение развивалось в русле изучения как Монголии, так и собственно Китая.

Исторические этапы двусторонних российско-китайских, а впоследствии и советско-китайских отношений находились в прямой зависимости от характера политических, экономических, культурных факторов межгосударственного взаимодействия. Также это было связано и с общим процессом развития гуманитарной мысли в дореволюционной России. С точки зрения систематизации исторических этапов российского китаеведения в контексте развития отечественной науки (различных ее отраслей) и российско-китайских связей значимым событием стало издание монографии П.Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения» (отв. ред. В.С. Мясников, 1977 г.)⁵⁴. Автор на основе широкого архивного материала представил процесс развития изучения Китая в России, ввел в научный оборот большое количество биографий русских китаеведов, где особое место занимает биография В.П. Васильева. Следует отметить, что это была первая работа, посвященная истории изучения дореволюционного

⁵³ Хохлов А.Н. Н.Я. Бичурин и его труды по монголоведению // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 4. С. 50.

⁵⁴ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. Отв. ред. В.С. Мясников. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1977. 503 с.

китаеведения в Советском Союзе. Как отмечает автор, большинство работ, опубликованных до Октябрьской революции, посвящено «преимущественно постановке учебного процесса в отдельных учебных заведениях и другим частным темам»⁵⁵.

Целостный анализ проблемы исследования невозможно провести без погружения в историко-политические и общественно-философские аспекты китайской цивилизации сквозь призму многовекового диалога России и Китая. Изучению духовно-цивилизационных основ Китая посвящены фундаментальные труды академика М.Л. Титаренко. Для нашего исследования большое значение имеют исследования, посвященные российской интеграции в экономическое и цивилизационное пространство АТР, а также перспектив долгосрочных политических глобальных и региональных российско-китайских отношений⁵⁶.

В исследовании современного Китая особое место занимает ежегодник «Китайская Народная Республика. Политика, экономика, культура», который издавался Институтом Дальнего Востока Академии наук СССР с 1970 г.⁵⁷. В нем достаточно развернуто и системно излагалась информация о различных аспектах жизни в КНР в истекшем году. Несмотря на, казалось бы, справочный характер издания, авторы разделов – ведущие отечественные китаеведы – на основе эмпирических материалов описывают характер, закономерности и перспективы развития отдельных процессов в изучаемой стране.

Значимость для нашего исследования представляет издание «Современное китайское государство»⁵⁸ под редакцией А.В. Виноградова, в котором представлена комплексная характеристика современных институтов

⁵⁵ Там же. С.23

⁵⁶ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай и Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.

⁵⁷ Герасимова Т.Г. Ежегодник «КНР: политика, экономика, культура» – 55 лет аналитики и понимания Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 110–126. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-110-126

⁵⁸ Современное китайское государство: в нескольких томах / главный редактор А. В. Виноградов; Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН. Москва: РАН, 2022

государственной власти и управления в Китае. Особую ценность представляют разделы, посвященные деятельности органов местного самоуправления и органов власти в национальных автономиях различного уровня, органов образования и культуры.

Близкими по проблематике являются исследования коллег из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Центр глобальных и региональных исследований данного института на протяжении многих лет исследует двусторонние российско-китайские отношения в контексте региональных связей. Ряд публикаций руководителя центра В.Л. Ларина раскрывает характер двусторонних отношений России и Китая в контексте межрегиональных связей. Особо следует выделить монографии «Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI вв.)»⁵⁹ и «В тени проснувшегося дракона»⁶⁰, а также ряд других публикаций.⁶¹

Сотрудники отдела китайских исследований занимаются изучением проблем развития Северо-Востока Китая, в том числе и в рамках районной национальной автономии. Историческим аспектам реализации национальной политики в КНР посвящена диссертация И.В. Ставрова «Реализация национальной политики КПК в северо-восточных провинциях КНР (1978–2002 гг.)»⁶², а также ряд его публикаций.

В фокусе исследования И.Ю. Зуенко вопросы взаимоотношений центра и регионов, которые отражены в монографии «Центр-региональные

⁵⁹ Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.

⁶⁰ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

⁶¹ Ларин В.Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 40-53.

⁶² Ставров, И. В. Реализация национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР: 1978–2002 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ставров Иван Валерьевич ; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток, 2007. 198 с.

отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы)»⁶³, а также ряд его публикаций по смежным вопросам.

Следует отдельно отметить коллективный труд отечественных ученых, посвященный собственно вопросам историографии Китая, под названием «Отечественная историография КНР: некоторые направления»⁶⁴. В работе представлен системный обзор результатов исследований наших ученых, посвященных различным проблемам исторического развития Китая. Данный обзор позволяет ориентироваться в широком массиве трудов, познакомиться с авторскими подходами к интерпретации исторического процесса.

Таким образом, фундаментальные основы, заложенные отечественными учеными, определили базовые подходы к исследованию исторического опыта формирования и развития системы высшего профессионального образования в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР.

Историографический анализ по проблеме исследования можно условно разделить на несколько взаимосвязанных между собой тематических блоков. Первый блок посвящен истории развития территориально-национальной автономии в составе КНР. Это обусловило необходимость расширить хронологические рамки нашего исследования с целью представить целостную картину политического и социально-экономического развития Внутренней Монголии с момента ее образования 1 мая 1947 г. Второй блок посвящен характеру национальной политики КНР – от общих подходов до языкового планирования. В третьем блоке представлен анализ исследований по вопросам развития системы высшего образования КНР и собственно АРВМ.

Отечественная историография

⁶³ Зуенко И.Ю. Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы) : монография; Москва : МГИМО-Университет, 2023. 362 с.

⁶⁴ Отечественная историография КНР : некоторые направления / под ред. Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Наука. Вост. лит., 2015. 263 с.

В отечественной научной исторической литературе на данный момент не так много специальных работ, посвященных Автономному району Внутренняя Монголия, хотя регион имеет стратегическое значение для КНР и РФ с точки зрения своего геополитического и геоэкономического потенциала. Отсюда возникает вопрос: по каким причинам, несмотря на большое количество исследований, посвященных истории КНР, в том числе региональной, все еще слабо представлено теоретическое осмысление особенностей развития АРВМ? Возможно, это было связано с общими тенденциями развития академических изысканий, направленными на изучение общих вопросов истории Китая, выявление закономерностей развития отдельных сфер общества в целостном историческом процессе. Во-вторых, данный регион становился предметом исследования преимущественно в контексте борьбы иностранных держав за контроль над территорией, реализацией стратегических инициатив в первой половине XX в. Помимо этого, анализ особенностей региональной специфики Внутренней Монголии реализовывался в контексте освоения северо-западных регионов, в том числе в их число включали АРВМ, либо в связи с межрегиональным взаимодействием приграничных регионов России и Китая.

Внутренняя Монголия как самостоятельный объект исследования привлекла внимание советских ученых в начале 1930-х гг. Одной из первых работ является издание «Внутренняя Монголия. Экономико-географический очерк» авторства П.Е. Скачкова⁶⁵. Данный труд получил высокую оценку коллег, в частности известный монголовед В.А. Казакевич в своей рецензии пишет: «...издание представляет собой весьма отрадное явление на фронте востоковедения. Без всякого преувеличения можно отметить, что эта работа – единственная серьезная попытка дать экономико-географический обзор колоссальной территории Внутренней Монголии, опыт, на основе которого

⁶⁵ Скачков П.Е. Внутренняя Монголия. Экономико-географический очерк. (Труды Исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, вып. X), Москва. 1933, 151 с.

можно строить дальнейшее изучение в данной области. В отличие от ряда статей, появившихся за последнее десятилетие и рассматривавших Внутреннюю Монголию или с точки зрения какого-либо узкого интереса, или в какой-либо отдельной ее части, книжка П.Е. Скачкова дает цельное представление об этой территории и построена на долгой подготовительной работе»⁶⁶.

В 1954 г. увидела свет монография И.Х. Овдиенко «Внутренняя Монголия»⁶⁷. Структурно монография состоит из введения и пяти глав – «Основные черты природы Внутренней Монголии», «Из прошлого Внутренней Монголии», «Население», «Хозяйство», «Экономико-географические подрайоны». Примечательно, что автору пришлось дорабатывать рукопись уже после ее сдачи в типографию и добавлять соответствующий раздел, поскольку 28 февраля 1954 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала «решение Государственного Административного совета КНР о включении в автономную область Внутренняя Монголия провинции Суйюань»⁶⁸. В качестве материала для работы послужили источники, содержащиеся в географической, экономической и политической литературе Нового Китая. Кроме того, использована периодическая печать, в том числе периодика Внутренней Монголии, отражавшая демократические преобразования, хозяйственное развитие и национальное строительство в регионе. Использованы труды русских востоковедов и исследователей Центральной Азии: Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова, Г.Н. Потанина, М.В. Певцова, В.А. Обручева и др., а также результаты личных наблюдений автора⁶⁹.

⁶⁶ Казакевич В. [Рец.:] П.Е. Скачков. Внутренняя Монголия. Экономико-географический очерк. (Труды Исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, вып. X), Москва. 1933, 151 стр. // Библиография Востока. Вып. 7. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1935. С. 144.

⁶⁷ Овдиенко И.Х. Внутренняя Монголия. Государственное издательство географической литературы, М. 1954. 167 с.

⁶⁸ Там же. С. 3

⁶⁹ Там же. С. 4

В исследовании истории Автономного района Внутренняя Монголия особое место занимает С.Д. Дылыков. О нем в своей статье пишет выдающийся монголовед М.И. Гольман: «первая индивидуальная монография С.Д. Дылыкова «Демократическое движение монгольского народа в Китае»⁷⁰, вышедшая в 1953 г., стала сенсацией, новым словом в науке. В ней автор досконально прослеживал все перипетии борьбы монголов во Внутренней Монголии за свое национальное освобождение, за присоединение к МНР. Эту тему он впоследствии развил, обогатил новыми материалами и дополнил полноценной картиной истории образования Автономного района Внутренней Монголии в КНР после войны в своей докторской диссертации». Рецензию на эту книгу С.Д. Дылыкова написал один из его современников, монголовед Аристарх Тихонович Якимов. В тексте рецензии «Осуществление национальных чаяний народов Китая» автор достаточно высоко оценил монографию, но все же обозначил несколько моментов, которые не раскрыты в исследовании. Например, он пишет: «оправдано включение в обзор не имеющих прямого отношения к теме книги материалов по истории национально-освободительного движения народа Внешней Монголии... В заключительной главе автор освещает демократические преобразования во Внутренней Монголии. Здесь следовало бы сказать не только о достигнутых успехах, но и о трудностях роста, показать преодоление этих трудностей и происков враждебных элементов в ходе классовой борьбы. Ничего не сказано в книге о судьбах монгольского населения, проживающего в других, кроме Внутренней Монголии, районах Китайской Народной Республики. Десятки тысяч монголов живут в Синьцзяне, Куку-Норе, в Алашане». В конце рецензент сформулировал общие выводы: «Отмеченные недостатки свидетельствуют о неразработанности некоторых важных вопросов монголоведения. В

⁷⁰ Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае: Очерк истории / С. Д. Дылыков ; отв. ред. Г. В. Астафьев ; Академия наук СССР, Институт востоковедения. Москва: Издательство АН СССР, 1953. 135 с.

закключение следует отметить, что книга написана хорошим литературным языком, читается легко и с интересом. В основной своей части она имеет большое познавательное значение и восполняет пробел в советской научной литературе по новейшей истории монгольского народа в Китае»⁷¹.

Докторскую диссертацию «История образования автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947-1957 гг.)» он защитил в 1969 г. Работа не теряет своей исторической значимости и актуальности. Отрадно, что результаты его исследования были изданы в виде монографии в 2022 г.⁷² В монографии последовательно освещены основные этапы развития региона в XX в. В первой главе автор раскрывает особенности развития Внутренней Монголии в период японской оккупации. Освещение социально-политических процессов в указанный период, причин японского проникновения во Внутреннюю Монголию и ее оккупации, партизанского движения в монгольских районах Китая завершается рассмотрением Внешней и Внутренней Монголии в период маньчжурского правления с 1691 по 1911 гг. Вторая глава посвящена непосредственно процессам создания Автономного района Внутренняя Монголия, движению монгольского народа в Китае за национальное самоопределение, образованию народного правительства региона и началу демократических преобразований в освобожденных районах Внутренней Монголии. В третьей главе автор раскрывает особенности демократического строительства и социалистического преобразования АРВМ после победы народной революции в Китае (1949-1957 гг.). Материалы данной главы представляют особый интерес для нашего исследования. В третьем параграфе «Развитие культуры, просвещения и здравоохранения во Внутренней Монголии за годы восстановления народного хозяйства и первой пятилетки (1953-1957 гг.)» С.Д.

⁷¹ Якимов А.Т. Осуществление национальных чаяний народов Китая (О книге С. Д. Дылыкова «Демократическое движение монгольского народа в Китае». Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.ras.ru/publishing/rasherald/rasherald_articleinfo.aspx?articleid=29e42394-54b4-4294-9e7f-1b01366a4094. Дата обращения: 11.10.2025.

⁷² Дылыков С. Д. История образования автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947-1957 гг.) / С. Д. Дылыков. Москва : (б. и.), 2022. 495 с.

Дылыков приводит общие данные по количеству школ разных уровней и общему количеству учащихся к 1947 г. и до 1957 г. Ко времени создания АРВМ в регионе не было ни одного высшего учебного заведения, но уже к 1957 г. в трех институтах (педагогический, медицинский и ветеринарный) обучалось 2300 студентов⁷³. Следует отметить, что Санже Данцикович ввел в научный оборот источники, материалы периодической печати на старомонгольской письменности и китайском языке. Например, Ebür mongyul=un edür=ün sonin (Ежедневная газета Внутренней Монголии), 人民日报 (Газета Жэньминь жибао) и др.

Несколько позже сотрудниками Академии наук МНР совместно с коллегами из Института Дальнего Востока СССР было завершено исследование, результаты которого были отражены в коллективной монографии «Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики» под общей редакцией академика АН МНР Б. Ширендыба и чл.-корр. АН СССР М.И. Сладковского⁷⁴. Творческий коллектив постарался проследить и отобразить историю национально-освободительного движения народа Внутренней Монголии, особенности социальных преобразований в контексте реализации политики центрального правительства. Монография включает в себя шесть глав, поэтапно раскрывающих характер развития социально-политической и экономической сфер региона. Несмотря на объективные сложности и политическую ситуацию, в первые годы существования КНР во Внутренней Монголии были завершены коренные преобразования в политической, социальной и культурной областях. Внутренняя Монголия, как и другие районы КНР, вступила на путь социалистического строительства⁷⁵. В отечественной

⁷³ Дылыков С. Д. История образования автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947-1957 гг.) / С. Д. Дылыков. Москва: (б. и.), 2022. С. 453.

⁷⁴ Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / Академия наук МНР, Институт востоковедения; Академия наук СССР, Институт Дальнего Востока ; под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 158 с.

⁷⁵ Там же. С. 141.

историографии второй половины XX в. данный труд закрыл проблематику исследований, посвященной АРВМ. По крайней мере, на сегодняшний день специальных изданий по истории Автономного района Внутренняя Монголия не отмечено.

В 2000-е гг. научные направления получили новый импульс, в том числе расширилась тематика исследований по истории Китая, социально-экономическому развитию его регионов. Северо-Восток КНР привлекает внимание отечественных историков, политологов, экономистов, философов и культурологов, лингвистов и фольклористов в силу своего приграничного положения, а также особой региональной культуры, сформировавшейся под влиянием межэтнического взаимодействия. Внимание отечественных исследователей к социально-экономической и политической истории Внутренней Монголии нашло свое отражение в специальных диссертационных работах. Одной из первых является диссертация Д.Ц. Бороноевой «Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (Историко-культурологический анализ)»⁷⁶. Системный анализ истории развития региона представлен С.В. Мажинским в работе «Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911-1976 гг.)»⁷⁷. Ряд исследований посвящен отдельным этапам развития автономии. Например, Ц.С. Очиров посвятил исследование одному из аймаков автономии в период культурной революции: «Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия КНР в период “культурной революции” (1966-1976 гг.)»⁷⁸. Докторская диссертация Б.Д. Цыбенова «Социально-политическая

⁷⁶ Бороноева Д. Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (Историко-культурологический анализ): дис. ... кандидата исторических наук: 24.00.02 / Бороноева Дарима Цыбиковна; Бурятский государственный университет. Улан-Удэ, 2000. 174 с.

⁷⁷ Мажинский С. В. Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.): дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Мажинский Сергей Владимирович; (Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т). Томск, 2014. 232 с.

⁷⁸ Очиров Ц. С. Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия КНР в период «культурной революции» (1966-1976 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Ц. С. Очиров. Улан-Удэ, 2021. 185 с.

история дауров (XX в.)»⁷⁹ стала первой работой, раскрывающей особенности национально-освободительного движения даурского народа в один из самых сложных периодов развития Китая. Интерес представляют диссертации В.О. Намжиловой «Проблемы освоения западных регионов КНР (на примере автономного района Внутренняя Монголия)»⁸⁰, В.Э. Цыремпиловой «Трансформация позиции Коммунистической партии Китая в отношении монгольского мира последней четверти XX – первой четверти XXI вв. (по материалам китайской официальной прессы)»⁸¹ и др.

Среди диссертационных работ, посвященных Внутренней Монголии, особое место занимает исследование действительного члена Академии наук Монголии Цэдэндамбын Батбаяра, в свое время защитившего кандидатскую диссертацию «Основные направления политики руководства КНР в отношении АРВМ в 1976-1984 гг.»⁸² на базе Института Дальнего Востока СССР.

Стоит отдельно отметить исследования Т.В. Лазаревой, системно занимавшейся различными аспектами развития Внутренней Монголии. Например, «Кадровая политика в национальных районах КНР (1949-2001)», «Автономный район Внутренняя Монголия – 60 лет со дня образования», «Действие системы районной национальной автономии: эффект, трудности, инновации»⁸³ и др.

⁷⁹ Цыбенков Б. Д. Социально-политическая история дауров (XX в.): дис. ... д-ра ист. наук / Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ, 2023. 551 с.

⁸⁰ Намжилова В. О. Проблемы освоения западных регионов КНР (на примере АРВМ): дис. ... канд. экон. наук / В. О. Намжилова. М., 2011. 159 с.

⁸¹ Цыремпилова В. Э. Трансформация позиции КПК в отношении монгольского мира последней четверти XX – первой четверти XXI вв. : дис. ... канд. ист. наук / В. Э. Цыремпилова. – Улан-Удэ, 2019. 265 с.

⁸² Батбаяр Цэдэндамбын. Основные направления политики руководства КНР в отношении АРВМ в 1976-1984 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Цэдэндамбын Батбаяр; Институт Дальнего Востока АН СССР. Москва, 1987. 206 с.

⁸³ Лазарева Т. В. Кадровая политика в национальных районах КНР (1949–2001 гг.): монография / Т. В. Лазарева; Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – Москва: ИДВ РАН, 2005. 174 с.; Лазарева Т. В. Автономный район Внутренняя Монголия – 60 лет со дня образования / Т. В. Лазарева // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 113-124; Лазарева Т. В. Действие системы районной национальной автономии в КНР: эффект, трудности, инновации / Т. В. Лазарева // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М. Л. Титаренко / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2004. С. 327-335.

Второй блок отечественной историографии посвящен вопросам национальной политики КНР, реализации двуязычного образования в школах и вузах страны. Национальный вопрос всегда определялся как один из самых важных во внутренней политике КНР. Одной из первых работ является монография А.Г. Яковлева «Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике»⁸⁴. В 1975 г. была опубликована книга «Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР» (Отв. ред. М.И. Сладковский)⁸⁵. Различные аспекты реализации национальной политики отражены в исследованиях А.А. Москалева, в частности, исследовались вопросы национальной автономии в КНР в Гуанси-Чжуанском и Нинся-Хуэйском районах. Проблеме этноязыкового развития посвящена его монография «Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы)». Системная характеристика национальной политики КНР дана в коллективной монографии А.А. Москалева, Д.А. Жоголева, Е.В. Пузицкого, Т.В. Лазаревой «Национальный вопрос в КНР (1949-1994)». Несколькими годами позже вышли в свет монографии А.А. Москалева «Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999)»⁸⁶ и «Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму»⁸⁷.

Можно выделить ряд диссертационных работ, посвященных практике реализации национальной политики в КНР. Например, исследования И.Р. Гарри⁸⁸, Д.А. Жоголева⁸⁹, Е.А. Афанасьевой⁹⁰, Ю.А. Грачевой⁹¹, Н.А.

⁸⁴ Яковлев А. Г. Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике / А. Г. Яковлев; Акад. наук СССР, Ин-т китаеведения. Москва: Издательство восточной литературы, 1959. 112 с.

⁸⁵ Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР / [М. И. Сладковский, К. Ф. Котов, А. А. Москалев и др.]; под ред. М. И. Сладковского. Москва: Политиздат, 1975. 126 с.

⁸⁶ Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999) / А. А. Москалев; Под общ. ред. В. С. Мясникова; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 222 с.

⁸⁷ Москалев, А.А. Нация и национализм в Китае : эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму / А.А. Москалев ; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. Москва: Памятники исторической мысли, 2005. 183 с.

⁸⁸ Гарри И.Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете: 1951-2001 гг. дис. д.и.н.: 07.00.03. Улан-Удэ, 2009. 497 с.

⁸⁹ Жоголев Д.А. Политика коммунистической партии Китая в районах национальной автономии: дис. к.и.н.: 07.00.04. Москва, 1991. 178 с.

⁹⁰ Афанасьева Е.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая 1991-2006 гг.: дис. к.и.н.: 07.00.03. Томск, 2007. 293 с.

Соловьевой⁹². Данная проблематика вызывает интерес китайских аспирантов, например, Ху Яньсинь⁹³, Чжэн Кай⁹⁴ и др.

Вопросы реализации национальной политики на начальном этапе развития КНР нашли отражение в исследованиях Д.В. Буярова. Им рассмотрена эволюция национальной политики Китайской Народной Республики на рубеже XX-XXI вв. в коллективных монографиях и статьях⁹⁵. Ряд публикаций посвящен особенностям двуязычного образования в автономии, реализации национальной политики в регионе в новейший исторический период, социокультурным изменениям в Китае в конце XX – начале XXI вв., вопросам демографического развития⁹⁶.

Национальная политика Китая в отношении монгольских народов являлась предметом исследования М.Н. Балдано, которая в том числе представила характеристику процесса трансформации политико-

⁹¹ Грачева Ю.А. Особенности положения народа нас в Китае: история и современность: дис. к.и.н.: 07.00.03. Москва, 2020. 228 с.

⁹² Соловьева Н.А. Трансформация этнической культуры в условиях культурной модернизации Китая (на примере национальных меньшинств ва, ли, мяо, хуэй): дис.к.ф.н.: 09.00.13. Чита, 2016. 143 с.

⁹³ Ху Яньсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае: анализ теоретических подходов и социальных практик: в конце XX - начале XXI вв.: дис. к.соц.н.: 22.00.08. Москва, 2006. 186 с.

⁹⁴ Чжэн Кай. Национально-территориальная автономия в Китайской Народной Республике: дис. к.ю.н.: 12.00.02. Москва, 2009. 186 с.

⁹⁵ Традиционный Китай на пути к модернизации / В. Г. Гельбрас, Ж. В. Петрунина, А. А. Киреев [и др.]. Москва: "КРАСАНД", 2013. 320 с.; Буяров Д.В. Национальная политика КНР на рубеже 1970-80-х гг. По 2000-е гг / Д. В. Буяров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы III международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 15-20 мая 2013 года / отв. ред. Д.В. Буяров. Том Выпуск 3. Благовещенск-Хэйхэ-Харбин: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. С. 138-150.

⁹⁶ Буяров Д.В. Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при председателе КНР Си Цзиньпине (2012-2024 гг.) / Д. В. Буяров // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 142-155. DOI 10.31857/S0131281224050104; Буяров Д.В. Двуязычное образование в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в 2000-е годы / Д. В. Буяров // Образование в КНР и КНДР: перспективы для России. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2023. С. 117-150; Буяров Д.В. Современный Китай на пути перемен (социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны в последней четверти XX - начале XXI вв.) / Д. В. Буяров; Благовещенский государственный педагогический университет. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2019. – 160 с.; Буяров Д.В. Демографическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района в первой четверти XXI века / Д.В. Буяров, Д.Д. Иванов // Человеческий капитал. 2025. № 8(200). С. 35-44. DOI 10.25629/НС.2025.08.03; Буяров Д.В. Национальная политика КНР на рубеже 1970-80-х гг. По 2000-е гг / Д. В. Буяров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы III международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 15–20 мая 2013 года / отв. ред. Д.В. Буяров. Том Выпуск 3. Благовещенск-Хэйхэ-Харбин: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. С. 138-150

административного устройства АРВМ⁹⁷ и миграции шэнэхэнских бурят Внутренней Монголии⁹⁸. Юридические аспекты национальной политики и территориальной целостности КНР в своих работах рассматривает П.В. Трощинский⁹⁹.

В сфере научных интересов М.С. Михалева лежат общие проблемы роли коренных и малочисленных народов во внутренней политике государств, а также частные вопросы истории и социальной антропологии внутренних регионов Евразии, включая восточные районы Средней Азии, Синьцзян, Тибет, Монголию и Южную Сибирь. Одной из значимых его работ является монография «Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция»¹⁰⁰. Автор на основе «сравнения российской и китайской практики использования этнического фактора при планировании и реализации стратегий развития в трансграничных регионах предложил новые принципы формирования государственной политики в данной сфере»¹⁰¹.

Системные исследования по языковой политике в КНР проводит О.И. Завьялова, раскрывающая в своих трудах особенности развития литературного китайского языка и диалектов, литературного языка и языков этнических меньшинств¹⁰². Вопросам языковой политики в КНР посвящены исследования В.А. Клиновского¹⁰³, Т.Л. Гурулевой¹⁰⁴. Отдельно следует отметить результаты исследований И.Н. Очировой и Ч. Чэлимугэ

⁹⁷ Балдано М.Н. Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции / М. Н. Балдано // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 13. С. 92-100.

⁹⁸ Балдано М.Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы / М. Н. Балдано // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 52-59. DOI 10.18097/1994-0866-2015-0-7-52-59.

⁹⁹ Трощинский П.В. Национальная политика и территориальная целостность КНР / П.В. Трощинский // Власть. 2025. Т. 33, № 1. С. 25-33. DOI 10.56700/c8511-9580-9067-i.

¹⁰⁰

¹⁰¹ Михалев М.С. Засечная черта Внутренней Азии : Южная Сибирь и евразийская интеграция / М.С. Михалев; Ин-т Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2023. С. 3.

¹⁰²

¹⁰³ Клиновский В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX в.: дис. к.и.н.: 07.00.03. – Улан-Удэ, 2012. 143 с.

¹⁰⁴ Гурулева, Т. Л. Языковая политика КНР на современном этапе (2021-2024 гг.): основные направления и особенности реализации / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 4. С. 169-184. DOI 10.31857/S0131281224040136.

«Монгольский язык как национальный язык Автономного района Внутренняя Монголия КНР»¹⁰⁵.

Специальным исследованием языка монголов Внутренней Монголии во второй половине XX в. занималась востоковед Б.Х. Тодаева, которая в середине прошлого столетия в составе советской научной экспедиции находилась в АРВМ (1954-1957 гг.). По результатам полевых исследований она опубликовала ряд статей и монографий, в том числе «Монгольские языки и диалекты» (1960), «Дунсянский язык» (1961), «Баоаньский язык» (1964), «Язык желтых уйгуров» (1966), «Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь» (1973)¹⁰⁶, «Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь»¹⁰⁷ и др. Свое видение на развитие литературного языка монголов Внутренней Монголии во время своей командировки и чтения лекций представил супруг Б.Х. Тодаевой – профессор Г.П. Сердюченко. В 2021 г. в журнале «Вестник Бурятского научного центра» профессор Б. Хухбатор опубликовал статью, в которой осветил его деятельность во время посещения КНР и собственно Внутренней Монголии¹⁰⁸.

Историографический обзор позволил выделить одну характерную тенденцию – начиная с 2000-х гг. в общем количестве опубликованных трудов значительная часть исследований затрагивает вопросы социально-экономического и политического развития Внутренней Монголии с точки зрения процессов социальной трансформации. Например, это коллективные монографии «Монгольские народы: исторический опыт трансформации

¹⁰⁵ Очирова И. Н. Монгольский язык как национальный язык Автономного района Внутренняя Монголия КНР / И. Н. Очирова, Ч. Чэлимугэ // Русский язык в полиэтничном регионе: сборник научных статей. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. С. 358–361

¹⁰⁶ Тодаева Б. Х. Цикл монографий по результатам лингвистической экспедиции в АРВМ (1954-1957 гг.): [в 6 кн.] / Б. Х. Тодаева; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. Москва: Изд-во вост. лит.; Наука, 1960-1981. Кн. 1: Монгольские языки и диалекты Китая. 1960. 135 с.; Кн. 2: Дунсянский язык. 1961. 151 с.; Кн. 3: Баоаньский язык. 1964. 158 с.; Кн. 4: Язык желтых уйгуров / [соавт. Э. Р. Тенишев]. 1966. 84 с.; Кн. 5: Монгорский язык: Исследование, тексты, словарь. 1973. 390 с.; Кн. 6: Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. 1981. 254 с.

¹⁰⁷ Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981. 276 с.

¹⁰⁸ Хухбатор Б. Советский ученый Г.П. Сердюченко и «литературный язык»: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг. // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. №1 (41). С. 48-60.

кочевых сообществ Азии»¹⁰⁹ и «Монгольские народы в геополитических проекциях Внутренней Азии»¹¹⁰, монография В.В. Грайворонского «Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв.»¹¹¹, научные статьи В.О. Намжиловой¹¹², С.В. Мажинского¹¹³, Д.Д. Бадараева¹¹⁴, О.Б. Бальчиндоржиевой¹¹⁵ и др. Данный факт может являться показателем интереса отечественных исследователей к изучению динамичных социокультурных и экономических процессов в регионе.

Близким по проблемному полю является исследование, проведенное в рамках гранта РГНФ под руководством Т.И. Гармаевой «Социокультурное пространство столиц Внутренней Азии (на примере г. Улан-Удэ (Республика Бурятия РФ), г. Улан-Батор (Монголия), г. Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия КНР))» (2014 г.). По результатам проекта были

¹⁰⁹ Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / Б. В. Базаров, В.Б. Базаров, Д. Д. Бадараев [и др.]; Руководитель проекта и ответственный редактор Б.В. Базаров. – Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2016. 624 с. ISBN 978-5-9909344-5-0.

¹¹⁰ Монгольские народы в геополитических проекциях Внутренней Азии / Б.З. Нанзатов, М.М. Содномпилова, В.Б. Базаров [и др.]. – Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 2018. – 288 с. – ISBN 978-5-98582-117-8.

¹¹¹ Грайворонский В.В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв. Лос-Анжелес – Улан-Батор: Из-во «Агиймаа». 2014, Доп. тир. 2015. – 284 с.

¹¹² Намжилова В.О. Экономическое развитие Автономного района Внутренняя Монголия в начале XXI века / В.О. Намжилова // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. № 3. С. 75-83. – DOI 10.31857/S013128120005301-2; Намжилова В.О. Внутренняя Монголия как энергетический форпост Китая / В.О. Намжилова // Азия и Африка сегодня. 2020. № 2. С. 22-29. DOI 10.31857/S032150750008469-7; Намжилова В.О. Внутренняя Монголия: стратегическое позиционирование северной периферии Китая / В.О. Намжилова // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 97-108. DOI 10.31857/S0131281224050071.

¹¹³ Мажинский С.В. Особенности проведения аграрных преобразований коммунистической партией Китая во Внутренней Монголии в период с 1947 по 1949 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6(26). С. 100-102; Мажинский С.В. Индустриальное развитие и миграционные процессы в Автономном районе Внутренняя Монголия в годы первой пятилетки (1952-1957 гг.) / С.В. Мажинский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 1(27). – С. 67-70. Мажинский С.В. Особенности проведения аграрных преобразований коммунистической партией Китая во Внутренней Монголии в период с 1947 по 1949 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6(26). С. 100-102.

¹¹⁴ Бадараев Д.Д. Номадизм в АРВМ КНР в условиях промышленного прессинга пастбищных территорий / Д.Д. Бадараев // Власть. 2016. Т. 24, № 5. С. 139-145.

¹¹⁵ Бальчиндоржиева О.Б. Интегрированное развитие индустриальной и экологической цивилизации в КНР (на примере Внутренней Монголии) / О.Б. Бальчиндоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14-1. С. 138-140.

опубликованы ряд статей и коллективная монография «Студенческая молодежь в социальном пространстве столиц Внутренней Азии»¹¹⁶.

Особенностям развития традиционной культуры, фольклора, музыки, исполнительского мастерства посвящены труды российских и китайских исследователей. Например, монографии Б.-Х.Б. Цыбиковой¹¹⁷, работы В.Л. Кляуса¹¹⁸ и др. Диссертационное исследование Фэн Цзунжэнь «Институционализация современной художественной культуры в контексте культурных индустрий (на примере АРВМ КНР)»¹¹⁹.

Среди большого количества исследований, следует перечислить те, которые в напрямую сопряжены с нашей проблематикой и рассматривают вопросы развития высшего образования КНР в целом и АРВМ в частности.

Пятый том фундаментальной энциклопедии «Духовная культура Китая» под названием «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование»¹²⁰ имеет историческую значимость, поскольку является первым в России изданием, в котором дается описание китайской науки, ее отраслей и образовательной системы. Выше говорилось о том, что отечественная историческая наука находится еще в стадии окончательной выработки исследовательских подходов к анализу системы образования Китая. Первые специальные исследования начали проводиться только во второй половине XX в. Авторы пятого тома энциклопедии «Духовная культура Китая» пишут: «В условиях отсутствия китаеведческой

¹¹⁶ Гармаева Т.И., Шахаева А.А., Митупов К.Б.-М. Студенческая молодежь в социальном пространстве столиц Внутренней Азии / Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. 162 с.

¹¹⁷ Цыбикова Б.-Х. Б. Музыкальная культура бурят Внутренней Монголии КНР / Б.-Х. Б. Цыбикова; отв. ред. Л. Д. Дашиева; Бурятский гос. ун-т. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 141 с.; Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР: в 2 т. / Б.-Х. Б. Цыбикова; отв. ред. Л. С. Дампилова; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Иркутск: Оттиск, 2020. Т. 1: Сказки. 336 с.; Т. 2: Устные рассказы. 336 с.

¹¹⁸ Кляус В. Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры / В. Л. Кляус; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.; Кляус В. Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии: исследования, тексты, комментарии / В. Л. Кляус; отв. ред. А. С. Архипова; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – Москва: ИМЛИ РАН, 2021. – 381 с.

¹¹⁹ Фэн Цзунжэнь. Институционализация современной художественной культуры в контексте культурных индустрий (на примере АРВМ КНР): дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Фэн Цзунжэнь; (Место защиты: Забайкальский гос. ун-т). Чита, 2019. 146 с.

традиции в этой сфере и слабости педагогической компаративистики первым многолетнее и последовательное изучение образования в КНР предпринял в конце 1960-х гг. В.З. Клепиков, работавший в системе АПН, написавший диссертацию «Школа в Китае в конце XIX – первой половине XX в.» (к сожалению, не вышедшую отдельной книгой) и опубликовавший ряд статей о развитии школьной системы в КНР»¹²¹. Несколькоими годами позже были опубликованы результаты научных исследований советских китаистов, посвященные образованию в КНР. Одной из первых начала заниматься проблемами развития системы образования в КНР Н.Е. Боровская. Об этом в своей обзорной статье «Изучение китайской культуры и образования в России в 1990-е гг.» пишет С.А. Торопцев, отмечая, что «в 1970-1980-е гг. китаеведы Института Дальнего Востока АН СССР начали вести последовательные исследования системы образования в КНР, утверждая их как новое направление в советском китаеведении, хотя и достаточно разработанное в то время в трудах западных и японских специалистов по Китаю. В 1974 г. появилась первая небольшая монография на эту тему, охватывающая период от «большого скачка» до 1972 г., а в 1980 г. – коллективный труд, анализирующий курс руководства КНР в первые тридцать лет становления и развития науки и образования в КНР в контексте политической борьбы и экономических экспериментов»¹²². Позже были изданы труды Н.Е. Боровской, определявшие характер исторического анализа процесса развития системы образования и педагогической мысли в Китае.

Отдельного внимания заслуживает статья Н.Е. Боровской под названием «КНР: “охота за умами”. Урок для России?»¹²³, посвященная актуальной проблеме «утечки умов» и мер, предпринимаемых правительством КНР для их возвращения на родину. Очевидно, что в

¹²¹ Там же. С. 143.

¹²² Торопцев С. А. Изучение китайской культуры и образования в России в 1990-е годы / С. А. Торопцев // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 127-138

¹²³ Боровская Н.Е. КНР: «охота за умами». Урок для России? // Российский совет по международным делам. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/knr-okhota-za-umami-urok-dlya-rossii/>. Дата обращения: 11.11.2025.

ближайшей перспективе высококвалифицированные кадры, обладающие хорошей научно-теоретической и практической подготовкой, будут определять социально-экономический вектор развития страны. В этом плане привлечение иностранных и возвращение своих талантливых специалистов, создание условий для научно-исследовательской и образовательной деятельности становятся стратегической задачей Китая.

Уникальной в своем роде является монография «Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX-XXI вв. Сравнительный анализ»¹²⁴, заложившая основы нового подхода к изучению систем образования двух стран. Как пишут авторы-составители, «книга обобщает результаты масштабного исследования, проведенного в рамках двустороннего Соглашения о сотрудничестве в сфере образования между Российской академией образования и Центральной академией педагогических исследований КНР. В ней делается попытка сравнительного анализа реформ в сфере образования, которые были предприняты двумя крупнейшими странами с переходной экономикой, вступившими в эпоху экономики знаний»¹²⁵. В монографии поэтапно раскрывается сущность образовательных реформ в двух странах, дается характеристика реформы управления и финансирования образования, региональной политики в сфере образования. Также в главах описываются реформы воспитания и содержания обучения, реализация стратегически важных направлений – педагогического образования, высшего и профессионально-технического образования, а также дается анализ процессов становления и развития негосударственных образовательных учреждений, специфики развития образования в условиях глобального рынка услуг.

¹²⁴ Россия - Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ / отв. ред. Н. Е. Бореvская, В. П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007. 591 с.

¹²⁵ Там же. С. 5.

В 2019 г. была издана книга «Россия – Китай: тенденции развития образования в XXI в.: сравнительный анализ»¹²⁶, которая, по сути, является развитием начатого в 2006-2007 гг. сравнительного исследования, посвященного образовательным реформам в РФ и КНР. В монографии освещаются различные аспекты эволюции образования в обеих странах в 2008-2018 гг.: от общей стратегии развития, управления и финансирования образования, региональной политики, уровней развития образования, профессионального, общего, дошкольного и негосударственного образования, а также реформы учебных программ. В отдельных главах рассмотрены процессы информатизации, педагогическая психология, нравственное и гражданско-патриотическое воспитание, подготовка педагогов, экспорт образования, образовательное сотрудничество между странами. Как отмечает руководитель проектов 2007 г. и 2019 г. В.П. Борисенков, «был расширен круг рассматриваемых проблем реформирования образования: включены главы, посвященные психологическому сопровождению реформ образования, развитию процессов информатизации образования, особенностям и направлениям экспорта российского и китайского образования в условиях глобализации, перспективам российско-китайского сотрудничества в сфере образования»¹²⁷.

Признанным специалистом в сфере истории развития системы высшего образования КНР, методики преподавания китайского языка является Т.Л. Гурулева. Ряд ее исследований затрагивают проблемы структуры и содержания вузовского образования в КНР в контексте мер государственного регулирования, определения стратегии развития¹²⁸. В последние годы

¹²⁶ Россия – Китай: тенденции развития образования в XXI в.: Сравнительный анализ / отв. ред. В. П. Борисенков, Мэй Ханьчэн. Москва: Наука, 2019. 662 с.

¹²⁷ Там же. С. 6.

¹²⁸ Гурулева, Т. Л. Национальное образование в Китае: современное состояние и меры государственного регулирования / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 107–119; Гурулева Т. Л. Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития / Т. Л. Гурулева // Высшее образование в России. 2017. № 7 (214). С. 152–164; Гурулева Т. Л. Стратегические рубежи развития системы образования КНР в XXI веке / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С. 145–153; Гурулева Т. Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального

исследования Т.Л. Гурулевой посвящены вопросам перевода и языковой политики в КНР. Различные аспекты эволюции высшего образования, образовательной политики КНР, находившиеся в фокусе исследований Т.Л. Гурулевой, нашли свое отражение в монографии «Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество»¹²⁹. В ней представлены результаты анализа законодательной базы функционирования системы образования, ее структурных компонентов, особенностей функционирования, механизмов управления образованием. Для нашего исследования важность представляют вопросы реализации политики в области образования для национальных меньшинств, а также проблемы развития образовательного пространства АТР, двусторонних и трансграничных проектов.

Исследования М.А. Гулевой посвящены широкому спектру вопросов китайского образования – от экономических проблем и доступа к образованию различных социальных групп до особенностей развития непрерывного образования. Публикации автора отличаются глубоким анализом нормативно-правовых, статистических материалов на китайском языке и их интерпретацией¹³⁰.

Развитие современного высшего образования КНР с точки зрения управленческих аспектов исследуется С.С. Донецкой и ее учениками¹³¹. Например, освещаются опыт реформирования системы высшего образования Китая, характер управления ведущими вузами КНР, специфика финансирования университетов и др.

развития до 2035 года / Т. Л. Гурулева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 185–197.

¹²⁹ Гурулева Т.Л. Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество. – М.: Издательство ВКН, 2018. 464 с.

¹³⁰ Гулева М. А. Основные тенденции развития негосударственного образования в КНР в XXI веке / М. А. Гулева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2022. – Т. 14, вып. 2. С. 176–192; Гулева М. А. Профессиональное образование в КНР и перспективы его развития / М. А. Гулева // Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С. 51–57.

¹³¹ Донецкая С. С. Реформирование системы высшего образования в Китае / С. С. Донецкая, Цзи Цяньнань // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8/9. С. 116–128.

Коллектив авторов в составе В.В. Кузнецовой и О.В. Машкиной рассматривает как общие проблемы образования, так и образовательные проекты, направленные на продвижение и популяризацию высшего образования в мире¹³².

Необходимо отметить исследования А.А. Томских¹³³, занимающегося вопросами трансграничного и пространственного развития высшего образования России и Китая. Например, его статья «Стратегия территориальной организации высшего образования Китая»¹³⁴ раскрывает особенности реализации государственных программ «211» и «985», форсировавших развитие вузов в ключевых экономических зонах. На следующем этапе руководство страны реализует переход от модели массового создания вузов по всей стране к формированию образовательных кластеров, нацеленных на повышение качества подготовки кадров, проведение научных исследований мирового уровня.

Китайская историография

История развития системы образования, образовательных учреждений имеет глубокие исторические корни. Образование и воспитание неразрывно связаны с государственной идеологией, именами великих философов, образовательными нормами и требованиями. Первый китайский философ Конфуций (551/552–479 гг. до н.э.), личность которого исторически достоверна, был первым профессиональным учителем, заложившим основы эгалитарного образования, реализуемого на принципах равенства вне учета сословия и минимальной платы за обучение. Роль Конфуция в развитии китайской культуры, образования и государственности невозможно переоценить. В истории Китая нет более значимой личности, определявшей глубинную сущность государственной идеологии, социальной философии,

¹³² Кузнецова В. В. Эволюция системы образования Китая: монография / В. В. Кузнецова, О. А. Машкина. Москва: КУРС, 2022. 264 с.

¹³³ Томских А.А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. геогр. н. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. – 43 с.

¹³⁴ Томских А.А. Стратегия территориальной организации высшего образования Китая // География и природные ресурсы. - 2013. - №1, - С. 174-181

что в итоге определило его статус как духовного вождя нации. В новой и новейшей истории Китая отношение к нему резко менялось. В первый раз – после Синьхайской революции (1911-1912 гг.), когда учение Конфуция стало восприниматься как основа консерватизма, приведшего к упадку Китая и его отставанию от стран Запада. Во второй раз в 1970-х гг., и было связано с кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция», развернувшейся в КНР. С начала 1980-х гг. отношение к личности и учению Конфуция меняется, в 1985 г. создается научно-исследовательский институт Конфуция (孔子研究所), а в 1996 г. решением Госсовета в г. Цюйфу было создано специализированное учреждение по изучению конфуцианства (孔子研究院).

Анализ системы образования Китая в XX в. получил свое развитие в трудах многих китайских ученых. В числе наиболее значимых следует назвать монографию «Университеты Китая 1895-1995: Мир культурных противоречий» под редакцией Сюй Мэйдэ и Сюй Хаоин¹³⁵. В издании дается характеристика эволюции университетского образования начиная с 1895 по 1995 гг. Исследование охватывает основные этапы развития высшего образования в Китае – от образования первых университетов по западному образцу до масштабных государственных проектов в сфере высшего образования КНР в конце XX в.

Концептуальные подходы развития идеологии китайского образования отражены в монографии «Общая история китайской педагогической мысли»¹³⁶. В данной книге изложены основные подходы к организации системы непрерывного образования после образования Нового Китая, принципы реализации воспитательной работы, формирования новой интеллигенции. Издание содержит восемь глав, поэтапно раскрывающих эволюцию развития представлений об образовательных целях в КНР с 1949 г.

¹³⁵ 中国大学 1895-1995: 一个文化冲突的世界 / (加) 许美德著; 许浩英译. – 北京: 教育科学出版社, 1999.11. – 319 页. ISBN 7-5041-1997-0.

¹³⁶ 中国教育思想通史, 第八卷 / 本卷作者: 苏渭昌, 责任编辑: 龙育群. – 湖南教育出版社, 1996.9. – 412 页. ISBN 7-5355-1881-8/G·1876.

Например, первая глава «Взгляды Мао Цзэдуна на развитие образования в период социалистических преобразований и социалистического строительства» обосновывает фундаментальные подходы к развитию содержательных линий и структуры образования. Примечательно, что в третьей главе достаточно подробно раскрывается процесс развития образования в период «Великой культурной революции» под названием «Левый уклон в образовательных тенденциях во время Культурной революции». Интерес представляет глава 7 под названием «Изменения и развитие педагогики в Новом Китае», ее первый параграф под названием «Введение в педагогику Каирова» посвящен изучению опыта советской школы, ее теоретических основ и научных изысканий. Иван Андреевич Каиров (1893-1978) – советский ученый-педагог, известный в КНР деятель народного образования, министр просвещения РСФСР (1949-1956 гг.), президент Академии педагогических наук РСФСР (1946-1967 гг.). Сфера его научных интересов охватывала вопросы сельскохозяйственного образования, проблемы развития детей и их нравственного воспитания, теория и история педагогики. Являлся главным редактором «Педагогической энциклопедии»¹³⁷ в 4 т., ряда монографий, статей.

В издании «Теория реформирования высшего образования»¹³⁸ рассматриваются основные подходы к реформированию системы образования, например, «от традиционных университетов к современной модели университета», «от “башни из слоновой кости” до интеллектуальной платформы», «от элитарного к массовому образованию» и т.д. В 1980-1990-е гг. китайские ученые накопили теоретический опыт в исследовании проблем высшего образования, поэтому постепенно увеличилось количество научных трудов, в которых раскрывались отдельные вопросы системы образования.

¹³⁷ Педагогическая энциклопедия : в 4 т. / ред. И.А. Каирова, Ф.Н. Петрова. М. : Сов. энцикл. 1964–1968; 1964. Т. 1 : А – Ефимов. 831 с.; 1965. Т. 2 : Ж – М. 911 с.; 1966. Т. 3 : Н – См. 879 с.; 1968. Т. 4 : С – Я. 911 с.

¹³⁸ 高等教育改革论 / 唐玉光、房剑森著. – 桂林: 广西师范大学出版社, 2002.5. 320 页. ISBN 7-5633-3560-9.

Эти же вопросы рассматриваются в издании «Реформы высшего образования: концептуальные основы и реализация»¹³⁹. Монография разделена на два больших раздела: первый посвящен исследованию теории, второй – изучению опыта. В первом разделе особый интерес представляет глава под названием «Исторический обзор и перспективы исследований в области высшего образования Китая за последние годы» (我国近年来高等教育研究的回顾与展望). Авторы рассматривают особенности развития разных областей с начала политики реформ и открытости, особенно в плане увеличения набора студентов и сопутствующих вопросов, которые необходимо решать. Например, появившаяся проблема «спроса и предложения» в связи с расширением охвата высшим образованием, а также уже ставшие традиционными проблемы системы управления, структурные проблемы, вопросы справедливости и эффективности в образовании.

По сложившейся академической традиции стали издаваться монографии, посвященные определенным этапам развития образования, в которых анализировались направления, процесс развития, основные достижения и проблемы. В этом плане монография «Сто лет педагогической науке Китая»¹⁴⁰ раскрывает эволюцию становления и развития новой для Китая науки педагогики. Хронологические рамки охватывают период с 1900 по 2000 гг. Первая глава посвящена зарождению педагогики (教育学) в Китае, вторая охватывает период с 1919 по 1949 гг. – становление педагогической науки и систематизация исследований по данному научному направлению. Третья глава под названием «Трансформация и советизация педагогики» посвящена особенностям развития науки под влиянием достижений Советского Союза с 1949 по 1956 гг. Следующая глава «Китаизация педагогики» охватывает период с 1956 по 1966 гг. и содержит

¹³⁹ 高等教育改革：理念与实践 / 刘少雪，张应强主编. – 上海：上海交通大学出版社，2007. 202 页. ISBN 978-7-313-04783-0.

¹⁴⁰ 中国教育百年 / 郑金洲，瞿葆奎. - 北京：教育科学出版社，2002.3. 353 页. ISBN 7-5041-2220-3.

характеристику развития педагогической науки в контексте собственно китайских методологических основ. Пятая глава затрагивает процессы развития общества, образования и собственно педагогики в условиях культурной революции 1966-1976 гг. Этап с 1976 по 2000 гг. озаглавлен как «Восстановление педагогики и прогресс», что свидетельствует о динамике развития педагогической науки в указанный период. Седьмая глава «Логический путь и структурные элементы китайской педагогики» завершает общий обзор столетнего пути развития педагогической науки в Китае.

Схожий обзор представлен в монографии «30 лет педагогического образования Китая»¹⁴¹, в которой представлена развернутая характеристика эволюции педагогического образования КНР. В четырех главах описаны нормативно-правовые основы педагогического образования, уровни, политика, внедрение системы повышения квалификации учителей, реформирование системы подготовки учителей, подготовка кадров для сельских школ, негосударственное педагогическое образование и т.д.

Освещению вопросов педагогического образования на примере Пекинского педагогического университета посвящена монография «Построение системы и опережающее развитие. Пекинский педагогический университет и педагогическое образование в Китае в XX в.»¹⁴². Полезными для нашего исследования являются материалы третьей главы, характеризующие развитие педагогического образования в Новом Китае в 1949-1976 гг. Представленные материалы позволяют составить общее представление об особенностях становления системы высшего образования в АРВМ и первого учреждения – Педагогического института Внутренней Монголии (内蒙古师范学院).

¹⁴¹ 中国教师教育 30 年/ 梅新林主编. - 北京: 中国社会科学出版社, 2008.12. isbn 978—7-5004-7410-4. – 397 页.

¹⁴² 制度的建构与超越—北京师范大学与 20 世界的中国师范教育 /顾明远主编; 胡艳, 米靖著. – 北京: 北京师范大学出版社, 2005.8. – 283 页.

Уникальным в своем роде является издание под названием «Хроника образования г. Хух-Хото»¹⁴³, в котором дается характеристика всех уровней образования начиная с самого зарождения монастырского обучения, образования тумэтских школ в 1724 г., открытия официальной школы Цинского правительства в городе Суйюань в 1735 г. и до 1985 г. Сфера образования стала стремительно развиваться после образования Нового Китая в 1949 г. Принятые меры обусловили ускоренный рост количества учебных заведений, повышение качества обучения, что позволило региону занять одно из ведущих мест по уровню образования среди автономных районов КНР.

Вопросы этнокультурного образования представляют особую актуальность в свете реализации образовательной политики правительства Китая в АРВМ на начальном этапе государственного строительства. Например, «Хроника образования Баарин Цзоци» (巴林左旗教育志)¹⁴⁴ освещает особенности становления и развития системы образования в городском округе Чифэн (赤峰市), ранее именовавшемся Чжаовуда (昭乌达盟).

Следует выделить монографию «Исследование развития частного высшего образования за рубежом»¹⁴⁵, посвященную вопросам развития негосударственного образования и содержащую сравнительный обзор исторических особенностей данной сферы. Ученые университета Чжэнчжоу описывают характер развития негосударственного сектора высшего образования в Европе, Америке, Азии. Восьмая глава монографии касается эволюции образовательной политики КНР в негосударственном секторе.

¹⁴³ 呼和浩特教育志 / 编写组, 主笔张云鹏, 编辑: 宋克文、赖锦年、郅其铮. – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1989 年 253 页.

¹⁴⁴ 巴林左旗教育志, 主编白鹤章, 编辑委员会 1989 年 – 496 页.

¹⁴⁵ 国外私立高等教育发展研究 / 李文成、韩和鸣主编. – 郑州大学出版社, 2007.10. – 288 页. ISBN 978-7-81106-700-2.

Исходя из специфики и характера политики, авторы выделяют несколько этапов: 1978-1986, 1987-1991, 1992-1997, 1998-2002 и после 2003 г.

Влияние мировых тенденций обусловило обращение китайских исследователей к проблематике глобализации. Так, в монографии «Университетское образование в эпоху глобализации» (全球化时代的大学通识教育), изданной в издательстве Пекинского университета, Хуан Цзюньцзе (黄俊杰)¹⁴⁶ рассматривает зарубежный опыт интернационализации образования, основные проблемы, возникающие в условиях глобального взаимодействия, а также дает рекомендации по решению существующих проблем в высшем образовании. Одним из подходов, способных преодолеть противоречия, возникающие в образовании, является внедрение фундаментальных основ конфуцианского образования в современную образовательную практику наряду с применением опыта США и Японии. Примечательным фактом можно считать специальное изучение опыта Тайваня в части системы выборов ректоров университетов. Отдельная глава посвящена рассмотрению теории реформирования образования Фу Сыняня, одного из идеологов движения «4 мая».

Вопросам развития человеческого капитала в контексте реформ высшего образования посвящен труд Чжан Жисиня (张日新)¹⁴⁷. В своем исследовании автор рассматривает функции высшего образования и его институциональные требования, механизмы формирования человеческого капитала, гетерогенность человеческого капитала и вариативность высшего образования, управление учреждениями высшего образования, а также вопросы эволюции системы высшего образования в Китае, сравнение зарубежных образовательных моделей, цели и механизмы реформирования высшего образования Китая.

¹⁴⁶ 全球化时代的大学通识教育 / 黄俊杰. - 北京大学出版社, 2006.8 – 194 页. ISBN 7-301-10560.

¹⁴⁷ 人力资本与中国高等教育体制改革研究 / 张日新著. 北京: 中国经济出版社, 2007.2 ISBN 978-7-5017-7914-7.

Актуальность научной проблематики в том числе подтверждается тем, что в последние годы стали издаваться монографии, посвященные вопросам развития системы высшего образования Китая, написанные китайскими учеными, переведенные и изданные на русском языке. Например, Хао Пин «Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае»¹⁴⁸, Хуан Чжунцзин «Китайский путь развития фундаментального образования»¹⁴⁹ и др.

Отдельная литература на китайском языке посвящена решению чувствительной проблемы национального образования и экономического развития, в то время как литература на английском языке адресована академической аудитории, которая в основном озабочена проблемами неравенства и идентичности. Для поиска информации на китайском языке были заданы параметры, ограничивающие проблематику вопросами развития образования этнических меньшинств материкового Китая. Исследованная литература была опубликована в разные годы, касалась разных периодов развития образования. Например, 中国的教育研究：1978-2020：部分领域与指标为例 (Исследования в области образования в Китае: 1978-2020: примеры отдельных областей и показателей)¹⁵⁰, изданная в Пекине в 2023 г. Академией общественных наук КНР.

Научный интерес представляют результаты исследований китайских коллег, посвященных вопросам образования и национальной идентичности. Например, статья Чэнь Сяньюй «Влияние культурно-образовательной политики Китая на формирование национальной идентичности и обеспечение культурной безопасности»¹⁵¹, Ли Сянянь «Проблема

¹⁴⁸ Хао Пин. Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае; пер. с кит. К.А. Орышич. М.: Международная издательская компания «Шанс». 2019. 431 с.

¹⁴⁹ Хуан Чжунцзин. Китайский путь развития фундаментального образования / пер. с кит. Ван Юе и др. СПб.: Нестор-История 2020. 576 с

¹⁵⁰ 中国的教育研究：1978-2020：部分领域与指标为例 / 安静，赵志顿，王有春者. 北京: 中国社会科学出版社, 2023. 163 页。

¹⁵¹ Чэнь Сяньюй. Влияние культурно-образовательной политики Китая на формирование национальной идентичности и обеспечение культурной безопасности // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. № 5(1). С. 62-74. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2025.5.1.004>.

самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 г. по настоящее время)¹⁵².

С 2000-х гг. отмечается активизация двусторонних академических связей, реализации совместных проектов в области образования. Это отразилось на увеличении количества исследований, посвященных проблеме развития высшего образования в Китае, авторами которых являются китайские аспиранты, стажеры, а также ученые КНР, занимающиеся изучением России.

На протяжении многих лет вопросами развития образования, российско-китайских образовательных проектов занимается сотрудник Владивостокского госуниверситета Ван Бин¹⁵³. Исследования автора нашли свое отражение в коллективной монографии «Экспорт образовательных услуг университетов: теория, методология, практика»¹⁵⁴.

Проблема реформирования системы высшего образования привлекает интерес большого количества китайских исследователей. Среди основных авторов можно перечислить Чэнь Чжаомин¹⁵⁵, Ван Ян¹⁵⁶, Шао Хайкунь¹⁵⁷, Ли Яньхуэй¹⁵⁸ и др.

Диссертационные исследования китайских аспирантов раскрывают актуальные проблемы развития образования в КНР. Например, Го Синь «Социокультурные эффекты модернизации профессионального образования в Китае», Лю Цяофан «Развитие негосударственного высшего образования в

¹⁵² Сяньнь Ли. Проблема самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 г. по настоящее время) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 4. С. 124-130. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2018.4.11>.

¹⁵³ Ван Бин. Организационно-методические положения развития экспорта образовательных услуг университетов Приморского края в КНР. Автореф. канд. экон.н. Владивосток, 2022. 22 с.

¹⁵⁴ Латкин, А. П. Экспорт образовательных услуг университетов: теория, методология, практика / А. П. Латкин, Б. Ван, И. П. Черная. Владивосток : Владивостокский государственный университет, 2024. – 136 с.

¹⁵⁵ Чэнь Чжаомин. Реформирование системы образования в Китае // Гуманитарный вектор, 2010. №1. С. 61-68.

¹⁵⁶ Ван Ян. Реформирование системы высшего образования в Китае в XX – начале XXI в. // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 3. С. 62-71.

¹⁵⁷ Шао Хайкунь. Развитие системы оценки деятельности вузов в КНР // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2018. № 1 (32). С. 18-22.

¹⁵⁸ Ли Яньхуэй. Новая динамика высшего образования в Китае // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2015. – №6 (28). С. 151-159.

КНР в конце XX – начале XXI вв.: организационно-правовой аспект», Цянь Мэнсинь «Динамика и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере высшего образования»¹⁵⁹, Чжан Пэйюань «Российско-китайское межрегиональное сотрудничество в сфере высшего образования в конце XX – начале XXI вв. на примере Восточной Сибири и Внутренней Монголии», Дэн Тао «Современное состояние и тенденции модернизации системы высшего образования в Китае», Хэ Сяоган «Становление и развитие системы высшего профессионально-технического образования в Китае: 1980-е – начало 2000 гг.», Ли Яньхуэй «Гуманистическая направленность модернизации высшего педагогического образования в России и Китае», Ван Бин «Перспективы и риски системы высшего образования КНР в контексте становления современных моделей университетского управления», Лю Чжиянь «Регионализация профессионального образования Китая в условиях его реформирования» и др. Более полный список тем диссертационных исследований и научных статей китайских аспирантов, стажеров представлен в библиографическом списке.

Такие работы представляют интерес в силу ряда причин. Во-первых, китайские аспиранты в основном используют источники, литературу, массив данных на китайском языке, затем вводят их в научный оборот на русском языке, что дополняет и обогащает отечественные исследования, позволяет лучше понять динамику социокультурных и исторических процессов. Во-вторых, они приобщаются к научным традициям, методологическому базису, разработанному российскими учеными, научными школами, что формирует их как исследователей, определяет подходы к рассмотрению конкретных проблем. В результате этот синтез создает условия для продуктивной работы, получения новых данных, вносящих вклад в российскую и мировую науку.

Монгольская историография

¹⁵⁹ Цянь Мэнсинь. Динамика и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере высшего образования: специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Цянь Мэнсинь, 2022. 181 с.

Исследование Китая учеными Монголии получило свое развитие после образования КНР в 1949 г. Отношения между странами вступили в новую фазу развития, что обусловило необходимость в кадрах, владеющих китайским языком. Поэтому монгольское правительство направило нескольких молодых людей в китайские университеты для подготовки кадров в области китайского языка и китаеведения. Получив образование в Китае, эти молодые люди положили начало новому поколению китайских ученых в Монголии. В начале 1960-х гг. филологический факультет Монгольского государственного университета наряду с подготовкой учителей монгольского и русского языков начал реализовывать подготовку переводчиков и литераторов по тибетскому, маньчжурскому, китайскому, английскому, французскому и немецкому языкам. Первый этап развития китаеведения был связан с переводом литературных произведений китайских авторов на монгольский язык, изучением философского наследия.

Второй этап пришелся на «культурную революцию», когда китайское правительство открыто проводило враждебную политику по отношению к МНР, вмешивалось во внутренние дела и искажало историю, где в своих научных и пропагандистских книгах утверждало, что Монголия являлась неотъемлемой частью Китая¹⁶⁰. Эти моменты не только негативно сказывались на двусторонних отношениях, но и мешали объективному анализу исторических и социальных процессов в Китае.

В этот период в фокусе исследований находились проблемы социально-экономического развития Китая во время «Великой культурной революции», политика, проводимая китайскими лидерами, и ее последствия для экономического положения регионов проживания этнических меньшинств, особенно Внутренней Монголии, которая является приграничным и этнически близким регионом. Следует отметить работу А. Дамдинсурэна «Автономный район Внутренняя Монголия в период “культурной

¹⁶⁰ Ариунгуа Н., Батцэцэг Ч. Монгол дахь хятад судлал // Олон улс судлал, 2006. №4. С. 113.

революции” в КНР (1966-1977)»¹⁶¹, который защитил диссертацию в 1980 г. Историк Ц. Батбаяр написал диссертацию на тему «Основные направления деятельности китайских властей в отношении Внутренней Монголии (1976-1984 гг.)»¹⁶² и защитил ее в 1987 г. в Институте востоковедения АН СССР.

Развитие китаеведения в Монголии во многом зависело от характера и политической ситуации в отношениях между странами. В результате демократической революции в Монголии в 1990 г. и реформ, начатых в КНР, отношения между двумя странами нормализовались и стали быстро развиваться, а изучение Китая вступило в новый этап развития.

Автономный район Внутренняя Монголия являлся объектом исследования в плане анализа проблем этнокультурного и социально-экономического развития населения. Например, монография Ж. Улзий «Происхождение и обычаи некоторых этнических групп Автономного района Внутренняя Монголия»¹⁶³. Большое количество работ, посвященных различным аспектам развития Внутренней Монголии, было опубликовано М. Зэнэ, в том числе его обобщающая монография «Внутренняя Монголия: вчера, сегодня» (1990)¹⁶⁴. Следует отметить изданный в 1996 г. коллективный

т

р

у Одним из специалистов по Внутренней Монголии является Ч. Батцэцэг, которая в 2004 г. защитила диссертацию на тему «Положение Автономного района Внутренняя Монголия в монголо-китайских отношениях (с середины

«

М

¹⁶¹ Дамдинсүрэн А. Бүгд Найрамдах Хятад Ард Улс дахь Өвөр Монголын Өөртөө Засах Орон “Соёлын хувьсгал”-ын үед (1966–1977).

¹⁶² Батбаяр Цэдэндамбын. Основные направления политики руководства КНР в отношении АРВМ в 1976-1984 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Цэдэндамбын Батбаяр. Москва, 1987. 206 с.

¹⁶³ Өлзий Ж. Өвөр Монголын Өөртөө Засах Орны зарим үндэстэн, ясны гарал үүсэл, зан заншил. Улаанбаатар, 1990 он. 143 х.

¹⁶⁴ Более подробно можно ознакомиться на официальном сайте Института международных исследований Академии наук Монголии в разделе «Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл. Түүх, соёл». Режим доступа: <https://iis.ac.mn/de27fb78>. Дата обращения: 13.11.2025.

¹⁶⁵ Жамсран Л; Эрдэнэбаяр Ү., Алтанцэцэг Н. Хятад дахь Монголчууд. Улаанбаатар, 1996 он. 168 х.

Ы

К

XX до начала XXI вв.)»¹⁶⁶. Ряд ее статей посвящен разным аспектам развития автономии, в том числе «Из истории культурных связей между народами Монголии и Внутренней Монголии», «Обзор развития культуры и культурных связей в Автономном районе Внутренняя Монголия», «Автономный район Внутренняя Монголия в контексте развития западных р

е Серия исследований монгольских ученых посвящена изучению реализации программы развития западных регионов КНР, куда также была включена Внутренняя Монголия. В качестве примера следует привести исследование Н. Ариунгуа «Программа интенсивного развития северо-западных регионов Китая и перспективы развития животноводческих р

в Формат трехсторонних связей между РФ, Монголией и КНР также привлекает внимание исследователей. Например, обзорная статья Н. Алтанцэцэг «Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения и

и Начиная с 2010-х гг. в монгольской академической среде появляется новая тенденция, связанная с появлением молодых исследователей, получивших образование в Китае. Хорошо владеющие китайским языком, получившие навыки научно-исследовательской работы в условиях китайских вузов, в том числе и во Внутренней Монголии, эти молодые ученые в силу своей подготовленности стали проводить исследования более включенного характера. Оценивать их качество и уровень в рамках данного обзора не представляется корректным в силу сложности вопроса и необходимости

6

¹⁶⁶ Батцэцэг Ч. Монгол-Хятадын харилцаанд ӨМӨЗО-ны эзлэх байр суурь (XX зууны дунд үеэс XXI зууны эхэн). Докторын диссертаци. Улаанбаатар, 2004 он. 257 х.

¹⁶⁷ Более подробно можно ознакомиться на официальном сайте Института международных исследований Академии наук Монголии в разделе «Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл. Түүх, соёл». Режим доступа: <https://iis.ac.mn/de27fb78>. Дата обращения: 13.11.2025.

¹⁶⁸ Ариунгуа Н. БНХАУ-ын Баруун хойд бүс нутгийг эрчимтэй хөгжүүлэх бодлого ба ӨМӨЗО-ы мал аж ахуйн бүс нутгийн хөгжлийн төлөв // Олон улс судлал сэтгүүл. 2002. №1. 175-180 х.

¹⁶⁹ Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос хойшхи үеийн Орос - Монгол, Хятад-Монголын харилцаа // Стратеги судлал сэтгүүл, 2002. № 2. 78-86 х.

0

р

специального погружения в проблему. Мы лишь обозначим данную тенденцию как новое веяние в монгольском китаеведении.

Зарубежная историография

Исследование высшей школы КНР стало привлекать внимание зарубежных ученых (преимущественно западных) с конца XX – начала XXI вв. Условно можно разделить исследователей на несколько групп. В первую группу включены ученые, представляющие академические центры и университеты вузов Великобритании. Широко представлены исследователи из Кембриджа, где изучение истории Китая, отдельных направлений общественного развития китайской цивилизации является одним из традиционных направлений. Известным исследователем в современном монголоведении является профессор Кембриджского университета Урадын Булаг, который посвятил ряд своих трудов изучению исторического и социально-политического развития Внутренней Монголии¹⁷⁰.

В университете Ноттингема Институтом китайской политики (China Policy Institute) издается серия научных трудов, в числе которых монография под редакцией Джона Моргана (W. John Morgan) и Бинь У (Bin Wu) под названием «Реформа высшего образования в Китае. За пределами расширения»¹⁷¹. В монографии коллективом авторов освещаются самые актуальные проблемы в современном высшем образовании КНР. Для нашего исследования особый интерес представляют главы «Региональное разделение сектора высшего образования в Китае: пространственный анализ» и «Тридцать лет реформ в сфере высшего образования Китая: механизмы финансирования». Понимание динамики и последствий расширения высшего образования в Китае требует учета различных факторов. Важными аспектами развития системы являются механизм финансирования, географическое

¹⁷⁰ Bulag U. E. The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity / U. E. Bulag. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 292 p.

¹⁷¹ Higher Education Reform in China. Beyond the Expansion / edited by W. John Morgan and Bin Wu. New-York, Taylor and & Francis e-Library, 2011. – 193 p.

распределение высших учебных заведений, их влияние на трудоустройство выпускников. Авторы приходят к выводу о том, что реформа высшего образования, основанная на принципах децентрализации и системе совместного финансирования, оказала глубокое влияние на направление, местоположение и перераспределение ресурсов. В 1998 г. все провинции Китая были разделены на четыре зоны. Регионы Северо-Востока и Запада страны были включены в IV зону с низким уровнем развития. По мнению авторов, развитие высшего образования в этой зоне столкнется с двойными ограничениями как из-за недостаточного уровня дотаций из центра, так и из-за местных финансовых условий. Для развития высшего образования в стране, утверждают авторы, было бы полезно направление финансирования центрального правительства в регионы, относящиеся к зонам II или IV¹⁷².

Американские ученые также обращаются к проблематике развития высшего образования в КНР. Одной из наиболее интересных работ представляется объемная статья профессора Калифорнийского университета Бэрри Сотмана «Позитивная дискриминация, этнические меньшинства и китайские университеты»¹⁷³, опубликованная в 1998 г. На протяжении многих лет он являлся приглашенным профессором Гонконгского университета науки и технологий. В статье автор анализирует ситуацию 1980-1990-х гг., когда Китай значительно расширил политику преференций для этнических меньшинств. Каждый год в вузы поступают десятки тысяч студентов из числа этнических меньшинств, которые в иных условиях не смогли бы получить желанное место в университетах страны. В западной научной литературе устоялось мнение о том, что реализация политики преференций сопровождается перманентными проблемами. Бэрри Сотман придерживается противоположного мнения и пишет, что данная политика не привела к высокому уровню академической успеваемости и росту

¹⁷² Там же, с. 25-26.

¹⁷³ Barry Sautman, Affirmative Action, Ethnic Minorities and China's Universities, 7 Pac. Rim L. & Pol'y J. 77 (1998). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol7/iss1/3>. Дата обращения: 11.11.2025.

напряженности между ханьскими студентами и студентами из числа этнических меньшинств. Вместе с тем представители этнических меньшинств выражают заинтересованность в дальнейшем расширении политики преференций в китайском высшем образовании, однако сейчас система обеспечения преференций находится «под угрозой свертывания из-за рыночных процессов»¹⁷⁴.

С начала 2000-х гг. увеличилось количество совместных исследований и публикаций зарубежных и китайских ученых, изданных в специализированных издательствах, таких как Springer, Routledge, Elsevier и др. Одной из таких книг является «Образование и общество в постмаоистском Китае»¹⁷⁵ под редакцией Эдварда Викерса и Цзэна Сяодуна (Edward Vickers and Zeng Xiaodong). В монографии рассматриваются проекты в сфере образования, получившие поддержку после начала политики «реформ и открытости», реализации «четырех модернизаций» и др. Как пишут сами авторы, «...это содержательная книга, предоставляющая возможность понять – как, когда и почему современная китайская система образования обрела свою нынешнюю форму. Это очень важный вклад в новейшую историю образования и в исследования в области образования в целом»¹⁷⁶.

Знаковой фигурой в научном сообществе является профессор Университета Гонконга Жерар Постильоне (Gerard Postiglione), системно занимающийся проблемами развития высшего образования в КНР. Им опубликована серия статей, в том числе в соавторстве с китайскими коллегами, раскрывающих отдельные стороны целостного образовательного процесса. Особый интерес представляет его критический анализ системы высшего образования, изложенный в статье «Расширение высшего

¹⁷⁴ Там же. С.77.

¹⁷⁵ Education and Society in Post-Mao China / Edward Vickers and Zeng Xiaodong. Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2017. 395 p.

¹⁷⁶ Там же. С.123

образования: шаткое положение Китая»¹⁷⁷. Автор пишет: «несмотря на то, что в стране больше университетов, входящих в мировые рейтинги, половина соответствующей возрастной группы получает высшее образование и планируется дальнейшее расширение [охвата образованием]. Система сильна по масштабу, но качественно слаба»¹⁷⁸. В доказательство он приводит сравнение с соседними странами, которые сумели создать свою эффективную систему высшего образования. Основная причина, по которой ведущая экономика с большим населением, богатым культурно-образовательным наследием и талантливыми студентами не смогла полностью реализовать свой потенциал в сфере высшего образования, кроется в ограничениях институциональной автономии при одновременном углублении интернационализации, противоречии между обеспечением образовательного суверенитета и партийно-государственным контролем системы. Как отмечает автор, «жесткий государственный контроль был ключом к успеху китайских университетов. По мере усложнения процессов развития это становится препятствием»¹⁷⁹.

Что касается непосредственно проблем развития высшего образования в АРВМ, то зарубежные (преимущественно западные) ученые рассматривали данный регион в контексте колониальной экспансии и характеризовали его как отсталый в социально-экономическом плане, в том числе в сфере образования. С начала нового тысячелетия фокус исследований постепенно сместился к проблемам этнокультурного образования, билингвального и трилингвального обучения. Например, этими вопросами на протяжении нескольких лет занимался Б. Адамсон¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Gerard Postiglione. Expanding Higher Education: China's Precarious Balance. *The China Quarterly*, No. 244, Special Issue – Change, Contradiction and the State: Higher Education in Greater China (DECEMBER 2020), pp. 920-941.

¹⁷⁸ Там же. P. 935

¹⁷⁹ Там же

¹⁸⁰ Adamson B. *China's English: A History of English in Chinese Education*. 2004, Hong Kong: Hong Kong University Press; Adamson B., Feng A. (2014). Models for Trilingual Education in the People's Republic of China. In: Gorter, D., Zenotz, V., Cenoz, J. (eds) *Minority Languages and Multilingual Education*. *Educational Linguistics*, vol 18. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7317-2_3

Необходимо выделить исследования японских ученых, проявлявших интерес к изучению образовательной ситуации во Внутренней Монголии. Отдельные исследования японских ученых посвящены проблемам развития образования в национальных школах Внутренней Монголии с точки зрения «множественной идентичности» (китайской и монгольской), общей характеристике образовательной ситуации во Внутренней Монголии в начале прошлого века. Следует отметить обзорную статью Такео Икеда «Характеристика культуры и образования в Маньчжурии, Монголии и Цицикаре»¹⁸¹. В ней автор описывает развитие образования в контексте японско-китайских отношений в первой половине XX в. Стремясь объективно оценить сложные исторические процессы в указанный период, автор признает, что образовательная политика Японии в указанном регионе вызывала недовольство у местного населения. Наряду с этим он выделяет положительные стороны: начали создаваться начальные и средние учебные заведения, увеличилось число молодых людей, направлявшихся для обучения в Японию, которые после возвращения в Китай занимались преподавательской деятельностью.

В научных исследованиях особое место занимают вопросы сравнительного образования¹⁸². Краткий обзор исследований, посвященных вопросам развития образования во Внутренней Монголии, опубликованных на японском языке, позволил сделать предварительный вывод о том, что основной фокус исследований обращен на исторический период начала XX в. В частности, об этом можно судить по тематике докторских диссертаций, защищаемых в японских университетах представителями Внутренней Монголии. Например, диссертация Такара Кинка (宝金華, кит. Бао Цзиньхуа)

¹⁸¹池田健雄. 満洲蒙地、齊齊哈爾の研究—教育・文化を中心に (Характеристика культуры и образования в Маньчжурии, Монголии и Цицикаре). 千葉大学大学院人文公共学府 研究プロジェクト報告書 第388集 pp. 28-56 2025 年 (Отчет о научно-исследовательском проекте Высшей школы гуманитарных и общественных наук Университета Тиба, 2025. Т. 388. С. 28-56).

¹⁸²北村 友人. 比較教育学と開発研究の関わり (Китамура Юджин. Взаимосвязь между сравнительным образованием и исследованиями в области развития). Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jces1990/2005/31/2005_31_241/article/-char/ja/. Дата обращения: 13.11.2025.

«История создания современных школ во Внутренней Монголии в период поздней династии Цин»¹⁸³, в которой дается характеристика образования в период династии Цин. Как пишет автор, в этот период во Внутренней Монголии носило преимущественно религиозный характер, современное школьное образование было неразвитым. Однако из-за политического кризиса, возникшего в конце династии Цин, монгольская интеллигенция и политические лидеры в различных регионах предприняли попытки реализовать реформы, направленные на развитие образования, рассматривавшегося как условие прогресса монгольского общества. Автор на примере деятельности первых современных школ во Внутренней Монголии, основанных по инициативе Гунсаннорбу¹⁸⁴, дает характеристику образовательной политики начала прошлого столетия. Утверждается, что школы были созданы по образцу современной японской системы образования. Эти три школы имели историческое значение для развития системы общего образования Внутренней Монголии. В школе Чунчжэн (崇正学堂) осуществлялась общая подготовка детей, школа Шоучжэн (守正学堂) занималась обучением военному делу, школа Ючжэн (毓正学堂) являлась первой специализированной школой для девочек.

Исследование Такара выходит за рамки ранее существовавшей точки зрения, согласно которой эти школы были проявлением «политики ассимиляции династии Цин» или «вмешательством извне» (например, Японии). Автор доказывает, что они представляли собой независимую попытку модернизации со стороны самих монголов. Важную роль образование сыграло в деле формирования интеллектуального ядра молодежи Внутренней Монголии в начале XX столетия, определившей последующую историю и социальное развитие региона.

¹⁸³ 宝 金華. 清朝末期の内モンゴルにおける近代学校に関する歴史的研究.()

¹⁸⁴ Гунсаннорбу (кит. 贡桑诺尔布 1872–1931), мыслитель, политический деятель, реформатор, поэт, последний великий монгольский князь в китайской истории. После синьхайской революции он был главным управляющим палаты по делам Монголии и Тибета.

Как отмечают японские ученые, даже в самой Внутренней Монголии исследования, посвященные монгольскому обществу в период Маньчжоу-Го, начали развиваться только в 1980-х гг. Современный период развития образования в АРВМ японскими исследователями затрагивается достаточно редко. Это можно объяснить сохраняющейся для японских ученых актуальностью изучения исторических процессов первой половины XX в., введения в оборот архивных данных, в том числе находящихся в самой Японии.

Труды на старомонгольской письменности

В историографии проблемы особое место занимает литература, изданная на классической монгольской письменности (старомонгольская письменность). Традиционная письменная культура монгольских народов Китая представляет собой богатое наследие, определяющее неразрывную связь между историческим прошлым, противоречивым настоящим и перспективными направлениями развития в будущем. Монголы Внутренней Монголии в отличие от бурят, калмыков и халха-монголов, не проходили стремительный путь культурно-образовательной модернизации, сохранили свою исконную письменность и продолжают ее развивать в условиях глобальных тенденций.

В 2003 г. В Хулун-Буирском институте преподавателями отделения монгольского языка и литературы на классической монгольской письменности был издан сборник под названием «Üyiles-ün dörüge»¹⁸⁵ (Стремена деяний), посвященный становлению и развитию отделения. Структурно он состоит из следующих разделов: «Историческая справка об институте», «Основные достижения», «Направления работы», «Научные исследования», «Перспективы развития» и др. Данное издание примечательно тем, что в нем даны исторические сведения о преподавателях,

¹⁸⁵ Liu Sui. Neyigem-dü qanduᠭulan surᠭaᠭuli erkilejü čidaburitan-i ülemjiken kümüjjigülüne (Роль школы в воспитании способных учащихся) // Üyiles-yin dörüge (Стремена деяний). – Hülün Buyir: Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriу-a (Хулун-Буир: Народное изд-во Внутренней Монголии), 2003. С. 3-10.

профессорах отделения, внесших важный вклад в его развитие. Секретарь партийного комитета Хулун-Буирского института Лю Суй в своей статье охарактеризовал становление и развитие института в конце XX – начале XXI вв. В ней содержатся статистические сведения о количестве учащихся, штатном составе, направлениях педагогической и научной деятельности.

Объемная статья Гонгоржава и Сэцэнгэрэл охватывает историю становления и развития отделения монгольского языка и литературы, начиная с 1977 г. Исторически отделение появилось в виде специальной группы высшей категории сразу после окончания «культурной революции» в Хайларском педагогическом училище. Авторы выделяют четыре этапа в становлении и развитии отделения монгольского языка и литературы: 1) 1977-1984; 2) 1984-1993; 3) 1993-1997; 4) 1997-2003¹⁸⁶.

Подводя предварительный итог историографическому обзору, следует отметить, что, несмотря на наличие в отечественной и зарубежной историографии научных статей, монографий, справочных материалов, тематических сборников, проблема развития системы высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия в контексте модернизации КНР детально и специально не освещалась. Вместе с тем мы отдаем себе отчет в том, что всестороннее рассмотрение результатов научных исследований по проблемам развития высшего образования АРВМ в отечественной, китайской, зарубежной историографии нуждается в более глубоком анализе. В рамках диссертационной работы историографический обзор дал общие представления, позволил определить тенденции развития исторической мысли. Более подробный анализ представляется перспективным направлением дальнейших научных дискуссий как в рамках исторической науки, так и на междисциплинарном уровне.

¹⁸⁶ Yongqorjab, Sečenggerel. Hülün Buyir degedü surayuli-yin mongyol kele udqa jokiyal-un salburi-yin tobči teüke [Краткая история отделения монгольского языка и литературы Хулун-Буирского института] // Üyiles-yin dürüge [Стремения деяний]. Hülün Buyir: Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a [Хулун-Буир: Народное изд-во Внутренней Монголии], 2003. С. 11–36.

§ 1.2. Источниковая база исследования

В процессе исследования были использованы источники на русском, китайском, английском, старописьменном монгольском языках. Использованные в диссертации исторические источники можно разделить на следующие виды: нормативные, статистико-справочные издания, периодическая печать, документы личного происхождения. По типовому признаку они делятся на письменные и электронные.

Первой группой источников нашего исследования являются источники на китайском языке, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы. Первая подгруппа – это официальные государственные и политико-партийные документы Китайской Народной Республики: Конституция КНР (1954 г., 1978 г., 1982 г.), материалы съездов КПК и пленумов ЦК КПК, речи политических лидеров КНР и т.д., которые стали основными историческими источниками.

Основные нормативные документы: Конституция КНР (декабрь 1982); «Постановление о реформе экономической системы» (октябрь 1984); «Постановление ЦК КПК о реформе структуры образования» (май 1985); документ ЦК КПК и Госсовета КНР «Программа реформ и развития образования» (февраль 1993); «Закон КНР об учителях» (октябрь 1993); «Закон КНР об образовании» (март 1995); «Уведомление Государственного комитета по образованию КНР о построении пилотных краткосрочных учреждений ПО» (декабрь 1995); «Закон КНР о профессиональном образовании» (сентябрь 1996); «Мнения Государственного комитета по образованию КНР об углублении реформы преподавания предметов профессионального образования навстречу XXI веку» (февраль 1998); «Закон КНР о высшем образовании» (август 1998, с изменениями в 2015 и 2018); «Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР об углублении реформы образования и комплексном продвижении вперед воспитания качественных характеристик» (июнь 1999); «Постановление Госсовета КНР о всемерном

продвижении реформы и развития профессионального образования» (август 2002); «Закон КНР о стимулировании негосударственного образования» (декабрь 2002); «Постановление Госсовета КНР о всемерном развитии профессионального образования» (октябрь 2005); «Мнения Министерства образования КНР по поводу всестороннего повышения качества преподавания в учреждениях высшего профессионального образования Китая» (ноябрь 2006); «Мнения Министерства образования КНР об усилении подготовки педагогических кадров для средних профессиональных учебных заведений в период 12-й пятилетки» (декабрь 2011); «Мнения Госсовета КНР об усилении подготовки преподавательского состава» (август 2012); «Постановление Госсовета КНР об ускорении развития современной системы профессионального образования» (май 2014); документ Министерства образования КНР и других ведомств «План построения современной системы профессионального образования КНР на 2014-2020 гг.» (июнь 2014), Закон КНР о содействии частному образованию (2018), Положение «Об ученых степенях» (1980, с поправками в 2004) и т.д.

Региональная система образования АРВМ реализуется в рамках той нормативно-правовой базы, которая определена правительством КНР. Основными законами, в которых содержатся нормы, регулирующие отношения в сфере образования, являются Закон КНР «О национальной районной автономии», Закон КНР «Об образовании», Закон КНР «Об обязательном образовании», Закон КНР «О высшем образовании», Закон КНР «О профессиональном образовании», Закон КНР «О содействии частному образованию» и другими соответствующими законами и нормативными актами.

Следует обратить внимание на «Положение об этническом образовании в Автономном районе Внутренняя Монголия», принятое на 26-м заседании Постоянного комитета 12-го Всекитайского собрания народных представителей Автономного района Внутренняя Монголия 29 сентября 2016

г. Данный документ был направлен на защиту и развитие этнического образования, в структурном плане он состоит из 8 глав, содержащих 50 статей. Положение вступило в силу 1 ноября 2016 г., утратило силу 1 января 2022 г. в связи с принятием нового аналогичного документа, утвержденного 29 сентября 2021 г. на 30-м заседании Постоянного комитета 13-го Всекитайского собрания народных представителей Автономного района Внутренняя Монголия.

Хотя новый документ можно считать правопреемником предыдущего Положения, в текст нового документа были внесены принципиальные изменения. Одним из главных был пункт о «Продвижении общенационального языка», который определялся как основной язык образования и обучения. Всестороннюю поддержку получало использование общенациональных учебников, которые должны были обеспечить учащимся из числа этнических меньшинств условия для овладения государственным языком и письменностью.

Наряду с этим декларировалась защита языков этнических меньшинств. В тексте документа указывалось: «продвигая общенациональный язык, Положение гарантирует право представителей этнических меньшинств изучать свои языки и письменность, а также поощряет изучение национальных языков друг друга».

Кроме того, можно отметить стремление руководства страны снизить разрыв в уровне образования между разными регионами и этническими группами, особое внимание уделяется мерам поддержки в отдаленных сельских и скотоводческих районах. Школы должны активизировать процесс воспитания у учащихся чувства общности в рамках китайской нации, формировать правильные взгляды на страну и народ.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что политика высшего руководства КНР с началом реализации концепции «великого

возрождения китайской нации» направлена на процесс создания единого монолитного народа (中华民族).

Анализ нормативно-правовой базы, определяющей образовательную политику руководства, функционирование учреждений высшего образования, деятельность органов управления национального и регионального уровней, кадровую политику, требования к результатам освоения образовательной программы и т.д., показал, что, несмотря на большой массив законов, актов, решений и рекомендаций, в правовой системе КНР отсутствует закон об этнокультурном образовании.

Руководство КНР при помощи Советского Союза в середине XX в. стремилось в максимально сжатые сроки запустить в работу промышленные предприятия, подготовить условия для выработки продукции и устойчивого функционирования заводов и фабрик. Нормативно-правовой основой двустороннего взаимодействия явился ряд двусторонних соглашений, которые тоже включены в первую группу источников диссертационного исследования. Приведем наиболее значимые:

- «Соглашение об оказании Советским Союзом помощи КНР по строительству и реконструкции 50 крупных предприятий» (от 14 февраля 1950 г.). В итоге в план было включено 47, из которых 36 находились на Северо-Востоке КНР;

- «Соглашение о помощи Китаю в строительстве 141 промышленного предприятия», в том числе 91 новое предприятие, большая часть из которых были предприятиями ВПК (от 15 мая 1953 г.);

- «Соглашение о поставках 141 наименования оборудования для 15 предприятий, построенных или переоснащенных в рамках помощи Советского Союза Правительству КНР», «Китайско-советское соглашение о предоставлении советским правительством Правительству КНР долгосрочного кредита на сумму 520 млн. рублей» и другие документы (от 11 октября 1954 г.);

– «Соглашение об оказании помощи СССР в строительстве 16 промышленных объектов», в том числе оборонной промышленности и строительства кораблей (от 28 марта 1955 г.);

– «Соглашение об оказании Советским Союзом Китаю помощи по развитию некоторых промышленных объектов» (от 7 апреля 1956 г.). Данное соглашение предполагало строительство 55 новых предприятий, в том числе металлургический комбинат, механический и химико-технологический заводы, завод синтетических и пластиковых материалов, предприятия электрического оборудования, завод жидкого горючего, электростанцию и НИИ авиационных технологий¹⁸⁷.

В эту же группу включены различные программы развития высшего образования. Например, «Государственная программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования (2010-2020)», «Ряд заключений по всестороннему повышению качества высшего образования» (2012), «Замечания по углублению реформы послевузовского образования» (2013), «Замечания о работе по укреплению системы обеспечения и надзора за качеством ученых степеней и послевузовского образования» (2014), «Уведомление о координации управления аспирантами очной и заочной форм обучения» (2016), «Уведомление о пилотной работе по комплексному реформированию образования докторантов» (2017), «Уведомление о дальнейшей стандартизации и усилении управления подготовкой аспирантов» (2019), «Предложения об ускорении реформы и развития высшего образования в новую эпоху» (2020), «Замечания по дальнейшему жесткому регулированию управления качеством ученых степеней и послевузовского образования» (2020), различные проекты по развитию системы высшего образования («211», «985», «Двойной первый класс» и др.),

¹⁸⁷ Александрова М. В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века / М. В. Александрова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: информ. материалы / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова ; Ин-т Дальнего Востока РАН. Москва: ИДВ РАН, 2013. С. 326–339

отчеты правительства Китая и АРВМ в сфере социальной политики и образования и т.д.

Во вторую группу источников включены материалы СМИ и официальных сайтов правительства Внутренней Монголии, администрации г. Хух-Хото, официальные сайты администраций городов и районов автономии, а также вузов региона. Нами широко использовались материалы китайских СМИ, прежде всего официальной газеты КПК «Жэньминь Жибао» (人民日报) и сообщения информационного агентства «Синьхуа», газеты Правительства Автономного района Внутренняя Монголия «Нэймэнгу жибао» (内蒙古日报), официального портала «Нэймэнгу синьвэнь ван» (内蒙古新闻网), Радиотелевизионной станции Внутренней Монголии (内蒙古广播电视台) и т.д. Кроме того, были использованы материалы журналов, например, журналы «Молодежь Китая» (中国青年, «China Youth»), «Китай» (中国), а также «Contemporary World» (на английском языке). В первую очередь, это материалы, освещающие молодежную жизнь, затрагивающие вопросы развития системы высшего образования, отдельных программ и проектов, идеологической работы, управленческих решений, международных гуманитарных связей КНР с другими странами и т.д. Данные журналы являются официальной платформой изложения позиций и мнений руководства страны, руководителей различных компаний и учреждений, экспертов, ученых, формирующих общее представление по ключевым вопросам международного сотрудничества, а также развития проектов на региональном и глобальном уровнях. Например, в №11 (191) за ноябрь 2021 г. ежемесячного журнала «Китай» опубликована статья Сян Хаояна «Перспективы профессионального образования», в которой освещаются проблемы недостатка рабочих мест, роли профессионального образования в повышении уровня жизни, а также устранения «узких мест». Изложенные тезисы можно считать официальной точкой зрения руководства страны по

вопросам развития профессионального образования в условиях реализации 13-го пятилетнего плана и перспектив на 14-ю пятилетку.

Следует выделить и относительно новый вид источников – это каналы в медиасистеме Вичат (WeChat), на платформе которой создано большое количество информационных ресурсов, в том числе и по проблематике нашего исследования. Например, Китайская академия общественных наук (中国社会科学网), журналы «Высшее образование в Китае» (中国高等教育), «Ученые записки Северного университета национальностей» (北方民族大学学报) и др.

Данная система является уникальной разработкой компании Tencent (腾讯), в которой совмещены функции социальной сети, мессенджера, платежной системы, различных сервисов услуг (доставка, заказ такси, медицинское страхование и т.д.). В период пандемии COVID-19 на данной платформе осуществлялись образовательные курсы, создавались учебные приложения и размещались материалы для самостоятельной работы.

В третью группу включены статистические данные, представленные Национальным бюро статистики КНР (Китайские статистические ежегодники), данные официальных сайтов, посвященных теоретическим подходам лидеров страны к управлению страной в условиях модернизации, «Белые книги», «Синие книги» и т.д.

Дополнительным материалом явились статистические данные по развитию непрерывного образования ЮНЕСКО в КНР, опубликованные в ежегодных отчетах на официальном сайте организации в сети интернет. В исследовании были использованы статистические данные по образованию, различным его уровням и направлениям, размещенные на официальном сайте Национального бюро статистики (国家统计局), адрес в сети интернет: <https://www.stats.gov.cn/sj/>.

Особую ценность представляют архивные материалы в виде статистических сборников, например, «Хроника Автономного района Внутренняя Монголия. Образование» (内蒙古自治区志。教育志), которая была издана в 2014 г. в Хух-Хото (Издательство «Образование Внутренней Монголии»), и переиздана в 2017 г. в том же издательстве¹⁸⁸. В этом сборнике представлена информация об эволюции образовательной практики с момента организации первых учебных заведений, дается характеристика типов, уровней обучения, особенностей управления, финансирования и т.д. Особый интерес представляет глава 5, в которой даются сведения о первых учреждениях высшего образования, специфике работы этих учреждений, краткая история развития каждого учреждения, начиная с момента образования Педагогического института Автономного района Внутренняя Монголия в 1952 г. В третьем параграфе данной главы представлена периодизация развития профессионального образования в АРВМ с 1952 по 2000 гг.

Следующий этап развития системы образования представлен в сборнике под таким же названием «Хроника Автономного района Внутренняя Монголия. Образование» (内蒙古自治区志。教育志), в который включены события с 2001 по 2010 гг. Сборник был опубликован в декабре 2022 г. в Пекинском издательстве Фанчжи¹⁸⁹.

Еще одним таким статистическим сборником является издание «Основные достижения в сфере образования Автономного района Внутренняя Монголия. Статистические материалы (1947-1997 гг.)»¹⁹⁰. В нем даются количественные параметры развития образования в АРВМ с распределением по городам и аймакам в разрезе уровней образования, количества обучающихся и направлений подготовки. Например, дается

¹⁸⁸内蒙古自治区志。教育志 / 奇锦玉、李高销编著。呼和浩特：内蒙古教育出版社，2017. 1134 页.

¹⁸⁹内蒙古自治区志。教育志：2001 – 2010 / «内蒙古自治区志。教育志» 编纂委员会编。– 北京：方志出版社，2022 年 12 月. 542 页.

¹⁹⁰内蒙古自治区教育成就 (1947-1997 统计资料) / 内蒙古教育出版社出版发行. 1997. 346 页.

статистика по количеству обучающихся в высших профессиональных учебных заведениях с 1952 г. по 1996/1997 учебные годы. Общее количество студентов в 1952 г. составляло всего 616 человек, а в 1960 г. – уже 13281 человек. В 1966 г. набор в вузы был приостановлен, реализация программ прекратилась, и возобновилась только в 1972 г., когда количество студентов составило 2934 человека¹⁹¹.

Данные, содержащиеся в сборниках, посвященных истории развития Педагогического университета Автономного района Внутренняя Монголия позволяют дополнить и расширить общую картину эволюции высшего профессионального образования в автономии. Первый том «Хроника Педагогического университета Внутренней Монголии» (1952-1992 гг.)¹⁹² был опубликован в феврале 1993 г. в Народном издательстве Внутренней Монголии. Второй том охватывал этап с 1993 по 2004 гг. и был издан в издательстве «Образование Внутренней Монголии» в 2005 г. Особым событием в истории университета в эти годы стало строительство университетского кампуса площадью свыше 200 гектаров¹⁹³. В ноябре 2002 г. было подписано соглашение между университетом и Правительством АРВМ и администрацией Хух-Хото о предоставлении земли в юго-восточной части столицы автономии – уезде Хорингэр (和林格尔县) для строительства кампуса Шэнлэ (盛乐校区). В сентябре 2004 г. новый кампус был введен в эксплуатацию.

Третий том охватывает этап 2005-2012 гг. и соотносится с юбилейной датой – 60-летием со дня образования университета в 1952 г., являвшегося первым учреждением высшего образования АРВМ¹⁹⁴. Знаковым

¹⁹¹内蒙古自治区教育成就 (1947-1997 统计资料) / 内蒙古教育出版社出版发行. 1997. 98 页.

¹⁹² 内蒙古师范大学志 (1952-1992) 编纂委员会主修窦伯菊, 主纂刘成法. – 呼和浩特, 内蒙古人民出版社, 1993 年 2 月. 773 页.

¹⁹³ 内蒙古师范大学志 (1993-2004) / 内蒙古师范大学志编委会编. 呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 2005 年 6 月. 868 页.

¹⁹⁴ 内蒙古师范大学志 (2005-2012) / 内蒙古师范大学志编委会编著. 呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 2012 年 8 月. 912 页.

достижением данного этапа является получение права на подготовку докторантов на базе Института истории науки и техники университета. В 2009 г. был осуществлен первый набор иностранных докторантов по программе Правительства КНР из России и Монголии.

Посильную помощь в поиске информации по истории развития образовательной сферы оказывают «Сборники по региональной истории АРВМ» (内蒙古自治区地方志丛书), в которых содержатся основные данные по всем отраслям хозяйства и социальной сферы, включая высшее образование.

Следует отдельно упомянуть специальные доклады о развитии образования в КНР. В 2002 г. был учрежден научно-исследовательский институт образования XXI в., являющийся некоммерческой организацией, созданной для экспертной независимой оценки образования. Деятельность данного института в том числе направлена на повышение эффективности деятельности образовательной системы. С 2003 г. стали издаваться ежегодные отчеты по различным вопросам развития образования, получившие название «Синяя книга об образовании» (教育蓝皮书). В 2008 г. нидерландская компания «Brill» в рамках подписанного соглашения о сотрудничестве с Издательством Китайской академии общественных наук выпустила версию на английском языке. «Синие книги» – это масштабный проект, получивший свое развитие под эгидой Издательства Китайской академии общественных наук. Сами книги представляют собой серию отчетов, в которых анализируются и прогнозируются текущая ситуация и тенденции развития различных сфер, в том числе и образования. Эти ежегодные отчеты стали важным источником для исследований китайского образования за рубежом. Для нашего исследования особое значение имеют «Доклад о развитии образования в Китае в 2005 г.» («2005年：中国教育发展报告») и «Доклад о развитии этнического образования в Китае (2017 г.).

Внутренняя Монголия» («中国民族教育发展报告 (2017), 内蒙古卷») или «Синяя книга по этническому образованию» («民族教育蓝皮书»).

Доклад за 2005 г. является первым изданием, вышедшим под эгидой Китайской академии общественных наук, в 2003 и 2004 гг. доклады публиковались Издательством высшего образования. Смена издательства помимо организационных моментов имеет и содержательные аспекты. Ежегодные отчеты по проблемам развития образования стали носить более масштабный характер, увеличилась аналитическая составляющая.

«Синяя книга по этническому образованию» является особо ценным источником для нашего исследования, поскольку дает системную характеристику этнического образования в Китае на материале АРВМ. Как отмечают авторы отчета, «образование этнических меньшинств является связующим звеном в системе образования страны и залогом этнического единства и прогресса». Первая национальная автономия Китая с момента своего создания уделяет большое внимание развитию образования. В китайском политическом и академическом дискурсе Автономный район Внутренняя Монголия характеризуется как «образцовый автономный район» в плане этнического единства, экономического и социального развития. Издание 2017 г. является первой «Синей книгой», посвященной вопросам образования этнических меньшинств в КНР. В докладе дается целостная характеристика истории развития, текущего состояния, достижений и опыта реализации этнического образования в АРВМ за 70 лет с момента его образования. Помимо выявления существующих проблем в образовании, обсуждаются и прогнозируются будущие стратегии и направления развития с целью предоставления справочной информации для работников, исследователей и управленцев, определяющих политический курс развития образования для этнических меньшинств.

Важное место в исследовании занимают нарративные данные, полученные нами в ходе бесед, неформализованных интервью с

непосредственными участниками организации новых направлений подготовки в вузах АРВМ. Это люди, которые в настоящее время находятся на заслуженном отдыхе, но продолжают вести активный образ жизни, пишут мемуары, книги, принимают участие в подготовке докторантов как члены комиссий по защите диссертаций. В первую очередь, это профессор Ло Цзяньцзинь (1942 г.р.), являющийся одним из инициаторов изучения истории науки и техники в Педагогическом институте Внутренней Монголии. Основоположником данного направления исследований в институте считается профессор Ли Ди (李迪 1927-2006). Профессор Ло Цзяньцзинь практически всю свою жизнь проработал в Педагогическом институте (с 1982 г. университет) Внутренней Монголии, занимался подготовкой магистрантов и докторантов, изучением деятельности выдающихся монгольских ученых.

Еще одним представителем старшего поколения, являвшимся непосредственным участником становления и развития образовательных учреждений, социальной сферы в целом, является бывший заместитель председателя Народного суда средней инстанции округа Чжирим (совр. Тунляо), исследователь, автор ряда статей, доцент Син Ляньшунь (邢联舜). Господин Син Ляньшунь – представитель первого выпуска отделения русского языка Педагогического института Внутренней Монголии. Он ведет активную исследовательскую работу, в 2026 г. он издал перевод сборника рассказов советского писателя С.А. Воронина под названием «Превратности таежного леса»¹⁹⁵ (оригинальное название «Таежная развязка»).

Интересным представляется опыт профессора Университета Внутренней Монголии Насанбаяра (Nasunbayaer 纳孙巴雅尔, 1939 г.р.), одного из первых ученых Внутренней Монголии, начавших заниматься исследованиями в области социокультурной антропологии. Несомненно

¹⁹⁵ (俄) С.А. 沃罗宁短篇小说选. 泰加森林的沧桑. 邢联舜译. – 呼和浩特. – 653 页. (Воронин С.А. Избранные рассказы. Превратности таежного леса / Перевод Син Ляньшунь. – Хух-Хото. – 653 с.).

уникальными научными знаниями и управленческими способностями обладал бывший ректор Университета Внутренней Монголии Сю Жигань (монг. Бо Шуурган, кит. 旭日干 1940-2015). При его непосредственном участии Университет Внутренней Монголии вошел в число ведущих вузов Северо-Восточного Китая, он основал лабораторию по геномным исследованиям домашних животных. Во время двух встреч в 2012 и 2013 гг. удалось получить краткую информацию о его организаторском и научно-исследовательском опыте, видении перспектив развития университета и всей системы высшего образования автономии.

В 2023 г. состоялась встреча с ректором частного института Хундэ (鴻德) Чжоу Юшу (周玉树 1964 г.р.), который также поделился своим видением перспектив развития частного сектора высшего образования, его интересов в реализации проектов в Монголии и России. Следует отметить, что в 2025 г. в Монголии в муниципалитете Дархан открылся филиал института Хундэ. Его ректором назначен бывший партийный секретарь Института международных обменов Педагогического университета Внутренней Монголии Чжоу Цюаньшэн (周全胜, 1964 г.р.).

Большую помощь в исследовании оказал один из ведущих специалистов в области истории науки и техники, бывший партийный секретарь Института истории науки и техники, профессор Дайцинь (代钦, 1967 г.р.). Многие уникальные издания, посвященные истории развития высшего образования АРВМ, были получены в дар от профессора Дайцинь. В настоящее время он продолжает вести научную и преподавательскую деятельность, руководит магистерскими и докторскими диссертациями. Одной из интересных тем последних лет является исследование наследия выдающегося ученого, просветителя, математика, астронома, поэта Мирзо Улугбека.

Своим опытом преподавания русского языка в Педагогическом университете Внутренней Монголии делилась Цуй Ин (崔颖 Галина, 1963 г.р.), которая на протяжении долгих лет выполняла функции переводчика в официальных переговорах руководства вуза с российскими университетами.

Большой опыт реализации обменных программ, обучения иностранных студентов из Монголии и регионов России имеют руководители Института международных обменов Педагогического университета Внутренней Монголии Тогтох (Taogetu 陶格图 1970-2024), Чжоу Цюаньшэн (周全胜, 1964 г.р.), Хаса (Hasi 哈斯, 1976 г.р.), Сонинбаяр (Suningbayaer 苏宁巴雅尔, 1982 г.р.) и др.

Таким образом, источниковая база исследования позволила сформировать целостную картину становления и развития системы высшего профессионального образования в Автономном районе Внутренняя Монголия, определить основные этапы ее формирования в условиях национально-региональной автономии во второй половине XX – начале XXI вв.

§ 1.3. Методологические подходы к исследованию проблемы

Исследование истории становления и развития системы высшего профессионального образования АРВМ КНР основывается на применении методологических принципов историзма и научной объективности. Для соблюдения объективности в изучении процесса формирования региональной системы образования Внутренней Монголии были использованы цивилизационный и системный подходы. Это дало возможность проследить процесс социально-культурного развития региона, определить роль региональной системы образования в истории Китая как особого направления эволюции национально-региональной автономии в системе государственного строительства. Автономный район Внутренняя Монголия представляет собой особый исторический пример реализации национальной политики руководством КПК в середине XX в., ведущая роль в этом отводилась развитию образования, подготовке кадров из числа национальных меньшинств, поддержке и развитию монгольского языка в образовании, реализации билингвального обучения. Эти процессы были подчинены цикличности развития, которая была обусловлена реализацией различных социально-политических кампаний, оказывавших непосредственное влияние на образовательный процесс в содержательном и методическом аспектах. Например, с 1958 г. был взят курс на практическое обучение и подготовку большого количества специалистов для отраслей промышленности. Следует также отметить, что цивилизационный подход позволяет рассмотреть региональное развитие Внутренней Монголии как сложный динамический процесс, обладающий многолинейным и многовариантным характером. Он раскрывает в том числе этнокультурную и межкультурную специфику отношений в исторической динамике.

Цивилизационное направление в отечественной науке разрабатывалось такими учеными, как Н.Я. Данилевский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др., обосновавшими значимость роли географического положения страны,

природно-климатических основ и влиянии окружающих народов на жизнь народа определенного государства. В этом смысле история китайской цивилизации представляет собой пеструю мозаику, в которую вплетены разные культуры, языки, религии, философско-этические системы, формировавшиеся под влиянием региональных природно-географических, этнодемографических и геополитических факторов. Интерес представляет концепция А.С. Железнякова, рассматривающего в рамках цивилизационной политологии Центральную Евразию в «исторически суммируемых пределах в одном цивилизационном пространстве доминирующего влияния трех цивилизаций – монгольской, русской и китайской»¹⁹⁶.

В качестве методологического базиса исследования выступил диалектический метод, позволивший изучить исторический опыт формирования и реализации региональной системы высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия в условиях завершения гражданской войны, ускоренной индустриализации, политики «большого скачка» и «культурной революции», реализации «реформ и открытости», а также модернизации КНР. Диалектика общественного развития, изучение национально-региональных преобразований обуславливает необходимость рассмотрения широкого спектра процессов реализации социально-экономических и собственно образовательных преобразований.

В качестве основных методов исторического исследования в работе избраны историко-генетический и сравнительно-исторический методы. Раскрытие причинно-следственных связей и характерных закономерностей реализации образовательной политики КНР с помощью историко-генетического метода позволяет представить специфику функционирования

¹⁹⁶ Железняков А. С. Пространство цивилизационного диалога России и Монголии: Центральная Евразия / А. С. Железняков // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 44. С. 183.

высших партийных органов, Министерства образования, руководства АРВМ, вузов в период с 1947 по 2020 гг.

Сравнительно-исторический метод дает возможность выявить особенности реализации отдельных этапов образовательной политики, ее результативность, а также дать оценку развития высшего профессионального образования к 2020 г.

В данной работе особое значение имеют диахронный и синхронный методы, которые дали возможность изложить развитие Внутренней Монголии как поступательный, поэтапный исторический процесс. При помощи диахронного метода выделены отдельные этапы развития системы высшего профессионального образования АРВМ КНР с 1947 по 2020 гг., связанные с реализацией государственной политики (ускоренная индустриализация, большой скачок, культурная революция, реформы и открытость, модернизация), особенностями реформирования системы высшего образования, реализации государственных проектов в сфере высшего образования («211», «985», «Двойной первый класс»), ростом значения высшего образования на общегосударственном и международном уровнях.

В представленном исследовании применялся статистический метод, позволивший рассмотреть количественные характеристики в эволюции всей системы образования Внутренней Монголии и высшего образования, в частности. Это позволило описать исторический опыт развития уровней образования, дать характеристику образовательного пространства Внутренней Монголии.

Исследование специфики образовательной ситуации основывалось на использовании материалов официальной прессы центральных и региональных изданий КНР. Контент-анализ позволил изучить материалы газет «Жэньминь жибао», «Нэймэнгу жибао», «Баотоу жибао» и др., определить специфику изменений государственной политики, находившей

отражение на страницах официальной печати, особенно в период «большого скачка».

Интерес представляет подход П.И. Рысаковой, рассматривающей традиционное китайское образование в контексте социологической теории систем Лумана, объясняющей новации в образовании процессом функциональной дифференциации общества.

Анализ социокультурных особенностей традиционного китайского образования находится в фокусе профессиональных исследований историков-китаистов. Иначе обстоят дела с современной системой образования, являющейся предметом изучения специалистов в области сравнительной педагогики и социологии образования. Научные изыскания в данном случае посвящены вопросам глобализации образования, процессам интернационализации и цифровизации, обновления методик и содержания образования, нормативно-правовым аспектам функционирования вузов и т.д. Характерной особенностью является то, что исследовательское поле четко дифференцировано с точки зрения образовательных моделей – «традиционной» и «западной». Вместе с тем так называемая «западная» модель образования представляет собой синтез китайской, советской и болонской систем образования.

Методология изучения образования как раз и должна учитывать такие формы обучения, поскольку зачастую именно в них впервые получали реализацию новые педагогические модели, изменившие впоследствии цели и содержание обучения. Такой новой теоретико-методологической основой изучения китайского образования может послужить теория социальных систем немецкого социолога Н. Лумана, вошедшего в историю теоретической социологии как автор системно-функциональной теории общества и неофункционального подхода к исследованию социальных изменений.

Для рассмотрения характера развития системы образования АРВМ в историческом аспекте невозможно было обойтись без анализа методологических подходов модернизации. В последние годы «культурной революции» в политической риторике вновь получил развитие вопрос модернизации Китая. В 1975 г. на 1-ой сессии ВСНП 4-го созыва премьер Госсовета Чжоу Эньлай в докладе «О работе правительства» призвал к выполнению указания председателя Мао Цзэдуна, сделанного им в начале 1965 г. на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва «о возможном развитии народного хозяйства нашей страны, начиная с третьей пятилетки, в два шага: первый шаг – за 15 лет, т.е. к 1980 г., создать самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства; и второй шаг – к концу нынешнего столетия всесторонне модернизировать сельское хозяйство, промышленность, оборону, науку и технику, чтобы наша страна вышла в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства»¹⁹⁷.

Реализацией этого плана на практике занимался Дэн Сяопин, который был восстановлен в своих должностях и включен в состав Политбюро. В ходе «всестороннего упорядочения» в 1975 г. важнейших сфер жизни страны им были поставлены задачи по созданию эффективной структуры управления производством, реформированию системы взаимоотношений центра и мест на основе передачи части полномочий низовым организациям, упрощения военного и административного аппарата, усиления руководства предприятиями путем «восстановления и оздоровления» нормативной базы, и в первую очередь – внедрения «системы ответственности», проведения в жизнь принципа распределения по труду.

В качестве важнейшей задачи экономического строительства Дэн Сяопин рассматривал развитие науки и техники, в том числе с помощью

¹⁹⁷ 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики 3-го созыва (документы). Пекин, 1975. С. 56–57.

заимствования передовых зарубежных научно-технических достижений и технологий. Развитие науки и техники связывалось Дэн Сяопином с повышением роли интеллектуального труда в осуществлении модернизации и изменения роли интеллигенции в обществе в целом. В политико-идеологическом плане им была поставлена задача усиления партийного руководства для обеспечения политической стабильности и экономического развития. Эта задача должна была решаться в ходе «упорядочения партии, прежде всего ее руководящих звеньев, направленного на преодоление состояния идейного и организационного кризиса, в котором она пребывала во время «культурной революции». Все эти моменты в дальнейшем стали составной частью разработанной Дэн Сяопином программы модернизации Китая, что дает основания китайским исследователям считать 1975 год продолжением проводившихся еще до VIII съезда КПК поисков пути модернизации КНР и одновременно началом формирования и проверки на практике основных идей реформ и открытой политики, в первую очередь центральной идеи о приоритете экономического строительства. Однако бурные события 1976 г., смерть Мао Цзэдуна, острая борьба в руководстве страны не позволили реализовать обозначенные теоретические подходы на практике.

После завершения острой фазы борьбы за власть в 1977 г. на пленуме КПК было принято решение о восстановлении Дэн Сяопина в партии и правительстве, где его назначили ответственным за систему образования, науку и промышленность. Принципиально поменялись критерии государственного администрирования, где акцент ставился на показатели эффективности управления, а не на политическую целесообразность. В декабре 1978 г. прошел третий пленум ЦК КПК, на котором Дэн Сяопин провозгласил курс на реализацию «четырех модернизаций»: сельского хозяйства, промышленности, обороны и научно-технической сферы.

Поэтапное развитие Китая позволило к настоящему времени достигнуть внушительных социально-экономических показателей развития. В 2020 г. в Китае, где проживает 1,4 млрд. человек, ВВП на душу населения второй год подряд превысил десять тысяч долларов США, а количество населения со средним уровнем дохода превысило 400 млн. человек. В 2020 г. Китай избавил от нищеты около 100 миллионов человек, впервые в истории полностью ликвидировав абсолютную бедность. Китаю удалось создать самую масштабную систему социального обеспечения в мире, предоставляющую базовое медицинское страхование для более 1,3 млрд. человек и базовое пенсионное страхование для почти 1 млрд. человек. Ожидаемая продолжительность жизни повысилась до 77,3 лет, среди населения заметно выросли показатели удовлетворенности жизнью, счастья и безопасности. Большую роль в достижении этих показателей играет система подготовки профессиональных кадров. Ускоренное развитие образования стало предпосылкой модернизационного процесса в Китае в последней четверти XX в. В 1990-е гг. 9-летнее общее среднее образование (средняя школа низшей / первой ступени – СШНС) превратилось в обязательную норму для всех детей в возрасте до 15 лет. Это ознаменовало важный этап на пути обеспечения равных стартовых возможностей для молодежи, вступающей в трудовой возраст. Несмотря на то, что обучение сверх обязательного уровня в 1990-е гг. стало платным, численность обучающихся в обоих секторах старшей ступени средней школы – академическом и профессиональном – неуклонно росла. Этот исторический период в целом характеризуется как переломный и для высшего образования. Обучение в вузах стало платным и многоуровневым, менялась структура высшего образования. Принятый в 1998 г. Закон КНР «О высшем образовании» значительно расширил административные возможности вузов, в том числе, предоставив им возможность самостоятельно вести договорную проектно-научную работу и развивать академическую мобильность и научное

сотрудничество внутри страны и за рубежом. За период с 1978 по 2020 гг. численность вузов выросла с 598 до 2738¹⁹⁸.

Модернизация образования есть проявление более широкого масштабного явления – модернизации всей китайской культуры. Следовательно, чтобы понять, какова цель модернизации образования, необходимо осмыслить процесс модернизации китайской культуры в целом. Данную проблему исследовали такие ученые, как Ван Цзоуцзюнь, Лоу Далинь, Лу Дадао, Чжао Инмин¹⁹⁹. Согласно их мнению, модернизация Китая неизбежна и необходима, для истории Китая, несмотря на его традиционность, характерны периоды, когда резко изменялась традиционная культура. Это прежде всего великие эпохи Хань и Тан, связанные с появлением религий буддизма и конфуцианства.

Модернизация Китая в XX в. обусловлена тем, что Китай вступил в тесное взаимодействие с миром культуры Запада. Китайская культура активно впитывает элементы западной культуры, во многом противоречащие традициям Китая. Их осмыслением занимаются такие исследователи, как Чэнь Пинюань, Чжао Хуаюнь, Чжао Инмин и др.²⁰⁰.

Существует ряд противоречий между западной и китайской системой образования. Эти противоречия и являются предметом обсуждения таких ученых, как Ван Пин, Диань Тиан, Изию Тьен, Сун Цзянь. Но несмотря на противоречия, очевидно, что взаимодействие Китая с Западом – это объективный процесс, и избежать его нельзя. Но для того, чтобы западная культура не разрушила великие достижения культуры Китая, необходимо показать те ценности китайской культуры, которые необходимо сохранить, а также те негативные проявления западной культуры, которые их могут разрушить. Этому вопросу посвятили свои исследования Ла Гуан, Хуан Фань, Лю Инцзе²⁰¹.

¹⁹⁸ 2020 年全国教育事业统计主要结果 (Основные показатели национальной статистики в сфере образования за 2020 г.). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202103/t20210301_516062.html. Дата обращения: 23.12.2025.

¹⁹⁹ Чжэн Чжилян. Модернизация китайского образования как модернизация китайской культуры // Система ценностей современного общества, 2014. - №37. С. 136 (135-137).

²⁰⁰ Там же

²⁰¹ Там же

Чтобы понять, как выйти из противоречий и создать синтез традиций китайского образования и современного западного образования, многие китайские ученые по примеру европейских философов обратились к философской антропологии, поскольку будущее образования зависит от того, как в той или иной культуре понимается человек. Вопросами философской антропологии древности занимались прежде всего великие философы древности, такие как Конфуций, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы.

Благодаря им в китайской культуре сложился гуманистический идеал, который, конечно, во многом отличается от европейского, но тем не менее, в нем есть черты сходства с китайским. Такие великие гуманисты Запада, как Пико делла Мирандола, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант хорошо известны китайским философам, так как их произведения позволяют глубже вникнуть в гуманистические установки европейской культуры. Идеи западной философии стали широко использоваться в современной китайской философии, поскольку они помогают изменить китайское представление о человеческой сущности и внести в нее новые элементы, тем самым приспособив антропологическую традицию китайской философии к нуждам культурной модернизации. Среди китайских философов, пытавшихся соединить китайские представления о человеке с европейскими, следует назвать Тань Сытун, Ху Ши, Кан Ювэя.

И тогда, и сейчас в исследованиях таких ученых, как Ду Фэнчжоу, Фан Лиминь, Фанляни, Чжао Инмин осмысливается противоречивое влияние этих идей на китайское самосознание, однако несомненно то, что марксизм подготовил условия для восприятия идей научно-технического мышления Запада.

Благодаря современным китайским философам (Ян Фань, Чжен Си Дун, Цзяюй, Тань Сунхуа, Сун Цзянь) разрабатывается тема культурного симбиоза в сфере образования. На основе соединения моделей китайского конфуцианского, советского марксистского и западного позитивистско-прагматистского образования появились идеи синтеза традиций китайского и западного образования. Ценность китайской культуры состоит в том, что она может

предложить отличную от западной модель развития современного общества. Из этого следует, что образование как средство ее трансляции должно быть больше ориентировано на традицию, нежели на западные инновации. Если же Китай действительно собирается каким-то образом войти в ту цивилизацию, которую мы называем развитым миром (а для нас это прежде всего Западная Европа), то, соответственно, мы должны подумать, как приблизить китайское общество к западному²⁰².

Выводы по первой главе

Проведенный историографический обзор позволил прийти к следующим выводам. Проблематика, связанная с изучением истории системы образования Китая в отечественной востоковедной науке, стала разрабатываться сравнительно недавно. Изучение конфуцианской педагогической мысли, философского наследия великих китайских ученых, система государственных экзаменов «кэцзюй», образовательная политика рассматривались в русле фундаментальных традиций российской востоковедной школы. Педагогическая система, нормативно-правовые основы, практика организации учреждений разных уровней и ступеней образования обрели актуальность в первой половине XX в. Специальные исследования, посвященные вопросам развития образования, подготовки кадров, получили свое развитие ближе в середине 1970-х гг. Одной из первых работ является «Школа в КНР. 1957-1972 гг.», автором которой является Н.Е. Боровская. Проблемы образования в КНР обрели особую актуальность в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Это объяснялось успехами Китая в экономике, науке, социальной сфере, установлением академических связей между вузами и научными центрами двух стран. В эти годы импульс получили исследования, направленные на изучение специфики приграничного взаимодействия регионов Сибири, Дальнего Востока России и северо-западных провинций и автономных районов Китая. Вопросы образовательного сотрудничества освещались в контексте общих тенденций взаимодействия. В 2010-е гг. были изданы исследования, посвященные

²⁰² Чжэн Чжилян. Модернизация китайского образования как модернизация китайской культуры // Система ценностей современного общества. 2014. № 37. С. 135-137.

комплексному анализу двусторонних отношений в образовательной сфере, появились труды, диссертации, раскрывающие специфику эволюции образовательной системы КНР, в том числе и высшего профессионального образования. Вместе с тем работ, посвященных системному анализу становления и развития региональной системы образования Автономного района Внутренняя Монголия, в отечественной историографии пока нет.

Зарубежная историография по проблемам образования Китая в целом сфокусирована на анализе образовательной модели, политики центрального правительства в сфере образования, влиянии конфуцианской этики на воспитание, региональных диспропорций в обеспечении доступа к образованию и т.д. Отдельное внимание зарубежных ученых уделяется этнокультурным аспектам развития образования в КНР, реализации национальных проектов в сфере высшего образования, причин стремительного роста конкурентоспособности китайских вузов на глобальном уровне. Вопросы развития образования в регионах, в том числе в АРВМ изучаются в ракурсе отдельных проблем.

Китайские ученые к этим вопросам подходят более детально в силу особой для них актуальности и включенности в эти процессы. Вместе с тем сложилась такая ситуация, когда в истории развития образования в АРВМ, других регионов и провинций дается лишь общая характеристика ситуации в период «культурной революции» – времени упадка, тяжелых испытаний, хаоса, деструктивных явлений и т.д.

Источниковая база представлена разнообразным массивом данных, в целом ее можно охарактеризовать как традиционную в видовом плане. Это широкий спектр разнообразных нормативных документов, в том числе Конституции КНР, Законы об образовании, о национальной региональной автономии, регулировавших и регулирующих функционирование образовательной системы на разных уровнях, государственные программы в области развития образования, программы пятилетних планов социально-экономического развития и т.д. Существенный массив информации был

получен из специальных статистических отчетов, тематических сборников документов, посвященных тем или иным аспектам развития образования. Отдельные исторические данные были почерпнуты из материалов китайских СМИ как в традиционном, так и в электронном форматах. Работа в государственном архиве Внутренней Монголии, хотя и не в полной мере, но позволила получить интересующие материалы, статистические данные, освещающие отдельные этапы развития учреждений высшего образования автономии.

Большим подспорьем в составлении общей картины образовательной ситуации стали материалы аналитических отчетов, в том числе так называемые «Синие книги», дающие характеристику развития образования для этнических меньшинств КНР. Особо следует отметить нарративные данные, полученные в ходе бесед, неформализованных интервью с руководителями вузов АРВМ, преподавателями – ветеранами педагогического труда, руководством структурных подразделений университетов. Полученные данные помогли дополнить, в определенной степени реконструировать этапы формирования и развития образовательной теории и практики в условиях национальной автономии.

Методологические основы исследования носят традиционный для исторических исследований характер, они дополняются политологическими концепциями, отражающими характер современных отношений между государствами в гуманитарной сфере. В качестве примеров можно привести концепцию «мягкой силы», «умной силы» и др. Раскрытие отдельных аспектов целостного исторического процесса не представляется эффективным без использования современных достижений науки, в том числе цифровых данных, которые содержатся на цифровых платформах, в первую очередь, Вичат (WeChat 微信).

Глава 2. Исторические основы формирования системы высшего профессионального образования во Внутренней Монголии

§ 2.1. Образование национальной районной автономии и социально-политическая ситуация во Внутренней Монголии в середине XX в.

События, произошедшие в середине XX в., имели историческое значение для всего человечества – окончание Второй мировой войны, создание новой системы международных отношений, испытание ядерного оружия и др. Образование Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. имеет не менее важное историческое значение для мировой истории. Появилась огромная страна, избравшая в качестве своего вектора развития путь социалистического строительства. Перед Компартией Китая стояли острые социально-экономические и политические задачи, которые необходимо было решать в сложных послевоенных условиях. На тот момент в стране проживало 549 млн. человек²⁰³, порядка 80% из которых проживало в сельской местности. Ситуацию усугубляла массовая неграмотность населения, являвшаяся основным барьером на пути модернизации страны. Со схожими проблемами в свое время столкнулась Советская Россия, которая для решения этих задач начала реализацию программы ликвидации безграмотности. Это был уникальный и масштабный образовательный проект, доказавший свою состоятельность и эффективность. Руководство КПК взяло за основу данный подход и начало реализовывать образовательную политику в соответствии с насущными вопросами развития государства.

Являясь основным средством трансляции и развития этнической культуры, образование неизбежно будет сталкиваться с определенными противоречиями в процессе своего собственного развития. С одной стороны, существуют нормативные и содержательные аспекты реализации образования, которые должны соответствовать современному уровню науки и общества. С другой стороны, образование должно обеспечивать

²⁰³ Баженова Е.С. Население Китая: история и современность М.: ИПЦ «МАСКА», 2018. С. 7.

гармоничную преемственность и развитие национальной культуры, которая характеризуется консервативностью и является одним из базовых условий становления личности. Полиэтническое общество, вне зависимости от его возраста и эволюционных характеристик, несет в себе определенный конфликтный потенциал. Изучение конфликтов на национальной почве, вопросов этнического самосознания, анализ особенностей развития материальной и духовной культуры национальных меньшинств находятся в сфере отношений между государством, доминирующим этносом и этническими меньшинствами. Этим обуславливается актуальность научных исследований, нацеленных на изучение национальной политики таких многонациональных государств, как КНР.

Вопросы межэтнического взаимодействия в многонациональных государствах всегда носили сложный характер. Китай в этом плане имеет богатый исторический опыт, получивший особое развитие в период династии Цин. Это достаточно хорошо видно на примере управления территорий, получивших название Внешней и Внутренней Монголии. Как отмечает Урадын Булаг, Внутренняя Монголия никогда не была «единой» административной единицей, даже в эпоху Цин. Внешняя Монголия постепенно начала обретать единую идентичность благодаря не только более однородному населению, которое составляли преимущественно халха-монголы, и единой буддийской церкви, но, что важнее, системе административно-территориального управления Цинской администрации. В свою очередь, Внутренняя Монголия была раздроблена на различные лиги и знамена, напрямую контролируемые цинским двором. К тому же Цинская династия контролировала буддийские церкви напрямую, подчиняя их императорскому наставнику, и не позволяла создать единую местную церковь, которая стала бы центром для всех монголов Внутренней Монголии. Монгольские князья получали высокую степень автономии, но при этом приносили клятву верности императору. Это была политика, где основным

принципом был принцип «разделяй и властвуй»²⁰⁴. Таким образом, раздробленность Внутренней Монголии, которая в целом была характерна для монгольских племен, получила системное оформление в период правления Цинской династии.

События, послужившие причиной свержения династии Цин – Учанское восстание, Синьхайская революция, вооруженная борьба, обусловили обретение Внешней Монголией независимости. Победа Народно-освободительной революции 1911 г. в Монголии положила начало образованию нового государства – феодально-теократической монархии Богдо-хана²⁰⁵. Свержение монархии в России и установление Советской власти коренным образом изменили ситуацию во Внутренней Азии. Российская империя, выступавшая с поддержкой Внешней Монголии, прекратила свое существование, началась гражданская война. Теократическое государство под управлением Богдо-гэгэна пало под влиянием ряда факторов в 1919 г. Схожие процессы протекали и в Китае, где развернулась борьба различных сил за расширение своего влияния на обширных территориях. В результате поддержки революционного движения Внешней Монголии со стороны Советской России и Коминтерна, объединения сил Внешней Монголии в борьбе за освобождение своих территорий от белогвардейцев и китайских войск, а также из-за слабости Китая, находившегося в состоянии гражданской войны, в 1921 г. была осуществлена народная революция. Определяющее значение имело подписание Соглашения об установлении дружественных отношений с Советской Россией²⁰⁶. Это позволило обрести суверенитет от Китая и начать процесс индустриализации при поддержке Советской России.

²⁰⁴ Uradyn E. Bulag. Inner Mongolia The Dialectics of Colonization and Ethnicity Building. Governing China's Multiethnic Frontiers. Edited by Morris Rossabi. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/j.ctvbtzm7t>. Дата обращения: 11.06.2025.

²⁰⁵ История Монголии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 34.

²⁰⁶ Там же. С. 67.

Ситуация во Внутренней Монголии разворачивалась иным образом. Аймаки Внутренней Монголии, в отличие от Внешней Монголии, которая преимущественно была населена халха-монголами, были разнородными в плане родоплеменной принадлежности. К тому же на этих территориях проживало сравнительно большое количество ханьцев и других народностей (маньчжуры, эвенки, орохоны, дагуры, хуэй и т.д.), у которых было свое видение перспектив развития. После падения династии Цин Внутренняя Монголия находилась под властью республиканского правительства в лице Гоминьдана, который разделил территорию на несколько провинций: Суйюань (绥远), Чахар (察哈尔), Жэхэ (热河), Хэйлунцзян (黑龙江), Нинся (宁夏) и т.д. В 1931-1932 гг. Япония захватила Северо-Восточный Китай и создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Позже, в 1937 г. началась полномасштабная война между Японией и Китаем, в которой важную роль сыграли представители Внутренней Монголии, поскольку оказались непосредственно втянутыми в конфликт.

9 августа 1945 г. Советский Союз вступил в войну против Японии, а 10 августа военные действия против Японии начала МНР. Завершилось противостояние после подписания Японией безоговорочного акта о капитуляции 2 сентября 1945 г.

Исторические процессы середины XX в. во Внутренней Азии определили ход дальнейших событий и обусловили конфигурацию сил. Первая национальная автономия в Китае была образована в сложный период в истории государства. Событиям 1946-1949 гг. посвящены отдельные исследования, в которых раскрываются причины конфликта между Гоминьданом и Компартией Китая. В годы войны с Японией и Второй мировой войны Китай был разделен на три части. Северо-восток был оккупирован Японией, центральный и западный Китай контролировались правительством Гоминьдана со столицей в г. Чунцине, на северо-западе у границ с Монголией находился Особый пограничный район (провинции

Ганьсу – Шэньси – Нинся), в котором власть принадлежала Компартии Китая²⁰⁷. Именно на данной территории был образован первый автономный район, создание которого в определенной степени заложило основы дальнейшей государственной национальной политики КПК. Ведущую роль в создании Автономного района Внутренняя Монголия сыграл государственный и партийный деятель Уланьфу (乌兰夫, монг. Улаанхүү, кит. имя Юнь Цзе (云泽), Юнь Шиюй (云时雨), годы жизни 23.12.1906–08.12.1988). Считается, что политическая карьера Уланьфу началась в 1923 г., когда он был принят в Бэйпинскую монгольско-тибетскую высшую школу²⁰⁸. Под влиянием Ли Дачжао (1889-1927), Дэн Чжунся (1894-1933), Чжао Шияня (1901-1927) и других партийных деятелей Уланьфу начал интересоваться идеологией марксизма-ленинизма, был включен в группу партийной организации КПК в Пекине. В 1923 г. вступил в китайский Коммунистический союз молодежи, а в сентябре 1925 г. Уланьфу вступил в ряды КПК. Чуть позже, в октябре того же года отправился в Чжанцзякоу (张家口) для участия в первом съезде Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) в качестве делегата от монгольских студентов Пекина. В том же месяце Уланьфу вместе с До Сун Нянем (多松年) были рекомендованы комитетом КПК для прохождения обучения в университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве. До Сун Нянь наряду с Уланьфу был одним из лидеров революционного движения. В 1926 г. До Сун Нянь вернулся в Китай и занял должность секретаря специального

²⁰⁷ Королёва Н.А. Гражданская война 1946–1949 гг. в Китае в воспоминаниях участников и современников событий // Псковский военно-исторический вестник, 2015. № 1. С. 111.

²⁰⁸ 钩沉。蒙藏学校，蒙古族第一个党支部诞生的地方。(Гоу Чэнь. Монголо-тибетская школа – место, где зародилось первое партийное отделение монголов) [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1762537727436600275&wfr=spider&for=pc>. (дата обращения 26 мая 2023 г.).

районного комитета КПК в Чахаре. В 1928 г. был арестован и казнен в г. Чжанцзякоу (провинция Хэбэй)²⁰⁹.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. в столице СССР учились выдающиеся политические и государственные деятели Китая – Дэн Сяопин (1904–1997), Чжоу Эньлай (1898–1976), Ян Шанкунь (1907–1998), Чжан Вэньтянь (1900–1976), Е Цзяньин (1897–1986)²¹⁰. Обучение в Советском Союзе сыграло значительную роль в судьбе Уланьфу. Он успешно осваивал программу, на хорошем уровне владел русским языком и даже выступал в качестве переводчика на отдельных встречах. В 1929 г. он вернулся в Китай и продолжил свою революционную и партийную деятельность.

Образование Нового Китая в 1949 г. и последовавшие реформы внесли принципиальные изменения в социальной политике. Народное правительство поставило задачу повышения грамотности населения и ускоренной подготовки кадров, были приняты меры по расширению сети начальных и средних школ, особенно в экономически отсталых северо-западных районах страны. На этих обширных территориях проживали национальные меньшинства, которые отличались от ханьцев в плане языка, религии, традиционного уклада, способов ведения хозяйства. Китайские этнологи на основе советской методологии провели большую работу по дифференциации и систематизации национальных меньшинств КНР. Несмотря на сложности и противоречия вопрос этнической классификации народов, населявших КНР, в целом был решен. В этих районах еще не было современного школьного образования, обучение реализовывалось религиозными институтами. Более 80% представителей национальных меньшинств были неграмотными. Согласно данным, к 1950 г. в высших учебных заведениях обучалось 0,9%

²⁰⁹ 蒙古族的早期共产党员革命烈士. (Первые монгольские коммунисты и герои-революционеры. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nmg.xinhuanet.com/2019ft/ft4/index.htm>. (дата обращения 26 мая 2023 г.))

²¹⁰ 钩沉。蒙藏学校，蒙古族第一个党支部诞生的地方。(Гоу Чэнь. Монголо-тибетская школа – место, где зародилось первое партийное отделение монголов) [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1762537727436600275&wfr=spider&for=pc>. (дата обращения 26 мая 2023 г.).

представителей неханьской национальности, в средних и начальных школах 0,4% и 0,2% соответственно²¹¹.

Развитие системы образования зависит от уровня социально-экономической сферы в целом. Руководство страны в качестве первоочередной задачи определило ускоренную индустриализацию страны, сопряженную с осуществлением преобразований в сельском хозяйстве, промышленности, торговле. Одним из важных шагов на пути коренной перестройки общества явился «Закон о земельной реформе», принятый 30 июня 1950 г. на второй сессии Первого Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая²¹².

Земельная реформа была направлена на формирование новой системы общественных отношений, которая должна была создать условия для укрепления власти КПК в деревне, освобождения от пережитков феодализма и стимулирования экономического роста. Началось постепенное создание сельскохозяйственных производственных кооперативов. Основными условиями эффективной реализации политики являлись учет интересов мелкого земледельца, помощь в налаживании производства, становление трудовой взаимопомощи и кооперирования. Определяющее значение имела поддержка со стороны государства техникой, капиталовложениями, предоставлением кредитов. Однако после относительно успешного начала и восстановления довоенных показателей темпы производства вновь замедлились. Население китайской деревни не соответствовало требованиям индустриализации. Усугубило ситуацию резкое увеличение количества производственных кооперативов, создававшихся без учета объективных реалий. Одной из главных проблем был дефицит подготовленных кадров – не хватало руководителей, бухгалтеров, специалистов по отраслям. На практике

²¹¹ Chen L.P. Some reviews and forecasts of the development of ethnic minority education in China. *Guizhou Ethnic Studies*, 1999. № 1. P. 135–144.

²¹² 《中华人民共和国土地改革法》的颁布及新的政策规定. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.81.cn/jwzl/2016-01/20/content_6863119.htm.

ощущалась острая нехватка грамотных людей, способных вести учет и документацию²¹³. Правительство стало предпринимать оперативные меры по подготовке кадров для аграрной сферы страны.

Ситуация в Автономном районе Внутренняя Монголия осложнялась несколькими факторами. Во-первых, регион восстанавливался после гражданской войны и борьбы с японскими милитаристами. Во-вторых, регион был экономически слабо развит, отсутствовала инфраструктурная связанность территорий. В-третьих, напряженность у местного населения вызывала миграция ханьского населения в районы автономии, что увеличивало конкуренцию в распределении земель среди сельских жителей.

Процесс создания АРВМ был сопряжен с рядом сложностей исторического и общественно-политического характера. Руководство компартии Китая в сложной обстановке борьбы с Гоминьданом за установление власти на Северо-Востоке страны проводило взвешенную национальную политику во Внутренней Монголии. Национальные меньшинства обладали тем ресурсом, который мог определить ход противостояния. Вместе с тем сами этнические меньшинства не представляли собой монолитную политическую силу, способную реализовывать свою стратегию. Политико-административный термин «Внутренняя Монголия» получил свое историческое оформление в период маньчжурского господства и реализации военно-административной реформы 1634-1661 гг. После покорения монгольских племен Южной Монголии территории расселения были разделены на две части – аймаки, сдавшиеся маньчжурам без сопротивления, составили «особую категорию знамен внешних вассалов, причем дзасак-нойоны имели право передавать власть по наследству. Всего на территории Южной Монголии насчитывалось 49 таких

²¹³ Макарова Е.П., Чжу Цзин Янь. Земельная реформа в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Агрономия и животноводство. 2010. № 4. С. 27-34.

знамен»²¹⁴. После реформы они были объединены в сеймы (монг. *чуулган*) Джирим (哲理木), Чжаоуда (昭乌达), Чжосот (卓索圖盟), Силингол (锡林郭勒, монг. *Шилин гол*), Уланчаб (乌兰察布), Ихэчжу (义和朱). Другие аймаки Южной Монголии, такие как Чахар (察哈尔), Тумэт (土默特) и Барга (巴尔虎), оказавшие сопротивление маньчжурам, были реорганизованы в знамена внутренних подданных, подчинявшихся не наследственному дзасаку, а назначенному Цинами наместнику и находились под управлением ведомства по военным делам²¹⁵.

К началу XIX в. Южная Монголия и Халха, несмотря на то, что являлись частью Китая, имели разные политические свободы. Халха обладала более широкими политическими свободами, чем Внутренняя Монголия. Такая ситуация объяснялась тем, что Халха была более удалена от политического центра, а также имела небольшой контингент войск. В это время социальная структура Внутренней и Внешней Монголии была идентичной. Все это дает основание считать, что родоплеменная раздробленность монгольских племен имела институциональную основу. Впоследствии это скажется на процессе организации районной национальной автономии, в плане административно-территориальной реформы КНР, а позже и при выборе руководящих органов АРВМ²¹⁶.

В конце 1935 г. КПК в ходе борьбы с Гоминьданом были вынуждены перенести свои силы в северную часть провинции Шэньси, граничащую с Ордосом Внутренней Монголии. Монголы обрели стратегическое значение для продолжения вооруженной борьбы на этих территориях. В декабре 1935 г. Мао Цзэдун сделал историческое заявление, в котором пообещал вернуть монголам Внутреннюю Монголию и призвал их присоединиться к общей борьбе против японцев и китайских националистов. Именно это заявление

²¹⁴ Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. Под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского. Издательство «Наука». 1980 г. С. 10.

²¹⁵ Там же. С.11.

²¹⁶ Uradyn E. Bulag. Inner Mongolia The Dialectics of Colonization and Ethnicity Building. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://uplopen.com/chapters/e/10.1515/9780295804057-005>. Дата обращения: 13.08.2025.

убедило Уланьфу и его соратников из Тумэтского аймака перебраться на коммунистическую базу в Яньане в 1941 году; к 1945 году Уланьфу стал кандидатом в члены Центрального комитета КПК, это был высший ранг, когда-либо достигавшийся представителем национального меньшинства Китая в коммунистическом движении²¹⁷.

Далее мы не будем подробно останавливаться на истории политического развития Внутренней Монголии в Цинский и Республиканский периоды, описание этих процессов дано для понимания исторического контекста развития автономии.

Автономный район Внутренняя Монголия был образован в Улан-Хото в 1947 г., в состав вошли четыре аймака: Хулун-Буир (呼伦贝尔), Шилин-Хото (锡林浩特), Чахар (察哈尔) и Хинган (兴安).

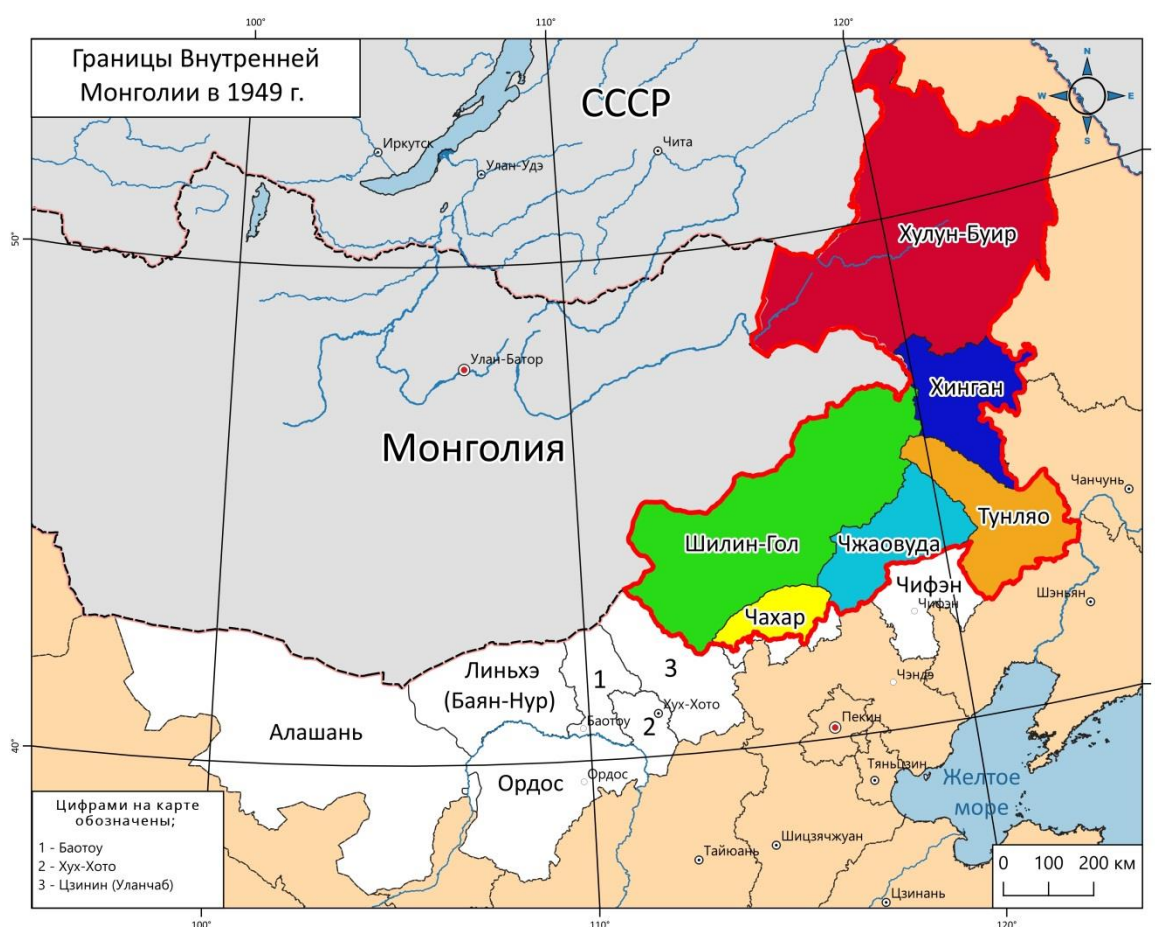
После создания АРВМ было принято решение о восстановлении границ исторически сложившегося региона, который должен был положить конец дезинтеграции между восточной и западной частями Внутренней Монголии. В связи с этим, руководствуясь принципом «уважения истории при одновременном учете современных реалий», в период с мая 1949 по 1950 гг. в состав Автономного района Внутренняя Монголия были последовательно включены монголоязычный аймак Чжаовуда (昭乌达盟) провинции Жэхэ (热河省), аймак Джирим (哲里木盟) провинции Ляобэй (辽北省) и три уезда (县): Хуадэ (化德), Баочан (宝昌) и Долунь (多伦) провинции Чахар (察哈尔省). Реализация политики восстановления исторических границ имела и другую цель. Например, в совместном издании АН СССР и АН МНР под названием «Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики» коллектив авторов приводит следующие доводы: «в январе 1954 г. была упразднена провинция Суйюань, которая была включена в состав АРВМ. Это сильно повысило процент ханьцев в автономном районе. По

²¹⁷ Там же. С. 89.

словам китайской печати, такая политика присоединения к автономному району густонаселенных ханьцами областей явилась проявлением “братской заботы” руководства КНР о нацменьшинствах»²¹⁸. За годы административной реформы в 1950-х гг. территория автономии значительно расширилась.

Ниже представлена территория Внутренней Монголии, где разными цветами отмечены отдельные аймаки, бежевым цветом — остальная территория Китая, а белым цветом аймаки, не входившие в состав АРВМ в 1949 г. Территория МНР и СССР окрашены в серый цвет.

Рис. 1. Границы АРВМ в 1949 г.

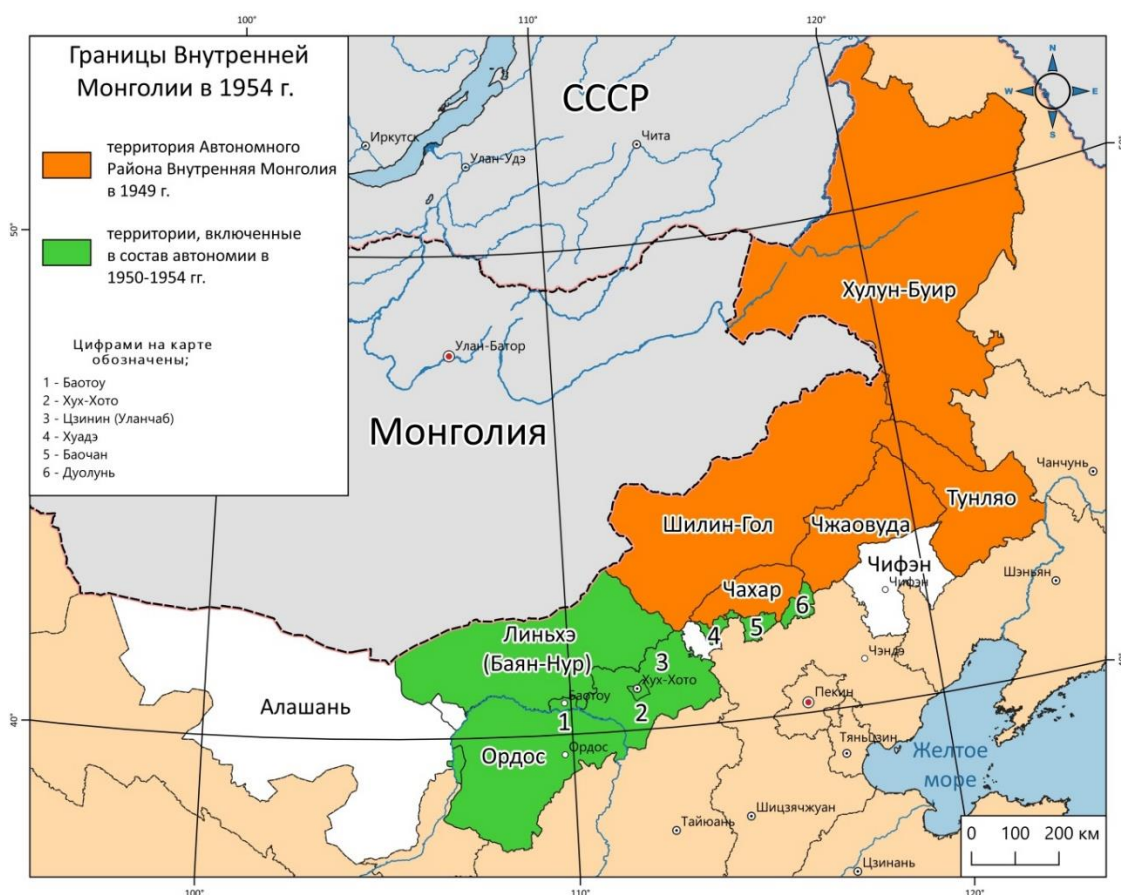
Источник: 内蒙古自治区行政区划变迁图，最初的内蒙是什么样子的？(Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия, как выглядела Внутренняя Монголия в самом начале?)²¹⁹.

²¹⁸ Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского. Изд-во «Наука», 1980. С. 75-76.

²¹⁹ Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия. Как выглядела Внутренняя Монголия изначально? Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/216027552_100023808. Дата обращения: 26.10.2025.

Постепенно была реализована политико-административная реформа, оказавшая влияние на социальное устройство автономии. В 1954 г. была упразднена провинция Суйюань. Во время правления императора Цяньлуна (乾隆) в Цинский период территория находилась под юрисдикцией генерала Суйюаня. В 1737-1739 гг. к северо-востоку от города Гуйхуа (старого города Хух-Хото) был построен новый город, Суйюань, который фактически являлся маньчжурским гарнизоном. Позже Суйюань, в котором находился гарнизон, и населенный гражданским населением город Гуйхуа были объединены и получили название Гуйсуй (в 1954 г. переименован в Хух-Хото).

Рис. 2. Границы АРВМ в 1954 г.

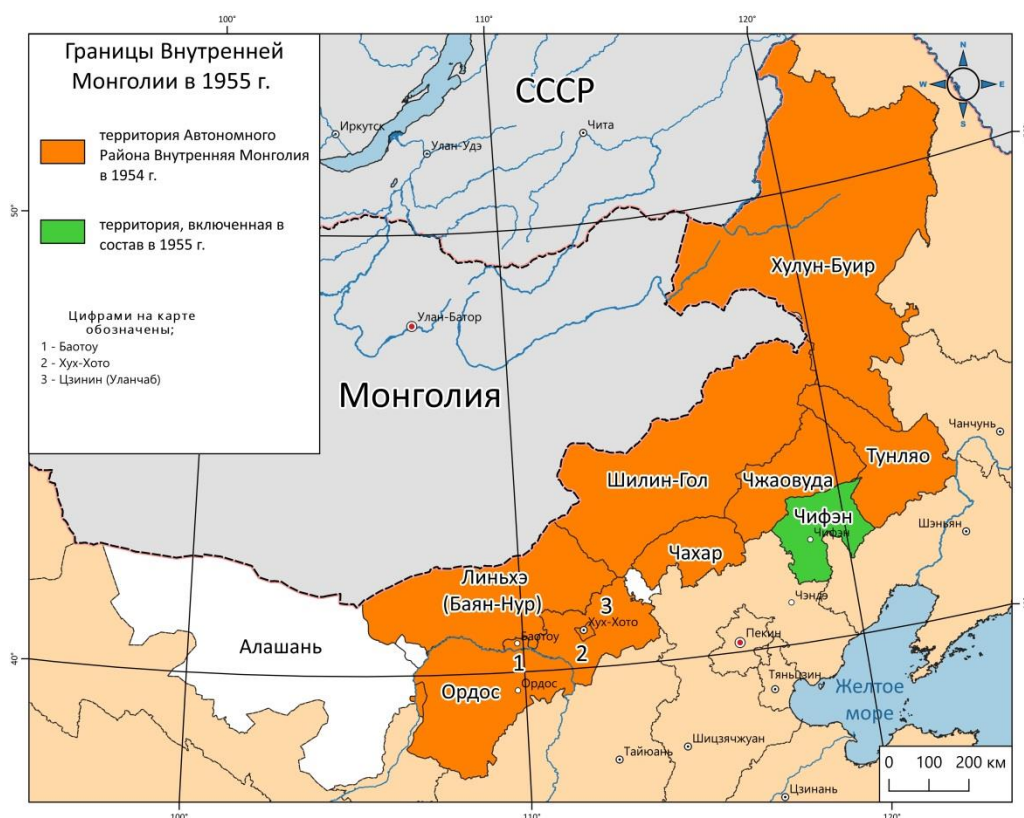

Источник: 内蒙古自治区行政区划变迁图，最初的内蒙是什么样子的？(Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия, как выглядела Внутренняя Монголия в самом начале?)²²⁰.

²²⁰ Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия. Как выглядела Внутренняя Монголия изначально? Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/216027552_100023808. Дата обращения: 26.10.2025.

Несколько позже, в 1955 г. в состав АРВМ была включена территория аймака Чифэн (赤峰), исконно монгольский топоним Улаанхад (досл. ‘красная гора’). В период династии Цин большая часть Чифэна принадлежала союзу Чжаоуда (昭乌达盟). Во времена Китайской Республики он входил в состав особого района Жэхэ (热河特别区). После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. он находился под юрисдикцией провинции Жэхэ, а в 1955 г. был включен в состав Автономного района Внутренняя Монголия²²¹. Далее представлена карта Внутренней Монголии после включения в ее состав аймака Чифэн.

Рис.3. Границы АРВМ в 1955 г.

²²¹ 赤峰市概况. 赤峰市人民政府. Общая характеристика городского округа Чифэн. Официальный сайт народного правительства Чифэн. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.chifeng.gov.cn/zjcf/cfgk/cfsgk/>. Дата обращения: 13.04.2026.

Источник: 内蒙古自治区行政区划变迁图, 最初的内蒙是什么样子的? (Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия, как выглядела Внутренняя Монголия в самом начале?)²²².

В результате всех этих изменений площадь АРВМ к 1957 г. достигла 1,4 млн. км². В 1960 г. в состав автономии входило семь аймаков: Уланчаб, Силингол (Шилингол), Хулунбуир, Чжирим, Чжоуда, Ихэцжоу, Баяннор. В составе аймаков насчитывалось 48 хошунов и 15 уездов, а также три автономных хошуна – Ороchonский, Даурский и Эвенкийский. Население АРВМ составляло около 10 млн. человек, в том числе монголов – 1,336 млн., ханьцев – 8,4 млн. На территории проживали также хуэйцы, маньчжуры, эвенки, корейцы, ороchоны и другие неханьские национальности²²³.

С 1953 по 1957 гг. в КНР был осуществлен первый пятилетний план, который должен был заложить основы превращения отсталой аграрной страны в передовую индустриальную державу. Главные задачи пятилетки включали в себя развитие тяжелой и легкой промышленности, транспортной индустрии, сельского хозяйства, сферы торговли, а также программу социальной индустриализации. В ходе реализации комплекса мероприятий были достигнуты значительные успехи. Страна постепенно создавала систему образования, развивала фундаментальную и прикладную науку²²⁴. Эти актуальные вопросы были сопряжены с реализацией взвешенной национальной политики для консолидации многонационального населения. Отечественные исследователи, занимающиеся вопросами национальной политики в КНР (А.А. Москалев, М.С. Михалев, В.С. Глинкин, Т.В. Лазарева и др.), выделяют несколько этапов ее реализации. В целом подходы к периодизации совпадают и опираются на изменение вектора развития

²²² Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия. Как выглядела Внутренняя Монголия изначально? Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/216027552_100023808. Дата обращения: 26.10.2025.

²²³ Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского. Изд-во «Наука», 1980. С. 75.

²²⁴ Была принята Долгосрочная программа развития науки и техники на 1956-1967 гг. (1956–1967 年科学技术发展远景规划), также известная как Двенадцатилетняя научно-техническая программа, подробнее см.: Чжан Ц., Ван Ф., Феклова Т.Ю. На пути к научно-техническому планированию в Китае в 1950-х годах // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 2. С. 45-65. DOI 10.24412/2079-0910-2024-2-45-65.

внутренней политики КПК. По мнению тайваньского исследователя У Бобо, «первый этап политики Коммунистической партии Китая в вопросе национального определения характеризовался поощрением и развитием национальной автономии еще до образования КНР»²²⁵. Следующие этапы связаны с историческими событиями, коренным образом изменившими подходы и принципы национальной политики – этап организации национального строительства, создания национальных районов, этап радикальной ассимиляции (по Пак Хёнгану)²²⁶, период реформ и открытости.

Как уже отмечалось ранее, официальное образование Автономного района Внутренняя Монголия произошло в 1947 г., и это была первая национальная автономия Китая. Как отмечает М.С. Михалев, «победа Коммунистической партии в ходе затяжного гражданского противостояния стала возможной, в том числе, по причине ее особой позиции в национальном вопросе»²²⁷. Так, еще в 1928 г. в резолюции VI съезда КПК было обозначено право неханьских народов Китая на самоопределение, которое позднее, в 1931 г. было подтверждено I съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских представителей, принявшем “Резолюцию по вопросу о национальных меньшинствах в пределах Китая”²²⁸.

Уланьфу активно участвовал в организации, укреплении и развитии опорной базы в северо-восточном Китае и освобождении этой территории от японских оккупантов. О ситуации после победы в антияпонской войне Уланьфу писал: «В данное время перед народами Внутренней Монголии и Китая стоял трудный и ответственный выбор путей дальнейшего развития»²²⁹. В этот период некоторые представители высшей монгольской аристократии

²²⁵ Ссылка по: Глинкин В.С. Периодизация национальной политики КНР (1949 г. – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 81-84.

²²⁶ Там же. С. 82.

²²⁷ Михалев М.С. Этнонациональная политика КНР: эволюция базовых принципов // Российское китаеведение. 2024, 2(7). С. 44.

²²⁸ Грачева Ю.А. Органы государственной власти национальных автономий // Современное китайское государство / Гл. ред. А.В. Виноградов. М.: РАН, 2022. С. 427–428.

²²⁹ 乌兰夫. 乌兰夫回忆录 // 革命史料编研室编 (Уланьфу. «Мемуары Уланьфу» (Собрание исторических источников по истории революции). Пекин: Архивные материалы истории КПК, 1989. С. 212.

решили пойти на сотрудничество с Чан Кайши, чтобы сохранить свою власть во Внутренней Монголии. Значительная часть монгольского общества оказывала поддержку КПК, защищавшей интересы беднейших классов. В результате развернулась ожесточенная борьба на территории всей Внутренней Монголии.

В сентябре 1945 г., после капитуляции Японии Буин Далай (补英达赖) и другие, ранее занимавшие руководящие посты в марионеточном «Объединенном автономном правительстве Мэнцзяна», создали «Временное правительство Народной Республики Внутренняя Монголия». Центральный комитет КПК решил направить Уланьфу для решения вопроса. В ноябре в Чжанцзякоу было создано Движение за автономию Внутренней Монголии (内蒙古自治运动联合会), а Уланьфу был избран председателем исполнительного комитета и министром по военным делам. Следуя указаниям Центрального комитета Коммунистической партии Китая, Уланьфу приступил к решению вопроса объединения Автономного правительства Внутренней Монголии под единым началом. После ряда переговоров и встреч с лидерами Временного правительства Народной Республики Внутренняя Монголия было принято решение об объединенном руководстве автономными движениями в восточной и западной частях Внутренней Монголии (исторически известная как «Конференция 3 апреля»)²³⁰. Впоследствии это имело решающее значение в создании автономии Внутренней Монголии. 23 апреля 1947 г. в Ванье (современный Улан-Хото) состоялся Народный конгресс Внутренней Монголии. В заседании приняло участие 392 представителя со всей Внутренней Монголии. На данном высоком собрании Уланьфу произнес вступительную речь и выступил с докладом. По итогам заседания были избраны члены правительства Автономного района Внутренняя Монголия и Временного

²³⁰ 布赫和他的父亲乌兰夫 // 全国人民代表大会. (Бухэ и его отец Уланьфу // Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zgrdzz/2014-11/15/content_1886267.htm.

сената. Уланьфу был избран председателем Правительства Автономного района. Новому правительству следовало решить ряд сложных социально-экономических и политических задач. Следует отметить, что Уланьфу, благодаря личным высоким морально-волевым качествам и полученным в Москве специальным знаниям, внес значительный вклад в победу войск КПК над Квантунской армией и режимом Чан Кайши, что, в свою очередь, стало важной предпосылкой создания Автономного района Внутренняя Монголия в рамках КНР.

Одной из важных задач на начальном этапе развития КНР являлось экономическое объединение страны, организация управления народным хозяйством. В июле 1951 г. руководство страны при помощи советских специалистов составило государственный план восстановления и развития экономики. Важным шагом на пути к экономическому объединению явилась централизация руководства в области всей финансово-экономической работы. При Государственном административном совете, который стал высшим исполнительным органом по делам управления государством, был создан финансово-экономический комитет, в полномочия которого входило руководство всеми центральными органами управления экономикой²³¹.

В конце 1951 – начале 1952 гг. в КНР начались две массовые политические кампании. Первая – движение против «трех зол», направленная на борьбу с коррупцией, расточительством и бюрократизмом в рядах партии, организациях, государственных учреждениях и армии. В рамках реализации этой кампании начались мероприятия по выявлению нарушителей в городских парторганизациях, государственном аппарате.

26 января 1952 г. ЦК КПК обнародовал новое указание с указанием развернуть широкую кампанию против «пяти злоупотреблений» (五反): взяточничества и подкупа должностных лиц, уклонения от уплаты налогов, недобросовестного отношения к государственным заказам, присвоения

²³¹ КНР: краткий исторический очерк (1949-1979 гг.). М.: Политиздат, 1980. С. 28-29.

государственного имущества, хищения у государства экономической информации с целью наживы. Фактически две кампании были объединены в одну. Из рабочих, кадровых работников, интеллигенции и работников торговли формировались «рабочие отряды» и «группы обследования», которые направлялись на частные предприятия²³². Можно считать, что это были первые кампании, которые были направлены на установление новых норм, которые наряду с образовательной политикой руководства страны являлись основными механизмами формирования общественного сознания.

Как отмечает М.Н. Балдано, «политика автономного правительства в период с 1947 по 1952 гг. была сконцентрирована на решении проблем монгольского общества, связанных с развитием начального и среднего образования, здравоохранения и увеличения рождаемости²³³. Ряд предпринятых мер позволил решить данную проблему в сравнительно короткие сроки. Академик Ц. Батбаяр приводит следующие данные: «Если в период создания АРВМ в 1947 г. в регионе было 2 национальные средние школы, порядка 300 начальных школ, то к 1965 г. была создана относительно разветвленная сеть национальных школ, которая насчитывала около 2 тыс. начальных, средних школ и средних специальных учебных заведений для учащихся неханьских национальностей. Кроме того, был подготовлен значительный контингент учителей из числа коренной национальности, была налажена работа по составлению и изданию учебных пособий и других необходимых материалов на монгольском языке»²³⁴. Эти шаги позволили не только повысить уровень грамотности монгольского населения, но и сформировать основы образовательной теории и практики обучения в условиях китайско-монгольского двуязычного образования.

²³² Усов В.Н. Кампания по борьбе против "трех зол" и "пяти злоупотреблений" // История Китая с древнейших времен до начала XXI века : Монография: в 10-ти томах / Институт Дальнего Востока РАН. Том VIII. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр "Наука" Российской академии наук, 2017. С. 33-34.

²³³ Балдано М.Н. Национальная политика Китая в отношении монгольских народов // Наука и образование сегодня. 2018, № 12 (35). С. 41.

²³⁴ Батбаяр Ц. Основные направления политики руководства КНР во Внутренней Монголии на современном этапе (1976-1984). Прага –Улан-Батор, 1988. С. 115.

В 1950-х – начале 1960-х гг. в учебных заведениях Китая системно изучался передовой опыт Советского Союза. Советская помощь сыграла большую роль в создании широкой сети производственного обучения и профессионально-технического образования. Согласно данным, «в 1949-1959 гг. в учебных заведениях Китая работало свыше 760 советских преподавателей, при их участии было создано 337 кафедр и почти 560 лабораторий. Одновременно они подготовили свыше 4 тыс. аспирантов и 7 тыс. педагогических работников. В конце 50-х – начале 60-х гг. в учебных заведениях СССР прошли обучение более 10 тыс. китайских специалистов»²³⁵.

Несмотря на общие характерные черты развития страны в данный период, социально-экономические условия АРВМ отличались не только от провинций КНР, но и других окраинных территорий. После образования КНР руководство страны предприняло ряд мер, направленных на поддержку и развитие животноводства в АРВМ. В 1951 г. Центральное правительство выделило 20 млрд. юаней на нужды развития животноводства²³⁶. Постепенно стали создаваться станции ветеринарного обслуживания, проводилась профилактика падежа поголовья скота, «осуществлялась работа по созданию страховых сенофуражных фондов, охране пастбищ, строительству загонов для скота, сооружению колодцев»²³⁷.

С 1951 г. начался процесс создания первых животноводческих производственных кооперативов, которые на начальном этапе показали свою эффективность. В эти же годы началась аграрная реформа, земли помещиков были распределены среди крестьян. Постановление о последовательном развертывании движения за создание земледельческих кооперативов, принятое Комитетом КПК АРВМ в декабре 1953 г. значительно

²³⁵ Семенова С.С. Образование в Китае: история и современность // Вестник ТГПУ. 2012. - № 5(120). –С.126.

²³⁶ По курсу на тот момент, до денежной реформы 1955 г. – прим. авт.

²³⁷ Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского. Изд-во «Наука», 1980. С. 77.

активизировало эту работу. В результате, к весне 1956 г. в автономии насчитывалось уже свыше 16 тыс. кооперативов²³⁸.

В начале 1950-х гг. получил свое утверждение проект по созданию металлургического комбината в г. Баотоу, и в 1956 г. было запущено строительство объектов, входивших в этот комплекс. Согласно данным, представленным в коллективной монографии «Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики», завод в г. Баотоу имел особое значение: «строительство комбината – одного из трех крупных металлургических баз КНР – осуществлялось при всесторонней помощи советских специалистов и с использованием оборудования, поставлявшегося из СССР»²³⁹. Данный проект еще раз подтверждает уровень и характер двустороннего взаимодействия между странами в так называемое «золотое десятилетие» советско-китайских отношений.

К середине 1950-х гг. во Внутренней Монголии было создано порядка 800 государственных, кооперативных и государственно-частных промышленных предприятий. Большинство предприятий были ориентированы на переработку продуктов животноводства и земледелия региона. В разных аймаках в общей сложности запустили свыше сорока молочно-маслодельных комбинатов. Такие города, как Хух-Хото, Баотоу, Цзинин, Улан-Хото, Тунляо, Хайлар, Чифэн и др. постепенно стали центрами легкой и пищевой промышленности. Динамичное развитие аймаков и городов автономии позволило сформировать связанную сеть предприятий легкой, пищевой, химической и тяжелой промышленности. Эти процессы естественным образом привели к формированию и росту представителей рабочего класса, в том числе и выходцев из национальных меньшинств. К

²³⁸ Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского. Изд-во «Наука», 1980. С. 80.

²³⁹ Там же. С.82.

концу 1956 г. количество занятых на предприятиях промышленности составило уже свыше 80 тыс. человек²⁴⁰.

Социально-культурная сфера в АРВМ в первые годы после образования КНР получила импульс для развития. Особое внимание уделялось использованию монгольского языка и письменности. Например, в 1953 г. Комитет КПК АРВМ указал на необходимость улучшения обучения монгольскому языку, усиления подготовки преподавателей, а также целесообразность ведения документации в партийных и административных органах всех ступеней на китайском и монгольском языках. Языковая политика страны и автономии в этот период находилась на начальном своем этапе, поэтому можно было внедрять достаточно смелые идеи и проекты. В июле 1955 г. правительство Внутренней Монголии приняло решение о распространении монгольской письменности на основе новой графики, получившей название новой монгольской письменности (新蒙文). В качестве примера послужил опыт МНР, которая перешла на кириллицу в 1941 г. При помощи советских специалистов развернулась работа по исследованию монгольского языка. В отличие от МНР монгольское население АРВМ было разнородным по своему родоплеменному составу, что напрямую сказывалось на характере коммуникации. Вопросы определения литературной основы языка имели принципиальное значение для монголов Внутренней Монголии. Об этом в своей статье «Советский ученый Г.П. Сердюченко и литературный язык: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг.» пишет японский ученый из Внутренней Монголии Борджигин Хухбатор²⁴¹.

С сентября 1956 г. новая письменность стала использоваться в школах, а по всей территории автономии развернулось движение за обучение

²⁴⁰ Там же. С. 83.

²⁴¹ Хухбатор Б. Советский ученый Г. П. Сердюченко и литературный язык: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 1(41). С. 48–60.

населения новому алфавиту. К апрелю 1957 г. 50% служащих-монголов изучали новую письменность в вечерних школах и кружках. Новому письму также обучалось порядка 124 тыс. скотоводов, рабочих и крестьян²⁴².

Вопросы языковой политики в образовании решались наряду с общим развитием сети учреждений начального и среднего образования. В 1954 г. во Внутренней Монголии состоялась первая конференция по образованию, по результатам которой были намечены перспективные задачи на ближайшие годы. В регионе планомерно увеличивалось количество школ, их оснащение, обеспечение учебной и методической литературой. Комплекс мероприятий позволил увеличить охват школьным образованием населения автономии. К 1957 г. в АРВМ функционировало 9345 начальных школ, в которых обучалось 860 840 человек, в том числе 108 400 монголов. В 87 средних школах обучалось свыше 11 100 монголов. В 18 специальных учебных заведениях обучалось 542 монгола²⁴³.

Важным историческим фактом является сотрудничество СССР и КНР в деле издания школьных учебников. Учебники, учебные пособия и методические разработки содержали большой объем материала, связанного с Советским Союзом, его историей, экономикой, культурой и современной жизнью. Это имело большое значение, поскольку способствовало формированию в сознании молодого поколения положительного образа СССР, что на тот момент отвечало основному внешнеполитическому курсу КПК. Составители китайских учебников, строго соблюдая основные идеологические установки политического курса Компартии Китая в отношении СССР, активно работали над созданием позитивного образа Советского Союза²⁴⁴.

²⁴² Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского. Изд-во «Наука», 1980. С. 86-87.

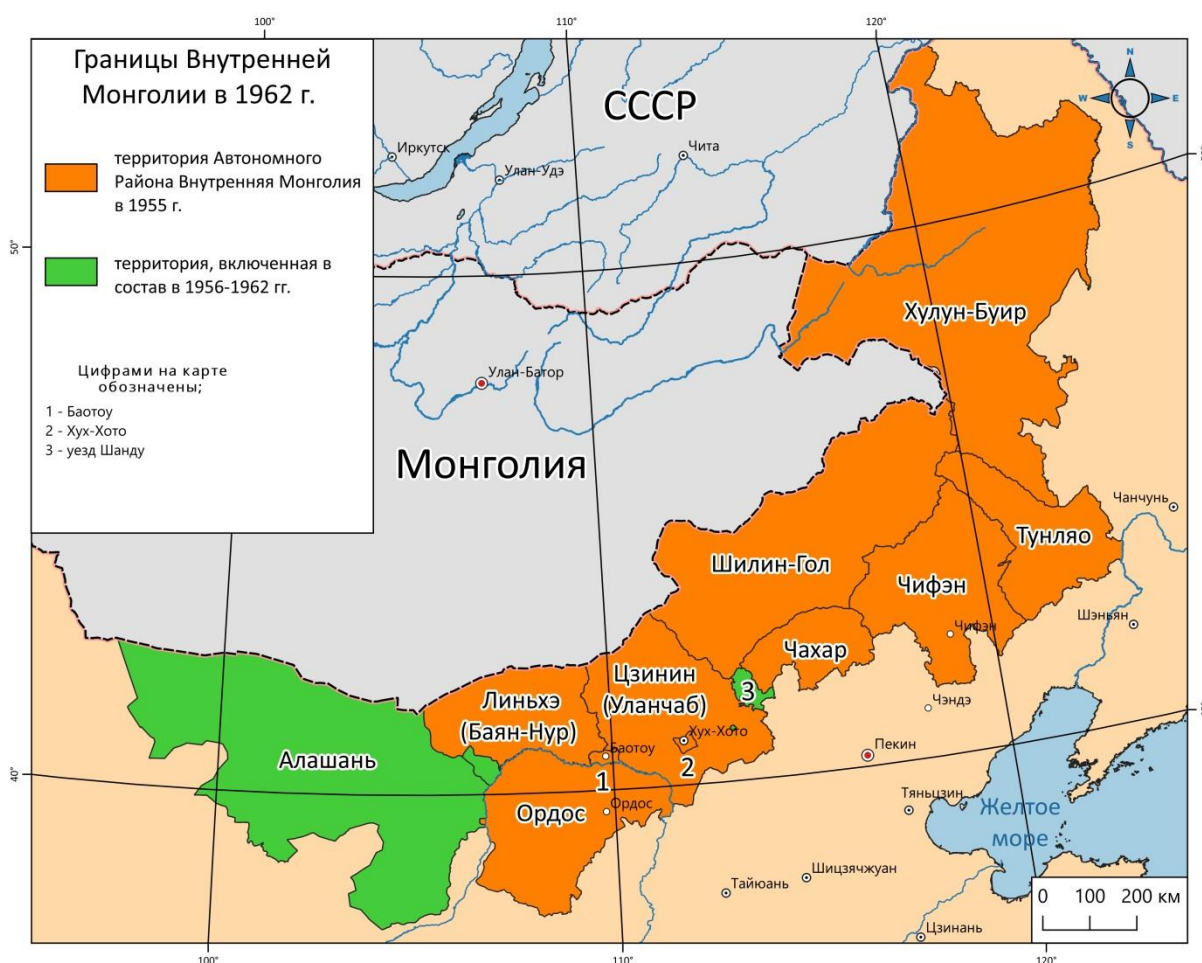
²⁴³ Там же. С. 87.

²⁴⁴ Самойлов Н.А., Ли Суйань. Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х гг. // Вестник СПбГУ, Сер.13. 2012. Вып. 4. С.15.

Расширение сети школ, профессиональных училищ, общее социально-экономическое развитие автономии создало предпосылки создания учреждений высшего образования. Общей характеристике данного процесса посвящен отдельный параграф, поэтому здесь мы просто перечислим те вузы, которые стали создаваться в регионе. Первым был создан Педагогический институт, размещавшийся в г. Улан-Хото в 1952 г. В этом же году в городе Гуйхуа (впоследствии переименован в Хух-Хото) путем слияния нескольких учебных заведений был образован ветеринарный институт. При помощи ведущих центральных вузов в 1956 г. был образован медицинский институт (г. Хух-Хото). При содействии университета Цинхуа в 1958 г. образовался Технологический институт Внутренней Монголии. Главным событием данного периода развития высшего образования следует считать создание в 1957 г. Университета Внутренней Монголии, ставшего первым классическим вузом автономии, нацеленным не только на подготовку кадров для нужд экономики региона, но и на развитие научных исследований.

Административно-территориальное деление КНР во второй половине XX в. находилось в условиях перманентных преобразований. Отдельные территории в силу различных причин подвергались исключению из состава провинций или автономных районов, либо наоборот присоединялись и меняли свое административное подчинение. В 1962 г. произошло очередное изменение территориального устройства, в состав Автономного района Внутренняя Монголия была включена большая территория аймака Алашань (阿拉善盟) и уезд Шанду (商都县). Ниже на рис. 4 представлены изменения, выделенные зеленым цветом.

Рис.4. Границы АРВМ в 1962 г.

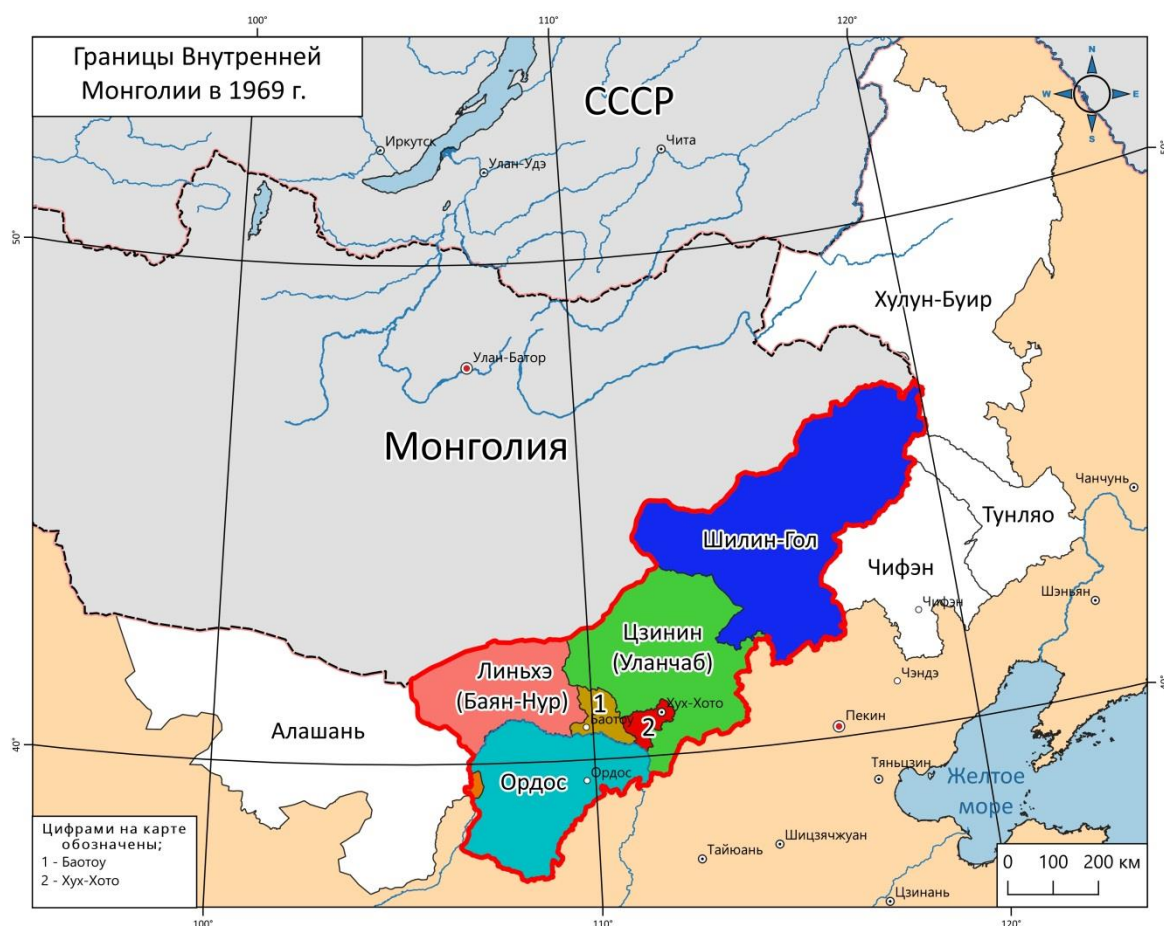

Источник: 内蒙古自治区行政区划变迁图，最初的内蒙是什么样子的？(Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия, как выглядела Внутренняя Монголия в самом начале?)²⁴⁵.

Большим изменениям границы автономии подверглись после начала «культурной революции» в 1966 г. События, произошедшие в Хух-Хото, политическая борьба и смещение с постов Уланьфу не могли не сказаться и на территориальных границах Северо-Востока КНР. Ряд аймаков АРВМ были включены в состав других провинций. Например, аймак Чифэн в 1969 г. был передан в провинцию Ляонин и т.д. Ниже представлена карта АРВМ по состоянию на 1969 г.

²⁴⁵ Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия. Как выглядела Внутренняя Монголия изначально? Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/216027552_100023808. Дата обращения: 26.10.2025.

Рис. 5. Границы АРВМ в 1969 г.

Источник: 内蒙古自治区行政区划变迁图，最初的内蒙是什么样子的？(Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия, как выглядела Внутренняя Монголия в самом начале?)²⁴⁶.

Вполне закономерным явлением можно считать то, что после административной перестройки аймаки Внутренней Монголии, переданные под юрисдикцию других провинций, не получали должной поддержки и развития в составе новых образований, поскольку новая конфигурация не была обусловлена экономическими предпосылками и расчетами, не говоря уже о социально-культурных аспектах развития.

Образование национальной районной автономии и специфика социально-политической ситуации во Внутренней Монголии в середине XX

²⁴⁶ Карта изменений административного деления Автономного района Внутренняя Монголия. Как выглядела Внутренняя Монголия изначально? Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/216027552_100023808. Дата обращения: 26.10.2025.

в. явились определяющими факторами для последующего развертывания региональной системы высшего образования. Комплексный анализ этого исторического этапа позволил выявить закономерную взаимосвязь между процессами административно-территориального оформления границ АРВМ, ростом численности ханьского населения и интенсивными темпами индустриализации, продиктовавшей в условиях массовой неграмотности острую необходимость развития общего и среднего образования, создания сети учреждений профессионального образования и профильных вузов. При этом преодоление внутренних этнополитических противоречий и запуск двуязычных образовательных моделей происходили под идеологическим и организационно-методическим влиянием советского опыта ликвидации безграмотности и национального строительства, что заложило прочный фундамент для интеграции высшего образования автономии в общегосударственную систему КНР.

§ 2.2. Сфера образования Автономного района Внутренняя Монголия на начальном этапе государственного строительства.

В рамках данного параграфа диссертации представим характеристику сферы образования Внутренней Монголии на начальном этапе государственного строительства в контексте социально-политического и экономического развития первой национальной районной автономии КНР.

Руководство страны после победы в гражданской войне приступило к реформированию школьного и вузовского образования. В середине XX в. 80% населения страны было неграмотным²⁴⁷. Особенно тяжелая ситуация была в приграничных северных и западных районах страны, где была слабо развита сеть учреждений начального и среднего образования, а вузов не было вовсе. Потребность в повышении уровня грамотности населения, подготовке кадров для сфер жизни имели стратегическое значение в плане восстановления экономики страны, формирования нового рабочего класса и крестьянства для решения задач индустриализации. Для решения проблем повышения грамотности населения в национальных районах была создана необходимая нормативно-правовая база, которая определяла работу органов местного самоуправления, с учетом особых природных, исторических и социально-экономических факторов. В политической программе Правительства АРВМ 1947 г. были отражены основные положения о практической реализации региональной национальной автономии под руководством Коммунистической партии Китая.

В марте 1949 г. была проведена конференция по вопросам образования, которая определила в качестве первоочередной задачи развития автономии реализацию масштабной просветительской работы. С 23 по 31 декабря 1949 г. Министерство образования провело первую Национальную рабочую конференцию по вопросам образования, на которой было объявлено, что

²⁴⁷ Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ / отв. ред. Н.Е. Бореvская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань. Москва: [б. и.], 2007. С. 45.

образование нацелено на национальное строительство, поддержку рабочих и крестьян. Образование Нового Китая развивалось на основе накопленного опыта с опорой на передовой опыт советской системы образования²⁴⁸. В 1947-1956 гг. были реализованы мероприятия, заложившие основу новой системы образования Внутренней Монголии.

В сентябре 1949 г. по результатам заседания Народного политического консультативного совета Китая была принята «Общая программа КНР», которая представляла собой первый конституционный акт. В числе основных норм было закреплено право граждан на образование. В рамках реализации образовательной политики стали разрабатываться единые программы обучения, создавались учебники, пособия, формировалась система образования взрослых.

В первые годы существования КНР политика руководства страны была направлена на ускоренную адаптацию старой китайской системы к новым условиям и задачам. Основными задачами были реорганизация и восстановление старых школ, создание новой системы подготовки учителей. В 1950 г. Министерство образования опубликовало «Доклад о первой национальной рабочей конференции по вопросам образования», в котором предлагалось направить ресурсы на создание педагогических классов и пилотном внедрении рабочих и крестьянских средних школ. Также в 1950 г. на совещании Министерства образования было принято «Решение о реформировании Пекинского педагогического университета»²⁴⁹. Этот документ заложил основы образовательной политики КНР в сфере педагогического образования. Высокая потребность в педагогических кадрах

²⁴⁸ 我国教育体制改革大事记（1949-2010）// 中国改革信息库 (Хронология основных событий в реформировании системы образования (1949-2010)). Информационная база данных реформ Китая. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.reformdata.org/2012/1105/1072.shtml>. Дата обращения: 07.03.2026.

²⁴⁹ 李广, 李欣桐. 新中国教师教育政策变迁历程、演进逻辑及发展趋势 // 华南师范大学学报(社会科学版), 2020年第6期 – 58页。(Ли Гуан, Ли Синьтун. Эволюция, логика и тенденции развития политики в области педагогического образования в Новом Китае // Журнал Южно-Китайского педагогического университета (издание по социальным наукам), 2020, №6. С.58).

была обусловлена необходимостью подготовки большого количества рабочих, крестьян, служащих для отраслей народного хозяйства. В этих условиях начали формироваться педагогические училища. В 1952 г. последовательно были приняты «Положения (проект) о высших педагогических училищах» и «Временные положения (проект) о педагогических училищах», которые установили систему высшего педагогического образования, включающую четырехлетние программы бакалавриата, двухлетние профильные (специализированные) программы и двухлетние программы подготовки учителей, а также трехлетнюю систему средних педагогических училищ. Накопленный опыт, работа по оптимизации процесса подготовки кадров обусловили принятие в 1963 г. Министерством образования «Циркуляра об издании проекта учебного плана для высших педагогических училищ» (关于颁发高等师范学校教学计划(草案)的通知) и «Проекта учебного плана для трехгодичных средних профессиональных педагогических училищ» (三年制中等师范学校教学计划草案 (征求意见稿)) для общественного обсуждения. В этих документах были отражены базовые основы образовательных программ и проекты учебных планов по более чем десятку специальностей, таких как китайский язык и математика, в рамках высшего и среднего профессионального педагогического образования²⁵⁰. Эти документы заложили основу системы и структуры педагогического образования в первые годы существования Нового Китая.

На начальном этапе государственного строительства руководство страны уделяло особое внимание процессу подготовки политически грамотных управленческих кадров, поэтому при институтах и школах организовывались специальные курсы, на которых ускоренную подготовку прошло большое количество представителей этнических меньшинств. Эти люди заложили основы новой государственности в Автономном районе Внутренняя Монголия. В ноябре 1950 г. была обнародована

²⁵⁰ Там же. С. 58.

«Экспериментальная программа подготовки кадров из числа национальных меньшинств», в которой подчеркивалось, что представители этнических групп КНР должны быть активно включены в этот процесс в соответствии с новой демократической политикой государства в области образования. В качестве одной из главных целей провозглашалось развитие региональной национальной автономии, реализация этнокультурного образования на территориях компактного проживания этнических меньшинств.

Первая национальная конференция по высшему образованию состоялась с 1 по 9 июня 1950 г. Национальная конференция, посвященная вопросам развития среднего образования, состоялась 19 марта 1951 г. В этом же году с 27 августа по 11 сентября были проведены первая национальная конференция по начальному образованию и первая национальная конференция по подготовке учителей. Чуть позже, с 20 по 28 сентября была проведена национальная конференция по вопросам образования этнических меньшинств²⁵¹.

В ноябре 1952 г. был создан Комитет по борьбе с неграмотностью Центрального народного правительства (中央人民政府扫除文盲工作委员会). По всей стране была начата масштабная кампания по повышению грамотности.

Вместе с тем, нехватка педагогов в недавно образованной Китайской Народной Республике оставалась одной из ключевых проблем. В целях ускоренной подготовки большого числа учителей Министерство образования и Государственный совет последовательно издали в период с 1952 по 1954 гг. «Постановление о масштабной краткосрочной подготовке учителей для начальной и средней школы», «Указания Государственного совета по совершенствованию и развитию высшего педагогического образования» и

²⁵¹中国共产党百年奋斗史中的教育大事 (Основные мероприятия в сфере образования в столетней истории Коммунистической партии Китая). Электронный ресурс. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzIwMzE2ODE3Nw==&mid=2652344214&idx=4&sn=dab6628ff433474e123e75b5932d0108&chksm=8d30af48ba47265e2391214a1ea1c30c1bca43e45f423696cc942efd3a9994c2ef11c187e657&scene=27. Дата обращения: 07.03.2026.

«Проект краткосрочной подготовки учителей средних школ» и соответствующие рекомендации к ним. Эти документов создавали нормативную и организационную основу для расширения существующих школ, давались рекомендации по подготовке учителей начальной, средней и высшей школы²⁵².

Во второй половине 1952 г. Министерство образования реорганизовало факультеты и отделения высших учебных заведений по всей стране, сосредоточив внимание на подготовке кадров и преподавателей для промышленного строительства, и преобразовало все частные университеты в государственные. К 1953 г. общенациональная реорганизация высших учебных заведений была в основном завершена. Реорганизованные учреждения значительно увеличили число студентов, удовлетворив острую потребность в квалифицированных кадрах в условиях индустриализации.

В первые годы существования Китайской Народной Республики, образовательная политика была направлена на реорганизацию старых школ, ускоренную подготовку учителей и создание новой системы педагогического образования. В 1950 г. Министерство образования по итогам работы опубликовало «Доклад о первой национальной рабочей конференции по вопросам образования», в котором впервые в форме программного документа было предложено сосредоточить усилия на создании педагогических классов и пилотном внедрении рабочих и крестьянских средних школ.

В 1950 г. на совещании Министерства образования были приняты документы, определявшие политику в области педагогического образования: «Решение о реформировании Пекинского педагогического университета» (关于改革北京师范大学的决定) и «Временный устав Пекинского

²⁵²李广, 李欣桐. 新中国教师教育政策变迁历程、演进逻辑及发展趋势 // 华南师范大学学报(社会科学版), 2020年第6期 – 58页。(Ли Гуан, Ли Синьтун. Эволюция, логика и тенденции развития политики в области педагогического образования в Новом Китае // Журнал Южно-Китайского педагогического университета (издание по социальным наукам), 2020, №6. – С.58).

педагогического университета» (北京师范大学暂行规程). Эти два документа фактически заложили основу для реформирования и развития высшего педагогического образования, определили базовую модель высших педагогических учреждений, а также подходы к реформированию среднего педагогического образования²⁵³.

14 февраля 1950 г. между СССР и КНР был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи». Кроме этого договора было подписано двустороннее соглашение об оказании Советским Союзом помощи Китаю по строительству и реконструкции крупных предприятий, в том числе объектов социальной сферы. Детальная информация представлена в коллективном труде Н.Л. Мамаевой, И.Н. Сотниковой, А.Л. Верченко «Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е гг. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества»²⁵⁴. Особым направлением сотрудничества была подготовка квалифицированных кадров для сферы здравоохранения. Взаимодействие в этом направлении между странами началось еще в 1930-е гг., когда советское руководство начало отправку специалистов в Китай для работы в медицинских пунктах и амбулаториях при Генеральных консульствах на территории северо-запада страны. Командировки врачей, в том числе и военных, продолжались и во время второй мировой войны²⁵⁵.

Определяющим документом, регулировавшим основные принципы сотрудничества между странами, являлось «Советско-китайское соглашение об условиях работы советских специалистов в Китае», которое было подписано 27 марта 1950 г. в Москве. Согласно договоренностям, СССР

²⁵³ 北京师范大学暂行章程. 北京师范大学 (Временный устав Пекинского педагогического университета. Официальный сайт Пекинского педагогического университета). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sdxs.bnu.edu.cn/xsyj/sdsj/212733.html>. Дата обращения: 07.03.2026.

²⁵⁴ Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. М.: Весь Мир, 2018. 608 с.

²⁵⁵ Нагорных О.С., Шок Н.П. Командировки советских врачей в КНР в 1950-1960-е гг.: реализация планов сотрудничества в сфере медицины и здравоохранения // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 78 (75-85).

направлял в Китай специалистов и советников различных профилей и специализации в соответствии с потребностями китайской стороны. Несколькими годами позже, в 1954 г. было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве и технической помощи между странами, которое позволило значительно расширить объем экономической помощи со стороны Советского Союза, а также увеличить число специалистов, направляемых в Китай. В рамках двустороннего сотрудничества на учебу в СССР направлялись представители китайской молодежи. Согласно данным, в 1950 г. в СССР обучались 400 студентов из КНР, что составило 6,4% от общего количества иностранных студентов; в 1960 г. в Союзе обучалось уже 900 китайских студентов, что составило 9,7% соответственно. Можно отметить, что народное образование КНР с 1949 до середины 1950-х гг. в общих чертах проходило тот же путь, что и социалистическая система образования в СССР несколькими десятилетиями ранее²⁵⁶.

На начальном этапе развития нового китайского государства вопрос подготовки национальных кадров имел первостепенное значение. Как отмечает И.Н. Сотникова, «...в начале 1950-х годов на всю страну насчитывалось 164 тыс. инженерно-технических работников и 15,8 млн рабочих и служащих, из них только 4,3 млн промышленных и транспортных рабочих, занятых в основном на мелких и мельчайших предприятиях. В 1953 г. Китай располагал всего 78 проектными организациями, в каждой из которых работало, как правило, менее 200 человек»²⁵⁷.

Лидеры компартии Китая понимали, что без помощи Советского Союза очень сложно будет в кратчайшие сроки решить кадровый вопрос, поэтому правительство Китая обратилось с просьбой к СССР оказать помощь в планировании, разработке и реализации проектов в различных отраслях

²⁵⁶ Гусевская Н.Ю., Мамкина И.Н. Роль образования в развитии российско-китайских отношений: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 80 (77–83).

²⁵⁷ Сотникова И.Н. Помощь Советского Союза // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: Монография: в 10-ти томах / Институт Дальнего Востока РАН. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, 2017. С. 607 (590-619).

производства, организации административно-управленческого аппарата, создании научно-исследовательских и проектных учреждений.

Для этой работы привлекались лучшие советские специалисты по разным отраслям народного хозяйства и науки. В январе 1955 г. советник президента Китайской академии наук Б.А. Ковда разработал проект «Некоторых мер по планированию и организации национальных научно-исследовательских работ в Китайской Народной Республике», предложив китайской стороне разработать конкретную программу научных исследований на всей территории страны, соотнести их с решением важнейших вопросов, отраженных в пятилетних планах развития народного хозяйства.

Национальная система здравоохранения и подготовки кадров получила свое развитие после Синьхайской революции. За основу была взята западная модель, которая призвана была помочь в борьбе с эпидемией легочной чумы в Маньчжурии в 1910-1911 гг. В этих условиях правительство в 1912 г. создает Пекинское медицинское училище (ныне Центр медицинских наук Пекинского университета) как ведущую профессиональную медицинскую организацию, созданную по новой модели. В рамках первого набора было принято 72 студента. В течение пятидесяти лет учреждение подготовило порядка 200 тыс. специалистов. Однако, учитывая обширную территорию и количество населения, медицинских работников было явно недостаточно. Руководство страны в лице Гоминьдана понимало, что традиционная китайская медицина не может эффективно бороться с подобного рода заболеваниями, и в 1920-х гг. пыталось приложить все усилия для создания службы общественного здравоохранения и медицинского образования по западному образцу. В Министерстве внутренних дел в 1927 г. был создан Департамент общественного здравоохранения. В 1945 г. департамент был реорганизован в Министерство здравоохранения. В начале 1950-х гг. Китай стал ускоренно внедрять советскую модель профилактики эпидемий и

просвещения, создал санитарно-противоэпидемическую систему общественного здоровья при медицинских университетах. Кроме того, были сформированы принципы функционирования системы здравоохранения: соблюдение гигиены труда, здоровое питание, гигиена окружающей среды, санитарные нормы общеобразовательных учреждениях и соблюдение норм радиационной гигиены. Все это имело особую актуальность для Автономного района Внутренняя Монголия, поскольку в регионе в первой половине XX в. эпизодически вспыхивали эпидемии.

Советская модель здравоохранения довольно быстро показала свою эффективность. Инфекционные заболевания, потенциально обладающие высоким риском для здоровья населения, такие как оспа, холера, чума, тиф и др., были либо полностью искоренены, либо с ними эффективно боролись. Благодаря общенациональным программам плановой иммунизации инфекционные заболевания, такие как полиомиелит, дифтерия, коклюш, корь стали своевременно подвергаться профилактике. К тому же, большинство видов эндемичных и паразитарных заболеваний в целом довольно эффективно были взяты под контроль. Как отмечают исследователи, несмотря на стихийные бедствия в виде наводнений и землетрясений, являющихся естественным источником возникновения инфекционных заболеваний, вспышек эпидемий стало гораздо меньше²⁵⁸. Это является самым убедительным доказательством того, что общественное здоровье и гигиеническая ситуация значительно улучшились.

Развитие национальной системы здравоохранения КНР представляло стратегическую значимость, поэтому высшее руководство страны в полной мере поддерживало инициативы СССР. В 1960 г. было подписано соглашение о научном сотрудничестве по важнейшим вопросам медицины между Академией медицинских наук СССР и образованной в 1957 г.

²⁵⁸ Нагорных О.С. Советско-китайские отношения в сфере медицины: диалог и идеология // В мыслях о своевременном и ином: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М. Горького, Нижний Новгород, 21–22 апреля 2018 г. Приволжский исследовательский медицинский университет, 2018. С. 167-173

Академией медицинских наук КНР. Ускоренными темпами велось создание учреждений по подготовке кадров для системы здравоохранения. Уже к 1965 г. в стране существовало более 230 учебных заведений, готовивших врачей-специалистов. Общее количество таких медицинских работников превысило 200 000 человек. По модели Советского Союза начали создаваться многопрофильные больницы в автономных районах, провинциях и уездах, а в сельской местности начали функционировать передвижные амбулатории. Все это позволило в сравнительно короткие сроки создать единую систему здравоохранения по всей стране. Вполне естественно, что функционирование как отдельных учреждений, так и всей системы в целом давало сбои, не была решена проблема с материально-техническим обеспечением, актуальной оставалась проблема дефицита кадров. Вместе с тем, следует признать, что основы, заложенные во второй половине XX в., позволили создать эффективную модель системы здравоохранения одного из крупнейших государств мира.

После установления дипломатических отношений между СССР и КНР, китайские ученые на системной основе стали изучать советскую педагогическую теорию и практику народного образования. Это в значительной степени облегчило задачу ускоренного развития всей системы образования – от содержательных аспектов до уровней и направлений подготовки. Руководство Китая решило провести национализацию учреждений образования с целью систематизации процесса управления, внесения изменений в содержание обучения и унификации финансирования. В сентябре 1952 г., по указанию Центрального комитета КПК, все частные начальные и средние школы по всей стране должны были быть переданы в ведение Народного правительства и преобразованы в государственные. Эта работа была в основном завершена к 1956 г. и включала передачу 1412 частных средних школ и 8925 частных начальных школ. Кроме того, в ходе реорганизации факультетов и кафедр, начавшейся в 1952 г., 65 частных

высших учебных заведений были преобразованы в государственные²⁵⁹. Данный шаг решал ряд актуальных задач. Во-первых, возвращалась монополия государства на образование, исключалось зарубежное финансирование и влияние иностранных государств. Во-вторых, руководство КНР решало проблему ликвидации безграмотности путем включения этих учебных заведений в единую систему, реализации всеобщего обучения. В-третьих, подчинение единым стандартам и управлению способствовало ускоренной подготовке кадров для нужд народного хозяйства.

В 1952 г. были обнародованы «Основные положения пятилетнего плана развития образования в Автономном районе Внутренняя Монголия (1953-1957 гг.)». В этом пятилетнем плане подчеркивалась необходимость развития образования для этнических меньшинств, были обозначены меры финансовой поддержки и развития инфраструктуры образовательных учреждений. Отдельное внимание было уделено необходимости изучения и использования монгольского языка и письменности в сфере образования²⁶⁰. В соответствии с принятыми документами было создано специальное бюро по составлению учебников для начальной школы на монгольском языке.

В августе 1952 г. Народное правительство обнародовало «План реализации региональной национальной автономии»²⁶¹. Данный документ определял основные направления реализации внутренней политики в национальных регионах страны. Для внедрения в практику решений центрального правительства было решено выделять целевое финансирование на нужды образования в этих районах, освобождать малоимущие семьи от

²⁵⁹ 中国大百科全书·教育. – 北京, 中国大百科全书出版社 (Энциклопедия Китая: Образование – Пекин, Издательство «Энциклопедия Китая». 1994. с. 554) - 1994. 554 页。

²⁶⁰ 薛寒、苏德。1947 年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020. 地第 1 目录. 总第六期. (Сюз Хань, Судэ. Эволюция политики национального образования во Внутренней Монголии с 1947 года - Анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. № 1.) [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (дата обращения 28 мая 2023).

²⁶¹ 民族区域自治制度在内蒙古. (Система национальной региональной автономии во Внутренней Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnr.cn/2007zt/nmg60/mzqyzz/200707/t20070729_504526728.html. (дата обращения 28 мая 2023).

сборов и взносов за обучение, обеспечивать необходимыми принадлежностями, создавать школы интернатного типа и т. д.

Политика в области высшего образования для этнических меньшинств развивалась в соответствии с общей стратегией развития образовательной системы, но с учетом взвешенного подхода к представителям малочисленных народов. Руководству КНР необходимо было решить первоочередные задачи в сфере общего образования, создать условия для становления системы высшего образования в национальных районах. Как отмечалось ранее, одной из основных проблем в реализации образовательной политики на местах являлось то, что национальные территории в середине XX в. были слабо развиты в социально-экономическом плане, разнообразны в этнокультурном, языковом и конфессиональном отношении. К собственно образовательным проблемам следует отнести отсутствие единой сети общеобразовательных учреждений, острая нехватка педагогических кадров, отсутствие учебных материалов. Для решения существующих проблем была проведена работа по анализу и систематизации ключевых аспектов реализации образования в национальных районах. Базовым критерием дифференциации явился уровень развития национального языка, на основе которого выделили три группы:

- 1) этнические меньшинства с собственным языком и письменностью (например, это монголы 蒙古族 и тибетцы 藏族);
- 2) этнические меньшинства с собственным языком, но не имеющие письменности (например, это дунсяне 东乡族 и югуры 裕固族);
- 3) этнические меньшинства, утратившие свой язык и письменность (например, это хуэй 回族 и маньчжуры 满族)²⁶².

От уровня развития миноритарных языков зависела образовательная ситуация в регионах компактного расселения национальных меньшинств. В

²⁶²王鉴. 试论我国少数民族教育政策重心的转移问题. 民族教育研究 // 民族教育研究. 2009 年第 3 期第 20 卷总第 92 期 — 18—25 页. (Wang Jian. Shilun woguo shaoshu minzu jiaoyu zhengce zhongxin de zhuan yi wenti // Minzu jiaoyu yanjiu. 2009 nian di 3 qi di 20 juan 18-25 ye ; Ван Цзянь. О смещении акцентов в государственной политике в области образования для национальных меньшинств / Ван Цзянь // Журнал исследований по этнической педагогике. 2009. № 3. Выпуск 20. С. 18.

связи с этим можно условно выделить три содержательные линии образовательной политики. В первом случае учитывалось современное состояние и достижения в образовании, уделялось внимание сложившимся национальным традициям в воспитании. Одновременно шла перестройка школьной системы: расширение охвата учащихся образованием, увеличение количества дисциплин, реализовывалось морально-идеологическое воспитание. В рамках данного подхода началась внедряться модель двуязычного образования.

Вторая модель применялась в районах, где образование реализовывалось в семейном воспитании или в религиозной практике, отсутствовала своя система подготовки и обучения азам грамотности на национальном языке в силу отсутствия его письменной формы. В этой связи необходимо было учесть специфику историко-культурных, природных, социальных факторов традиционного общества, особенности устной формы языка этнической группы для эффективной реализации двуязычного образования. Как правило, образовательный процесс реализовывался на китайском языке.

Третий подход не требовал больших затрат ресурсов в плане формирования единого образовательного пространства, поскольку он реализовывался для представителей национальных меньшинств, утративших свой язык, надо было лишь учитывать этнокультурные и религиозные традиции представителей этнической группы²⁶³.

В результате реализации комплекса мер, в том числе выделения специального финансирования, увеличилось количество принятых на обучение детей в пастбищных районах. Применялись меры по сокращению отсева учащихся из школ.

Во Внутренней Монголии особое внимание уделялось изучению монгольского языка и письменности. Основы данной политики были

²⁶³ 王鉴. 试论我国少数民族教育政策重心转移问题 / 王鉴 // 民族教育研究. 2009. № 3. 第 20 卷. 页 18-25.
[Ван Цзянь. О смещении акцентов в государственной политике в области образования для национальных меньшинств в Китае / Ван Цзянь // Исследования по этническому образованию. 2009. № 3. Т. 20. С. 18–25]

заложены в 1947 г. и отражены в «Правительственном циркуляре»: «Продвигать монгольские газеты и книги, изучать монгольскую историю и популяризировать монгольские учебники в монгольских школах для развития монгольской культуры»²⁶⁴. Принятые меры заложили основу для развития системы общего образования в условиях автономии. Несмотря на провозглашение всесторонней поддержки делу развития национального образования, на практике не все соответствовало обозначенным нормам. Ситуация оказалась настолько серьезной, что в 1956 г. Народный комитет Автономного района Внутренняя Монголия издал «Циркуляр об исправлении пренебрежительного отношения по использованию национальных языков».

Как уже отмечалось ранее, Внутренняя Монголия занимала особое место в политике китайского руководства на начальном этапе государственного строительства. Регион был включен в первый пятилетний план КНР как один из приоритетных. Центральное правительство объясняло это тем, что «на территории Внутренней Монголии уже был сформирован рабочий класс и функционировали партийные комитеты. Более того, Центральным правительством было заявлено, что монголы – одна из немногих национальных групп, которая стремится к развитию и модернизации»²⁶⁵.

На момент образования автономии в 1947 г. почти 80% населения региона было либо полностью неграмотным, либо владело лишь азами письменности и арифметики. По официальным данным, к моменту создания АРВМ на территории района насчитывалось 3769 начальных школ, в которых обучалось 214 300 учащихся; в 21 общеобразовательной средней

²⁶⁴ 薛寒, 苏德. 1947年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 / 薛寒, 苏德 // [内蒙古师范大学学报\(教育科学版\)](#) (Journal of Inner Mongolia Normal University). 2020. № 1. Т. 33. С. 32

²⁶⁵ Мажинский С.В. Влияние ханьской миграции на национальную идентичность монголов автономного района внутренняя Монголия в середине XX в / С. В. Мажинский // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : Международная научная конференция, программа и тезисы, Томск, 14–15 октября 2014 года. – Томск: Издательство Томского университета, 2014. – С. 241

школе обучалось всего 4300 учащихся; в 3 средних профессионально-технических училищах обучалось 455 человек; в 5 педагогических училищах 1223 обучающихся соответственно. Педагогический состав также был весьма немногочисленным – всего насчитывалось 7319 учителей и сотрудников во всех образовательных учреждениях. Следует отметить, что в указанный момент в АРВМ не было ни одного высшего учебного заведения. Насчитывалось всего 377 национальных начальных школ, в которых обучалось 22 600 человек и 4 средние школы, в которых обучалось всего 524 человека²⁶⁶. Население автономии на тот момент составляло 5617 тыс. человек²⁶⁷.

Для развития социальной сферы, экономики региона необходимы были подготовленные кадры, способные внедрить новые подходы и методы, реализовать программу развития автономии и страны в целом. Эти вопросы отчетливо понимали и в руководстве АРВМ, поэтому был предпринят ряд шагов, направленных на развитие системы образования. По мнению Сюэ Хань (薛寒) и Судэ (苏德) в развитии системы образования АРВМ можно выделить четыре основных этапа: начальный этап (1947-1956), этап трудностей и разочарований (1957-1966), этап восстановления и развития (1977-2000), этап инновационного развития и процветания (2001– по настоящее время)²⁶⁸. В своей периодизации авторы не выделяют этап «культурной революции» (1966-1976 гг.). По мнению ученых, десятилетие культурной революции характеризуется стагнацией, меры по развитию

²⁶⁶新中国成立特别是改革开放以来内蒙古自治区教育事业取得巨大成就. (Создание Нового Китая после реформ и открытия. Большие достижения в области образования в Автономном районе Внутренняя Монголия) [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s222/moe_1736/201004/t20100420_85663.html. (дата обращения 27 мая 2023).

²⁶⁷内蒙古蒙古族人口 60 年来数量和素质获得全面发展 (Монгольское население Внутренней Монголии за последние 60 лет добилось всестороннего развития в количественном и качественном отношении). [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/jrzq/2007-05/28/content_628205.htm. (дата обращения 27 мая 2023).

²⁶⁸ 薛寒、苏德。1947 年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020. 地第 1 目录. 总第六期. (Сюэ Хань, Судэ. Эволюция политики национального образования во Внутренней Монголии с 1947 года - Анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. № 1.) [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (дата обращения 28 мая 2023).

образования во Внутренней Монголии, принятые после 1947 года, были признаны «буржуазным путем», а национальные школы всех уровней и типов рассматривались как фактор национального разделения, многие учебные заведения были закрыты.

В середине прошлого столетия Улан-Хото являлся одним из политических центров Внутренней Монголии. 23 апреля 1947 г. здесь состоялся Съезд народных представителей Внутренней Монголии на котором один из лидеров монгольского революционного движения Уланьфу выступил с докладом. По итогам заседания были избраны члены народного правительства Внутренней Монголии и Временного сената, а Уланьфу был избран председателем Правительства. С данного момента в АРВМ начинается трансформация социально-экономического устройства, который усилился после образования КНР в 1949 г. Основные изменения коснулись организации народного хозяйства – началась коллективизация и создание народных коммун. В социальной сфере изменения коснулись политики повышения грамотности населения, в том числе и среди этнических меньшинств. Постепенно началось строительство небольших перерабатывающих предприятий, дорог, инфраструктуры. Город Улан-Хото и в целом Хинган аймак постепенно стали переходить от традиционной формы ведения хозяйства к плановой промышленной экономике.

В 1954 г. педагогический институт г. Улан-Хото был перевезен на запад АРВМ в г. Гуйсуй (归绥), объединен там педагогическим училищем Внутренней Монголии, который в свою очередь был образован в результате слияния педагогического колледжа г. Чжанцзякоу (张家口, провинция Хэбэй) и педагогического колледжа Суйюань (绥远省) [内蒙古师范大学网站]. После реорганизации провинции Суйюань в 1954 г., столица Гусуй (归绥) была переименована в Хух-Хото который постепенно стал образовательным и социально-экономическим центром региона. В 1951 г. в провинции Суйюань была создана высшая промышленная школа. Это свидетельствует о том, что

к середине XX в. в регионе уже развивалась промышленность, которая нуждалась в подготовленных кадрах. Позже, в 1958 г. при поддержке университета Цинхуа, был образован технологический институт Внутренней Монголии [内蒙古工业大学网站].

Еще одним образовательным центром помимо Улан-Хото и Хух-Хото является г. Баотоу (包头市). Система подготовки профессиональных кадров Баотоу непосредственно связана с отраслями экономики города и региона в целом. В 1954 г. Баотоу вошел в состав Автономного района Внутренняя Монголия, в этом же году была образована металлургическая компания Baotou Iron & Steel (包头钢铁公司), заложившая основу его промышленной мощи. В 1956 г. был образован металлургический техникум Баотоу (包头钢铁工业学校), который вместе с инженерно-строительным техникумом (包头建筑工程学校) в 1958 г. были объединены и создали Технологический институт Баотоу (包头工学院). В этом же году был образован Педагогический институт, который сыграл важную роль в подготовке кадров и для всей сферы образования региона. В 1958 г. была официально открыта первая в Китае железная дорога, пересекающая пустыню – «Баотоу – Ланьчжоу». Это ознаменовало начало новой эры развития железнодорожного транспорта в стране. В этом же году под юрисдикцией Баотоу начинается разработка горнорудного месторождения Баян-Обо (白云鄂博矿区) [白云鄂博矿区]. Тут сосредоточено более 41% мировых разведанных запасов редкоземельных металлов, а также 175 других минеральных ресурсов, включая железо, ниобий, марганец, фосфор и флюорит, что сделало его всемирно известной «столицей редкоземельных металлов» [包头市加快建设].

Город Баотоу занимает особое место в новейшей истории Внутренней Монголии. Еще в XIX в. Баотоу становится узловым перевалочным пунктом, через который шла торговля между кочевыми степями и земледельческими районами. Усиление социально-экономической роли Баотоу началось со

строительства железной дороги Пекин – Суйюань в 1923 г. Железнодорожная линия позволила напрямую связать регион со столицей и развитыми юго-восточными провинциями. Развитие транспортных коммуникаций, торговли обуславливало необходимость в кадрах. В 1925 г. усилиями военной администрации была открыта средняя школа № 1 города Баотоу. С этого момента началось развитие старшей ступени системы общего образования. После 1949 г. начинается новый этап в истории всей Внутренней Монголии и Баотоу в частности. Постепенный рост торговли, сферы строительства, увеличение объемов транспортировки товаров и перспективные планы руководства страны требовали большого количества подготовленных специалистов.

Взрывной рост развития город получил после начала форсированной индустриализации Китая в начале 1950-х гг. В первые годы после образования КНР (1949-1952) руководство страны стремилось стабилизировать ситуацию в экономике (борьба с инфляцией) и сформировать систему управления на местах. После решения этих задач правительство при помощи СССР начало реализацию пятилетних планов. Первый пятилетний план (1953-1957) был направлен на индустриализацию страны и развитие промышленности, в том числе создание совершенно новых отраслей. В первом пятилетнем плане важное место занимала Внутренняя Монголия. Одним из факторов являлось стремление КПК обеспечить безопасность страны и создать промышленную базу на Северо-Востоке Китая. Стратегия индустриализации КНР во многом повторяла стратегию Советского Союза 1930-х гг., в которой ведущее место занимало капиталоемкое производство. Основу программы индустриализации составляли 156 проектов, финансируемых Советским Союзом, которые в совокупности поглотили около половины всех промышленных инвестиций. Эти предприятия отличались крупными масштабами и высоким объемом основного капитала на одного занятого работника.

Ограничения национального дохода как показателя развития, особенно в странах с низким уровнем дохода, хорошо известны, но успех китайской программы развития подтверждается и другими показателями. Ожидаемая продолжительность жизни, лучший из возможных индикаторов состояния здоровья населения страны, выросла с 36 лет в 1950 г. до 57 лет к 1957 г., что на пятнадцать лет больше, чем средняя ожидаемая продолжительность жизни в странах с низким уровнем дохода в то время. Доля детей младшего школьного возраста, фактически охваченных начальным образованием, за тот же период увеличилась с 25 до 50%, а также значительно выросло число учащихся средних и высших учебных заведений.

В начале 1960-х гг. государство несколько меняет свой курс, ускоренные темпы развития промышленности и сельского хозяйства уже не являются неременным условием развития китайского общества. В системе образования Внутренней Монголии происходят важные изменения, которые касаются использования монгольского языка. Во-первых, была создана система оценки уровня знания монгольского и китайского языков. Были разработаны и внедрены в практику важные документы, например, «О мерах по совершенствованию изучения монгольского и китайского языков в монгольских начальных и средних школах (проект 1963)» и «О включении экзамена по монгольскому языку в программу вступительных испытаний в монгольские средние школы и высшие учебные заведения с 1964 года» (1963)²⁶⁹.

Во-вторых, начали реализовываться меры по поддержке детей из пастбищных районов. Последовательно были изданы «Временные меры по оказанию финансовой помощи начальным и средним школам в пастбищных районах» (1962), «О внедрении экспериментального плана управления

²⁶⁹ 薛寒、苏德。1947年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报。2020. 地第 1 目录. 总第六期. (Сюз Хань, Судэ. Эволюция политики национального образования во Внутренней Монголии с 1947 года - Анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. № 1.) [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (дата обращения 28 мая 2023).

школами в пастбищных районах» (1963) и «О мерах по предоставлению финансовой поддержки для учащихся начальных и средних школ из числа национальных меньшинств в Автономном районе Внутренняя Монголия» (1963). Финансовая помощь предоставлялась адресно для поддержки детей сирот, многодетных семей, детей скотоводов, испытывающих трудности. Кроме того, субсидии на обучение выделялись детям, показавшим высокие показатели в учебе и общественной жизни.

В-третьих, государство начало усиленно развивать педагогическое образование. По результатам анализа состояния педагогического образования был составлен «Отчет о некоторых проблемах современного национального педагогического образования» (1963). В тексте документа были определены масштабы и структура педагогического образования, а также стандартизирована академическая система, учебные материалы и условия преподавания в национальных школах²⁷⁰. Это позволило составить целостную картину в сфере подготовки учителей, выявить основные барьеры, которые препятствуют повышению качества подготовки педагогических кадров из числа национальных меньшинств.

Одним из центров гуманитарного образования Внутренней Монголии является Университет национальностей Внутренней Монголии (г. Тунляо). История университета начинается в июне 1958 г., когда было образовано Педагогическое училище г. Тунляо. В 1965 г. оно было преобразовано в Педагогический институт, а в 1980 г. в Педагогический институт национальностей Внутренней Монголии. В рамках масштабных образовательных реформ в июне 2000 г. путем слияния Педагогического института национальностей Внутренней Монголии (内蒙古民族师范学院), Монгольского медицинского института Внутренней Монголии (内蒙古蒙医学院) и Сельскохозяйственного института Джирим (哲里木畜牧学院) был

²⁷⁰ 钩沉。蒙藏学校，蒙古族第一个党支部诞生的地方。(Гоу Чэнь. Монголо-тибетская школа – место, где зародилось первое партийное отделение монголов) [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1762537727436600275&wfr=spider&for=pc>. (дата обращения 26 мая 2023).

образован Университет национальностей Внутренней Монголии (内蒙古民族大学)²⁷¹.

Педагогические училища создавались в таких аймаках как Уланчаб (Цзининское педагогическое училище, 1958 г. 集宁师范高等专科学校), Чифэн (Национальное педагогическое училище г. Чифэн, 1957 г. 赤峰民族师范高等专科学校), Хулунбуир (Хулунбуирский институт, 1958 г. 呼伦贝尔学院), Баяннур (河套学院, 1978 г.), Ордос (伊克昭盟师范学校, 1959 г.) Алашань (Алашанский профессионально-технический колледж, 2011 г., 阿拉善职业技术学院) и др.

Краткий обзор территориального распределения высших учебных заведений Внутренней Монголии позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, пространственная организация вузов имеет прямую зависимость от административно-территориального устройства автономии. В этом плане явно выделяется город Хух-Хото (до 25 апреля 1954 г. назывался Гуйхуа), который получил свое развитие после переезда столицы АРВМ из Чжанцзякоу в Гуйхуа в 1954 г. Во-вторых, стремительное развитие г. Баотоу в силу географического положения, развития инфраструктуры (в первую очередь, железной дороги), а также создания промышленных предприятий, в том числе металлургических и тракторных заводов, строительства электростанций. В-третьих, в северо-восточных и северо-западных районах автономии в первые годы создавались педагогические училища, призванные решить нехватку кадров для ликвидации безграмотности населения, в том числе национальных меньшинств. В новом тысячелетии руководство КНР стремится исправить территориальную диспропорцию и обеспечить равный доступ к образованию для всех жителей отдаленных районов Внутренней Монголии. В качестве механизмов решения данной проблемы определены политика позитивной дискриминации в сфере образования, реализация

²⁷¹ 内蒙古自治区志 2014: 468-469

целевых программ подготовки кадров, а также изменений в модели обучения на уровне бакалавриата, которая будет введена с 2026 г.²⁷²

Становление и развитие региональной системы образования в Автономном районе Внутренняя Монголия имеет свою специфику в общей эволюции национальной системы образования КНР. Начальный этап развития образования характеризуется рядом особенностей. Во-первых, Автономный район Внутренняя Монголия является первой национальной автономией, которая была создана в довольно сложный для страны исторический период, еще до официального образования Китайской Народной Республики. В этой связи можно говорить о том, что реализация национальной политики КНР получила свою апробацию в условиях Внутренней Монголии. В середине 1950-х гг. регион был достаточно отсталым в социально-экономическом плане, более 80% населения автономии были либо неграмотными, либо малограмотными. Руководству АРВМ во главе с Уланьфу пришлось не только решать неотложные вопросы социально-политического и военного характера, но и развивать систему образования и воспитания.

Во-вторых, именно в АРВМ начали создавать уникальную региональную систему образования, направленную не только на повышение уровня грамотности, но и на развитие монгольского языка, письменности, культуры в целом, началась реализация билингвального обучения, которая позволила молодежи начать изучать китайский язык. Языковая политика в образовании была направлена на создание условий для межэтнического взаимодействия, политико-идеологической консолидации представителей разных культур и социальных групп. Усилившаяся миграция ханьского населения в аймаки Внутренней Монголии (особенно в Баотоу), вопросы распределения земли, создавали межэтническую напряженность, которая воспринималась руководством страны и региона как одна из основных угроз

²⁷² 2026 年高校改革

стабильности. Одним из способов снижения этой напряженности являлась реализация образовательной политики, выражавшаяся в развитии монгольского языка, организации билингвального обучения.

В-третьих, в АРВМ было создано первое в национальных районах учреждение высшего образования – Педагогический институт Автономного района Внутренняя Монголия, который был образован согласно Постановлению Правительства АРВМ от 20 ноября 1951 г. С 1982 г. данный институт был преобразован в Педагогический университет Автономного района Внутренняя Монголия. В целом можно условно выделить несколько этапов в организации образовательного процесса в АРВМ. На начальном этапе (1947-1957) значительное внимание было уделено увеличению количества начальных школ, в том числе с монгольским языком обучения. Наряду с этим реализовывалась работа по идейно-политическому воспитанию. На втором этапе (1958-1965) образовательная политика в соответствии с нуждами государства была направлена на трудовое воспитание.

На «этапе деструкции» многие образовательные учреждения в АРВМ были закрыты, а те, что еще продолжали функционировать, главным образом были направлены на идеологическое воспитание и «борьбу с проявлением ревизионизма» (1966-1976). Следующий этап характеризуется смещением акцента на формирование технологических умений и навыков, а также на развитие этнокультурного воспитания (1977-2000). На современном этапе (2001 – по настоящее время) уже можно говорить о сложившейся системе непрерывного образования, которая направлена на повышение качества образования, разработку и внедрение инновационных продуктов уже на старшей ступени полной средней школы и в университетах. Представленная периодизация не носит законченный всеобъемлющий характер, поскольку учитывает лишь политические и в малой степени экономические параметры, определявшие образовательную политику. Вместе с тем, изменения

происходили в самом содержании образования, подходах, уровнях. Эта периодизация дана в плане общей характеристики масштабных общегосударственных процессов, оказавших влияние на образовательную ситуацию во Внутренней Монголии.

В развитии системы высшего образования АРВМ с 1952 г. были разные этапы, но к настоящему времени сложилась сеть учреждений высшего образования. Согласно данным Департамента образования Внутренней Монголии, на 30 июня 2020 г., в Автономном районе насчитывалось 54 учреждения высшего профессионального образования, в том числе 17 вузов уровня бакалавриата, 29 высших профессиональных колледжа, 1 учреждение для взрослых. По территориальному распределению подавляющее большинство вузов (уровень бакалавра и выше) располагаются в столице АРВМ – из 17 вузов 8 расположено в Хух-Хото, 3 в Баотоу, по одному в Тунляо, Чифэне, Ордосе, Хулунбуире, Цзинине и Баяннуре [全国高等学校名单]²⁷³.

²⁷³全国高等学校名单. (Национальный список высших учебных заведений). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/s5743/s5744/A03/202007/t20200709_470937.html. Дата обращения: 13.12.2026 г.

§ 2.3. Общая характеристика учреждений высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия.

Образовательная политика правительства в первые годы после образования автономии была направлена на решение насущных задач общественного развития – обеспечение продовольственной безопасности, решение вопросов здравоохранения, расширения сети медицинских учреждений и укрепления их материально-технической базы, усиление работы в сфере охраны деторождения.

Стратегическим направлением работы центрального руководства и правительства АРВМ являлся комплекс мероприятий по ликвидации безграмотности.

В Статье 5 «Общей программы Всекитайского собрания народных представителей» были определены базовые принципы культурно-образовательной политики. Главными задачами системы образования Нового Китая были повышение грамотности населения и воспитание талантов для национального развития. Фундаментальными основами являлись любовь к родине, любовь к труду и любовь к науке. «Общая программа» устанавливала ведущую роль естественных наук в промышленности, сельском хозяйстве, национальной обороне, а также необходимость применения научного подхода к изучению и интерпретации исторических, экономических, политических, культурных и внешнеполитических вопросов. Культура и искусство определялись в качестве главных средств служения народу, укрепления его политического сознания и энтузиазма к труду²⁷⁴.

²⁷⁴中国大学 1895-1995: 一个文化冲突的世界 / (加) 许美德著; 许浩英译. - 北京: 教育科学出版社, 1999. – 106-107 页. (Университеты Китая 1895-1995: Мир культурных противоречий. Сюй Мэйдэ, Сюй Хаоин. Пекин. Издательство Педагогическая наука, 1999. – С.106-107).

В июне 1950 г. состоялась Первая национальная конференция по образованию под председательством Ма Сюйлуня (马叙伦)²⁷⁵. В своем выступлении он дал общую оценку 205 учреждениям высшего образования, которые были созданы правительством Гоминьдана, а также отдельно остановился на деятельности Китайского Народного университета (中国人民大学), созданного для ускоренной подготовки кадров²⁷⁶.

Китайский Народный университет занимает особое место в истории КНР. По инициативе Политбюро ЦК КПК 16 декабря 1949 г. на 11-м заседании Государственного совета было принято решение о создании Китайского Народного университета. 3 октября 1950 г. Лю Шаоци присутствовал на церемонии открытия университета и выступил с речью, отметив, что Народный университет «является первым современным университетом, созданным новым Китаем, университетом, не имеющим аналогов в китайской истории, и многие университеты Китая в будущем должны учиться на опыте Китайского народного университета»²⁷⁷. Это ознаменовало «отправную точку совершенно нового типа высшего образования в новом Китае»²⁷⁸. Вуз быстро превратился в многопрофильный университет, в первую очередь занимающийся подготовкой теоретиков марксизма-ленинизма и кадров в области финансов, экономики и права. Именно этот вуз можно считать первым учреждением высшего образования на севере Китая, созданного для подготовки революционных кадров. Он был

²⁷⁵ Ма Сюйлунь (马叙伦) – один из выдающихся общественно-политических деятелей Китая, ученый, педагог, профессор Пекинского университета, член Китайской академии наук. После образования Китайской Народной Республики он последовательно занимал должности члена Центрального Народного правительства, члена Государственного совета, заместителя председателя Комитета по культуре и образованию, министра образования и министра высшего образования, директора Научно-исследовательского комитета по реформе китайского языка // 中国共产党新闻网资料库 (Информационный портал Коммунистической партии Китая). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cpc.people.com.cn/daohang/n/2013/0226/c357214-20604769.html>. Дата обращения: 11.12.2025 г.

²⁷⁶ 中国大学 1895-1995: 一个文化冲突的世界 / (加) 许美德著; 许浩英译. - 北京: 教育科学出版社, 1999. – 106-107 页. (Университеты Китая 1895-1995: Мир культурных противоречий. Сюй Мэйдэ, Сюй Хаоин. Пекин. Издательство Педагогическая наука, 1999. – С.106-107).

²⁷⁷ 中国人民大学 (Renmin University of China). 历史沿革和领导关. (Китайский народный университет: история развития и лидерство). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ruc.edu.cn/xuexiaojianjie.html>. Дата обращения: 11.12.2025 г.

²⁷⁸ Там же.

образован на базе Шэньбэйской государственной школы (陕北公学) в конце июля – начале августа 1937 г. в городе Яньань. Основной задачей являлась подготовка кадров для национальной обороны и ведения борьбы против японских милитаристов. Школа находилась в непосредственном ведении ЦК КПК, особое внимание этой школе уделял Мао Цзэдун, который, несмотря на свою занятость, принимал деятельное участие в повседневной работе учреждения.

7 июля 1939 г. в Яньане был основан Северо-Китайский объединенный университет. История университета отражает путь формирования и развития высшего образования, тесно связанного с революционной деятельностью Коммунистической партии Китая. Это учреждение заложило основы высшего образования Нового Китая²⁷⁹. В апреле 1949 г. Северо-Китайский университет переехал в Пекин. В интересах подготовки большого количества кадров, в рамках директив ЦК КПК о смягчении требований к поступлению, Северо-Китайский университет принял более 15 тыс. студентов в головном вузе, а также открыл филиалы в Чжэндине (正定) и Тяньцзине (天津). К концу 1949 г. большинство студентов окончили университет и были направлены в организации и предприятия.

Северо-Китайский университет дал толчок развитию высших учебных заведений различных типов. В связи с реализацией образовательной политики, направленной на повышение уровня образования, некоторые структурные подразделения постепенно стали образовывать самостоятельные учебные заведения. Например, Инженерный факультет стал Пекинским технологическим институтом (в настоящее время Пекинский технологический университет); сельскохозяйственные факультеты Северо-Китайского университета, Пекинского университета и Университета Цинхуа были объединены и образовали Пекинский сельскохозяйственный

²⁷⁹中国人民大学。陕北公学时期 (Официальный сайт китайского народного университета. Шэньбэйская государственная школа). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ruc.edu.cn/lishiyange.html>. Дата обращения: 11.12.2025 г.

университет; второй факультет иностранных языков отделился от университета и объединился с Пекинской школой иностранных дел, которая впоследствии образовала Пекинский университет иностранных языков. Примерно по такой же схеме были созданы Центральная академия драмы, Центральная академия изящных искусств, Восточно-китайское отделение Центральной академии изящных искусств (современная Чжэцзянская академия изящных искусств), Центральная консерватория, а также Пекинский народный художественный театр, Молодежный художественный театр, Центральный оперный театр и Китайский научно-исследовательский институт пекинской оперы. Некоторые сотрудники и преподаватели Северо-Китайского университета были направлены в Центральный Китай и провинцию Гуандун для организации Центрально-Китайского (中原大学) и Южно-Китайского (南方大学) университетов²⁸⁰.

Одной из принципиально важных проблем высшего образования КНР на начальном этапе развития являлся дисбаланс, вызванный неравномерным расположением университетов. Большинство вузов располагались в прибрежных городах на юго-востоке страны. Это усиливало социальную сегрегацию по территориальному принципу, увеличивало разрыв в уровне социально-экономического развития. Из образовательной плоскости проблема переходила в политическую, возникали потенциальные риски сепаратизма. В этой связи руководство КПК предпринимает ряд шагов, призванных сократить диспропорции в образовании.

Народный университет был выбран в качестве ядра и типичного представителя формирующейся системы высшего образования и служил социалистической политике своим особым образом. Все революционные университеты были обязаны адаптироваться к новой ситуации.

²⁸⁰ 中国人民大学。陕北公学时期 (Официальный сайт китайского народного университета. Шэньбэйская государственная школа). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ruc.edu.cn/lishiyange.html>. Дата обращения: 11.12.2025 г.

Образование в АРВМ можно рассматривать как составляющую общей системы образования КНР и как отдельную модель этнокультурного образования страны. Китайские ученые Ли Сяохун (李小红), У Маньли (吴曼丽) и Го Цици (郭琪琪) выделяют четыре этапа развития этнокультурного образования в КНР. Этап первоначального становления и развития (1949-1965), период деструкции (1966-1976), период восстановления (1977-1999), период совершенствования и повышения качества (2000 – по настоящее время). Взгляды других китайских исследователей относительно периодизации развития образования в национальных районах и этнокультурного образования в стране в целом совпадают.

После принятия «Основных положений пятилетнего плана развития образования в Автономном районе Внутренняя Монголия (1953–1957 гг.)» в 1952 г. началось поэтапное развитие отдельных направлений обучения и подготовки кадров. Согласно данным, к 1956 г. в АРВМ было подготовлено свыше 30 тыс. специалистов, представителей разных этнических групп, в том числе более 20 тыс. монголов и более 4800 человек из числа других этнических меньшинств. В эти годы в АРВМ было создано среднее техническое училище для этнических меньшинств с 947 студентами и два педагогических училища с общим контингентом 1245 студента из числа этнических меньшинств. Все учебные заведения уделяли особое внимание национальным и региональным особенностям при разработке учебных программ и набора учащихся. Важное историческое значение имела первая рабочая конференция по этническому образованию, которая состоялась в 1954 г. На ней были определены основные принципы и задачи развития этнокультурного образования и воспитания, а также разработан план развития на период первой пятилетки²⁸¹.

²⁸¹内蒙古: 民族教育优先发展. 内蒙古自治区成立 60 周年 1947-2007 // 中国广播网 (Внутренняя Монголия: Приоритетное развитие образования для этнических меньшинств. 60-летний юбилей со дня образования АРВМ // Интернет-платформа китайского вещания). Электронный ресурс. Режим доступа: https://nm.cnr.cn/nmzt/60dq/lsdsj/20070427/t20070427_504453793.html. Дата обращения: 11.12.2025 г.

История развития высшего образования АРВМ связана с открытием Педагогического института Внутренней Монголии в г. Улан-Хото (乌兰浩特, совр. аймак Хинган, 兴安盟). 20 ноября 1951 г. Народное правительство Автономного района приняло решение о создании педагогического института. После большой подготовительной работы, 4 апреля 1952 г. Министерство культуры и образования Народного правительства Внутренней Монголии после согласования с Министерством образования КНР издало «План развития Педагогического института Автономного района Внутренняя Монголия» (проект). Структурно документ состоял из следующих разделов: «Цели и задачи», «План набора», «Руководство и адрес института», «График учебного процесса и перечень дисциплин», «Учебно-методические материалы», «Организационная структура», «Преподавательская деятельность», «Финансирование» и «Оборудование». 5 мая 1952 г. прошла торжественная церемония открытия Педагогического института в г. Улан-Хото. В мероприятии приняли участие свыше 40 преподавателей и сотрудников и 116 студентов. Вновь созданное учреждение высшего образования сталкивалось с объективными сложностями. Одной из главных проблем была нехватка квалифицированных кадров. Для комплектования штатного состава преподавателей 10 августа этого же года в институт прибыли выпускники ведущих вузов КНР: Северо-Восточного педагогического университета, Пекинского педагогического университета, Восточно-Китайского педагогического университета в общем количестве 21 человек. Это были первые молодые специалисты, направленные по распределению в институт [内蒙古师范大学志, 1992 年 24 页].

В 1952 г. было образовано Суйюаньское торговое училище (绥远商业学校), которое в 1954 г. было переименовано в Торговое училище Внутренней Монголии (内蒙古商业学校). В этом же году была образована Монгольская профессиональная школа (蒙文专科学校). В апреле 1956 г.

открылся Транспортный техникум Хух-Хото (呼和浩特交通学校), который находился в подчинении Министерства транспорта Китая. В июле этого же года был образован Финансово-экономический техникум Внутренней Монголии (内蒙古财经学校), а в августе – Техникум гидротехники и электроэнергетики Внутренней Монголии (内蒙古水利电力学校), Инженерно-строительный техникум Внутренней Монголии (内蒙古建筑工程学校).

В 1957 г. было создано Училище искусств Внутренней Монголии (内蒙古艺术学校), которое начало вести подготовку специалистов для сферы культуры. Чуть позже был образован Лесопромышленный техникум Внутренней Монголии (内蒙古林业学校). За десять лет с момента создания автономии в г. Хух-Хото (Гуйсуй) количество учреждений профессионального образования достигло 10, в том числе организации, находящиеся в подчинении народного правительства АРВМ, а также профильных министерств²⁸².

Еще одним образовательным центром помимо Улан-Хото и Хух-Хото является г. Баотоу (包头市). Система подготовки профессиональных кадров Баотоу непосредственно связана с отраслями экономики города и региона в целом. В 1954 г. Баотоу вошел в состав Автономного района Внутренняя Монголия, в этом же году была образована металлургическая компания Baotou Iron & Steel (包头钢铁公司), заложившая основу его промышленной мощи. В 1956 г. был образован металлургический техникум Баотоу (包头钢铁工业学校), который вместе с инженерно-строительным техникумом (包头建筑工程学校) в 1958 г. были объединены и создали Технологический институт Баотоу (包头工学院). В этом же году был образован Педагогический институт, который сыграл важную роль в подготовке кадров

²⁸² 呼和浩特教育志。 - 呼和浩特：内蒙古人民出版社，1989年。 - 120页。(Хроники образования г. Хух-Хото. – Хух-Хото, Народное издательство Внутренней Монголии, 1989. – С. 120).

и для всей сферы образования региона. В 1958 г. была официально открыта первая в Китае железная дорога, пересекающая пустыню – «Баотоу – Ланьчжоу». Это ознаменовало начало новой эры развития железнодорожного транспорта в стране. В этом же году под юрисдикцией Баотоу начинается разработка горнорудного месторождения Баян-Обо (白云鄂博矿区) [白云鄂博矿区]. Тут сосредоточено более 41% мировых разведанных запасов редкоземельных металлов, а также 175 других минеральных ресурсов, включая железо, ниобий, марганец, фосфор и флюорит, что сделало его всемирно известной «столицей редкоземельных металлов» [包头市加快建设].

Город Баотоу занимает особое место в новейшей истории Внутренней Монголии. Еще в XIX в. Баотоу становится узловым перевалочным пунктом, через который шла торговля между кочевыми степями и земледельческими районами. Усиление социально-экономической роли Баотоу началось со строительства железной дороги Пекин – Суйюань в 1923 г. Железнодорожная линия позволила напрямую связать регион со столицей и развитыми юго-восточными провинциями. Развитие транспортных коммуникаций, торговли обуславливало необходимость в кадрах. В 1925 г. усилиями военной администрации была открыта средняя школа № 1 города Баотоу. С этого момента началось развитие старшей ступени системы общего образования. После 1949 г. начинается новый этап в истории всей Внутренней Монголии и Баотоу в частности. Постепенный рост торговли, сферы строительства, увеличение объемов транспортировки товаров и перспективные планы руководства страны требовали большого количества подготовленных специалистов.

Взрывной рост развития город получил после начала форсированной индустриализации Китая в начале 1950-х гг. В первые годы после образования КНР (1949-1952) руководство страны стремилось стабилизировать ситуацию в экономике (борьба с инфляцией) и сформировать систему управления на местах. После решения этих задач

правительство при помощи СССР начало реализацию пятилетних планов. Первый пятилетний план (1953-1957) был направлен на индустриализацию страны и развитие промышленности, в том числе создание совершенно новых отраслей. В первом пятилетнем плане важное место занимала Внутренняя Монголия. Одним из факторов являлось стремление КПК обеспечить безопасность страны и создать промышленную базу на Северо-Востоке Китая. Стратегия индустриализации КНР во многом повторяла стратегию Советского Союза 1930-х гг., в которой ведущее место занимало капиталоемкое производство. Основу программы индустриализации составляли 156 проектов, финансируемых Советским Союзом, которые в совокупности поглотили около половины всех промышленных инвестиций. Эти предприятия отличались крупными масштабами и высоким объемом основного капитала на одного занятого работника.

Ограничения национального дохода как показателя развития, особенно в странах с низким уровнем дохода, хорошо известны, но успех китайской программы развития подтверждается и другими показателями. Ожидаемая продолжительность жизни, лучший из возможных индикаторов состояния здоровья населения страны, выросла с 36 лет в 1950 г. до 57 лет к 1957 г., что на пятнадцать лет больше, чем средняя ожидаемая продолжительность жизни в странах с низким уровнем дохода в то время. Доля детей младшего школьного возраста, фактически охваченных начальным образованием, за тот же период увеличилась с 25 до 50%, а также значительно выросло число учащихся средних и высших учебных заведений.

Одним из центров гуманитарного образования Внутренней Монголии является Университет национальностей Внутренней Монголии (г. Тунляо). История университета начинается в июне 1958 г., когда было образовано Педагогическое училище г. Тунляо. В 1965 г. оно было преобразовано в Педагогический институт, а в 1980 г. в Педагогический институт национальностей Внутренней Монголии. В рамках масштабных

образовательных реформ в июне 2000 г. путем слияния Педагогического института национальностей Внутренней Монголии, Монгольского медицинского института Внутренней Монголии (内蒙古蒙医学院) и Сельскохозяйственного института Джирим (哲里木畜牧学院) был образован Университет национальностей Внутренней Монголии²⁸³.

Педагогические училища создавались в таких аймаках как Уланчаб (Цзининское педагогическое училище, 1958 г. 集宁师范高等专科学校), Чифэн (Национальное педагогическое училище г. Чифэн, 1957 г. 赤峰民族师范高等专科学校), Хулунбуир (Хулунбуирский институт, 1958 г. 呼伦贝尔学院), Баяннур (河套学院, 1978 г.), Ордос (伊克昭盟师范学校, 1959 г.) Алашань (Алашанский профессионально-технический колледж, 2011 г., 阿拉善职业技术学院)²⁸⁴ и др.

Краткий обзор территориального размещения высших учебных заведений Внутренней Монголии позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, пространственная организация вузов имеет прямую зависимость от административно-территориального устройства автономии. В этом плане явно выделяется город Хух-Хото (до 25 апреля 1954 г. назывался Гуйхуа), который получил свое развитие после переезда столицы АРВМ из Чжанцзякоу в Гуйхуа в 1954 г. Во-вторых, стремительное развитие г. Баотоу в силу географического положения, развития инфраструктуры (в первую очередь, железной дороги), а также создания промышленных предприятий, в том числе металлургических и тракторных заводов, строительства электростанций. В-третьих, в северо-восточных и северо-западных районах автономии в первые годы создавались педагогические училища, призванные решить нехватку кадров для ликвидации безграмотности населения, в том

²⁸³内蒙古自治区志。教育志 | 呼和浩特：内蒙古教育出版社，2017.4 月 468-469 页 (Хроника автономного района Внутренняя Монголия. Образование. – Хух-Хото: Издательство «Образование Внутренней Монголии», 2017. – С. 468-469).

284 Там же

числе национальных меньшинств. В новом тысячелетии руководство КНР стремится исправить территориальную диспропорцию и обеспечить равный доступ к образованию для всех жителей отдаленных районов Внутренней Монголии. В качестве механизмов решения данной проблемы определены политика позитивной дискриминации в сфере образования, реализация целевых программ подготовки кадров, а также изменений в модели обучения на уровне бакалавриата, которая будет введена с 2026 г. [2026 年高校改革].

В развитии системы высшего образования АРВМ с 1952 г. были разные этапы, но к настоящему времени сложилась сеть учреждений высшего образования, которая соответствует тем задачам, которые ставит руководство страны и региона перед вузами. Согласно данным Департамента образования Внутренней Монголии, на 1 сентября 2024 г., в Автономном районе насчитывалось 55 учреждений высшего образования, в том числе 17 вузов уровня бакалавриата, 29 высших профессиональных колледжа, 1 учреждение для взрослых. По территориальному распределению подавляющее большинство вузов (уровень бакалавра и выше) располагаются в столице АРВМ – из 17 вузов 8 учреждений расположено в Хух-Хото, 3 в Баотоу, по одному в Тунляо, Чифэне, Ордосе, Хулунбуире, Цзинине и Баяннуре [内蒙古自治区高校名单].

Выводы по второй главе. Проведенный анализ исторических процессов во Внутренней Монголии середины XX в. позволяет выделить ряд ключевых факторов, определивших характер формирования системы высшего профессионального образования в регионе. Во-первых, территориальная раздробленность и этническое разнообразие, унаследованные от Цинской империи, японская оккупация Северо-Восточного Китая, гражданская война между Гоминьданом и КПК, стали важным условием для образования первой национальной автономии в Китае – Автономного района Внутренняя Монголия. Поддержка КПК и лично Мао Цзэдуна позволили заложить

основы политической, экономической и образовательной структуры региона в 1947 г. под руководством Уланьфу.

Во-вторых, социально-экономическое развитие Внутренней Монголии в послевоенный период непосредственно определяло возможности и направления развития образовательной системы. Массовая неграмотность населения, отсутствие инфраструктуры, дефицит квалифицированных кадров и экономическая отсталость создавали крайне сложные условия для создания целостной системы образования. Правительство КНР в рамках первых пятилетних планов поставило задачу ускоренного развития образования, индустриализации и формирования кадрового потенциала региона, что позволило не только повысить уровень грамотности, но и подготовить специалистов для ключевых отраслей экономики, в том числе и горнорудной.

В-третьих, в реализации образовательной политики применялся комплексный подход, учитывавший этнокультурные особенности населения. Разработка нормативно-правовой базы, открытие начальных и средних школ, интернатов для детей скотоводов, педагогических училищ и институтов (сельскохозяйственных, лесных и технических), внедрение двуязычного обучения позволили сформировать новую систему образования с учетом культурной традиции. Привлечение профессиональных кадров из других провинций КНР позволило восполнить нехватку специалистов в сфере высшего профессионального образования. Особое внимание уделялось подготовке управленческих и профессиональных кадров из числа представителей этнических меньшинств. С этой целью создавались учебные заведения, и осуществлялся набор в педагогические, медицинские и технологические институты, университеты национальностей и отраслевые профессиональные школы.

Глава 3. Развитие высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР в 1952-1978 гг.

3.1. Ускоренная индустриализация страны и система подготовки кадров как особое направление образовательной политики.

После завершения гражданской войны и образования КНР руководству страны необходимо было реализовать комплекс мероприятий в социально-экономической сфере, начать восстановление промышленных объектов, транспортной инфраструктуры, энергетики. Основным направлением развития была определена тяжелая индустрия, в том числе создание новых отраслей промышленности (прежде всего в машиностроении и приборостроении), а также организация и развитие современной науки. Компартия понимала, что только опора на мощный промышленный и научный комплекс, позволит Китаю преодолеть экономическую и технологическую отсталость. Для решения указанных задач необходимо было определить эффективную социально-экономическую модель, принципы и методы хозяйственного строительства с учетом стартовых позиций китайской экономики. В этих условиях следовало сделать выбор между двумя подходами к индустриализации: капиталистическим западным, и социалистическим – по примеру СССР. Выбор был очевидным в силу событий предшествующих десятилетий национальной истории. Мао Цзэдун по этому вопросу высказался однозначно: «Империалистическая агрессия разбила иллюзии китайцев относительно учебы у Запада»²⁸⁵.

Таким образом, за основу развития КНР выбрала советскую модель, в пользу которой было несколько объективных причин. Во-первых, это общность социалистической идеологии и геополитическая ситуация. Во-вторых, Советский Союз продемонстрировал способность решать задачи ускоренной индустриализации в условиях ограниченных ресурсов. Эти

²⁸⁵ Мы вместе строили Новый Китай : основные направления и результаты помощи Китайской Народной Республике со стороны Советского Союза в 40-50-х годах XX века. / Авт.-сост. Ван Цзиньлин, А. В. Пасмурцев, О. Н. Волкотрубова, Ван Нин [и др.]. – Тихоокеанский государственный университет; Институт иностранных языков Чанчуньского университета. Хабаровск, Чанчунь, 2017. С. 61-62.

обстоятельства были сопоставимы с китайскими реалиями. В-третьих, СССР недавно победил в самой масштабной мировой войне в истории и доказал эффективность модели социально-экономического развития. В основе этой модели был подход, направленный на создание собственной индустриальной базы и развитие спектра промышленных и военных технологий полного цикла.

Перспективы развития страны в середине XX столетия, в том числе об основаниях того выбора, анализируются современными китайскими учеными. Историк и политолог Ли Шэньмин развивая тезисы Мао Цзэдуна пишет: «СССР совершил чудо: из отсталой аграрной страны за короткий срок превратился в признанную в мире мощную социалистическую индустриальную державу... Быстро развивались экономика и общество, стремительно возрастал общий потенциал государства, который во многом превзошел аналогичные показатели в капиталистических странах. Сравнивая 1953 г. с 1913 г., можно увидеть, что доходы народного хозяйства СССР выросли в 13,67 раза, в то время как доходы США возросли лишь в 3,03 раза, в Англии в 1,71 раза, а во Франции в 1,54 раза. СССР... доказал всему миру несравнимые преимущества нового социалистического строя и его огромную жизнеспособность...»²⁸⁶. Реальный пример эффективности советской модели развития государства явился самым убедительным аргументом, определившим выбор руководства КПК.

Переход на социалистическую модель развития страны требовал новых подходов в управлении. Доставшаяся от Гоминьдана и японцев промышленность нуждалась в учете, систематизации и трансформации под современные потребности. Компартия Китая столкнулась с низким уровнем экономических знаний руководителей на местах. Например, в ряде освобожденных городов новые власти «передали в руки рабочих конфискованные торговые предприятия, они поделили товары этих

²⁸⁶ Там же. С. 63

предприятий, распродала их, а помещения разбирали (т.е. разрушали и стройматериалы растаскивали)»²⁸⁷.

Важной проблемой, которую необходимо было решить КПК, являлась социально-экономическая диспропорция в развитии между территориями. Страна была очень разнообразна в уровне развития между регионами, слабой была транспортная инфраструктура и связанность между провинциями. В этом плане выделялись промышленно развитый Северо-Восток и портовые города на юге страны, которые обладали стартовыми преимуществами в силу развитой инфраструктуры и большого количества квалифицированных рабочих и опытных руководителей. В целях выравнивания и снижения диспропорции в размещении производительных сил, Центральный Комитет компартии и Мао Цзэдун выдвинули стратегию сбалансированного пространственного развития. Согласно этому подходу, территория страны была условно разделена на два макрорегиона – прибрежный и внутренний, приоритет в развитии на данном этапе отводился внутренним областям. Мао Цзэдун отмечал: «Новая промышленность по большей части должна располагаться во внутренних областях страны, с тем, чтобы выровнять размещение производственных центров, а также способствовать подготовке на случай войны, это не подвергается сомнению... Промышленность внутренних областей необходимо активно развивать»²⁸⁸.

Эта диспропорция несла в себе определенные риски, поэтому на протяжении большей части первого пятилетнего плана центральное руководство сознательно решило перераспределить человеческие и финансовые ресурсы из развитых регионов в более бедные. Получили поддержку проекты, направленные на развитие инфраструктуры, в частности, железные и автомобильные дороги; добывающие отрасли, основанные на природных ресурсах – это угольная, цветная металлургическая и нефтяная

²⁸⁷ Там же. С. 66.

²⁸⁸ Макеева С.Б. Региональная промышленность КНР в ходе реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития в 1950–1970-е гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 439. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-436-448

промышленность; производственные предприятия, выпускающие товары для населения.

Несмотря на все эти меры, специалистов не хватало, особенно в тех отраслях, которые были для Китая новыми. Для развития социально-экономической сферы необходимы были кадры, способные не только выполнять определенную техническую работу, но и руководители, имеющие опыт организации производства полного цикла. Поэтому Мао Цзэдун и другие члены высшего руководства КНР, ответственные за экономику, ратовали за направление в страну большого количества советников и специалистов из СССР. Согласно потребностям китайской стороны руководство Советского Союза начало формировать группы советских работников. В первую очередь это были инженерно-технические и административно-управленческие кадры, сотрудники академии наук, выполнявшие функции советников при различных министерствах и ведомствах, а также преподаватели институтов и других учебных заведений.

Китайская система высшего образования за прошедшее столетие пережила структурные и содержательные реформы. Исследователи на основании своих подходов выделяют несколько этапов развития высшего образования. Например, Хейхо (R. Hayhoe) выделяет следующие этапы развития: националистический (1911-1949), социалистический (1949-1978) и этап реформ (1978-1990), каждый из которых сопровождался радикальной социально-политической и культурной трансформацией в Китае. По мнению профессора Западного университета Канады Ли Цзюня, следует выделить следующие три исторических этапа: организация вузов (1895-1911), этап экспериментов (1911-1949) и этап институционализации (1949-1998)²⁸⁹. Далее он продолжает свою мысль говорит о следующем этапе развития китайских университетов с 1998 г., когда председатель КНР Цзян Цзэминь

²⁸⁹ Li, J. (2019). Chinese model of higher education. In M. Peters (Eds.), *Encyclopedia of Educational Philosophy and Theory*. Singapore: Springer. – p. 3. Singapore: Springer.

объявил о своем «амбициозном плане создания университетов мирового класса, неологизме, привнесенном Китаем в глобальный дискурс о развитии высшего образования»²⁹⁰.

После образования КНР начались структурные реформы во всех сферах государственного устройства, в том числе и в системе образования. В достаточно короткие сроки меры, направленные на стабилизацию экономики и формирование единой системы управления страной, позволили наладить общественные отношения и выйти из кризисной ситуации. В 1953 г. при поддержке советских специалистов была принята первая пятилетняя программа развития КНР, которая положила начало быстрой и весьма успешной индустриализации страны. Несмотря на некоторые внутриполитические проблемы, коммунистическое руководство контролировало общую ситуацию, сильный государственный аппарат реализовал ряд шагов, в том числе направил ограниченные ресурсы на развитие тяжелой промышленности. Постепенно стали заметны перемены в общественной жизни, население ощутило стабилизацию в экономике, был наведен порядок в управлении, осуществлена земельная реформа, стабилизирована инфляция.

Дальнейшее развитие страны, ее внутренних районов зависело от инфраструктурной связанности территорий. Поэтому одним из стратегических направлений развития было определено строительство железных дорог. К 1950 г. в некоторых регионах страны (Синьцзян, Цинхай, Нинся, Сычуань) железнодорожных путей не было вовсе, что существенно сдерживало темпы развития. Проекты первого пятилетнего плана позволили более чем вдвое увеличить протяженность железнодорожных путей во внутренних регионах страны. К 1957 г. каждая из этих внутренних провинций была связана железной дорогой с остальной частью Китая. Эти линии соединяли Баотоу во Внутренней Монголии с Синьцзяном, Чэнду с

²⁹⁰ Там же

Чунцином в Сычуани, были созданы крупные линии в Ганьсу, Внутренней Монголии и Гуйчжоу²⁹¹.

Внутренняя Монголия помимо своего историко-политического значения играла важную геоэкономическую роль. В регионе исторически развито пастбищное животноводство, территория богата лесными, минеральными, водными и энергетическими ресурсами, что определяет ее стратегическое значение. Крупнейший пастбищный регион Китая занимает особое место в политике обеспечения продовольственной безопасности страны. С развитием промышленности особое внимание стало уделяться разработке минеральных ресурсов, поскольку регион по многим показателям занимает ведущее место не только в стране, но и в мире. Запасы угля, меди, вольфрама, циркония и других полезных ископаемых определили экономическую политику руководства страны в индустриальном развитии региона. В новом тысячелетии АРВМ обрел важнейшее значение в силу наличия больших запасов редкоземельных металлов.

Регион обладал объективным ресурсным потенциалом, имел стратегическое значение с точки зрения своего географического положения, а также являлся опорой в процессе политического строительства нового государства. Для решения социальных задач, расширения кадрового состава в деле строительства региональной национальной автономии необходимо было развивать систему образования в целом, создавать учреждения высшего образования. В этой связи руководство КНР реализует образовательную политику, направленную на создание первых вузов в АРВМ. Далее представим начальный этап формирования системы высшего образования во Внутренней Монголии.

²⁹¹ 包兰铁路的修建(Строительство железной дороги Баотоу-Ланьчжоу). Электронный ресурс. Режим доступа:

https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI4NTA3MTA4NQ==&mid=2651928159&idx=1&sn=816e8d975fce3e5fa1d0fbc78004c88c&chksm=f10e52808bc068cff33a53fa0d1fc4403c310ebeec2b56380e096c72021bfba0c870651711b4&scene=27. Дата обращения: 07.01.2026.

Историческое значение имела первая конференция по вопросам образования, которая состоялась в марте 1949 г. Ключевое внимание в работе было уделено вопросам развития этнического образования (民族教育) в регионе. В ноябре 1950 г. была обнародована «Экспериментальная программа подготовки кадров из числа национальных меньшинств», в которой подчеркивалось, что представители этнических групп КНР должны быть активно включены в образовательный процесс в соответствии с новой демократической политикой государства. В качестве одной из главных целей провозглашалось развитие региональной национальной автономии, реализация этнокультурного образования на территориях компактного проживания этнических меньшинств.

В 1952 г. в КНР началась реформа системы высшего образования, которая получила название «Реорганизация факультетов и кафедр» (院系调整). Это был переход от американских и японских моделей к советским подходам к организации вузовского образования. Относительно либеральная форма управления академическим сообществом, характерная для республиканского периода, была упразднена и заменена государственным контролем. Вместо многопрофильных университетов, объединяющих преподавание и исследования по широкому кругу дисциплин, были созданы специализированные институты и профессиональные училища (техникумы). Существующие университеты переориентировались на конкретные области. Например, Яньцзинский университет (燕京大学), основанный американскими и британскими религиозными деятелями, был разделен – инженерный факультет был передан университету Цинхуа, который сосредоточился на естественных и инженерных науках, а факультеты искусств, гуманитарных наук и права были переданы Пекинскому университету. Частные, преимущественно религиозные, учебные заведения были упразднены, объединены или преобразованы в государственные вузы, специализирующиеся на определенных дисциплинах; например, новый

Пекинский педагогический университет поглотил значительную часть Фужэньского католического университета (辅仁大学). Между тем, центральное место в реорганизованной системе высшего образования 1950-х годов занимал новый Народный университет (人民大学) в Пекине, который сочетал «заимствованные из Советского Союза модели с государственными конфуцианскими ценностями»²⁹².

В 1952 г. были обнародованы «Основные положения пятилетнего плана реализации этнокультурного образования в Автономном районе Внутренняя Монголия (1953-1957 гг.)», в которых дополнительно подчеркивалась необходимость сосредоточения внимания на развитии этнокультурного образования, а также оказания финансовой поддержки и создания инфраструктуры²⁹³. Основы данной политики были заложены после образования автономии в 1947 году и отражены в «Правительственном циркуляре» (政府执政纲领) [薛寒 et al., 2020]²⁹⁴. Руководящие принципы управления образованием были отражены в постановлениях центральных и региональных партийных комитетов, а также органов власти АРВМ²⁹⁵.

Эволюция высшей школы связана с открытием Педагогического института Внутренней Монголии в 1952 г. в г. Улан-Хото (乌兰浩特, совр. аймак Хинган, 兴安盟). В середине прошлого столетия Улан-Хото являлся одним из политических центров Внутренней Монголии. 23 апреля 1947 г. здесь состоялся Съезд народных представителей Внутренней Монголии на котором один из лидеров монгольского революционного движения Уланьфу

²⁹² Education and society in post-Mao China / Edward Vickers and Zeng Xiaodong. Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2017. – p. 256.

²⁹³ 乌兰夫. 乌兰夫文选: 上册. 北京: 中央文献出版社, 2013 年 377 页. (Уланьфу. Избранные труды Уланьфу. – Пекин: Центральное издательство литературы, 2013. – Т. 1. – С. 377)

²⁹⁴ 薛寒 苏德. 1947 年以来内蒙古民族教育政策的演进—基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020 年第 1 期. (Сюз Хань. Эволюция политики этнического образования во Внутренней Монголии с 1947 г: контент-анализ на основе программного обеспечения Vivo [Электронный ресурс] / Сюз Хань, Судэ // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. — 2020. — № 1. — Режим доступа: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm> (дата обращения 17.05.2023)).

²⁹⁵ 杨定玉, 胡雪芳. 中国民族教育政策法规汇编. 知识产权出版社 2017 年. 612 页 (Ян Динъюй. Сборник документов и нормативных актов в области национальной политики в сфере образования / Ян Динъюй, Ху Сюэфан. — Издательство интеллектуальной собственности, 2017. — 612 с.).

(乌兰夫, монг. Улаанхүү – досл. «красный сын») выступил с докладом. По итогам заседания были избраны члены народного правительства Внутренней Монголии и Временного сената, а Уланьфу был избран председателем Правительства. С данного момента в АРВМ начинается трансформация социально-экономического устройства, которая получила новый импульс после образования КНР в 1949 г. Основные изменения коснулись организации народного хозяйства – началась коллективизация и создание народных коммун. В социальной сфере изменения коснулись политики повышения грамотности населения, в том числе и среди этнических меньшинств. Постепенно началось строительство небольших перерабатывающих предприятий, дорог, инфраструктуры. Город Улан-Хото и в целом Хинган аймак постепенно стали переходить от традиционной формы ведения хозяйства к плановой промышленной экономике.

В 1954 г. педагогический институт г. Улан-Хото был перевезен на запад АРВМ в г. Гуйсуй (归绥), объединен там педагогическим училищем Внутренней Монголии, который в свою очередь был образован в результате слияния педагогического колледжа г. Чжанцзякоу (张家口, провинция Хэбэй) и педагогического колледжа Суйюань (绥远省) [内蒙古师范大学网站]²⁹⁶. После реорганизации провинции Суйюань и включения ее в состав Внутренней Монголии в 1954 г., столица Гусуй (归绥) была переименована в Хух-Хото который стал политическим, образовательным и социально-экономическим центром региона.

Задачи ускоренной индустриализации региона требовали расширения сети образовательных учреждений, ведущих подготовку кадров для нужд экономики. Данный вопрос решался по нескольким направлениям. Во-первых, в рамках педагогического института Внутренней Монголии с 1956 г.

²⁹⁶内蒙古师范大学网站. 学校概况(Официальный сайт Педагогического университета Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Общая информация об университете). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imnu.edu.cn/xxgk/lrld.htm>. Дата обращения: 25.11.2025.

началась реализация программ по ускоренной (заочной) форме. Позже, в 1964 г. открываются филиалы института в г. Якэши (牙克石), Тунляо (通辽), Чифэне (赤峰), которые также вели подготовку специалистов по ускоренной программе. Во-вторых, в Хух-Хото создаются новые вузы. Например, в 1952 г. в город были переведены факультет животноводства и факультет ветеринарии Хэбэйского сельскохозяйственного училища. Несколько позже к ним были присоединены сельскохозяйственное училище Пинъюань (平原农学院, провинция Хэнань), а также ветеринарный факультет Шаньсийского сельскохозяйственного училища (провинция Шаньси)²⁹⁷. Таким образом, был создан институт животноводства и ветеринарии Автономного района Внутренняя Монголия, который считается первым высшим учреждением, начавшим присуждать степень бакалавра²⁹⁸. В 1958 г. было основано лесотехническое училище Внутренней Монголии.

Социально-экономическое развитие КНР в 1950-1960-е гг. характеризуется, в том числе, созданием основ системы здравоохранения по советскому образцу. Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в 1930-е гг., когда СССР начал командировать специалистов в Китай для работы в медицинских пунктах и амбулаториях при Генеральных консульствах на Северо-Западе страны. Командировки врачей, в том числе и военных, продолжались и во время второй мировой войны.

Целями этих командировок в разные периоды являлись осуществление диспансеризации высшего командного и военного состава КНР, передача опыта китайским коллегам и внедрение технологий в клиническую практику, научно-исследовательская и научно-организационная работа. Особо следует

²⁹⁷内蒙古自治区志, 教育志/ 奇锦宝, 李高锁编著. 呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 2014. 1134 页. (Хроника АРВМ. Образование / Цзи Цзиньбао, Ли Гаосуо. Хух-Хото: Издательство просвещения Внутренней Монголии, 2014. – 1134 с.).

²⁹⁸内蒙古农业大学网站. 农大简介(Официальный сайт Сельскохозяйственного университета Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Общая информация об университете). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imnu.edu.cn/xxgk/lrld.htm>. Дата обращения: 25.11.2025.

отметить помощь Советского Союза в организации системы высшего медицинского образования и науки.

В 1956 г. в Хух-Хото был создан Медицинский институт. Непосредственное участие в его организации приняли специалисты из ведущих вузов страны – Пекинского медицинского университета (北京医科大学), Китайского университета медицинских наук (中国医科大学), Харбинского медицинского университета (哈尔滨医科大学) и др. Сама современная система здравоохранения и медицинского образования КНР во многом строилась по советской модели. В рамках двустороннего сотрудничества реализовывались проекты по различным отраслям здравоохранения, профилактики, подготовки кадров. Документом, определившим характер и основные принципы сотрудничества между странами, было «Советско-китайское соглашение об условиях работы советских специалистов в Китае», подписанное 27 марта 1950 г. в Москве. В рамках этого соглашения Советский Союз брал на себя обязательства направлять в КНР специалистов и советников различных квалификационных направлений с учетом запросов китайской стороны. В 1954 г. было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве и технической помощи между СССР и КНР, которое позволило значительно расширить объем экономической помощи со стороны Советского Союза, а также увеличить число специалистов, направляемых в Китай²⁹⁹.

Реализованные мероприятия позволили достичь стабильной динамики в реализации советской модели организации медицинской помощи, характерными чертами которой являлись неразрывная связь профилактики и лечения, «понимание болезни как социального явления»³⁰⁰.

²⁹⁹ Нагорных О.С., Шок Н.П. Командировки советских врачей в КНР в 1950-1960-е гг.: реализация планов сотрудничества в сфере медицины и здравоохранения // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. – С. 78.

³⁰⁰ Затравкин С.Н., Вишнякова Е.А. Принципы советской медицины: история создания // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. 28 (3). – С. 496.

Ситуация в Автономном районе Внутренняя Монголия в сфере здравоохранения была достаточно сложной. В регионе по факту отсутствовала единая система учреждений здравоохранения. Особого внимания требовал вопрос охраны здоровья матери и ребенка. С момента образования АРВМ началась работа по организации акушерских курсов. В 1949 г. выпускники Суйюаньского профессионального акушерского училища, а также практикующие акушерки стали первым кадровым пополнением учреждений по охране материнства и ребенка. В апреле 1950 г. была открыта первая в регионе государственная клиника охраны здоровья матери и ребенка в Улан-Хото, в последующие годы акушерско-гинекологические центры открывались в других городах и аймаках региона. В 1952-1953 гг. Министерство здравоохранения КНР направило свыше ста акушерок из числа выпускников образовательных учреждений Пекина, Шанхая, Нанкина и других городов на работу в Автономный район Внутренняя Монголия, обеспечив соответствующие учреждения здравоохранения профессиональными кадрами³⁰¹.

Руководство КНР постепенно внедряло советские подходы в организацию высшего медицинского образования. Для ускорения процесса китайские специалисты изучали советский опыт, переводили учебную и справочную литературу, проводили обучающие мероприятия на базе медицинских учреждений. Наряду с этим реализовывалось обучение студентов, ординаторов в медицинских институтах Советского Союза. Эти подходы отражались в первых пятилетних планах: «создание современной научно-образовательной системы, нацеленной на успешное восприятие огромного объема современных знаний и продуцирование новых технологий, на подготовку квалифицированных кадров, способных планировать, принимать и реализовывать грамотные и эффективные решения по всем

³⁰¹ Онетов М.А. Формирование системы здравоохранения во Внутренней Монголии: начальный этап (1947-1952 гг.) // Власть, 2024, №1. – С. 264.

направлениям деятельности»³⁰². По образцу советской модели еще в 1952 г. была проведена реформа высшего образования, результатом которой стало создание специализированных вузов, разработка единых учебных материалов и учебных программ по всей стране. По свидетельству Ян Шупина, «к 1953 г. 63 китайских вуза установили сотрудничество с советскими университетами... в конце 1960-х гг. в китайских учебных заведениях трудились 700 сотрудников из СССР»³⁰³.

В рамках двустороннего сотрудничества на учебу в Советский Союз направлялись представители китайской молодежи. Согласно статистическим данным, в 1950 г. в СССР обучались 400 студентов из Китая, что составило 6,4% от общего числа студентов из-за рубежа; в 1960 г. – 900 студентов 9,7%. Народное образование КНР с 1949 до середины 1950-х гг. в общих чертах проходило тот же путь, что и социалистическая система образования в СССР³⁰⁴.

Историческое значение имело создание классического вуза Внутренней Монголии. 14 октября 1957 г. Министерство высшего образования утвердило создание Университета Внутренней Монголии, ректором был назначен вице-премьер Государственного совета, первый секретарь партийного комитета АРВМ, председатель Народного комитета АРВМ Уланьфу. Одним из организаторов университета являлся Го Ицин (郭以青), занимавший в 1955-1956 гг. пост партийного секретаря Педагогического института Внутренней Монголии [内蒙古师范大学网站]³⁰⁵. 11 декабря 1956 г. он был назначен

³⁰² Мы вместе строили Новый Китай: основные направления и результаты помощи Китайской Народной Республике со стороны Советского Союза в 40–50-х годах XX века. / Авт.-сост. Ван Цзиньлин, А. В. Пасмурцев, О. Н. Волкотрубова, Ван Нин [и др.]. – Тихоокеанский государственный университет; Институт иностранных языков Чанчуньского университета. – Хабаровск, Чанчунь, 2017. – С. 61-62.

³⁰³ Ян Шупин. Высшее образование как перспективное направление российско-китайского сотрудничества // Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества: коллективная монография. Под ред. А.Н. Чумакова, Ли Хэй. М.: «Дашков и К», 2021. – С. 276

³⁰⁴ Гусевская Н.Ю., Мамкина И.Н. Роль образования в развитии российско-китайских отношений: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. – С. 80.

³⁰⁵ 内蒙古师范大学网站. 学校概况(Официальный сайт Педагогического университета Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Общая информация об университете). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imnu.edu.cn/xxgk/lrld.htm>. Дата обращения: 25.11.2025.

партийным секретарем Университета Внутренней Монголии. На должность проректора был назначен Юй Бэйчэнь (于北辰), до своего назначения занимавший пост заместителя директора Департамента комплексного университетского образования при Министерстве высшего образования КНР. Первый штатный состав руководства вуза характеризует внимательное отношение руководства страны и АРВМ к вопросам развития системы высшего образования региона.

Создание новых вузов в АРВМ кроме собственно подготовки кадров решало ряд задач социально-политического характера – общее повышение уровня грамотности, политическое воспитание молодежи, распространение литературного китайского языка для консолидации населения страны.

Еще одним образовательным центром помимо Улан-Хото и Хух-Хото является г. Баотоу (包头市). Система подготовки профессиональных кадров Баотоу непосредственно связана с отраслями экономики города и региона в целом. В 1954 г. Баотоу вошел в состав Автономного района Внутренняя Монголия, в этом же году была образована металлургическая компания Baotou Iron & Steel (包头钢铁公司), заложившая основу его промышленной мощи. В 1956 г. был образован техникум металлургической промышленности Баотоу (包头钢铁工业学校), который вместе с инженерно-строительным техникумом (包头建筑工程学校) в 1958 г. были объединены и создали Технологический институт Баотоу (包头工学院). В этом же году был образован Педагогический институт, который сыграл важную роль в подготовке кадров и для всей сферы образования региона.

В 1959 г. технологический институт был переименован в Баотоуское училище металлургической промышленности, в 1960 г. вернули прежнее название «Баотоуский институт металлургической промышленности». Этот институт входил в число восьми крупнейших металлургических институтов,

находившихся в ведении Министерства металлургической промышленности, осуществлял прием студентов со всей страны.

С начала 1960-х гг. образовательная политика партии и правительства страны делала упор на сочетание обучения с производительным трудом. В соответствии с этим в пригороде Хух-Хото были созданы производственно-учебные базы. После создания этих баз, в конце 1964 г., в пригороде города Баотоу (包头市) Ваньшуйцюане (万水泉) был создан Баотоуский филиал Педагогического института Внутренней Монголии для организации обучения без отрыва от производства. Весной 1965 г. филиал в Баотоу набрал три группы студентов по специальности «китайский язык и математика» общим количеством 150 человек. В связи с изменившейся образовательной политикой в стране филиал в Баотоу в начале 1969 г. был ликвидирован³⁰⁶.

Особой датой в развитии Внутренней Монголии и Китая в целом является 1958 г. В этом году была официально открыта первая в Китае железная дорога, пересекающая пустыню – «Баотоу – Ланьчжоу». Это ознаменовало начало новой эры развития железнодорожного транспорта в стране. В этом же году под юрисдикцией администрации Баотоу начинается разработка горнорудного месторождения Баян-Обо (白云鄂博矿区) [白云鄂博矿区]. Тут сосредоточено более 41% мировых разведанных запасов редкоземельных металлов, а также 175 других минеральных ресурсов, включая железо, ниобий, марганец, фосфор и флюорит, что сделало его всемирно известной «столицей редкоземельных металлов»³⁰⁷.

Процесс освоения этого месторождения характеризуется достаточно интересными историческими событиями. Об этом в своей работе пишет Урадын Булаг. В марте 1953 г., местность Баянбогд была определена

³⁰⁶ 内蒙古师范大学志. 1952-1992. 主修窦伯菊, 主纂刘成法. 内蒙古人民出版社, 1993 年 773 页. (Педагогический университет Автономного района Внутренняя Монголия. 1952-1992. Ответственный редактор Доу Боцзю, составитель Лю Чэнфа. Народное издательство Автономного района Внутренняя Монголия, 1993. 773 с.).

³⁰⁷ 包头市白云鄂博矿区建置沿革 [Электронный ресурс] // 内蒙古自治区人民政府 (Официальный портал Народного правительства Автономного района Внутренняя Монголия)

основным местом добычи полезных ископаемых. В этой местности находится гора Баян-Обо, которая имеет сакральное для монголов значение. Заместитель секретаря партийной организации провинции Суйюань, на территории которой находилось месторождение, Су Цяньи, быстро осознал опасность нарушения целостности священной горы без надлежащей проработки вопроса. В своих мемуарах он писал: «Обо – это ритуальное место монголов и выкапывание ритуального обо – величайшее табу, нарушение которого вызовет противодействие со стороны всей [монгольской] нации»³⁰⁸. Су Цяньи вспомнил несколько подобных эпизодов, в том числе сопротивление монголов японцам и инцидент с попыткой Гоминьдана снести святилище Чингисхана в Ордосе. Чтобы начать разработку шахты, необходимо было сначала решить вопрос с сакральным значением местности. В разрешении ситуации мог помочь Уланьфу, поскольку необходимо было вести взвешенную политическую работу и формировать общественное мнение, которое поддержало бы проект разработки Баян-Обо. Решающую роль сыграли монгольские коммунисты, которые придерживались идеологии прогресса и рассматривали промышленность и промышленный рабочий класс как основу нового общества. В коммунистическом эволюционном мышлении отсутствие промышленного производства для любой этнической группы являлось препятствием на пути к модернизации. Значение Баян-Обо стало особенно важным в тот момент, когда монгольские коммунисты стремились создать новую идентичность с сильным рабочим классом, который стал бы опорой для выходцев из скотоводческих семей. В эти годы Баян-Обо был определен руководством страны как один из важнейших промышленных проектов. Совпадение интересов государства и монгольских активистов коммунистического движения определило судьбу данного

³⁰⁸ Uradyn E. Bulag. Collaborative Nationalism: The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., Plymouth, United Kingdom, 2010. – p. 178.

проекта. Баян-Обо стал центральным символическим местом для построения новой социалистической монгольской идентичности³⁰⁹.

Уланьфу на встречах с населением произносил речи, в которых говорил о сложной истории обретения свободы: «Наша монгольская нация – образцовая нация с высокими моральными принципами, но мы смогли добиться освобождения и стать хозяевами своей судьбы только под руководством Коммунистической партии, и это подтверждается историей. Для достижения освобождения мы под руководством партии вели героическую и самую трудную борьбу против реакционеров и иностранных захватчиков, и многие пожертвовали своими драгоценными жизнями. Сегодня мы строим, плавим сталь и железо, чтобы производить машины; это делает нашу родину могущественной, создает возможности для сопротивления империалистической агрессии. В прошлом нас притесняли иностранные враги просто потому, что мы отставали в промышленности, потому что у нас не было стали и железа, и мы не могли производить машины. Сегодня руководство партии и председатель Мао решили создать промышленную базу в Баотоу и превратить Баотоу в сталелитейный город; это слава народа Внутренней Монголии и радостное событие для монгольского народа. Мы должны проявить заботу об общих интересах, перенести обо»³¹⁰.

Помимо выступления Уланьфу в агитационной работе принимали участие многие другие коммунисты. Наряду с пропагандистской работой в целях достижения желаемого результата оказывалось сильное давление, которое оказывалось на представителей местного духовенства. Об этом свидетельствует цитата, которую приводит У. Булаг: «Вдохновленный национальной политикой партии, под влиянием Уланьфу и при сильном давлении со стороны Комитета партии, старший лама первым выступил с

³⁰⁹ Там же. С. 179.

³¹⁰ Там же. С. 180.

предложением о переносе обо в местность Баян-Чагаан, являвшейся еще одним священным местом, и располагавшимся примерно в двадцати километрах от Баян-Обо. Процесс сопровождался грандиозным ритуалом, во время которого монахи читали молитвы. Многие старые пастухи благоговейно преклонили колени по обеим сторонам дороги»³¹¹.

Более весомым доводом в пользу разработки месторождения Баян-Обо была инициатива Мао Цзэдуна включить провинцию Суйюань в состав Внутренней Монголии и, тем самым, решить вопрос территориальной целостности автономии. Эта инициатива была поддержана и реализована в рамках схемы «двух дверей», которую непосредственно реализовывал Чжоу Эньлай. Приводятся исторические данные о его жесткой критике руководства провинции Суйюань, которое не поддерживало процесс объединения: «Тот факт, что до сих пор существует оппозиция региональной автономии Внутренней Монголии, означает, что некоторые из наших товарищей не до конца понимают истинную природу политики партии в отношении национальной региональной автономии, не понимают намерений центра в решении вопроса Внутренней Монголии. Председатель Мао ясно дал указания относительно объединения Внутренней Монголии и провинции Суйюань (蒙绥合并). Решение об объединении основывается в открытии двух дверей: одна дверь – для того, чтобы монголы приветствовали ханьцев, приезжавших развивать железорудный рудник Баян-Обо и строить металлургический завод Баотоу; другая дверь – для того, чтобы ханьцы поддержали объединение провинции Суйюань с Автономным районом Внутренняя Монголия, чтобы добиться единой Внутренней Монголии (统一自治). Если Внутренняя Монголия примет некоторое количество ханьцев, это будет хорошо для единства между монголами и ханьцами и для укрепления границ. Вопрос о слиянии Внутренней Монголии и Суйюаня уже был решен Центром, и председатель Мао также высказался по этому поводу, поэтому

³¹¹ Там же, с. 180-181.

следуйте решению Центра и словам председателя Мао»³¹². Таким образом, вопрос индустриализации, разработки месторождений полезных ископаемых во Внутренней Монголии выходил за рамки собственно экономических вопросов, затрагивал этно-религиозные и национально-территориальные аспекты внутренней политики.

Индустриализация и развитие сталелитейной промышленности являлись важными тезисами в рассуждениях Уланьфу, а нехватка железа и стали у монголов были причиной прежних унижений. Соответственно, освоение Баян-Обо означало обеспечение монголов железом и сталью и укрепление их могущества. Строительство сталелитейного завода в Баотоу было не только китайской, но прежде всего монгольской ответственностью и славой, потому что монголы стали «хозяевами своей судьбы под руководством Коммунистической партии»³¹³.

Таким образом, можно выделить несколько основных направлений развития высшего образования на начальном этапе развития АРВМ – педагогическое образование, техническое, сельскохозяйственное и медицинское.

Развитие образования и сфер экономики неразрывно связаны – качество трудовых ресурсов оказывает прямое влияние на характер развития, как отдельных отраслей, так и всей социально-экономической системы. Это полностью согласуется с классической теорией марксизма о взаимосвязи производительного труда и образования. Эти положения марксистско-ленинской философии оказались весьма актуальными для китайской действительности 1940-1950-х гг. Лю Шаоци, занимавший в 1941 г. в Янани должность директора партийной школы, сам читал лекции партийным кадрам. Уже в тот период он указывал, что в условиях непрекращающейся борьбы с врагом важной задачей партии является «воспитание кадров и

³¹² Там же, с. 174

³¹³ Там же, с. 180.

развитие производства, и только объединив эти два направления, партия сможет более эффективно продолжать борьбу и достичь цели сохранения своего основного кадрового резерва»³¹⁴.

В конце 1950-х гг. в основном были завершены социалистические реформы, политическое, экономическое, культурное и образовательное строительство страны вступило в новый период развития. Лю Шаоци отмечал, что «второй пятилетний план требовал увеличения числа студентов в университетах примерно на 100%. Подобное увеличение набора студентов требовало развития всех ступеней образования – от среднего профессионального до начальной школы»³¹⁵.

На начальном этапе развития страны был сделан упор на развитие педагогического образования, поскольку требовалось реализовать проекты по повышению грамотности населения, в том числе и в национальных районах. Курс на ускоренную индустриализацию требовал развития промышленности и техники, поэтому вторым направлением являлось техническое образование. В силу сложившейся непростой обстановки к середине XX в., необходимости решения вопросов здравоохранения, актуальным являлось медицинское образование и создание современной системы здравоохранения. Внутренняя Монголия, исходя своего традиционного хозяйственно-экономического уклада, наличия обширной территории сельскохозяйственного назначения, не могла не развивать животноводство и растениеводство. Эти отрасли во многом помогали стране обеспечивать продовольственную безопасность. В целях развития данной отрасли в АРВМ создавались сельскохозяйственные училища, привлекались специалисты из СССР и МНР для организации системы подготовки кадров.

³¹⁴ 马先睿, 邓小林. 刘少奇“两种劳动制度、两种教育制度”教育思想论析 // 煤炭高等教育, 2012 年 1 月第 30 卷, 第 1 期. – 14 页. (Ма Сяньжуй, Дэн Сяолин. Анализ педагогической концепции «двух систем труда и двух систем образования» // Meitan Higher Education, январь 2012 г., том 30, № 1. – С. 14.

³¹⁵ 刘少奇. 在中国共产党第八次全国代表大会上的政治报告 // 人民日报, 1956-09-15. (Политический доклад Лю Шаоци на Восьмом съезде Коммунистической партии Китая // Жэньминь жибао, 15 сентября 1956 г.).

Руководство КНР, несмотря на достижения в деле подготовки кадров, поставленные амбициозные задачи в сфере развития образования, столкнулось с рядом серьезных проблем. Национальная система образования в силу сложившихся исторических причин была далека от требований времени. Согласно данным, к первой половине 1957 г. значительная часть выпускников начальных и средних школ по всей стране не смогла продолжить образование на следующей ступени, что являлось серьезной социальной проблемой ³¹⁶. Решением данного вопроса Лю Шаоци, занимавший на тот момент должность председателя Постоянного комитета ВСНП, в этой ситуации понимал характер объективных сложностей и ограничений, сдерживающих масштабы высшего образования. Именно тогда появилась идея внедрить программы совмещения учебы и трудовой деятельности. В мае 1958 г. Лю Шаоци на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК озвучил концепцию «двух систем труда и двух систем образования» (两种劳动制度、两种教育制度).

Данная концепция была призвана решить проблему нехватки ресурсов в сфере образования, сложностей поступления в высшие учебные заведения, а также вопросы трудоустройства в городских и сельских районах. В самом общем виде данный подход предполагал параллельное функционирование двух моделей обучения. Наряду с традиционной моделью школьного обучения, которая сложилась к концу 1950-х гг., вводилась модель совмещения учебы и производительного труда. Данная мера носила вынужденный характер, поскольку государство пока не могло обеспечить масштабное увеличение школ полного дня, поэтому многие выпускники начальных и средних школ не могли продолжить образование на следующей ступени. Частичная занятость учащихся к тому же снимала финансовую нагрузку с государства и родителей. Кроме того, политическое руководство

³¹⁶黄峥. 刘少奇研究. 北京: 中央文献出版社, 2002. 138 页 (Хуан Чжэн. Исследования Лю Шаоци. Пекин: Центральное литературное издательство, 2002. С. 138).

страны было заинтересовано в подготовке большого количества работников, которые имели бы практический опыт.

По этой же аналогии внедрялась модель двух систем организации труда. Первая традиционная модель – это восьмичасовой рабочий день: применялся к штатным должностям на заводах, в государственных учреждениях и т. д.

Вторая модель – это четырехчасовой рабочий день (система неполного рабочего дня и неполного учебного дня): молодые работники или студенты работали 4 часа и учились 4 часа в день, при этом получали половину заработной платы, совмещая работу и образование. Совмещение частичной занятости и учебы широко применялось в школах, на заводах, в государственных учреждениях и сельской местности³¹⁷.

В 1958 г. Лю Шаоци инициировал пилотный проект школ с частичной занятостью и учебой на базе Тяньцзиньской государственной хлопчатобумажной фабрики № 1, которая стала первой экспериментальной площадкой.

В 1958 г. были изданы «Инструкции по образовательной работе» («关于教育工作的指示») ЦК КПК и Государственного совета. После издания этого документа экспериментальные учебно-трудовые и сельскохозяйственные училища стали появляться как во многих провинциях, но большинство было сосредоточено в северных частях страны с центром в Пекине. Руководствуясь принципом «двух подходов и многообразия учебных заведений» («两条腿走路、多种形式办学»), в различных регионах наряду с обычными учебными заведениями стали открываться сельскохозяйственные средние школы, промышленные училища и институты.

Согласно «Инструкциям», о которых говорилось выше, требовалось «масштабное развитие заочных культурно-технических училищ и учебно-

³¹⁷刘少奇选集(下卷). 北京: 人民出版社, 1985: 324, 465.(Избранные произведения Лю Шаоци. Том 2. Пекин: Народное издательство.)

производственных школ», направленных на развитие общего и профессионального образования, а также сочетания образования с производительным трудом. Однако после 1958 г. экономика Китая столкнулась с большими трудностями, что сказалось на развитии учебно-производственных школ, а «две системы труда и две системы образования» на время были приостановлены.

Новый этап реализации данной политики начался в 1964-1965 гг. Центральный комитет официально утвердил программу, согласно которой по всей стране было создано более 4000 школ с частичной занятостью и учебой, в которых обучалось более 800 000 учеников. В сельской местности были созданы «сельскохозяйственные и учебные школы», в которых внедрялась система «работы в разгар сельскохозяйственного сезона и учебы в межсезонье» или «полдня учебы и полдня работы»³¹⁸.

Однако, начиная с мая 1966 г., из-за начавшейся Культурной революции, все виды профессионально-технических училищ и заочных сельскохозяйственных школ, которые активно продвигал Лю Шаоци, были упразднены. Его «две системы труда и две системы образования» в новых условиях были охарактеризованы как «контрреволюционные ревизионистские»³¹⁹.

Таким образом, в развитии системы образования АРВМ в условиях ускоренной индустриализации страны можно выделить ряд характерных особенностей. Во-первых, к моменту своего образования Внутренняя Монголия являлась неразвитым в социально-экономическом плане периферийным регионом, пострадавшим от японской экспансии и гражданской войны. Создание районной автономии, победа КПК и

³¹⁸马先睿, 邓小林. 刘少奇“两种劳动制度、两种教育制度”教育思想论析 // 煤炭高等教育, 2012 年 1 月第 30 卷, 第 1 期. – 14 页. (Ма Сяньжуй, Дэн Сяолин. Анализ педагогической концепции «двух систем труда и двух систем образования» // Meitan Higher Education, январь 2012 г., том 30, № 1. – С. 15.

³¹⁹彭虎军. 市场经济与刘少奇两种教育制度两种劳动制度的构想. 商洛师专学报, 1994, (9): 67-70 (Пэн Хуцзюнь. Рыночная экономика и концепция Лю Шаоци о двух системах образования и двух системах труда. Журнал Шанлуоского педагогического института, 1994, №9. – С. 67-70).

образование КНР, принятие конкретных программ развития обусловили стремительное развитие региона. Движущими факторами явились строительство железной дороги «Баотоу – Ланьчжоу», разработка горнорудного месторождения Баян-Обо, создание предприятий легкой и тяжелой промышленности. Все это коренным образом повлияло на систему образования – от начального до высшего профессионального. Развивающиеся отрасли экономики нуждались в профессиональных кадрах, поэтому руководство стало формировать сеть образовательных учреждений, расширять набор детей в начальные и средние школы. На уровне профессионального образования стали реализовываться две модели – перевозили училища и техникумы из других провинций и создавали институты, а также при помощи ведущих вузов КНР во Внутренней Монголии открывали новые учебные заведения для подготовки кадров.

Во-вторых, в тех исторических реалиях, руководство страны осознавало неотложную необходимость развития образования, подготовки специалистов для отраслей промышленности. В этом плане большое значение имел подход, который стал реализовывать Лю Шаоци – «две системы труда, две системы образования». По своей сути это была концепция сочетания учебы с производительным трудом, получившая популярность в 1958 г. в СССР. В сентябре 1958 г. в газете «Правда» вышла статья президента АПН СССР И.А. Каирова, в которой он обосновывал такой подход³²⁰. Сам И.А. Каиров был весьма популярен в КНР, его идеи и труды переводились на китайский язык³²¹. В эти годы стали создаваться так называемые сельскохозяйственные средние школы, в которых обучающиеся наряду с освоением образовательной программы привлекались к работе. Такие школы создавались и в АРВМ.

³²⁰ Каиров И. Назревшие вопросы народного образования // Правда. 1958. 6 сентября.

³²¹ Подробнее см.: Хоу Хуайинь, Си Цянцян. Принятие книги «Педагогика» под редакцией И.А. Каирова в Китае и ее влияние // Образование и право, 2021. - №4. – С.468-473.

Несмотря на ряд неудач, этот подход внес позитивный вклад в подготовку специалистов, необходимых для экономического строительства страны. На практике многие выпускники сельскохозяйственных средних школ, сельскохозяйственных и технических училищ работали руководителями бригад, специалистами по различным отраслям сельского хозяйства, стали опорой сельских районов. В городах реализовывались программы обучения без отрыва от производства. Выпускники средних технических училищ пополняли рабочий класс, повышали качество рабочей силы. Все это обеспечило формирование большого количества новых рабочих для промышленного и сельскохозяйственного производства, повысило производительность труда. Еще одним немаловажным фактором являлось стирание граней между умственным и физическим трудом, что позволяло концептуально расширить класс пролетариата.

Эпизод с разработкой горнорудного месторождения Баян-Обо недалеко от Баотоу характеризует рациональный подход руководства КНР к индустриализации на начальном этапе развития государства. В последующие годы многие мероприятия в период «большого скачка» и «культурной революции» характеризовались «перегибами» различной степени.

Процесс ускоренной индустриализации страны на начальном этапе был направлен на развитие основных сфер – образования и здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства. Исходя из отраслевой специфики, формировалась система высшего образования АРВМ. Руководство страны в лице КПК решало вопросы социально-экономического характера с учетом национально-культурных и религиозных аспектов населения Внутренней Монголии.

В эти годы были образованы первые вузы автономии, в том числе первый классический университет в национальных районах КНР. Это позволило создать условия для развития социально-экономической сферы региона, формирования национальной интеллигенции нового времени.

§ 3.2. Развитие высшего профессионального образования АРВМ КНР в условиях коренной перестройки общества

Социалистическая ориентация и курс на ускоренную индустриализацию страны при помощи Советского Союза позволили руководству КНР в короткие сроки решить наиболее острые социально-экономические проблемы. Системный подход к планированию и организации народного хозяйства, промышленности, образования и здравоохранения создал необходимые условия для развития государства. Экономические показатели первой пятилетки (1953-1957) позволили Компартии Китая обрести уверенность в правильности избранного курса, но, вместе с тем создали основания для поспешных выводов и принятия на их основе таких же решений. В рамках данного параграфа представим характер развития системы высшего профессионального образования автономии в условиях реализации политики «большого скачка» и «великой пролетарской культурной революции».

Знаковым явился состоявшийся 15-27 сентября 1956 г. VIII съезд КПК (1-я сессия), который был первым партийным собранием в масштабах всей страны после прихода компартии к власти. Основная цель работы съезда – подведение предварительных итогов реализации первого пятилетнего плана и определение стратегии второй пятилетки. На общем собрании было объявлено, что в стране в основном завершены социалистические преобразования. Главным внутренним противоречием определялась не классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, а разрыв между быстро растущими экономическими и культурными потребностями народа и неспособностью современной экономики и культуры удовлетворить эти потребности. Обозначенное противоречие обуславливало направление главного удара – все силы должны быть нацелены на «развитие

социалистических производительных сил, индустриализацию страны и удовлетворение материальных и духовных потребностей народа»³²².

Помимо социально-экономических вопросов, в повестке съезда был вопрос развития компартии. С докладом об изменениях в Уставе КПК выступил Дэн Сяопин. В своем выступлении он отметил необходимость сохранения принципов демократического централизма и коллективного руководства в противовес культу личности, был поставлен вопрос о повышении уровня демократии внутри партии и в народе, об усилении связей партии и народа. Таким образом, съезд указал курс развития социализма в стране и партийного строительства в новых исторических условиях³²³.

Задачи ускоренной индустриализации АРВМ требовали расширения сети образовательных учреждений, которые вели бы подготовку кадров для нужд экономики. Данный вопрос решался по нескольким направлениям. Во-первых, в рамках педагогического института с 1956 г. началась реализация программ по ускоренной (заочной) форме. В 1964 г. открываются филиалы института в г. Якэши (牙克石), Тунляо (通辽), Чифэне (赤峰), которые также вели подготовку специалистов по ускоренной программе. Во-вторых, в Хух-Хото создаются новые вузы, в том числе уже функционирующие учреждения из других провинций перевозят в столицу автономии. Например, в 1952 г. факультет животноводства и факультет ветеринарии Хэбэйского сельскохозяйственного училища начали свою работу в будущей столице АРВМ. Несколько позже к ним были присоединены сельскохозяйственное училище Пинъюань (平原农学院, провинция Хэнань), а также ветеринарный факультет Шаньсийского сельскохозяйственного училища (провинция Шаньси).

³²² VIII Всекитайский съезд КПК. Электронный ресурс. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950971.htm. Дата обращения: 17.12.2025.

³²³ VIII Всекитайский съезд КПК. Электронный ресурс. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950971.htm. Дата обращения: 17.12.2025.

В 1956 г. в Хух-Хото был создан Медицинский институт. Непосредственное участие в его организации приняли специалисты из ведущих вузов страны – Пекинского медицинского университета (北京医科大学), Китайского университета медицинских наук (中国医科大学), Харбинского медицинского университета (哈尔滨医科大学) и др.

Историческое значение имело создание классического университета Внутренней Монголии. 14 октября 1957 г. Министерство образования утвердило создание Университета Внутренней Монголии (内蒙古大学), ректором был назначен вице-премьер Государственного совета, Председатель Народного комитета АРВМ Уланьфу. Данный университет является первым многопрофильным учреждением высшего образования, созданным в приграничном регионе проживания этнических меньшинств.

Одним из организаторов университета являлся Го Ицин (郭以青), занимавший в 1955-1956 гг. пост партийного секретаря Педагогического института Внутренней Монголии. 11 декабря 1956 г. он был назначен партийным секретарем Университета Внутренней Монголии. На должность проректора был назначен Юй Бэйчэнь (于北辰), до своего назначения занимавший пост заместителя директора Департамента комплексного университетского образования при Министерстве высшего образования КНР. С октября 1957 г. по декабрь 1980 г. он последовательно занимал должности вице-президента Университета Внутренней Монголии, руководителя Временной руководящей группы Революционного комитета Университета Внутренней Монголии, заместителя директора Политического отдела Революционного комитета Автономного района Внутренняя Монголия, заместителя директора Управления культуры и образования Автономного района Внутренняя Монголия, заместителя директора Научно-технической комиссии Автономного района Внутренняя Монголия и ректора Университета Внутренней Монголии. С января 1981 г. по ноябрь 1984 г. он

занимал должность вице-президента и секретаря партийной организации Центральной академии управления образованием. После его смерти на сайте министерства образования КНР и в газете «Нэймэнгу жибао» (内蒙古日报) 13 марта 2008 г. были опубликованы некрологи, что свидетельствует о высокой оценке его жизненного пути и вклада в развитие высшего образования в стране и АРВМ.

На должность проректора был приглашен Ли Цзидун (李继侗), действительный член Китайской академии наук (1955), известный ботаник и эколог, профессор Пекинского университета и доктор философии Йельского университета. В 1921 г. Ли Цзидун получил государственную стипендию для обучения в Соединенных Штатах и поступил в Высшую школу лесного хозяйства Йельского университета, где учился у известного американского эксперта по лесовосстановлению, профессора Дж. У. Тумея (J.W. Toumey). В 1925 г. он защитил докторскую диссертацию и стал первым китайцем, получившим докторскую степень по лесоводству в Соединенных Штатах. Тема его докторской диссертации – «Влияние лесного покрова на температуру почвы»³²⁴. Профессор Ли Цзидун был одним из основателей современной экологии растений в Китае и внес значительный вклад в исследование Северо-Востока страны, в том числе и Внутренней Монголии.

На начальном этапе партия и государство отобрало группу известных ученых и ключевых научных сотрудников из престижных университетов страны, включая Пекинский, Фуданьский университеты, Цинхуа, Нанкинский и другие, которые направлялись в вузы Северо-Востока и Запада страны для формирования высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава, формирования научных школ для развития университетов.

³²⁴ 李继侗院士. 内蒙古自治区草地生态学重点实验室依托内蒙古大学. (Ключевая лаборатория экологии пастбищных угодий Автономного района Внутренняя Монголия). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ecology.imu.edu.cn/info/1026/1020.htm>. Дата обращения: 19.12.2025.

Исходя из первого штатного состава руководства вуза, можно сделать вывод, что руководство страны и АРВМ к развитию системы высшего образования региона относилось очень серьезно.

С начала 1960-х гг. образовательная политика партии и правительства страны стала делать упор на сочетание обучения с производительным трудом. В соответствии с этим в пригороде Хух-Хото были созданы производственно-учебные базы. После создания этих баз, в конце 1964 г., в пригороде города Баотоу (包头市) Ваньшуйцюане (万水泉) был создан Баотоуский филиал Педагогического института Внутренней Монголии для организации обучения без отрыва от производства. Весной 1965 г. филиал в Баотоу набрал три группы студентов по специальности «китайский язык и математика» общим количеством 150 человек. В связи с изменившейся образовательной политикой в стране филиал в Баотоу в начале 1969 г. был ликвидирован.

Город Баотоу имеет особое значение в новейшей истории Внутренней Монголии. Еще в XIX в. Баотоу становится узловым перевалочным пунктом, через который шла торговля между кочевыми степями и земледельческими районами. Усиление социально-экономической роли Баотоу началось со строительства железной дороги «Пекин – Суйюань» в 1923 г. Железнодорожная линия позволила напрямую связать регион со столицей и развитыми юго-восточными провинциями. Развитие транспортных коммуникаций, торговли, социальной сферы обуславливало необходимость в кадрах. В 1925 г. усилиями военной администрации была открыта средняя школа № 1 города Баотоу. С этого момента началось развитие старшей ступени системы общего образования. После 1949 г. начинается новый этап в истории всей Внутренней Монголии и Баотоу в частности. Постепенный рост торговли, сферы строительства, увеличение объемов транспортировки товаров и перспективные планы руководства страны требовали большого количества подготовленных специалистов.

Очень точно ситуацию к моменту образования КНР описывают А.Н. Карнеев и В.Б. Кашин в своей статье: «...Китай находился в состоянии глубокой разрухи после восьми лет Антияпонской войны (1937–1945) и четырех лет гражданской войны (1946–1949), свирепствовала инфляция, на правительство легло тяжелейшее бремя разнообразных острых проблем. Согласно статистическим данным, в 1949 г. по сравнению с довоенным уровнем (то есть уровнем 1936 г.) промышленное производство сократилось наполовину, причем тяжелая промышленность упала на 70%, легкая – на 30%. Подушевой доход составлял всего 27 долл. США. Дефицит бюджета составлял 46,5 % от объема расходной части бюджета. Если из статистики по всему Китаю вычесть китайский Северо-Восток, то дефицит составлял уже 65,9 %»³²⁵. Несмотря на такую тяжелую ситуацию, руководство страны в достаточно короткие сроки – уже к концу 1950 г. окончательно взяло под контроль инфляцию и наладило устойчивость финансовой системы. В качестве основных механизмов, обеспечивших такой результат, определяются следующие:

- КПК реализовывало эффективные действия, которые удачно сочетали административные, силовые мероприятия с макроэкономическими решениями, стимулирующими накопление, предотвращающими повышенное потребление и накопление товаров, с использованием крупных госпредприятий в сфере торговли.
- В стабилизации цен главную роль сыграли не сжатие денежной массы (и спроса), а меры по стимулированию предложения за счет создания условий для восстановления производства в масштабе всей страны.
- В стабилизации кредитно-денежной сферы основную роль сыграла как «невидимая», так и «видимая рука» китайского государства.

³²⁵ Карнеев А.Н., Кашин В.Б. Опыт преодоления кризиса в Китае в первые годы после создания Китайской Народной Республики // Российское китаеведение, 2024, №4 (9). – С. 53.

- Впервые за полвека в стране был установлен реально действенный контроль за всей территорией страны, и за десятилетия гражданской войны КПК сумела стать партией, отличающейся высокой дисциплиной своих рядов и безусловным подчинением организаций всех уровней указаниям сверху³²⁶.

Взрывной рост развития город получил после начала форсированной индустриализации Китая в начале 1950-х гг. В первые годы после образования КНР (1949-1952) руководство страны стремилось стабилизировать ситуацию в экономике (борьба с инфляцией) и сформировать систему управления на местах. После решения этих задач правительство при помощи СССР начало реализацию пятилетних планов. Первый пятилетний план (1953-1957) был направлен на индустриализацию страны и развитие промышленности, в том числе создание совершенно новых отраслей. В первом пятилетнем плане важное место занимала Внутренняя Монголия. Одним из факторов являлось стремление КПК обеспечить безопасность страны и создать промышленную базу на Северо-Востоке Китая. Стратегия индустриализации КНР во многом повторяла стратегию Советского Союза 1930-х гг., в которой ведущее место занимало капиталоемкое производство. Основу программы индустриализации составляли 156 проектов, финансируемых Советским Союзом, которые в совокупности поглотили около половины всех промышленных инвестиций. Эти предприятия отличались большими масштабами и высоким объемом основного капитала.

Однако к началу реализации второго пятилетнего плана (1958-1962 гг.) в руководстве КПК так и не сформировали единое мнение относительно результатов и уроков первого пятилетнего плана, которые необходимо было учесть. Первая пятилетка продемонстрировала экономический рост, но опасность заключалась в несбалансированности: промышленное

³²⁶ Там же, с. 59.

производство росло почти в пять раз быстрее, чем сельское хозяйство. Это сказывалось на общем развитии отдельных регионов. Внутренняя Монголия, имевшая традиционно аграрную направленность развития экономики, ускоренными темпами развивала промышленное производство, транспортно-логистическую систему. Особое внимание уделялось горнорудной отрасли, одним из результатов второй пятилетки являлось строительство двух крупных центров – металлургического комбината в Баотоу и металлургического комплекса в Ухани. Развитие промышленности требовало преобразований в электроэнергетической отрасли. Как отмечает С.Б. Макеева, «региональные преобразования по обеспечению электроэнергией Автономного района Внутренняя Монголия, провинций восточного Китая, а также центрального, северного и юго-западного региона КНР являлись основными проектами первого десятилетия социально-экономического строительства Китая»³²⁷. Эти проекты помимо собственно технологических и инвестиционных мероприятий должны были быть сопряжены с развитием инфраструктуры, в том числе системы подготовки профессиональных кадров различных уровней.

В указанный период стала разворачиваться политическая борьба между сторонниками разных подходов к развитию экономики страны. Коренные разногласия возникли относительно определения главного внутреннего противоречия. Если на VIII съезде КПК было объявлено, что основным является противоречие между требованиями народа развивать экономику и культуру и ситуацией, при которой существующие в настоящее время экономика и культура не способны удовлетворить требования народа, то несколькими днями позже во время празднования дня образования КНР Мао Цзэдун в беседе с Лю Шаоци произнес: «Постановка вопроса на VIII съезде

³²⁷ Макеева С. Б. Региональная промышленность КНР в ходе реализации стратегии выравнивающего и сбалансированного пространственного развития в 1950–1970-е гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 442. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-436-448.

партии о главном противоречии в нашей стране является неправильной»³²⁸. Это явилось отправной точкой в постепенном повороте внутренней политики, получившем название «левый уклон».

На III пленуме ЦК КПК 8 созыва в октябре 1957 г. в политическом дискурсе вновь обрел актуальность тезис о главном противоречии в КНР, заключавшемся в классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией. Это создавало условия для идеологической борьбы и концептуализации перманентной революции.

Весной 1958 г. была развернута кампания «большого скачка» и провозглашена новая генеральная линия КПК, в которой содержался призыв: «строить социализм по принципу: «больше, быстрее, лучше и экономнее»³²⁹.

Основными задачами данной политики являлись ускоренная модернизация, мобилизация экономики страны на выплавку стали и других промышленных товаров, создание крупных коммун. По результатам «большого скачка» в предельно сжатые сроки необходимо было догнать по объему производства стали Великобританию. Одним из основных механизмов достижения поставленных задач являлись массовый энтузиазм и мобилизация населения, в том числе в сельской местности.

В 1958 г. Внутренняя Монголия вступила в «Большой скачок в образовании», который оказал значительное влияние на всю сферу. В рамках данной политики началось быстрое расширение школ всех уровней и типов. Если до 1957 г. во Внутренней Монголии не было школ профессионального обучения, то только в 1958 г. было создано 199 средних школ, в которых обучалось 26604 ученика (в том числе 27 национальных средних школ, в которых обучалось 2010 учеников). Школы профессионального обучения превышали количество общеобразовательных школ (199 против 146), но

³²⁸ Усов В.Н. VIII съезд КПК / В. Н. Усов // История Китая с древнейших времен до начала XXI века : Монография: в 10-ти томах / Институт Дальнего Востока РАН. Том VIII. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр "Наука" Российской академии наук, 2017. – С. 87.

³²⁹ Дальнев М.И., Наделин В.А. «Культурная революция» в КНР, ее причины и последствия // Проблемы Дальнего Востока, 1973. - №3. – С. 43.

число обучающихся в таких школах было значительно меньше – 26604, тогда как в обычных школах обучалось 67949 учеников. С 1961 г. Центральное правительство начало проводить политику «упорядочивания, укрепления, усиления и улучшения» в экономике. В результате ее реализации к 1963 г. осталась только одна этническая профессиональная средняя школа, в которой обучалось 219 учеников³³⁰.

В 1965 г., в связи с выполнением директивы о «двух системах труда» и «двух системах образования»³³¹, общее число школ профессионального обучения в АРВМ выросло до 1055, в них обучалось в общей сложности 58433 ученика. В том числе 81 школа профессионального обучения для этнических меньшинств, с контингентом 3892 ученика³³².

Таким образом, можно констатировать, что в рамках политики «большого скачка» в общих чертах была сформирована переходная ступень между общим и высшим профессиональным образованием. С учетом всех сложностей и противоречий данного периода, поставленные задачи преимущественно были решены.

Автономный район Внутренняя Монголия занимал особое место в реализации данной политики в силу наличия крупных месторождений руды и ряда сопутствующих факторов. Металлургический завод г. Баотоу рассматривался как один из основных элементов реализации этих амбиций. Старт кампании по выплавке чугуна и стали запустил по всей стране строительство кустарных доменных печей, которые позволили кратно

³³⁰ 斯日古楞, 特力更. 内蒙古民族职业教育发展现状及对策建议 //中国民族教育发展报告 (2017·内蒙古卷), 2018年01月. – 82-105页. (Сиригуленг, Телигенг. Текущая ситуация и меры по развитию этнического профессионального образования во Внутренней Монголии // Отчет о развитии этнического образования в Китае (2017·Внутренняя Монголия), январь 2018 г. – стр. 82-105.)

³³¹ 马先睿, 邓小林, 刘少奇 “两种劳动制度、两种教育制度” 教育思想论析 //煤炭高等教育, 2012年1月第30卷 第1期. – 13-17页. (Ма Сяньжуй, Дэн Сяолин. Анализ педагогической концепции Лю Шаоци «Две системы труда и две системы образования» // Высшее угольное образование, январь 2012 г., том 30, № 1, стр. 13-17.)

³³² 斯日古楞, 特力更. 内蒙古民族职业教育发展现状及对策建议 //中国民族教育发展报告 (2017·内蒙古卷), 2018年01月. – 82-105页. (Сиригуленг, Телигенг. Текущая ситуация и меры по развитию этнического профессионального образования во Внутренней Монголии // Отчет о развитии этнического образования в Китае (2017·Внутренняя Монголия), январь 2018 г. – стр. 82-105.)

нарастить объемы выплавки, однако качество металла было некондиционным и не годилось даже к переработке. В этом плане металлургический завод г. Баотоу являлся одним из самых успешных примеров. Эффективность данного проекта, объясняет профессор Кембриджского университета Урадын Булаг, заключалась в том, что «в отличие от сотен тысяч самодельных печей, которые производили лишь бесполезные обломки, металлургический завод Баотоу явился прекрасным примером производства благодаря советской помощи в технологиях и инженерах, а также огромным финансовым инвестициям со стороны китайского государства, которое было весьма заинтересовано в его успехе»³³³. Развитие металлургического завода, миграционная политика руководства КНР обусловили рост численности населения крупнейших городов Внутренней Монголии. Например, население Хух-Хото в 1953-1957 гг. выросло со 148 до 320 тыс. человек, численность Баотоу увеличилась со 149 до 500 тыс. человек³³⁴. Такой быстрый рост населения увеличил нагрузку на социальную сферу и изменил культурный ландшафт крупнейших городов региона.

За десятилетие с момента своего образования и до начала политики «большого скачка» Автономный район Внутренняя Монголия пережил ряд социальных преобразований, общественную трансформацию, изменение структуры региональной экономики, создание системы образования и здравоохранения. В этот период профессиональное образование во Внутренней Монголии осуществлялось на начальном и среднем уровнях, при этом основными учебными заведениями были средние специализированные и технические училища. Лишь в 1952 г. было создано первое высшее учебное заведение в г. Улан-Хото – Педагогический институт Внутренней Монголии.

³³³ Uradyn E. Bulag. Collaborative Nationalism: The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., Plymouth, United Kingdom, 2010. – p. 185.

³³⁴ Мажинский С.В. Индустриальное развитие и миграционные процессы в Автономном районе Внутренняя Монголия в годы первой пятилетки (1952–1957 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). – С. 69.

Позже стали создаваться другие учебные заведения по подготовке кадров для нужд региональной экономики.

В 1956 г. в рамках реализации первого пятилетнего плана КНР г. Баотоу был объявлен национальной базой для производства вооружений, исследований и разработок, а также подготовки кадров. С этой целью был создан Машиностроительный техникум Баотоу, являвшийся ключевым средним профессиональным учебным заведением страны. Данное учреждение совместно с двумя крупными государственными предприятиями оборонной промышленности – Первой машиностроительной группой Внутренней Монголии, Северной группой тяжелой промышленности, а также 52-м Научно-исследовательским институтом оборонной промышленности, создали интегрированную базу по производству средств обороны. Данный техникум является одним из старейших учебных заведений оборонной промышленности, основанных в Новом Китае³³⁵.

Развитие тяжелой промышленности требовало совершенствования системы подготовки профессиональных кадров. В феврале 1956 г. Министерство тяжелой промышленности КНР (重工业部) приняло решение об открытии в Баотоу Техникума металлургической промышленности (包头钢铁工业学校) и Инженерно-строительного техникума (包头建筑工程学校).

В апреле 1957 г. Министерство металлургической промышленности (冶金工业部) Китая приняло решение объединить Техникум металлургической промышленности и Инженерно-строительный техникум, и на их основе создать Технологический институт Баотоу (包头工学院). Эти изменения происходили в условиях реструктуризации государственного аппарата, в том числе профильных министерств. Например, были упразднены Министерство тяжелой промышленности и Министерство топливной промышленности, из их состава образованы Министерство металлургической промышленности,

³³⁵ 包头职业技术学院. Официальный сайт профессионально-технического колледжа Баотоу. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.bvtvc.cn/homeexgk/lshm.html>. Дата обращения: 03.01.2026.

Министерство химической промышленности, Министерство строительных материалов, Министерство угольной промышленности, Министерство электроэнергетической промышленности, Министерство нефтяной промышленности, Министерство лесной промышленности и 2-е Министерство промышленности (атомная отрасль) и т.д.³³⁶

В июне 1959 г. Технологический институт Баотоу был переименован в Институт металлургии (包头钢铁学院). Этот институт входил в число восьми крупнейших металлургических институтов, находившихся в ведении Министерства металлургической промышленности, осуществлял прием студентов со всей страны.

В истории развития учреждений высшего образования г. Баотоу знаковым является 1958 г., когда было принято решение о создании сразу трех вузов. 1 июля 1958 г. в газете «Баотоу жибао» (包头日报) была опубликована статья под заголовком «В нашем городе будет создано три новых высших учебных заведения»³³⁷. Этими тремя учреждениями являлись Технологический институт (позже переименованный в Институт металлургии), Медицинский институт и Педагогический институт.

В 1958 г. Медицинский и Педагогический институты официально начали набор студентов. Технологический институт был образован путем слияния Инженерно-строительного техникума и Техникума металлургической промышленности, созданных Министерством тяжелой промышленности в 1956 г. В это же время было объявлено о создании Горного института Внутренней Монголии, который в конечном итоге не был создан.

³³⁶ Бородин В.Ф. Система государственного управления КНР в период смены генеральной линии (середина 1950-х – конец 1950-х годов) // Восточная Азия: факты и аналитика, 2020. – №3. – С. 84. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10020

³³⁷ 1958 包头高校的启航时刻 (Момент, когда университеты Баотоу начали свою работу в 1958 г.) // 包头日报. Электронный ресурс. Режим доступа: http://nmg.wenming.cn/2022xbwz/wmcj_54208/wmxy_54213/202207/t20220701_6418119.html. Дата обращения: 05.01.2026 г.

16 июля 1958 г. состоялось официальное открытие Педагогического института Баотоу. В первый год он принял на обучение более 200 студентов, в институте работало 130 преподавателей и сотрудников. Здание института, библиотека, учебные материалы и оборудование были предоставлены 52-ой школой ускоренной подготовки Народно-освободительной армии Китая. В институте были созданы отделения китайского языка, математики, физики, биологии и физической культуры. Штат преподавателей института комплектовался из числа выпускников ряда ведущих вузов страны: Пекинского университета, Восточно-Китайского педагогического университета и Северо-Восточного педагогического университета. Примечательно, что среди приехавших на работу в Баотоу были аспиранты и выпускники, которых готовили к обучению в Советском Союзе³³⁸.

В 1960 г., следуя инструкциям вышестоящего руководства, институт провел ряд изменений в образовательном процессе. В числе основных изменений следует указать акцент на практическую подготовку и сокращение количества сложных теоретических курсов, увеличение количества часов по педагогике, методике преподавания и психологии. Интересным фактом представляется введение английского языка по всем образовательным программам, к тому же утверждается, что это было сделано впервые в рамках педагогических институтов в масштабах всей страны³³⁹.

В декабре 1962 г. на фоне изменившейся политики, сокращения количества преподавателей, а также «трудностей с трудоустройством выпускников университетов», городской комитет Компартии Баотоу с одобрения комитета Автономного района Внутренняя Монголия, принял решение о закрытии Педагогического института. Официально учебное заведение закрылось в июле 1963 г. после выпуска последнего набора

³³⁸ 包师志鉴：包头师范学院的前世今生．(Хроника педагогического института Баотоу: прошлое и настоящее.). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dag.bttc.edu.cn/info/1003/1195.htm>. Дата обращения: 03.01.2026.

³³⁹ Там же

студентов. За время работы Педагогический институт подготовил в общей сложности 669 выпускников, которые внесли большой вклад в развитие АРВМ и страны.

Медицинский институт Баотоу был одним из первых подобных учреждений в приграничных районах проживания этнических меньшинств Нового Китая. В институте реализовывалась пятилетняя образовательная программа по клинической медицине. Выпускники формировали кадровый состав медицинских учреждений и системы здравоохранения в целом г. Баотоу и Внутренней Монголии. Приведем выдержки из интервью одного из первых преподавателей мединститута Ли Цзэнси (李增曦), которое он дал газете «Баотоу Жибao» в 2022 г., на тот момент ему было 86 лет. Он вспоминает: «В эти годы вся страна поддерживала строительство металлургического завода Баотоу, но в Баотоу и во всей Внутренней Монголии ощущалась острая нехватка медицинских кадров. Поэтому создание медицинского института имело огромное значение для развития завода. Недавно созданный институт располагался в небольшом здании в железнодорожном управлении района Дунхэ (东河区). И, несмотря на то, что функционировал единственный на тот момент медицинский факультет, на котором работало 20 преподавателей и обучалось 40 студентов, а условия были очень сложными, у всех был высокий энтузиазм к работе и учебе»³⁴⁰.

Схожие воспоминания у бывшего преподавателя Технологического института Баотоу, которые приведем далее. Цуй Сяньдин (崔显鼎) сначала поступил в Пекинский институт металлургии, где проучился один год, затем два года обучался в Северо-Восточном технологическом институте. Полученное образование позволило ему стать преподавателем Института металлургии Баотоу. Его первые впечатления были связаны с суровыми

³⁴⁰ 1958 包头高校的启航时刻 (Момент, когда университеты Баотоу начали свою работу в 1958 г.) // 包头日报. Электронный ресурс. Режим доступа: http://nmg.wenming.cn/2022xbwz/wmcj_54208/wmxy_54213/202207/t20220701_6418119.html. Дата обращения: 05.01.2026 г.

условиями обучения и частыми песчаными бурями: «На начальном этапе деятельности в техникуме было немногим более 500 студентов и около тридцати преподавателей, не было особых условий, помещения были не оборудованы или отсутствовали вовсе, учебные корпуса и общежития находились далеко друг от друга. Было обычным делом проводить весь день в учебных корпусах. В полдень все садились за стол и вместе ели большую тарелку овощей. Вечером после занятий мы бежали в общежитие. Так и проходил день»³⁴¹.

С 1960 г. институт начал отправлять на курсы повышения квалификации своих преподавателей в ведущие вузы страны: Университет Цинхуа (清华大学), Тяньцзинский университет (天津大学), Пекинский институт металлургии (北京钢铁学院, в наст.вр. Пекинский университет науки и техники)³⁴², Северо-Восточный технологический институт (东北工学院, в наст. вр. Северо-Восточный университет)³⁴³. К 1961 г. в штате института числилось 802 человека, в том числе 380 преподавателей, из них 3 доцента, 19 старших преподавателей, 358 преподавателей, ассистентов, инструкторов³⁴⁴. На данном этапе были заложены основы будущего развития Технологического института, который в настоящее время занимает одно из ведущих мест во всей системе подготовки кадров региона уже как Университет науки и техники Внутренней Монголии.

Период реализации политики «большого скачка» характеризуется сложной динамикой развития системы образования в АРВМ. 1958-1963 гг. характеризуются резкими взлетами и падениями. Например, число школ резко возросло с 15 в 1957 г. до 60 в 1958 г. В 1960 г. подскочило до 129, а к

³⁴¹ Там же

³⁴² 北京科技大学. Официальный сайт Пекинского университета науки и техники. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ustb.edu.cn/xxgk/xxjj/index.htm>. Дата обращения: 05.01.2026 г.

³⁴³ 东北大学. Официальный сайт Северо-Восточного университета. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.neu.edu.cn/xygk/xxjj.htm>. Дата обращения: 05.01.2026 г.

³⁴⁴ 揭秘！包头第一所大学竟是... Первый университет Баотоу... Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.360doc.com/content/24/0929/22/672723_1135370079.shtml. Дата обращения: 05.01.2026 г.

1963 г. резко сократилось до 18. В соответствии с этим происходили изменения в количестве обучающихся. Например, в 1957 г. их было 9062, в 1958 г. уже 20076. В 1960 г. количество обучающихся достигло 42114, после чего упало до 5080 в 1963 г. Количество монгольских учащихся также соответствовало общей тенденции: в 1957 г. обучалось 1032 человека, в 1958 г. их было 1795. Наибольшие изменения в количестве ощущались в 1960 г. (2715 учащихся) и 1963 г. (409 учащихся)³⁴⁵.

Ключевым документом, определяющим образовательный процесс, стала «Директива о работе в сфере образования», изданная совместно Центральным комитетом КПК и Государственным советом 19 сентября 1958 г. Директива призывала к культурной революции и критиковала образование за ошибки, заключавшиеся в пренебрежении политикой, руководством КПК и производительным трудом. Она призывала к решительной борьбе против таких буржуазных идей, как «образование ради образования», «разделение умственного и физического труда» и «образованием могут руководить только специалисты».

Время с 1964 г. до Культурной революции стал следующим этапом больших взлетов и падений. С 1964 по 1965 гг. Автономный район Внутренняя Монголия выполнял указания центрального правительства по пилотному внедрению дуальной системы образования и создал ряд новых средних профессиональных училищ, сочетающих в себе трудовое (сельскохозяйственное) и заочное обучение. В 1965 г. было резко увеличено число средних профессиональных училищ до 125, что на сто учреждений больше, чем годом ранее. В них обучалось 23673 ученика (в том числе 2018 монгольских обучающихся)³⁴⁶.

³⁴⁵ 斯日古楞, 特力更. 内蒙古民族职业教育发展现状及对策建议 // 中国民族教育发展报告 (2017·内蒙古卷), 2018 年 01 月. – 82-105 页. (Сиригуленг, Телигенг. Текущая ситуация и меры по развитию этнического профессионального образования во Внутренней Монголии // Отчет о развитии этнического образования в Китае (2017·Внутренняя Монголия), январь 2018 г. – стр. 82-105.)

³⁴⁶ Там же

Очевидно, что такое колебание динамики контингента обучающихся не могло позитивно повлиять на образовательный процесс, поскольку резкое увеличение в течение нескольких лет количества учеников снижало качество преподавания, возникали сложности с помещениями, учебной литературой, изменением методики и т.д.

Согласно данным, число высших учебных заведений по всей стране увеличилось с 227 в 1957 г. до 1289 в 1960 г. «Большой скачок» не только вызвал серьезный дисбаланс в экономике страны, но и серьезно повлиял на высшее образование, вызвав серьезное снижение качества подготовки специалистов.

Культурная революция явилась еще одним серьезным испытанием для системы образования и всего общества. Начиная с 1966 г. профессиональные учебные заведения всех уровней обвинили в том, что они являются продуктами буржуазной системы. Начались движения хунвейбинов, которые в том числе уничтожали оборудование учреждений, занимали здания вузов, совершали показательные суды над преподавателями. Многие преподаватели и сотрудники были отправлены на промышленные и горнодобывающие предприятия. Профессиональные техникумы, училища, институты региона и университет Внутренней Монголии прекратили свою деятельность, профессиональное образование в АРВМ было приостановлено.

Следует отметить, что политика по сокращению количества вузов была начата несколькими годами ранее. Например, Педагогический институт Баотоу был закрыт в 1963 г. Основанием послужило общенациональное сокращение штата преподавателей и общее уменьшение вузов. С началом культурной революции в 1966 г. были закрыты многие профессиональные учреждения АРВМ, в том числе и медицинский институт Баотоу, что серьезно сказалось на системе подготовки медицинских кадров и системе здравоохранения в целом.

Активная фаза культурной революции с 1967 по 1969 гг. в АРВМ характеризуется хаосом, который парализовал социально-экономическое и политическое развитие. В апреле 1969 г. Мао Цзэдун и центральное партийное руководство заявили, что в реализации политики культурной революции во Внутренней Монголии были допущены ошибки. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай в мае этого же года, выступая на заседаниях в центральном правительстве, указал на серьезные ошибки, допущенные занимавшим в этот период пост председателя КПК АРВМ Дэн Хайцина. Несколько позже, 22 мая 1969 г. Мао Цзэдун указал на то, что «Дэн совершил большую ошибку, начав кампанию против Уланху и НРПВМ, которая привела к стольким жертвам»³⁴⁷.

В начале 1970-х гг. началось постепенное восстановление системы образования в стране. Эти процессы затронули и Внутреннюю Монголию. В ноябре 1971 г. Комитет партии АРВМ принял решение о возобновлении работы ряда учебных заведений. Правительством региона был разработан План развития высшего образования Внутренней Монголии, который был направлен в Комитет по образованию и науке Государственного совета на утверждение. С 1 марта 1972 г. возобновил работу Педагогический институт Баотоу, который начал реализацию программ по четырем специальностям: китайский язык и литература, математика, физика, история. На двухгодичную программу было зачислено 150 абитуриентов из числа рабочих, крестьян и солдат. Условия были ограничены, не хватало преподавателей, учебных материалов, учебного оборудования. С 1974 г. началось постепенное улучшение учебного процесса, в том числе были разработаны новые учебные планы для каждой специальности, постепенно внедрены некоторые учебники, составленные центральным правительством, а также собственные учебные и учебно-методические пособия.

³⁴⁷ Мажинский С.В. Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966-1969 гг.: от диалога к политической борьбе / С. В. Мажинский // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 143. – DOI 10.17223/15617793/401/21.

Одновременно были активизированы усилия по улучшению школьной инфраструктуры³⁴⁸.

Знаковым событием в истории высшего образования КНР является возобновление в 1977 г. вступительных экзаменов в вузы. После завершения культурной революции был завершён ряд преобразований, включая структурную перестройку среднего профессионального образования и качественное изменение системы высшего профессионального образования.

К концу 1950-х гг. во Внутренней Монголии в целом была сформирована сеть высших учебных заведений. Если к началу образования автономии в 1947 г. в регионе не было ни одного такого учебного заведения, то в 1958 г. их уже было семь. В начале 1960-х гг. к ним добавилось ещё несколько высших профессиональных училищ.

Образовательное пространство Внутренней Монголии формировалось весьма неравномерно. Условно можно выделить два основных образовательных и научных центра – г. Хух-Хото, являвшийся административным центром автономии, а также г. Баотоу, который с 1954 г. начал стремительно развиваться как горнорудный центр страны. В 1958 г. тут было открыто сразу три вуза – педагогический, медицинский и технологический институты. Советская модель отраслевой специализации была направлена на подготовку кадров для местных органов управления и отраслей экономики.

Институционализация высшего профессионального образования обусловила увеличение контингента студентов. По разным данным в 1958-1960 гг. в учебных заведениях АРВМ обучалось от 8 до 12 тыс. человек. Основной набор осуществлялся на педагогические и инженерно-технические специальности (свыше 50 %), затем медицинские, аграрные и ветеринарные, и совсем небольшая часть на гуманитарные специальности. Начиная с

³⁴⁸包师志鉴：包头师范学院的前世今生. (Хроника педагогического института Баотоу: прошлое и настоящее.). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dag.bttc.edu.cn/info/1003/1195.htm>. Дата обращения: 03.01.2026.

начала 1960-х гг., страна столкнулась с экономическими последствиями «большого скачка», некоторые вузы во Внутренней Монголии были закрыты, например, Педагогический институт в г. Баотоу. Резкое падение количества вузов произошло с началом «культурной революции», а отмена вступительных экзаменов (高考) и введение практики набора «рабоче-крестьянско-солдатских» студентов, которые в основной своей массе не обладали хорошей базовой подготовкой, привело к снижению качества обучения в вузах. К 1977 г., когда был восстановлен вступительный экзамен в вузы, численность студентов в вузах АРВМ составляла более 4 тыс. человек, что говорит о частичном восстановлении образовательной деятельности в вузах.

В конце 1950-х гг. профессорско-преподавательский состав вузов АРВМ составлял от 700 до 900 чел., где существенную часть (порядка 40%) составляли специалисты, направленные в регион из центральных и восточных провинций. Вместе с тем доля преподавателей, имеющих преподавательскую подготовку и соответствующий опыт, оставалась сравнительно небольшой (не более 20%). Резкий рост количества сотрудников вузов до 1,2 тыс. человек был отмечен с 1958 г. в связи с трудоустройством вчерашних выпускников вузов автономии и привлечения практиков к образовательному процессу.

В годы культурной революции количество преподавателей сократилось почти на 50%. Сильно пострадали гуманитарные направления подготовки, такие как история, философия, монгольская филология.

Ранее уже говорилось о том, что АРВМ занимал особое место в образовательной политике КНР по ряду показателей. Одной из характерных особенностей являлась доля студентов монгольской национальности в вузах, которая составляла свыше 30%. Эти цифры значительно превышали средние показатели по стране. Образовательная политика руководства была ориентирована на подготовку национальных кадров для системы управления,

образования и здравоохранения. В указанный период количество образовательных программ, реализуемых на монгольском языке, составляло от 20 до 25%. В 1966-1976 гг. количество двуязычных программ сократилось до 10-15%, но не было полностью ликвидировано, что позволило сохранить основы национально-культурного образования.

Таким образом, высшее профессиональное образование Автономного района Внутренняя Монголия в 1958-1976 гг. прошло сложный и противоречивый путь. Безусловным достижением является то, что в эти годы была создана институциональная база высшего образования, создана сеть вузов и началась подготовка собственных специалистов для нужд экономики региона. С началом политических кампаний сформировались тенденции сокращения студенческого контингента, сокращения кадрового потенциала учреждений, а также общего снижения качества академической подготовки. Строгая подчиненность хозяйственным и идеологическим приоритетам государства, которая была напрямую заимствована у советской модели высшей школы, предопределила уязвимость вузов в условиях социально-политических трансформаций. Университет Внутренней Монголии, педагогические, сельскохозяйственные, медицинские и технологические институты оказались вовлечены в «классовую борьбу», что привело к разрушению сложившихся форм преподавания и научных исследований. Одной из ключевых особенностей данного периода явилась отмена вступительного экзамена в вузы, о которой говорилось чуть выше. В вузы стали принимать по рекомендациям трудовых коллективов, воинских подразделений и комитетов различного уровня. В итоге студентами становились люди, с базовой подготовкой, мало зависящие от своей академической успеваемости. В конце 1960-х гг. в рамках государственного курса на «соединение обучения с производительным трудом» высшее образование было приближено к практической деятельности. Студенты и преподаватели направлялись на сельскохозяйственные и промышленные

объекты, что рассматривалось как форма профессиональной социализации, но фактически подменяло системное обучение. Такая ситуация привела к снижению уровня образования и фактически нивелировала разницу между высшим и средним профессиональным учреждением. В национальных районах, таких как Внутренняя Монголия, эта практика особенно осложняла подготовку квалифицированных кадров, необходимых для управления и развития автономии.

Несмотря на эти сложности, в АРВМ была сохранена базовая структура высшего образования. Отдельные образовательные структуры сохранялись в усеченном виде, выполняя преимущественно функции политического воспитания и базовой подготовки специалистов для местных органов управления, однако научные исследования, система аспирантуры фактически прекратили свое полноценное функционирование.

В последние годы «культурной революции» в политической риторике вновь получил развитие вопрос модернизации Китая. В 1975 г. на 1-ой сессии ВСНП 4-го созыва премьер Госсовета Чжоу Эньлай в докладе «О работе правительства» призвал к выполнению указания председателя Мао Цзэдуна, сделанного им в начале 1965 г. на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва «о возможном развитии народного хозяйства нашей страны, начиная с третьей пятилетки, в два шага: первый шаг – за 15 лет, т.е. к 1980 г., создать самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства; и второй шаг – к концу нынешнего столетия всесторонне модернизировать сельское хозяйство, промышленность, оборону, науку и технику, чтобы наша страна вышла в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства»³⁴⁹.

Реализацией этого плана на практике занимался Дэн Сяопин, который был восстановлен в своих должностях и включен в состав Политбюро. В ходе

³⁴⁹ 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики 4-го созыва (документы). – Пекин, 1975. – С. 56–57.

«всестороннего упорядочения» в 1975 г. важнейших сфер жизни страны им были поставлены задачи по созданию эффективной структуры управления производством, реформированию системы взаимоотношений центра и мест на основе передачи части полномочий низовым организациям, упрощения военного и административного аппарата, усиления руководства предприятиями путем «восстановления и оздоровления» нормативной базы, и в первую очередь – внедрения «системы ответственности», проведения в жизнь принципа распределения по труду.

В качестве важнейшей задачи экономического строительства Дэн Сяопин рассматривал развитие науки и техники, в том числе с помощью заимствования передовых зарубежных научно-технических достижений и технологий. Развитие науки и техники связывалось Дэн Сяопином с повышением роли интеллектуального труда в осуществлении модернизации и изменения роли интеллигенции в обществе в целом. В политико-идеологическом плане им была поставлена задача усиления партийного руководства для обеспечения политической стабильности и экономического развития. Эта задача должна была решаться в ходе «упорядочения партии, прежде всего ее руководящих звеньев, направленного на преодоление состояния идейного и организационного кризиса, в котором она пребывала во время «культурной революции». Все эти моменты в дальнейшем стали составной частью разработанной Дэн Сяопином программы модернизации Китая, что дает основания китайским исследователям считать 1975 год продолжением проводившихся еще до VIII съезда КПК поисков пути модернизации КНР и одновременно началом формирования и проверки на практике основных идей реформ и открытой политики, в первую очередь центральной идеи о приоритете экономического строительства.

Однако бурные события 1976 г., смерть Мао Цзэдуна, острая борьба в руководстве страны, не позволили реализовать обозначенные теоретические подходы на практике.

После завершения острой фазы борьбы за власть в 1977 г. на пленуме КПК было принято решение о восстановлении Дэн Сяопина в партии и правительстве, где его назначили ответственным за систему образования, науку и промышленность. Принципиально поменялись критерии государственного администрирования, где акцент ставился на показатели эффективности управления, а не на политическую целесообразность.

В декабре 1978 г. прошел третий пленум ЦК КПК, на котором Дэн Сяопин провозгласил курс на реализацию «четырех модернизаций»: сельского хозяйства, промышленности, обороны и научно-технической сферы.

Поэтапное развитие Китая позволило к настоящему времени достигнуть внушительных социально-экономических показателей развития. В 2020 г. в Китае, где проживает 1,4 млрд. человек, ВВП на душу населения второй год подряд превысил десять тысяч долларов США, а количество населения со средним уровнем дохода превысило 400 млн. человек. В 2020 г. Китай избавил от нищеты около 100 миллионов человек, впервые в истории полностью ликвидировав абсолютную бедность. Китаю удалось создать самую масштабную систему социального обеспечения в мире, предоставляющую базовое медицинское страхование для более 1,3 млрд. человек и базовое пенсионное страхование для почти 1 млрд. человек. Ожидаемая продолжительность жизни повысилась до 77,3 лет, среди населения заметно выросли показатели удовлетворенности жизнью, счастья и безопасности. Большую роль в достижении этих показателей играет система подготовки профессиональных кадров. Ускоренное развитие образования стало предпосылкой модернизационного процесса в Китае в последней четверти XX в. В 1990-е гг. 9-летнее общее среднее образование (средняя школа низшей \ первой ступени – СШНС) превратилось в обязательную норму для всех детей в возрасте до 15 лет. Это ознаменовало важный этап на пути обеспечения равных стартовых возможностей для

молодежи, вступающей в трудовой возраст. Несмотря на то, что обучение сверх обязательного уровня в 1990-е гг. стало платным, численность обучающихся в обоих секторах старшей ступени средней школы – академическом и профессиональном – неуклонно росла. Этот исторический период в целом характеризуется как переломный и для высшего образования. Обучение в вузах стало платным и многоуровневым, менялась структура высшего образования. Принятый в 1998 г. Закон КНР «О высшем образовании» значительно расширил административные возможности вузов, в том числе, предоставив им возможность самостоятельно вести договорную проектно-научную работу и развивать академическую мобильность и научное сотрудничество внутри страны и за рубежом. За период с 1978 по 2020 гг. численность вузов выросла с 598 до 2738.

Переломным моментом, как и по всей стране, стало восстановление общенациональных вступительных экзаменов. С 1977 г. во Внутренней Монголии начинается институциональное возрождение высшего профессионального образования. Возврат к академическим критериям отбора студентов, восстановление учебных планов, постепенное возвращение преподавательского состава создали предпосылки для включения вузов автономии в образовательные реформы конца 1970-х – начала 1980-х гг.

Хотя современный китайский университет в значительной степени построен на основе западной модели, принципиально важную роль в его развитии играет государство, которое определяет его социально-политическую миссию, материально-техническую и финансовую основу, содержательные и институциональные стороны функционирования.

Следует отметить, что развитие высшего профессионального образования в АРВМ в 1958-1977 гг. отражало сложности и противоречия этого сравнительно краткого исторического периода, включившего в себя политику «большого скачка» и «культурной революции». Несмотря на подчинение политическим императивам, система образования в этот период

реализовала свое институциональное становление, обрела структурно-содержательные параметры, которые позволили в определенной степени приблизить процесс подготовки кадров к реалиям современной экономики. В эти годы поэтапно произошло увеличение сети профессиональных учебных заведений в контексте подчинения задачам хозяйственного развития региона, которое сменилось стагнацией системы образования, особенно вузовского. Обусловлено это было тем, что высшее образование подверглось глубокой идеологизации и выступило инструментом политической стратегии.

Подводя общий итог, следует отметить, что этап 1958-1977 гг. в истории высшей школы АРВМ характеризуется процессами начальной институционализации, глубокой трансформации и кризиса. Вместе с тем система образования в целом выявила устойчивость базовых образовательных структур, что позволило сравнительно быстро восстановить высшую школу и заложить основы для дальнейшей модернизации в рамках единой системы образования КНР.

§ 3.3. Реализация этнокультурного образования: основные подходы и принципы.

Автономный район Внутренняя Монголия можно рассматривать как модельную территорию, в условиях которой была реализована национальная политика руководства страны. История Внутренней Монголии богата различными сюжетами, в центре которых борьба разных политических сил. Это обусловило в определенной степени формирование политического сознания неоднородного населения региона. Помимо собственно монголов в регионе проживают хуэй, эвенки, орохоны, дагуры, маньчжуры, корейцы, русские и другие национальности. Многие из этих этнических меньшинств либо вовсе не имели свою письменность, либо уже ее не используют, например, как маньчжуры. Перед руководством страны стояла сложная задача по ликвидации безграмотности в регионе. В силу объективных факторов и тяжелой социально-экономической ситуации было принято решение о параллельной реализации двух моделей обучения. Для тех меньшинств, которые имели свой язык и письменность, стали организовывать школы и классы, в рамках которых обучали грамоте, арифметике, естествознанию и другим дисциплинам. Для способных учеников создавали условия для продолжения образования на уровне средней школы, а чуть позже и давали возможность получить профессиональное образование. Вторая модель была направлена на обучение детей, не владеющих родным языком (хуэй, маньчжуры), которые сразу начинали обучаться на китайском языке. Следует отметить, что обучение детей представителей разных национальностей во многом зависело от конкретных условий и места проживания. Например, те же маньчжуры часто отдавали на обучение детей в монгольские школы. Массовый характер это носило в Хулун-Буирском аймаке, где эвенки, орохоны, дагуры получали образование на монгольском языке. Это имело место и в других местах компактного проживания этнических меньшинств. Вместе с тем, встречалась

и обратная ситуация. Там, где представителей монгольского населения было не так много, дети монголов получали образование на китайском языке. Эту ситуацию можно рассматривать с двух позиций. Во-первых, изучение китайского языка и хорошее им владение давало детям больше возможностей социализироваться, построить карьеру. Другая сторона заключалась в том, что с большой долей вероятности дети утрачивали свой родной язык и традиционную культуру. Эти процессы носили объективный характер в условиях индустриализации страны. Вместе с тем, центральное правительство на начальном этапе проводило политику поддержки этнокультурного образования в АРВМ. Это выражалось в особом отношении к вопросам функционирования монгольского языка и письменности, в том числе в общественно-политической сфере, делопроизводстве и прессе.

Первая конференция по вопросам развития образования в Автономном районе Внутренняя Монголия, состоявшаяся в марте 1949 г., признала центральную роль этнического образования в общественно-политической работе. В 1952 г. был обнародован «Пятилетний план развития этнического образования в Автономном районе Внутренняя Монголия (1953-1957 гг.)», в котором еще раз подчеркивалась важность развития этнического образования, были предусмотрены значительная финансовая и инфраструктурная поддержка. В «Программе государственного управления» 1947 г. было указано: «Продвигать монгольские газеты и книги, изучать историю Монголии и популяризировать монгольские учебники в монгольских школах для развития монгольской культуры»³⁵⁰. Впоследствии был создан отдел по составлению учебников для начальной школы на монгольском языке по различным предметам. На первой конференции по вопросам образования Автономного района Внутренняя Монголия, состоявшейся в марте 1949 г., было предложено «развивать языки и письменность национальных

³⁵⁰ 内蒙古自治区民族教育五年计划纲要 (1953-1957 年) [Основные положения пятилетнего плана развития этнического образования]. Хух-Хото, 1952. С. 5.

меньшинств. Школы национальных меньшинств должны вести обучение на своих национальных языках и использовать учебники на национальных языках». В 1956 г. Народный комитет Автономного района Внутренняя Монголия издал «Уведомление о борьбе с проявлением пренебрежения к использованию национальных языков», целью которого было своевременное выявление и устранение проблемы пренебрежения изучением монгольского языка. Еще одним требованием являлось особое внимание к реализации процесса подготовки кадров из числа национальных меньшинств. В рамках «Плана подготовки кадров из числа национальных меньшинств» к 1956 г. Автономный район Внутренняя Монголия подготовил «более 130 000 специалистов всех этнических групп, в том числе более 20 000 монголов и более 4 800 представителей других национальных меньшинств»³⁵¹. В этот период благодаря поддержке центрального и региональных правительств, политика этнического образования Внутренней Монголии прошла процесс развития ускоренного развития. Указанные тенденции можно обозначить как первый этап становления и развития этнокультурного образования в АРВМ, который укладывается в рамки с 1947 по 1957 гг.

Условным вторым этапом можно обозначить время с 1958 по 1966 гг. Данный этап характеризуется рядом сложных моментов. После 1957 г. национальная политика высшего руководства страны стала характеризоваться тенденцией к унификации и «обобщения». Это отражалось в первую очередь, в управленческих аспектах – чрезмерно высокие и поспешные требования, снижение качества этнокультурного образования и неспособность своевременно и соразмерно решать специфические проблемы образования в скотоводческих районах. Руководство АРВМ для решения обозначенных проблем приняло ряд политических документов. Во-первых, была создана система оценки знаний

³⁵¹ Уланьфу. Избранные произведения Уланьфу: Том 1. Пекин: Центральное литературное издательство, 2013. – С. 377.

монгольского и китайского языков. Благодаря принятию и внедрению в 1963 г. таких документов, как «Меры по повышению квалификации и проведению вступительных экзаменов по монгольскому и китайскому языкам для учащихся монгольской национальности начальных и средних школ (проект)» (蒙古族中小学蒙汉语文升级升学考试办法 (草案)) и «Уведомление о включении монгольского языка в программу вступительных экзаменов в средние школы и вузы Внутренней Монголии» (关于从 1964 年起蒙古族中学和高等学校招生考试加试蒙古语文的通知)³⁵², были организованы курсы повышения квалификации по монгольскому и китайскому языкам, монгольский язык был официально включен в программу вступительных экзаменов.

Во-вторых, была усилена поддержка образования в скотоводческих районах. Правительство приняло «Временные меры по предоставлению народных стипендий учащимся начальных школ в скотоводческих районах» (1962 г.), «Уведомление о выпуске пилотного плана развития школьного образования в скотоводческих районах» (1963 г.) и «Пилотный проект по предоставлению стипендий учащимся начальных и средних школ для монголов и других национальных меньшинств Автономного района Внутренняя Монголия» (1963 г.)³⁵³.

В-третьих, правительство активно развивало систему подготовки учителей из числа национальных меньшинств. Например, в «Докладе о некоторых проблемах в этническом педагогическом образовании» (1963 г.), были изложены меры по развитию педагогического образования для этнических меньшинств.

³⁵² 薛寒 苏德. 1947 年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020 年第 1 期. (Сюз Хань. Эволюция политики этнического образования во Внутренней Монголии с 1947 г.: контент-анализ на основе программного обеспечения Vivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. — 2020. — № 1. — Режим доступа: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm> (дата обращения 17.05.2023)).

³⁵³ Там же.

Особый урон этнокультурному образованию был нанесен в период «культурной революции». Весь опыт и позитивные практики в сфере этнического образования в АРВМ, нормативно-правовые акты, принятые после 1947 г., стали восприниматься как «буржуазная линия». Общеобразовательные школы этнокультурной направленности стали рассматриваться источником этнического сепаратизма и были вынуждены закрыться или приостановить свою деятельность³⁵⁴. Этнокультурное образование было отброшено назад.

Следующий этап начинается с момента сворачивания «культурной революции» в 1977 г. и до 2000 г. В этом же году восстанавливается процедура государственного экзамена (高考) для поступления в вузы, отмененная в 1966 г. Правительство Внутренней Монголии провело в 1978 г. региональную конференцию по вопросам развития системы образования. Главным итогом стало то, что руководящие принципы и национальная образовательная политика, реализовывавшаяся до начала «культурной революции», были восстановлены и стали реализовываться на практике. С этой целью была актуализирована нормативно-правовая база. Например, в 1978 г. были приняты «Дополнительные положения о временном внедрении системы очного обучения в начальных и средних школах для монголов и других этнических меньшинств (проект)» (全日制蒙古族及其他少数民族中小学暂行工作补充条例 (试行草案)), а также был подготовлен «Доклад о восстановлении и развитии этнического образования» (1980). Обозначенные положения стали толчком к всестороннему развитию этнического образования во Внутренней Монголии на новом этапе. В «Резолюции о реализации мер в сфере образования в Автономном районе», принятой Пятым Постоянным комитетом СНП АРВМ в 1981 г., была подчеркнута необходимость реализации принципов «активного восстановления и

³⁵⁴ 胡春梅. 内蒙古民族教育 50 年[J]. 中国民族教育, 1999 (3): 16-18 (Ху Чуньмэй. 50 лет этническому образованию во Внутренней Монголии. Китайское этническое образование, 1999(3). – С.16-18).

устойчивого развития», «приоритетного развития, ключевой поддержки» этнического образования³⁵⁵.

Эти документы определяют характер реализации обучения представителей национальных меньшинств из скотоводческих районов. На практике это отражалось в поддержке детей скотоводов в плане открытия школ интернатного типа и стипендиях на обучение в начальных и средних школах для малоимущих. Эта модель нашла отражение в «Законе КНР о региональной национальной автономии» 1984 г.

Вторым направлением являлось развитие профессионального образования – активизация подготовки специалистов для промышленной и технической сферы из числа национальных меньшинств. В рамках данной политики началось активное внедрение подхода, получившего название «координация трех видов образования» или «интеграция сельского хозяйства, науки и образования». Данный подход был направлен на развитие многоуровневого профессионального образования и практико-ориентированного технического обучения. В конечном счете, это должно было способствовать обеспечению кадрами региональной экономики и развитию местного общества.

Следующей задачей руководства страны являлось развитие педагогического образования, увеличение количества учителей из числа этнических меньшинств. В качестве механизмов были определены следующие нормативные акты: «Положение о временном порядке работы начальных и средних школ полного дня для монголов и других этнических меньшинств (проект, 1978 г.)» (全日制蒙古族及其他少数民族中小学暂行工作补充条例 (试行草案), «Доклад о перспективах восстановления и развития этнического образования» (关于恢复和发展民族教育的几点意见的报告, 1980 г.). Помимо этого, предпринимались конкретные меры, направленные не

³⁵⁵陈中永, 苏德.中国民族教育蓝皮书: 内蒙古卷[M].北京: 社会科学文献出版社, 2017. – 6 页 (Чэнь Чжунъюнь, Су Дэ. Синяя книга по этническому образованию в Китае: Внутренняя Монголия. Пекин: Social Sciences Academic Press, 2017. – С. 6.).

только на повышение качества подготовки учителей из числа этнических меньшинств, но и механизмов привлечения и удержания педагогических кадров. Например, повышение заработной платы, увеличение штатной численности учителей. Данный период был отмечен реальным развитием этнокультурного образования, восстановлением системы образования в целом после того урона, который нанесла «культурная революция».

Заключительный этап развития этнокультурного образования в АРВМ охватывает первые 20 лет нового тысячелетия. Как отмечают китайские исследователи, «в XXI веке этнокультурное образование во Внутренней Монголии постепенно обрело целостность и ясные перспективы развития, основанные на единстве качества, эффективности и самобытности»³⁵⁶.

Здесь хотелось бы отметить характерную особенность развития этнокультурного (этнического) образования в АРВМ на всех его этапах, выраженную в развитом комплексе нормативных актов, определявших рамки и сущность образовательной модели. Вместе с тем, обозначенный перечень документов, несмотря на свое разнообразие, так и не был объединен в единый закон об этническом образовании, который мог бы дать более системный (целостный) характер самой образовательной модели, а также обозначить перспективы дальнейшего развития.

Существующее «Положение об этническом образовании в Автономном районе Внутренняя Монголия» (2016 г.) является подзаконным актом, которое юридически имеет разный вес в сравнении с законом. В этой связи остается констатировать, что на данном этапе исторического развития этническое образование находится еще в стадии окончательного институционального оформления в правовом поле КНР.

³⁵⁶薛寒 苏德. 1947 年以来内蒙古民族教育政策的演进—基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020 年第 1 期. (Сюз Хань. Эволюция политики этнического образования во Внутренней Монголии с 1947 г.: контент-анализ на основе программного обеспечения Vivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. — 2020. — № 1. — Режим доступа: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm> (дата обращения 17.05.2023)).

Отдельный блок нормативных актов посвящен вопросам материальной поддержки этнических меньшинств при получении ими образования. Например, были приняты «Временные меры по организации выплат пособий монголоязычным обучающимся, проживающим в интернатах при начальных и средних школах» (义务教育阶段中小学蒙语授课寄宿生生活补助费管理暂行办法, 2007), «План реализации проекта по повышению уровня развития этнического образования в Автономном районе Внутренняя Монголия на 2011-2015 гг.» (内蒙古自治区民族教育发展水平提升工程实施方案 (2011-2015)), был принят в 2011 г. Данные меры были направлены на выделение специальных образовательных субсидий для представителей этнических меньшинств, в том числе обучающихся на подготовительном отделении в вузах. Можно говорить о том, что принятые специальные программы дотаций национальным автономиям, субсидии на обучение и развитие инфраструктуры образования оказали большое влияние на развитие данной сферы. Еще одним важным решением являлось то, что начавшаяся в 1980-х гг. демографическая политика («одна семья — один ребенок») не распространялась на национальные меньшинства. Конец XX в. характеризуется увеличением приема в вузы представителей этнических меньшинств, которые после окончания старшей ступени средней школы при сдаче единого экзамена (高考) получали дополнительные баллы. Данная политика получила название «позитивная дискриминация», которая была направлена на развитие национальной интеллигенции в автономных районах. Начали открываться национальные детские сады и школы, которые вели учебно-воспитательный процесс на родном языке, начался процесс восстановления храмов и мечетей, увеличилось количество этнокультурных мероприятий и праздников. Все эти меры позитивно сказались на развитии традиционной этнической культуры народов, населявших Китай, в том числе и во Внутренней Монголии.

Вместе с тем, системная политика по развитию культуры и образования этнических меньшинств привела к росту национального самосознания, которое под влиянием деструктивных факторов стало перерастать в сепаратизм. Отечественные исследователи связывают эту тенденцию с опытом СССР 1980-х гг., когда «при прогрессирующем ослаблении по всей стране, в первую очередь в национальных районах, руководящей роли КПСС поднялся вал хорошо организованных массовых политических акций, подготовивших условия для последующего разрушения политической системы СССР. Этому способствовал фактически осуществленный тогдашним советским руководством переход к конституционному правлению во главе с избранным Съездом народных депутатов президентом страны, что автоматически исключало главенствующую роль КПСС»³⁵⁷. Китайские ученые и политики достаточно серьезно отнеслись к социально-экономическим и политическим процессам в СССР и извлекли уроки для себя. Ученые КНР обосновали концепцию «тройного представительства», которую выдвинул в качестве основного принципа внутренней политики Цзян Цзэминь. Эта концепция дала возможность «глубоко осмыслить» причины развала СССР и краха социализма в странах Восточной Европы и выработать правильную политику, которая должна опираться на передовые производительные силы, передовую культуру и коренные интересы народа³⁵⁸.

В сфере образования началась реализация мер по целенаправленному формированию общественного сознания молодежи. Например, в 1991 г. правительство КНР запустило программу патриотического воспитания, в рамках которой школьники более подробно начали изучать историю Китая, связанную с периодом экспансии западных держав и японского милитаризма, приведшей к утрате статуса великой державы. Можно констатировать, что в последующие годы национальная политика была подчинена концептуальным

³⁵⁷ Смирнов Д.А. Особенности трансформации идейно-политической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 19.

³⁵⁸ Там же. С. 21.

основам развития государства, которые разрабатывались учеными, политиками с учетом собственной специфики и опыта других стран. В 1997 г. на XV съезде КПК была принята концепция «Великого возрождения китайской нации». В 2012 г. на XVIII съезде КПК во время своего избрания на первый срок в качестве генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин на основе концепции «Великого возрождения китайской нации» выдвинул концепцию «Китайская мечта», которая стала следующим этапом в обосновании особого пути развития китайского государства³⁵⁹. Данные концепции предполагают формирование и развитие единой нации, в которой все этнические меньшинства образуют собой единую общность под руководством компартии Китая. Это привело к постепенному сворачиванию политики «позитивной дискриминации», представителям национальных меньшинств перестали добавлять баллы при поступлении в вузы. С 2019-2020-х гг. в национальных школах реализуется переход на литературный китайский язык (путунхуа 普通话). Например, в национальных школах АРВМ, где раньше обучение шло на монгольском языке, основные предметы теперь преподаются на китайском. Естественно, это вызвало неодобрение и протест со стороны представителей монгольской общественности региона. В качестве аргумента в пользу необходимости расширения китайского языка в образовании указывалось повышение конкурентоспособности выпускников национальных школ при поступлении в ведущие вузы Китая. Вместе с тем, в регионах Внутренней Монголии увеличивается количество частных детских садов, возникающих из-за спроса родителей на обучение детей родному языку. Кроме того, организуются дополнительные курсы по изучению монгольского языка и письменности для школьников.

Важным аспектом развития модели этнокультурного образования в АРВМ является характер употребления монгольского языка и письменности

³⁵⁹ Абдрахимов Л.Г. Идея «Великое возрождение китайской нации – Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 195.

в образовательной практике высших учебных заведений. Монгольский язык занимает особое место в системе высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР, выступая одновременно объектом государственной языковой политики и важным инструментом сохранения этнокультурной идентичности. Его функционирование в вузах региона определяется сочетанием конституционно закрепленного статуса регионального языка, образовательных реформ КНР и задач социально-экономического развития приграничных территорий.

В системе высшего образования Внутренней Монголии монгольский язык реализуется в нескольких основных формах. Во-первых, он выступает языком обучения в рамках двуязычных образовательных программ, прежде всего по гуманитарным и педагогическим направлениям (монголоведение, история, филология, этнопедагогика, начальное образование). В ряде вузов, таких как Университет Внутренней Монголии, Педагогический университет Внутренней Монголии, Университет национальностей Внутренней Монголии, Институт национальностей г. Хух-Хото и других сформированы полноценные факультеты и институты, где обучение ведется на монгольском языке с обязательным углубленным изучением литературного китайского языка.

Во-вторых, монгольский язык функционирует как учебная дисциплина для студентов, обучающихся на китайском языке, но ориентированных на работу в национальных районах. В этом случае он рассматривается как профессионально значимый инструмент, необходимый для будущей деятельности в сфере образования, государственного управления, культуры и СМИ. Такая модель особенно характерна для педагогических и управленческих программ.

В-третьих, монгольский язык является языком научных исследований и академической коммуникации в рамках региональных научных школ. В вузах Внутренней Монголии издаются научные журналы на монгольском

языке, защищаются магистерские и докторские диссертации, ведется подготовка научных кадров, специализирующихся на истории, культуре и социальном развитии монгольских народов.

Важной особенностью является институциональная поддержка монгольского языка со стороны региональных властей АРВМ. Она выражается в целевом финансировании двуязычных программ, подготовке преподавателей, разработке учебников и цифровых образовательных ресурсов на монгольском языке. Вместе с тем, в начале XXI в. усиливается тенденция к расширению роли китайского языка в высшем образовании, что приводит к постепенному сокращению доли программ с полным монгольскоязычным обучением и трансформации двуязычной модели в сторону доминирования путунхуа (普通话).

Китайский является государственным языком Китая. Наряду с китайским, монгольский используется в качестве официального языка в АРВМ. Конституция КНР и другие соответствующие законы гарантируют законные права меньшинств на использование и развитие национальных языков. С момента своего принятия в 1954 г. Конституция КНР является фундаментальной правовой основой этнического образования меньшинств в Китае. Конституция КНР установила принцип формирования, реализации и языковой и образовательной политики этнического меньшинства. Конституцию пересматривали четыре раза. Однако в Конституции всегда придерживаются руководящих принципов и цели реализации образовательной политики в отношении этнических меньшинств, которые ориентированы на равенство, единство, гармонию и общность развития всех этнических групп. Конституция, в частности Статья 4 предоставляет этническим меньшинствам право свободно использовать и развивать собственную устную и письменную речь, а также сохранить или изменить свои собственные обычаи и традиции.

Строительство монгольских школ и продвижение монгольской культуры впервые упоминается в статье 12 Программы Правительства Внутренней Монголии 1947 г. С момента образования КНР в 1949 г., центральное правительство начало реализацию программы ликвидации безграмотности, в рамках которой образование стало доступным для каждого гражданина Китая. В автономии началось строительство монгольских школ, издание книг, газет и журналов на монгольском языке.

В целом планомерное развитие этнического образования было прервано «культурной революцией». После начала «политики реформ и открытости» отмечался своеобразный ренессанс в реализации этнической политики. В начале 21 столетия руководство страны несколько сместило акценты в национальной политике – наблюдается тенденция перехода от культурного многообразия к нациестроительству. Это отразилось в том числе и в Законе «Об обязательном образовании» – в Статье 6 в редакции 1986 г. указывалось, что национальные школы могут использовать язык этнического меньшинства в качестве средства обучения, в пересмотренной версии Закона в редакции 2006 г. нет упоминаний о средстве обучения. Сокращение использования монгольского языка в образовательном процессе подтверждает предположение, что руководство страны постепенно реализует стратегию формирования единой китайской нации. Вместе с тем, следует отметить, что данная задача реализуется планомерно, без резких форсированных мероприятий. Одновременно следует отметить, что этнокультурная среда АРВМ, образовательные программы, научные разработки в сфере монгольского языка и письменности рассматриваются руководством страны как один из инструментов «мягкой силы» согласно концепции Дж. Ная-младшего. Регион Внутренняя Монголия в 21 столетии, вузы автономии становятся акторами внешней политики КНР во Внутренней Азии. Об этом подробно написано в 4 главе, поэтому в рамках этого параграфа ограничимся лишь данным тезисом.

Региональная система образования АРВМ представляет собой систему, охватывающую все уровни – от детского сада до докторантуры. Характерным положением дел в конце XX в. для выпускника основной ступени средней школы являлось продолжение образования в профессиональном училище. Небольшой процент продолжал обучение на старшей ступени средней школы и сдавал вступительные экзамены в университет. В настоящее время наблюдается обратная тенденция – лишь небольшой процент учащихся после окончания средней школы поступает в профессионально-техническое училище. Одним из факторов, объясняющих эту тенденцию, является то, что до 2000 г. выпускники профессиональных училищ были обеспечены работой, поскольку правительство осуществляло распределение выпускников. Сегодня распределения нет, поэтому выпускникам профессиональных училищ сложно сразу выйти на рынок труда, поскольку правительство прекратило выделять рабочие места выпускникам.

В последние годы руководство страны оказывает поддержку развитию частных учебных заведений. Вместе с тем, подавляющее большинство учреждений образования являются государственными. Частные школы играют незначительную роль в системе образования Внутренней Монголии. самым крупным частным вузом АРВМ является институт Хундэ (鸿德). В рамках проведения исследования нами была проведена встреча с ректором данного института, господином Чжоу Юшу (周玉树 1964 г.р.), который отмечал, важность международных связей, привлечения иностранных студентов. Вместе с тем, он отчетливо понимал, что объективно понимал, что в конкуренции за привлечение студентов их институт пока не обладает всеми инструментами для подобной работы³⁶⁰. Особый интерес ректор проявил в деле набора иностранных студентов. Примечательно, что в 2025 г. в муниципальном районе Дархан в Монголии был открыт филиал данного

³⁶⁰ Встреча и беседа с Чжоу Юшу в августе 2023 г. на базе института Хундэ / Полевые материалы автора.

института. Сам ректор озвучивал желание открыть представительство и набирать абитуриентов в Иркутске³⁶¹. Этот факт является еще одним подтверждением того, что вузы автономии являются проводниками «мягкой силы» Китая во Внутренней Азии.

Выводы по третьей главе. Подводя краткий итог, следует отметить, что этап коренной перестройки общества (1958-1976 гг.) в истории высшей школы АРВМ характеризуется процессами начальной институционализации, а затем глубокой трансформации и кризиса. В условиях «большого скачка» государственная политика была направлена на значительное расширение охвата высшим профессиональным образованием населения страны и автономии. Поскольку эти шаги не были хорошо подготовлены методически и материально-технически, это сказалось на снижении качества подготовки специалистов. Начало 1960-х гг. было отмечено тенденцией к сокращению количества высших учебных заведений. Например, в 1963 г. закрылся Педагогический институт г. Баотоу. С началом «культурной революции» изменился общий вектор образовательной политики. Во главу угла теперь ставили не профессиональную подготовку, а формирование идеологически грамотных, активных и самоотверженных кадров. Массовые кампании по перевоспитанию затронули и АРВМ. С 1966 г. практически все учебные заведения высшего образования приостановили свою деятельность. И китайские, и зарубежные исследователи (в том числе и российские) отмечают, что период культурной революции оказал деструктивное влияние на систему высшего образования. Вместе с тем система образования в целом выявила устойчивость базовых образовательных структур, горизонтальных связей, что позволило сравнительно быстро восстановить высшую школу и заложить основы для дальнейшей модернизации в рамках единой системы образования

³⁶¹ Встреча и беседа с Чжоу Юошу в августе 2023 г. на базе института Хундэ / Полевые материалы автора.

КНР после завершения культурной революции. Новый этап можно охарактеризовать как этап восстановления системы образования.

Характерной чертой образования в АРВМ является «монголо-китайская двуязычная модель образования», которая отражает специфику развития образования во Внутренней Монголии. Особое место в образовательной политике страны уделялось развитию монгольского языка. Принятие концепции «великого возрождения китайской нации» в качестве государственной программы охарактеризовало тенденцию к формированию единого этноса.

Глава 4. Высшее образование Автономного района Внутренняя Монголия в контексте построения общества малого благоденствия.

§ 4.1. Реформирование системы высшего образования в контексте реализации концепции «четырёх модернизаций».

Исторический период развития КНР с 1978 г. характеризуется изменениями во внутренней и внешней политике. После завершения острой фазы борьбы за власть в 1977 г. на пленуме ЦК КПК было принято решение о восстановлении Дэн Сяопина в партии и правительстве. В декабре 1978 г. прошел третий пленум ЦК КПК, на котором Дэн Сяопин провозгласил курс на реализацию «четырёх модернизаций»: сельского хозяйства, промышленности, обороны и научно-технической сферы. Для осуществления обозначенных планов нужно было реализовать комплекс мер в сфере образования, которая достаточно серьезно пострадала в период «культурной революции». Главной проблемой являлось снижение качества образования на всех ступенях школьного и высшего образования и закрытие ряда школ и вузов, что привело к уменьшению охвата детей и молодежи образованием. Для восстановления работы системы образования, соответствия планам модернизации руководство страны предприняло ряд мер. В-первых, был восстановлен прием абитуриентов в институты и университеты на основании вступительных экзаменов, которые были отменены. 12 октября 1977 г. Государственный совет утвердил и направил Министерству образования «Положение о приеме в высшие учебные заведения», которое вновь возвращало вступительные экзамены. Организация и проведение вступительного экзамена гарантирует определенный уровень знаний абитуриентов и позволяет планомерно повышать качество подготовки специалистов, необходимых для государства. Во-вторых, Министерство образования и Академия наук Китая 3 ноября 1977 г. издали «Уведомление о

наборе аспирантов», согласно которому возобновился прием в аспирантуру, приостановленный в период «культурной революции»³⁶².

В-третьих, началось восстановление образовательных учреждений различного типа и уровня. Это позволило увеличить охват общим образованием и расширить прием студентов на программы профессионального образования. Нововведением данного этапа можно считать начавшийся процесс интернационализации образования, когда китайские вузы начали перенимать опыт университетов Запада. Таким образом, в руководство страны в конце 1970 гг. обозначило основные сферы, которые было необходимо модернизировать – сельское хозяйство, промышленность, оборону, науку и технику. Данная политика была сопряжена с развитием системы образования, которая достаточно серьезно пострадала в предыдущее десятилетие. Именно восстановление и развитие системы образования, в первую очередь, высшего, было условием достижения поставленных целей модернизации. В XXI в. актуализировались вопросы повышения качества высшего образования, в первую очередь, на уровне бакалавриата. Правительство КНР начало реализацию комплекса мер, направленных на развитие системы подготовки квалифицированных кадров для нужд экономики. Далее рассмотрим эволюцию содержательных аспектов развития высшего образования в условиях модернизации КНР.

Исследования советских китаистов, посвященные этим событиям, представлены в серии «Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология» (Главный редактор М.И. Сладковский)³⁶³. Эта серия занимает особое место в отечественной исторической науке в целом и историографии в частности. В рамках нашего исследования принципиальное значение имеет выпуск, посвященный событиям 1978 г., в котором отражены

³⁶² 建国 66 年教育大事记 [Электронный ресурс] URL: https://www.edu.cn/edu/zhuan_ti_lan_mu/jie_ri_zhuan_ti/gqj/201509/t20150928_1322307.shtml (дата обращения 17 мая 2025).

³⁶³ Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика, идеология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1980. 367 с.

основные результаты научного анализа, проведенного на основе перевода материалов китайской прессы и статей в журналах.

Историческое значение имеет принятие новой конституции КНР в 1978 г. Особо следует отметить восстановленные присутствовавшие в первой конституции КНР (1954 г.) пункты о положении национальных меньшинств и национальной автономии, о правах граждан и статусе государственных органов. Значительно расширены по сравнению с конституцией 1975 г. разделы, регулирующие организацию самоуправления в районах национальной автономии. В ст. 4 восстановлено исключенное в 1975 г. положение первой конституции: «Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплочения национальностей... Все национальности пользуются свободой... сохранения или изменения своих нравов и обычаев». Следует также отметить, что при формировании сессией ВСНП государственного совета (правительства) был восстановлен Государственный комитет по делам национальностей. Постоянная комиссия национальностей ВСНП восстановлена не была, как, впрочем, и другие его постоянные комиссии³⁶⁴.

В новых условиях политическая дискуссия в высшем руководстве страны получила свое развитие в контексте «определения истины». Особая роль в этом принадлежит Дэн Сяопину, который стремился пересмотреть наследие маоизма в прагматическом ключе и дать ему новое звучание. Это выразилось в обосновании принципа «практика – критерий истины», который требовал от кадровых работников проявлять инициативу, деловитость, независимость от «указаний», а если последуют «новые указания», то их следует претворять в жизнь, сообразуясь с конкретной обстановкой, то есть «исходить из реальности». Фактически это была подготовка к созданию идеологической «почвы» для принятия на Третьем

³⁶⁴ Там же. С. 30.

plenуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. установки на «перенесение центра тяжести всей работы на четыре модернизации».

Формирование нового вектора идеологической работы не могло не сказаться на сфере образования. Далее представим отдельные значимые характеристики образовательной политики в контексте реализации «четырех модернизаций».

В новой Конституции КНР была декларирована «свобода научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности», говорится об осуществлении курса «пусть соперничают сто школ, пусть расцветают сто цветов». Данный курс широко пропагандируется в китайской печати. Одной из основных задач является формирование симпатий китайской интеллигенции к новому руководству. Примечательно, что, продолжая критику «банды четырех», китайская пресса определяла сферу культуры и образования как наиболее пострадавшую за последнее десятилетие. Приводились факты репрессий, жертвами которых стали виднейшие писатели, актеры, ученые; говорилось об огульных, несправедливых обвинениях, разгоне творческих коллективов, прекращении издательской деятельности и культурных контактов. Много писалось о «политике оглушения народа», приведшей к резкому снижению уровня обучения во всех звеньях системы образования.

В 1978 г. в основном определилась политика нового руководства в области образования. 1-я сессия ВСНП утвердила ряд мероприятий, которые начали проводиться в жизнь. Материалы сессии повлияли на ход всекитайского рабочего совещания по образованию (апрель-май), на характер директивных документов о работе школ и вузов. Например, была обозначена решимость «сосредоточенными силами решать главные проблемы», через подготовку высококвалифицированных специалистов через сеть «ключевых учебных заведений» (около 15-20% общего числа школ). Создаваемые на различных уровнях – от провинций до отдельных предприятий – такие

школы открывались на базе старых, хорошо оборудованных учебных заведений, ассигнования на них выделялись из госбюджета, туда направлялись наиболее опытные преподаватели, лучшее оборудование. Набор в эти школы осуществлялся по конкурсу независимо от места жительства³⁶⁵.

На всекитайском рабочем совещании по образованию были выработаны политика, курс и задачи «в новых исторических условиях», утвержден проект основы развития системы образования на 1978-1985 гг. Предполагается к 1985 г. ввести всеобщее 8-летнее обучение в деревнях и 10-летнее в городах. Внутри этого периода намечались два этапа: 3 года – нормализация положения и 5 лет – развитие образования ускоренными темпами. В новой конституции декларировалось, в частности, введение всеобщего обязательного обучения, хотя это не подкреплялось реальной гарантией бесплатности образования³⁶⁶.

30 марта 1979 г. Дэн Сяопин выступил от имени ЦК КПК на совещании по вопросам теоретической работы с докладом на тему «Придерживаться четырех базовых принципов», которые заключались в следующем: следовать по пути социализма, придерживаться диктатуры пролетариата (впоследствии эта формулировка была заменена на «народно-демократическая диктатура»), сохранять руководство коммунистической партии, придерживаться марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин указал, что эти четыре базовых принципа служат предпосылкой для «четырех модернизаций», а стержневым принципом является сохранение руководства коммунистической партии. В октябре 1987 года на XIII съезде КПК эти четыре принципа были включены в качестве важной составляющей в содержание основополагающей линии партии на первичной стадии

³⁶⁵ Там же, С. 286.

³⁶⁶ Там же, С. 287.

социализма³⁶⁷. Таким образом, он обозначил идеологические рамки, позволившие стране начать планомерный процесс реформирования и обеспечения открытости. По мнению А.В. Виноградова, «в начале 1980-х гг. стало окончательно ясно, что для продолжения преобразований нужна такая теоретическая формула, которая бы примиряла принципы марксизма и социально-экономическую практику и, таким образом, задавала новые ориентиры развития. Ссылка на цивилизационную специфику в этих обстоятельствах представлялась важнейшим аргументом в споре с классическими марксистскими построениями. Осуществление модернизации Китая было раскрыто Дэн Сяопином на XII съезде КПК с использованием новой идейно-теоретической формулы “строительство социализма с китайской спецификой”. Она давала ему такую же степень свободы в отношении марксизма, как опора на практику – в отношении наследия Мао Цзэдуна»³⁶⁸.

По мнению некоторых исследователей, идеологические изыскания и практические подходы к реализации процесса модернизации во многом являлись результатом взглядов Дэн Сяопина, сформированных еще в период его обучения в Советском Союзе. В частности, об этом пишет В.Д. Андрианов, который отмечает, что особое внимание Дэн обращал на научные работы Н.И. Бухарина, который считал, что государство не должно мешать развитию капитализма в стране, но может вводить высокие налоги на прибыль, что позволяет финансировать и реализовывать различные социальные и инфраструктурные программы развития. Многие мысли Н.И. Бухарина запомнились будущему идеологу китайских реформ поскольку «бухаринская экономическая модель социализма» подходила под китайские

³⁶⁷ Четыре базовых принципа (Реформы и открытость) [Электронный ресурс] // Ключевые слова о Китае. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/23/content_67738017.htm (дата обращения 19 мая 2025).

³⁶⁸ Виноградов А.В. Модернизация китайской цивилизации: историческая логика формирования // Инновационные модели и механизмы управления модернизационным развитием (компаративистский анализ российского и китайского опыта) / под науч. ред.: М. Ю. Захаров, А. В. Пацула; Государственный университет управления. 2-е изд. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 16-17

реалии. Для начала необходимы преобразования в сельском хозяйстве, затем развитие легкой промышленности, и только потом – тяжелая индустрия, иностранные концессии и вообще активное участие иностранного капитала в экономике страны»³⁶⁹.

Далее В.Д. Андрианов развивает свои мысли и приводит два основных аргумента, объясняющих выбор пути развития Китая. Во-первых, Дэн Сяопин учился в Москве в 1926-1927 гг., где в эти годы шла бурная дискуссия среди большевиков о выборе экономической модели развития Советского Союза. По словам китайского реформатора, «он ни до, ни после СССР никогда всерьез марксизму не учился». Во-вторых, Китай в конце 1970-х гг. не мог взять за основу как неолиберальную модель, поскольку это означало бы отход от социализма, что являлось априори невозможным, так и социал-демократическую, для которой были необходимы условия, коих в аграрной стране еще не было. По своему социально-экономическому положению Китай в 1970 г. был очень похож на СССР 1920 гг. – стагнирующая аграрная экономика, 70% населения были крестьянами, ощущался дефицит квалифицированных кадров, очень низкий уровень грамотности населения и т.д.³⁷⁰. Таким образом, процесс модернизации китайского общества был невозможен без реформ в системе образования. Основными проблемами являлись низкий охват образованием, особенно высшим, населения страны, несоответствие качества образования современным требованиям развития экономики и общества, а также слабая материально-техническая база вузов. Руководству КНР для решения обозначенных проблем нужно было внедрить разные формы образования, обновить его содержание, увеличить набор и ускорить подготовку квалифицированных специалистов. Международные связи, обмен

³⁶⁹ Андрианов В.Д. Роль Дэн Сяопина в разработке теории социализма с китайской спецификой и особенности современной модели социального рыночного хозяйства Китая // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием, Москва, 14–16 февраля 2023 года. Том Выпуск 18 Часть 1. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. С. 19.

³⁷⁰ [Там же, с. 19]

информацией, взаимодействие с ведущими странами мира позволяли китайским специалистам объективно оценивать уровень и состояние системы высшего образования КНР. Поэтому руководство страны начало планомерную реализацию образовательной политики, направленной на сокращение отставания от ведущих стран. Закономерно, что темпы повышения качества высшего образования напрямую зависели от уровня подготовки выпускников средних школ. Решение этой проблемы требовало системной работы по созданию условий для развития всех ступеней образования.

В 1978 г. возродилась очень молодая в Китае наука – педагогика. Наиболее актуальными для работников просвещения Китая оказались проблемы выявления и развития способностей с помощью индивидуального подхода, развития у учащихся логического мышления, усовершенствования методики преподавания. В Пекине вновь начал функционировать центр по изучению зарубежного опыта в педагогике. В поисках ответа на вопросы о раннем развитии способностей, специализации в средней школе и вузах Китай обратился прежде всего к опыту США, Японии, ФРГ, Франции. Отдельные шаги предпринимались в сфере высшего образования.

Все эти шаги по изменению вектора развития образования были направлены на модернизацию китайского государства и общества. Исходный посыл, заключавшийся в стремлении создать сильное государство, получили отражение в стратегии, получившей название «четыре модернизации». Государственная политика была направлена на повышение уровня конкурентоспособности в промышленности, обороне, сельском хозяйстве, науке и технике.

На всекитайском рабочем совещании по вопросам образования Дэн Сяопин из совокупности высказываний Мао сформулировал тезис: «Образование должно служить пролетарской политике, должно сочетаться с производительным трудом». И если ранее, в период «большого скачка», это

понималось как призыв к сочетанию образования с примитивными трудовыми процессами, характерными для мелкого производства, то в данном случае этот лозунг имел иное значение: «Быстрое развитие современной экономики и техники требует быстрого повышения качества и эффективности обучения, непрерывного обновления содержания и обновления методов соединения обучения с производительным трудом...». Была выдвинута задача опережающего развития народного образования: «Мы должны... не только опираться на нынешние потребности производства и строительства, но и полностью учитывать и оценивать тенденцию развития современной науки и техники»³⁷¹.

В начале августа 1977 г. Дэн Сяопин выступил с инициативой реализации программы по строительству ведущих университетов: «Необходимо взяться за строительство приоритетных университетов. Ведущие университеты – не только центр образования, но и центр научных исследований». В феврале 1978 г. Государственный совет издал указание о восстановлении и развитии ведущих университетов Китая, определил список первых ведущих университетов, получивших государственную поддержку. К концу 1979 г. в стране существовало 97 таких вузов³⁷².

Начался процесс восстановления ряда вузов, закрытых в период «культурной революции», а также открытие новых. Согласно данным, в конце 1978 г. в Китае насчитывалось 598 вузов, в которых обучалось 850 тыс. человек. Среди восстановленных Народный университет Китая, Пекинский институт политико-юридических наук. Институт политико-юридических наук Северо-Восточного Китая, Центральный институт финансов и кредита, Гиринский торгово-финансовый институт и др. Целый ряд медицинских училищ и педагогических училищ в районах нацменьшинств (с двух-

³⁷¹ Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика, идеология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1980. С. 289.

³⁷² Ли Яньхуэй. Развитие высшего образования в Китае / Яньхуэй Ли // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 17 сентября 2018 г.). – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 260.

трехлетним сроком обучения) превращены в вузы с четырехлетним сроком обучения³⁷³.

После сворачивания политики культурной революции возобновился набор в вузы. Одним из самых массовых явился набор 1977 г., в результате которого студентами стали 276 тыс. человек. Согласно правилам приема в вузы, возраст абитуриентов не должен был превышать 25 лет, исключения допускались только для особо одаренных, а также для выпускников школы 1966-1967 гг. К экзаменам не допускались учащиеся «Университетов 21 июля», сельскохозяйственных «Университетов 7 мая», учащиеся и выпускники средних технических учебных заведений и лица, направленные на работу в сельскохозяйственные районы, но не выехавшие туда. Учителя средней и начальной школы могли поступать только в педагогический вуз³⁷⁴.

Весной 1978 г. министерство образования выпустило единую «Программу для подготовки в вуз на 1978 г.». Ей придавалось особое значение, поскольку «в настоящее время в Китае учебные материалы в средней школе не унифицированы, программы отдельных районов не полны, а уровень знаний учеников различных районов не совпадает»³⁷⁵.

Вступительные экзамены 1978 г. были унифицированы в двух вариантах (для гуманитарных и технических вузов) в масштабе всей страны. Летом вузы выпустили в общей сложности 166 тыс. специалистов. Число людей, сдавших вступительные экзамены в университеты в том же году, достигло 5,7 млн, а прием составил 270 тыс., коэффициент приема оказался на уровне 4,73 %³⁷⁶. Вновь восстановлена аспирантура (при вузах, НИИ и других организациях), не функционировавшая 12 лет.

Противоречивый характер проведенных в системе китайского высшего образования мероприятий отражает и объективные трудности, и новый этап

³⁷³ Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика, идеология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1980. – с. 290.

³⁷⁴ Там же

³⁷⁵ Там же

³⁷⁶ Е. Яньхуа. Инкорпорация китайских вузов в мировое образовательное пространство: результаты и проблемы / Яньхуа Е // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 1(112). – С. 49.

фракционной борьбы. Это прослеживается, например, по отношению к учебным заведениям типа «21 июля». В апреле 1978 г. министерство образования призвало промышленные предприятия страны «активно и по-настоящему наладить работу «университетов 21 июля». Оно потребовало, чтобы университеты при промышленных предприятиях рассматривались как составная часть системы высшего образования страны, а их выпускники приравнивались к выпускникам обычных вузов. Эти учебные заведения должны готовить персонал для нужд тех отраслей и ведомств, в системе которых они функционируют. Срок обучения для занимающихся с отрывом от производства – 2-3 года, а для занимающихся с частичным отрывом от производства – более длительный. Учебная программа может быть менее насыщенной и иметь большую степень специализации по сравнению с обычными вузами; они могут использовать учебники государственных вузов или составлять учебные пособия самостоятельно. С одной стороны, в решении об «университетах 21 июля» очевидно стремление китайского руководства хотя бы в какой-то степени упорядочить подготовку специалистов в учебных заведениях этого типа и повысить ее качество. С другой стороны, эти учебные заведения, фактически выпускающие средний технический персонал, формально приравниваются к вузам. Кроме того, разрешение использовать «собственные учебники» закрепляет существующую децентрализацию образования.

По имеющимся данным, из 598 вузов 88 объявлены «ключевыми», это означает, что государство в первую очередь будет укреплять материально-техническую базу и снабжать лучшими преподавательскими кадрами именно эти учреждения. По мнению авторов исследования, «разделение вузов на различные категории фактически и юридически закрепляет разницу в уровнях высшего образования, сложившуюся еще в период «большого скачка». Китайское руководство возлагает особые надежды на отбор в вузы одаренных людей»

Таким образом, руководство страны решило пойти по пути создания элитарного высшего образования. С одной стороны, в тех условиях, в которых находилась страна, это решение достаточно просто можно объяснить – проще начать реализацию конкретных проектов, а после уже перейти к масштабным реформам. С другой стороны, когда более 80% населения проживает в сельской местности, достаточно сложно создать необходимые условия для осуществления массового набора в вузы и реализации образовательных программ. В этой ситуации китайское руководство решило привлекать научно-технические кадры из среды реэмигрантов, а также к организации массового обучения китайских студентов в капиталистических странах (называются цифры от 10 до 20 тыс. человек). Как считают советские ученые, «эти мероприятия, проводимые под лозунгом «опоры на таланты», показывают верхушечный характер курса на модернизацию, проводимого китайским руководством, которое предпочитает технократические, а не демократические методы решения проблемы образования».

Модернизация (и политическая в том числе) предполагает реформирование традиционных структур, изменение их, осовременивание. И в той мере, в какой это происходит, можно говорить о модернизации. Вместе с тем модернизация не означает тотальной ломки всего традиционного – какие-то его элементы, ценности и институты остаются, приспособляются к новым условиям и задачам. И это нормально, опять-таки особенно для такой многовековой и доказавшей свою жизнеспособность цивилизации, как китайская. Политические изменения в Китае за последние десятилетия были не столь значительны, как в экономической сфере.

По-прежнему давало себя знать отсутствие преемственности между средней школой и вузом. В 70-е годы охват молодежи средней школой скачкообразно возрос за счет резкого понижения качества обучения по сравнению с периодом до «культурной революции». Однако нормализация

деятельности вузов требовала хорошо подготовленных абитуриентов. Давление со стороны вузов не способствовало стабилизации средней школы, а, наоборот, пагубно сказалось на ее деятельности, подчиняя подготовке к конкурсным экзаменам. Школьные программы выпускных классов подменялись программами для поступления в вуз. Учеников внутри каждой школы делили на «потoki» по степени подготовленности и способностям, по примеру некоторых западных педагогических подходов. Однако это не позволило решить существовавшие проблемы, лишь примерно 4% выпускников средней школы поступали в вуз. Остро стоял вопрос трудоустройства вчерашних школьников.

Для осуществления «четырех модернизаций», как уже отмечалось, привлекались средства зарубежных китайцев. Самым большим успехом в этом плане стало создание совместно с Бао Юйганом – одним из самых крупных частных судовладельцев мира (штаб-квартира его группы находится на Бермудских островах) – компании «Интернешнл юнайтед шиппинг энд инвестмент». По контракту группа Бао Юйгана получила 55% акций³⁷⁷.

В 1981 г. в Китае насчитывалось 703 высших учебных заведения. В них обучалось 1140 тыс. человек³⁷⁸. Полный курс высшей школы в 1981 г. закончило 160 тыс. человек, а специальный (укороченный) курс – 100 тыс. человек³⁷⁹. Преподавательский состав включал 5078 профессоров, 22 541 доцента, 121386 лекторов и 37 324 ассистента³⁸⁰.

Министерство образования с начала года подтвердило свой курс «на повышение качества подготовки студентов, а не на расширение ее масштабов». Журнал «Жэньминь цзяоюй» цитировал высказывание Чэнь Юня: «В экономической работе «левые явления еще коренным образом не изжиты». Комментируя этот тезис, редакция отмечала: «Каждый раз, когда

³⁷⁷ Там же

³⁷⁸ Гуанмин жибао (光明日报). 1981. 4 нояб.

³⁷⁹ Гуанмин жибао (光明日报). 1981. 4 нояб.

³⁸⁰ Жэньминь жибао (人民日报). 1981. 26 дек.

„вылезает вперед экономика, с одной стороны, из сферы образования изымаются средства, с другой стороны, от него требуют скорейшего продвижения вперед, думая лишь о потребностях, а не о возможностях»³⁸¹

Деятели образования в печати напоминали об уроках подобной политики, особенно четко проявившейся в 1956, 1958, 1977 и 1978 гг., когда были резко увеличены наборы в вузы. Набор 1978 г. был кульминационным – 400 тыс. человек. «За всеми этими пиками следовало урегулирование: надо было сократить число принимаемых, для того чтобы обеспечить качество обучения». Отмечалось, что появление сотен новых университетов и институтов в течение нескольких лет после 1976 г. (тогда их насчитывалось менее 400) неоправданно, так как не все из них могут обеспечить вузовский уровень преподавания³⁸².

В 1981 г. по решению Госсовета в Китае было организовано 26 новых высших учебных заведений (13 педагогических, 6 политехнических, 2 медицинских и 1 физкультуры и спорта). При этом указывалось, что вновь создаваемые вузы призваны «заполнить пробелы в системе высшего образования». Особо отмечалось, что «новые заведения высшей школы могут быть созданы только там, где имеются соответствующие условия».

С 1980-х гг. обозначилась тенденция непрерывного роста численности студентов во всем мире, что привело к изменениям в организационной структуре и функциях университетов. В соответствии с мировыми тенденциями руководство КНР определило четыре основные функции высшего образования – это подготовка кадров, проведение научных исследований, предоставление социальных услуг, реализация международных обменов и сотрудничества. На начальном этапе политика в сфере высшего образования была направлена на развитие таких направлений работы как: «обеспечение качества», «приемная кампания и процедура

³⁸¹ Жэньминь цзяоюй (人民教育). 1981. № 1. С. 3.

³⁸² Гуанмин жибао (光明日报). 1981. 24 янв.

зачисления абитуриентов», «развитие университетской системы и планирование ее развития», «присуждение ученых степеней», «медицинское образование», «международный (региональный) обмен и сотрудничество», «формирование педагогического коллектива», «дисциплина и управление процессом преподавания», «материальные условия и оборудование», «взаимосвязь промышленность – университет – наука» и др.

В истории КНР следует особо отметить совещание ЦК КПК по реализации политики реформ и открытости в сфере образования, созданное в 1985 г. По итогам работы был принят документ «Постановление ЦК КПК О реформе системы образования». Принципиальное значение имело то, что в постановлении была прописана взаимная обусловленность экономического развития страны и системы образования. Основной целью реформы образования являлось развитие человеческого потенциала, подготовка большого числа квалифицированных кадров, в том числе и высшей квалификации. В документе прозвучали требования к преобразованию кадровой системы и увеличение дотаций на сферу образования [Чэнь 2010, с. 63]³⁸³. В рамках данной политики государство стало открывать новые учреждения высшего образования для нужд экономики. В целях ускоренной подготовки специалистов началась реализация 2-3-летних образовательных программ в профессионально-технических институтах для обеспечения кадрами провинций и автономных районов. К концу 1980-х гг. 39% всех студентов вузов обучались по таким программам. В период с 1978 по 1985 гг. количество студентов увеличилось почти в три раза с 645 319 чел. в 1978 г. до 1 703 115 чел. в 1985 г.³⁸⁴.

Одной из главных задач, которую должно было реализовать руководство КНР, являлась диверсификация образования, ее адаптация к меняющимся

³⁸³ Чэнь Чжаоин. Реформирование системы образования в Китае // Гуманитарный вектор, 2010, №1. С. 61-69.

³⁸⁴ 中国大学 1895-1995: 个文化冲突的世界 / (加) 许美德著; 许浩英译. - 北京: 教育科学出版社, 1999. 319 页. (Университеты Китая 1895-1995: Мир культурных противоречий. Сюй Мэйдэ, Сюй Хаоин. Пекин. Издательство Педагогическая наука, 1999. С.162.).

рыночным условиям. Китай вновь начал перенимать опыт университетской системы западных стран, в первую очередь США, Великобритании, Германии, Франции. Например, было решено использовать модель многопрофильных американских университетов вместо специализированных институтов, созданных по советскому образцу. Высокий уровень подготовки кадров, отраслевая специализация выпускников уже не отвечали запросам современного рынка, которому нужны были сотрудники широкого профиля. Начальный этап индустриализации КНР, которому соответствовала система подготовки кадров по советской модели, уже менялся на постиндустриальный, который требовал иных подходов к подготовке кадров для обеспечения потребностей экономики. Кроме того, глобальные тенденции развития науки и техники основывались на междисциплинарном подходе, который можно было реализовать в условиях многопрофильных университетов. Политика реформ и открытости предполагала интеграцию китайского высшего образования в международное пространство через реализацию конкретных инициатив: академическая мобильность студентов и преподавателей, международные измерения в преподавании и исследованиях, а также совместные образовательные программы. И если исходящая мобильность развивалась весьма активно, то количество иностранных студентов, приехавших в Китай в первое десятилетие реформ, было несравнимо меньше. Объяснялось это введением ограничений (квоты) для вузов на прием иностранных студентов. Например, в 1978 г. количество иностранных студентов составляло 300 человек, а в 1989 г. около 2500³⁸⁵.

Глобализационные процессы обозначили одну важную тенденцию – качество высшего образования стало одним из основных показателей в конкуренции между государствами. В середине 1980 гг. вопросы качества были определены в качестве фундаментальной проблемы высшего

³⁸⁵ Cai Yuzhuo. Chinese higher education reforms and tendencies: Implications for Norwegian higher education in cooperating with China [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/233426307_Chinese_higher_education_reforms_and_tendencies_Implications_for_Norwegian_higher_education_in_cooperating_with_China (дата обращения 30 мая 2025).

образования в США, Великобритании и Франции. В рамках реализации образовательной политики многие страны стали создавать агентства по обеспечению качества высшего образования, организовывать процедуру оценки качества, аудита и аккредитации образовательных программ вузов. Международные организации, в первую очередь, ЮНЕСКО, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Европейский союз включили вопрос качества высшего образования в повестку дня. В 1999 г. 29 европейских стран подписали знаменитую Болонскую декларацию, которая дала старт созданию общеевропейского образовательного пространства. Эти тенденции не могли не повлиять на развитие высшего образования в КНР. В эти же годы в Китае началась реализация политики масштабного расширения и популяризации высшего образования. Стремительное увеличение количества вузов и студентов ожидаемо привело к дисбалансу и проявлению негативных тенденций. Одной из проблем являлось недостаточное финансирование, которое оказывало непосредственное влияние на качество подготовки кадров. Возникла диспропорция соотношения преподаватель – студенты, которая также сказывалась на процессе обучения. Еще одним явлением стала несбалансированная структура дисциплин (основных направлений), которая ориентировалась на оперативные запросы рынка. Более серьезной оказалась проблема трудоустройства выпускников. Работодатели все чаще выражали недовольство качеством подготовки студентов, что усилило сомнения в эффективности выбранного подхода к развитию системы высшего образования. Как отмечает Су Юнцзянь, «процесс широкомасштабного и непрерывного расширения высшего образования в Китае имеет вполне очевидные показатели – «сжатие времени» и «сжатие затрат», но многие высшие учебные заведения не смогли адаптироваться к запросам со стороны заинтересованных сторон. Конфликт между этой запоздалой реакцией и многочисленными требованиями к

качеству в конечном итоге спровоцировал кризис качества в высшем образовании Китая»³⁸⁶.

Для адаптации к потребностям экономического строительства и социального развития высшие учебные заведения Автономного района Внутренняя Монголия провели оптимизацию структуры специальностей, введя такие направления, как финансы, экономика, политология и менеджмент. Если в 1978 г. в вузах региона насчитывалось 66 специальностей, то к 1986 г. их число достигло 94, а к 1996 г. увеличилось до 201³⁸⁷.

Наиболее ярким примером стало Училище монгольского языка и литературы (内蒙古蒙文专科学校). Несмотря на то, что преподавание в нем велось на монгольском языке и письменности, училище стабильно открывало новые направления и непрерывно оптимизировало структуру специальностей. Из первоначальных направлений «журналистика» и «перевод» система обучения развилась в комплексную структуру со множеством дисциплин и факультетов, включая иностранные языки и менеджмент. В училище сформировался взаимосвязанный комплекс специальностей, куда вошли китайско-монгольский, англо-монгольский и русско-монгольский перевод, государственное и муниципальное управление, секретарское и архивное дело, коммерческая торговля, деловое администрирование, юриспруденция, туризм и бухгалтерский учет. Количество учебных дисциплин превысило 100 наименований³⁸⁸. Таким образом была заложена основа системы образования с региональной и национальной спецификой, заполнены пробелы в ряде дисциплин национального высшего образования Внутренней Монголии, а также ускорился процесс подготовки кадров из числа национальных меньшинств.

³⁸⁶ 苏永建.中国高等教育质量保障运行机制及变革研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2020. 326 页.

³⁸⁷ 内蒙古: 高等教育从无到有 [Внутренняя Монголия: высшее образование от нуля к развитию] // 中国广播网 (CNR). 27.04.2007. URL: cnr.cn

³⁸⁸ 呼和浩特民族学院官方网站 (Официальный сайт Хух-хотского национального института) // <https://www.imnc.edu.cn/>

Университеты Внутренней Монголии не только подготовили большое количество квалифицированных специалистов для социалистического строительства, но и внесли значительный вклад и добились плодотворных результатов в научных исследованиях. Во-первых, в различных университетах был создан ряд научно-исследовательских учреждений. К 1990-м гг. насчитывалось 85 самостоятельно созданных научно-исследовательских учреждений, в том числе 28 научно-исследовательских институтов естественных наук, 35 научно-исследовательских лабораторий и 22 научно-исследовательских учреждения философии и социальных наук³⁸⁹. Среди них были такие научно-исследовательские учреждения, как Институт исследований монгольского языка, Институт исследований монгольской истории, Институт исследований монгольской литературы, Институт исследований монгольской культуры, Институт исследований современной истории Внутренней Монголии, Институт исследований природных ресурсов, Центр биоинженерных исследований, Институт водного хозяйства, Научно-исследовательский и учебный центр технологий переработки молочной продукции, созданные на базе университета Внутренней Монголии, Педагогического университета Внутренней Монголии, Технологического университета Внутренней Монголии и Сельскохозяйственного университета Внутренней Монголии. Во-вторых, в регионе сформировался сбалансированный кадровый потенциал, объединивший штатных и внештатных исследователей опытного, среднего и молодого поколений. В частности, заявила о себе плеяда выдающихся ученых (Бушуургун (旭日干)) и специалистов из числа национальных меньшинств, получивших признание как на региональном, так и на национальном уровне. Их междисциплинарные проекты принесли значительные результаты: например, исследования в области получения «овец из пробирки» вывели местную

³⁸⁹ 内蒙古：高等教育从无到有 [Внутренняя Монголия: высшее образование от нуля к развитию] // 中国广播网 (CNR). 27.04.2007. URL: cnr.cn (дата обращения: 11.06.2026).

науку на передовые позиции в стране и мире. Ли Сихэ (李喜和), Чжан Цзе (张杰), У Лиминь (武利民), Ли Бо (李博) и Чаогэцзинь (朝戈金) являются выдающимися учеными университетов Внутренней Монголии, получившие всеобщее признание за свои научные достижения.

Укрепление послевузовского образования и подготовка высококвалифицированных специалистов выступает одной из главных задач всех высших учебных заведений Автономного региона Внутренняя Монголия. Это направление зародилось в 1950-х и 1960-х гг., начав активно расширяться после возобновления приема в аспирантуру в 1978 г. и внедрения системы ученых степеней в 1981 г. К 1990-м гг. Комитет по присуждению академических степеней Государственного совета КНР (国务院学位委员会) утвердил два учреждения для присуждения докторских степеней – Университет Внутренней Монголии (内蒙古大学) и Сельскохозяйственный университет Внутренней Монголии (内蒙古农业大学) – по 7 докторским программам, включая направления «Языки и литература национальных меньшинств», «Прикладная математика», «Теоретическая физика, «История этнических групп» и «Экология». В этот же период восемь учреждений региона получили право присуждать магистерские степени по 86 программам: 21 программа была открыта в Университете Внутренней Монголии (内蒙古大学), 19 – в Сельскохозяйственном университете Внутренней Монголии (内蒙古农业大学), 18 – в Педагогическом университете Внутренней Монголии (内蒙古师范大学), 17 – в Медицинском колледже Внутренней Монголии (内蒙古医学院), 6 – в Технологическом университете Внутренней Монголии (内蒙古工业大学), 4 – в Баотоуском металлургическом колледже (包头钢铁学院) и 1 – в Медицинском колледже Баотоу (包头医学院).

Спустя три десятилетия созданная в конце XX в. разветвленная сеть академических программ продемонстрировала свою высокую эффективность в обеспечении кадровой стабильности региона. Масштабы подготовки и востребованность выпускников на современном этапе наглядно иллюстрируют экономическую зрелость образовательной системы автономии. Остановимся подробнее на специфике трудоустройства выпускников университетов Внутренней Монголии.

По состоянию на 31 августа 2020 г. общее число выпускников обычных высших учебных заведений Автономного района Внутренняя Монголия в 2020 году составило 134 380 человек, что на 4,92 % больше по сравнению с прошлым годом. Первоначальный уровень трудоустройства составил 68,11%. Среди трудоустроенных выпускников более 72,97 % остались работать внутри региона. 10,29% уехали в регион Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй (Пекин — 6,70 %, Хэбэй — 1,93 %, Тяньцзинь — 1,66 %) ³⁹⁰.

Отраслью с наибольшим числом занятых выпускников стала сфера образования (11,53 %), за ней следуют оптовая и розничная торговля (11,14 %) и обрабатывающая промышленность (10,23 %). Что касается качества трудоустройства, уровень удовлетворенности выпускников своей текущей работой составил 76,12 %, а соответствие работы специальности — 68,74% ³⁹¹.

Основным направлением является трудоустройство по соглашению (договору). Выпускники, оформившие занятость через подписание соглашения, составляют 44,80 %. Выпускники, решившие продолжить обучение (магистратура/бакалавриат после колледжа), составляют 12,21 %. ³⁹²

³⁹⁰ 内蒙古自治区人力资源和社会保障厅 [Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения Автономного района Внутренняя Монголия]: 官方网站 [официальный сайт]. – URL: nmg.gov.cn

³⁹¹ Там же

³⁹² 内蒙古自治区普通高校2020年毕业生就业质量年度报告 [Ежегодный доклад о качестве занятости выпускников обычных высших учебных заведений Автономного района Внутренняя Монголия за 2020 год] // 内蒙古自治区教育厅 [Департамент образования АР Внутренняя Монголия]. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_11402473

Среди выпускников колледжей (специалитет) доля продолживших обучение относительно высока (14,03 %), что связано с государственной политикой расширения набора на программы бакалавриата для выпускников средних специальных учебных заведений³⁹³.

Пространственный анализ состава выпускников свидетельствует о высокой степени локализации образовательного спроса: абсолютное большинство обучающихся составляют местные жители (рожденные и проживающие на территории Автономного района Внутренняя Монголия), численность которых достигла 120 892 человек (89,96 % от общего массива)³⁹⁴.

Концентрация мест происхождения студентов внутри региона имеет ярко выраженную географическую специфику. Ключевыми донорами человеческих ресурсов для региональной системы высшего образования выступают три муниципальных образования, суммарно обеспечивающие более 42% локального студенческого контингента:

1. Городской округ Чифэн – 17,56 %;
2. Городской округ Уланчаб – 12,78 %;
3. Городской округ Хух-Хото – 11,80 %.

Доля внешних (межпровинциальных) студентов составила 10,04 %³⁹⁵. Вектор внешней образовательной миграции формируется преимущественно за счет прилегающих территорий – ключевыми регионами исхода стали провинции Шаньси, Хэбэй и Шаньдун.

В контексте последующей интеграции в экономику пространственный фактор оказывает детерминирующее влияние на успешность поиска работы. Выпускники из числа локальных резидентов демонстрируют превосходящие параметры интеграции – уровень трудоустройства составил 68,70 %, в то

³⁹³ Там же

³⁹⁴ 内蒙古自治区人力资源和社会保障厅 [Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения Автономного района Внутренняя Монголия]: 官方网站 [официальный сайт]. – URL: nmg.gov.cn

³⁹⁵ Там же

время как среди иногородних специалистов данный индикатор зафиксирован на уровне 62,88%, что указывает на наличие определенных барьеров для адаптации внешних кадров³⁹⁶.

Большинство выпускников трудоустроились внутри Автономного района Внутренняя Монголия – 72,97 %. По уровням образования: магистры/доктора – 66,35 %, бакалавры – 64,41 %, специалисты – 79,19 %. За пределами региона популярными стали Пекин, Шаньдун, Хэбэй и Тяньцзинь (суммарно 12,26 %) ³⁹⁷. Эти сведения подтверждает Фань Ни, окончившая Университет Внутренней Монголии в 2020 г. Благодаря ярмарке вакансий от регионального Департамента образования, в августе того же года она устроилась учителем в среднюю школу».

Фань Ни: «И зарплата, и льготы, предлагаемые школой, и предоставленная платформа для развития – я думаю, все это идеально соответствует моим ожиданиям при выборе карьеры. В долгосрочной перспективе, я считаю, перспективы развития в нашем районе очень многообещающие, что делает его очень подходящим местом для проживания недавних выпускников, таких как мы»³⁹⁸.

Стоит отметить, что Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения Автономного района Внутренняя Монголия всячески пытается помочь с трудоустройством выпускников. Так, ведомство реализует программу «Предпринимательство 10 000 выпускников вузов», направленную на эффективное увеличение доли студентов, начинающих собственный бизнес, и повышение показателей их успешности .

Внутренняя Монголия продолжает совершенствовать меры поддержки молодежных стартапов, включая предоставление грантов, субсидий на социальное обеспечение и наград для выдающихся предпринимателей.

³⁹⁶ 内蒙古自治区人力资源和社会保障厅 [Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения Автономного района Внутренняя Монголия]: 官方网站 [официальный сайт]. – URL: nmg.gov.cn

³⁹⁷ Там же

³⁹⁸ Интервью с Фань Ни (1997 г. р.) // Полевые материалы автора

Регион также содействует созданию профильных бизнес-парков, развитию студенческих альянсов, клубов, инновационных фабрик и формированию пула наставников. Кроме того, запланированы специальные мероприятия: форумы по инновациям, презентации проектов и рекламные акции.

Во Внутренней Монголии увеличили максимальную сумму льготных целевых кредитов для выпускников вузов, открывающих свое дело, до 500 000 юаней. Власти также поддерживают создание онлайн-бизнеса через платформы электронной коммерции. Предпринимателям, которые успешно запустили и расширили свое дело, а доля повторно нанятых сотрудников у них превысила 30% от общего штата, может быть предоставлено дополнительное финансирование, превышающее первоначальный лимит³⁹⁹.

В настоящее время регион предоставляет выпускникам комплексные услуги: от консультаций по правовым вопросам, оценки рисков и разработки проектов до руководства по запуску, финансирования и последующего сопровождения. Это позволяет молодым людям с деловым потенциалом беспрепятственно открывать и развивать свой бизнес.

Таким образом, реформирование системы высшего образования в контексте реализации концепции «четырёх модернизаций» стало главным фактором качественного преодоления кризиса после «культурной революции» и легло в основу построения общества малого благоденствия в Автономном регионе Внутренняя Монголия. Политическая воля руководства КНР, выразившаяся в возвращении вступительных экзаменов, возобновлении набора в аспирантуру в 1978 г. и внедрении системы ученых степеней в 1981 г., позволила трансформировать высшую школу региона в передовую научно-образовательную базу. К 1990-м гг. в рамках этой стратегии Университет Внутренней Монголии (内蒙古大学) и Сельскохозяйственный

³⁹⁹ 内蒙古多地出台创业担保贷新政 个人最高可贷 50 万元 [В ряде регионов Внутренней Монголии введена новая политика в отношении гарантийных кредитов на предпринимательскую деятельность, максимальный размер индивидуального кредита составляет 500 000 юаней] // 新华网 [Информационное агентство Синьхуа]. URL: <http://news.cn>

университет Внутренней Монголии (内蒙古农业大学) открыли первые 7 докторских программ, а 8 региональных высших учебных заведения расширили подготовку до 86 магистерских программ. Оптимизация структуры специальностей (рост с 66 до 201 к 1996 г.), сформировали сбалансированный кадровый потенциал. Именно комплексный переход к многопрофильным вузам и междисциплинарным исследованиям обеспечил региону научные прорывы мирового уровня и прославил плеяду выдающихся ученых из университетов Внутренней Монголии.

Долгосрочная эффективность данной стратегии наглядно прослеживается и в современных показателях востребованности молодых специалистов. Высокая доля выпускников, остающихся в регионе, подтверждает, что модернизированная система высшей школы Внутренней Монголии успешно выполняет свою главную задачу – обеспечение локальной экономики квалифицированными кадрами.

§ 4.2. Развитие системы высшего образования во Внутренней Монголии в условиях реализации проектов «211», «985» и инициативы «двойной первый класс».

Если в 1980-1990-х гг. главные усилия вузов Автономного района Внутренней Монголии были направлены на преодоление последствий «культурной революции» и развитие национальной специфики, то на следующем историческом этапе приоритеты сместились в сторону глобального соперничества. Данный переход совпал с общемировыми процессами, ведь конец XX – начало XXI вв. характеризуются усилением взаимодействия между странами на глобальном уровне, в том числе в гуманитарной сфере.

Реализация государственных программ развития высшего образования в Китайской Народной Республике – проектов «211», «985» и последующей инициативы «Двойной первый класс» стала стратегическим фактором трансформации системы высшего образования в масштабах всей страны, включая Автономный район Внутренняя Монголия.

Проекты «211» и «985» – это два проекта, запущенные центральным правительством КНР в 1995 и 1998 гг. соответственно. Проект «211» был направлен на укрепление свыше 100 высших учебных заведений в качестве национального приоритета XXI в. Отсюда и символическое название проекта – 100 лучших вузов в 21 в. – 211. Проект включал 112 университетов, которые были определены по результатам общенационального отбора. Эти вузы получали право на дополнительное финансирование в рамках своих программ, направленных на удовлетворение потребностей региона и страны в кадрах⁴⁰⁰. Следующий проект – «985», запущенный в мае 1998 г. был направлен на создание университетов мирового уровня, обладающих высоким потенциалом в научно-исследовательской и образовательной

⁴⁰⁰ PROJECT 211 // 中国教育和科研计算机网网络中心 (Китайский центр образовательной и исследовательской сети) / URL: https://www.edu.cn/211_1415/20060323/t20060323_3972.shtml

деятельности, имеющим высокий международный престиж и глобальную конкурентоспособность. Первоначально было определено 9 элитных университетов, несколько позже их количество расширилось до 39⁴⁰¹. Ведущие университеты, включенные в проект «211», также получили право быть в новом проекте «985», поэтому отдельные вузы стали участниками двух программ.

Проекты «211» и «985» представляли собой директивные планы центрального правительства Китая по развитию и укреплению системы высшего образования через масштабные инвестиции в ведущие университеты. К 2016 г. проекты «211» и «985» были поэтапно свернуты и объединены в общую Национальную стратегию по созданию университетов и дисциплин мирового класса, получившим название «Двойной первый класс»⁴⁰². В рамках инициативы «Двойной первый класс» высшие учебные заведения региона разработали планы своего развития и повышения эффективности в своих дисциплинах⁴⁰³. Руководство вузов приняло конкретные меры по развитию предметных областей, повышению квалификации персонала, формированию преподавательских и исследовательских коллективов и укреплению своих научно-образовательных позиций.

В этом контексте ключевым субъектом регионального развития высшего образования является Университет Внутренней Монголии (内蒙古大学) – единственный вуз Внутренней Монголии, включенный в национальную программу «Двойной первый класс» при сохранении статуса университета «211».

⁴⁰¹ 985 工程"学校名单 - 中华人民共和国教育部政府门户网站". www.moe.gov.cn.

⁴⁰² Синь Фанкунь. Реализация в КНР проекта «Первоклассные университеты и специальности международного уровня»: роль местных органов власти // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 4. С. 75–86.

⁴⁰³ «第二轮'双一流'建设高校及建设学科名单 Второй раунд двойного списка первоклассных строительных университетов и строительных дисциплин». Министерство образования Китайской Народной Республики.

Значимые количественные показатели эффективности Университета Внутренней Монголии отражают масштаб его образовательного и исследовательского влияния: общее число студентов составляет 28 749 человек, включая более 15 893 студентов бакалавриата, около 1 000 аспирантов и почти 800 иностранных студентов. Часть студенческого контингента (30-35%) представляет этнические меньшинства (монголы, дауры, эвенки и другие), что подчеркивает влияние университета на укрепление многокультурной образовательной среды в регионе⁴⁰⁴.

Преподавательский состав Университета Внутренней Монголии насчитывает приблизительно 2 137 сотрудников. Преподавательский состав имеет высокий процент преподавателей с докторскими степенями (86,1% штатных преподавателей имеют докторскую степень, 361 из них занимают должности профессоров, а 511 – доцентов)⁴⁰⁵.

Показатели исследовательской активности также демонстрируют влияние государственных программ на результаты деятельности Университета Внутренней Монголии: за последние годы университет опубликовал более 16 000 научных работ, на которые приходится более 176 000 цитирований, что отражает растущее влияние регионального университета в национальной и международной исследовательской сети⁴⁰⁶.

Включение Университета Внутренней Монголии в проекты «211» и «Двойной первый класс» сопровождалось значительным расширением его учебных программ, материально-технической базы и исследовательских платформ, что укрепило его роль не только как образовательного центра Внутренней Монголии, но и как учреждения, способного взаимодействовать с исследовательскими институтами в других регионах и странах. Ниже подробно рассмотрена специфика реализации каждого из этих проектов.

⁴⁰⁴ Официальный сайт Университета Внутренней Монголии. электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.imu.edu.cn/ndgk/ndjj.htm>.

⁴⁰⁵ Официальный сайт Университета Внутренней Монголии. электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.imu.edu.cn/ndgk/ndjj.htm>.

⁴⁰⁶ Inner Mongolia University: Rankings, Fees & Courses // EduRank.org. URL: edurank.org

Реализация проекта «211» (工程 211) стала важным шагом в интеграции университетов национальных автономных районов Китая в национальную стратегию модернизации высшего образования. Этот проект, инициированный китайским правительством в середине 1990-х гг., был направлен на создание группы ключевых университетов, способных готовить высококвалифицированных специалистов и развивать научные исследования, необходимые для социально-экономического развития страны в XXI в. В условиях регионального неравенства, проект «211» имел особое значение для периферийных и этнических регионов, включая Автономный район Внутренняя Монголия.

В системе высшего образования Внутренней Монголии единственным вузом, включенным в проект «211», стал Университет Внутренней Монголии, расположенный в административном центре региона – Хух-Хото. Его включение в проект «211» имело стратегическое значение, поскольку обеспечило региону прямой доступ к целевому государственному финансированию, направленному на развитие научной инфраструктуры, модернизацию объектов и создание научно-исследовательских школ национального и общекитайского уровня.

Благодаря проекту «211» Университет Внутренней Монголии смог расширить свою подготовку в приоритетных областях, включая фундаментальные науки, экологические исследования, биотехнологии и гуманитарные науки, связанные с изучением истории, культуры и языков этнических меньшинств. Особое внимание было уделено развитию монголоведения и смежных областей знаний, что соответствовало целям сохранения этнокультурного наследия и одновременной интеграции региона в общекитайское образовательное пространство.

В сфере издательской деятельности университет также продемонстрировал значительный вклад в научные знания: с момента реализации проекта «211» он принял участие в более чем 5000

исследовательских проектах. В 2011 г. сотрудники университета опубликовали 476 статей, включенных в международные базы данных SCI, EI, CPCI-S и CSSCI, а также 92 научные монографии, что свидетельствует о расширении их исследовательского присутствия в мировом научном сообществе⁴⁰⁷.

В образовательной сфере участие в проекте «211» способствовало укреплению кадрового потенциала: повышению качества подготовки докторантов и магистрантов, привлечению высококвалифицированных преподавателей и модернизации лабораторного оборудования. Эти количественные изменения в научно-образовательной деятельности позволяют Университету Внутренней Монголии считаться не только ведущим университетом Внутренней Монголии, но и важным региональным центром высшего образования и исследований в рамках национальной стратегии развития. Участие Университета Внутренней Монголии в проекте «211» способствовало институциональному укреплению ведущего регионального университета и созданию центра высшего образования и исследований во Внутренней Монголии. Несмотря на ограниченное количество университетов в регионе, охваченных этой программой, проект «211» сыграл значительную роль в сокращении разрыва между центральными и периферийными регионами Китая и заложил основу для включения университета в последующие инициативы, включая программу «Двойной первый класс».

Проект «985» (工程), официально запущенный в 1998 г. по инициативе центрального правительства Китая, ознаменовал собой следующий этап дифференциации системы высшего образования Китая после проекта «211». Его целью было создание избранной группы университетов мирового класса, способных конкурировать с ведущими западными научно-

⁴⁰⁷ 内蒙古大学 [Официальный сайт Университета Внутренней Монголии]. — 呼和浩特 [Хух-Хото], 2012. — URL: imu.edu.cn

исследовательскими и образовательными центрами. В отличие от проекта «211», который был относительно масштабным, проект «985» первоначально охватывал узкий круг университетов и предусматривал значительно более высокий уровень государственного финансирования.

В количественном отношении масштабы проекта «985» были значительно ограничены: он включал 39 университетов, что составляет менее 5% от общего числа высших учебных заведений Китая. Финансирование для участников проекта «985» значительно превышало финансирование университетов Проекта 211: по данным китайских исследователей, объем целевых субсидий одному университету проекта «985» в 2000-х гг. мог превышать 1-2 миллиарда юаней, в то время как большинство университетов проекта «211» получали значительно меньше⁴⁰⁸. Это позволило участвующим университетам активно развивать исследовательскую инфраструктуру, создавать национальные лаборатории и привлекать ведущих ученых. Характерной чертой Автономного района Внутренняя Монголия стало полное отсутствие университетов, включенных в проект «985». Даже ведущий региональный университет, Университет Внутренней Монголии, который был частью проекта «211», не был отобран для участия в элитной группе университетов. Это отражает структурное неравенство в региональном развитии высшего образования в Китае, где подавляющее большинство университетов программы «985» сосредоточено в восточных и центральных провинциях страны (Пекин, Шанхай, Цзянсу и Хубэй).

Отсутствие университетов, участвующих в проекте «985», во Внутренней Монголии имело определенные последствия. С одной стороны, регион был ограничен в доступе к обширным финансовым и кадровым ресурсам, что препятствовало повышению качества образования, развитию инфраструктуры, стимулирования научно-исследовательских и опытно-

⁴⁰⁸ Zha, Q. Is there an emerging Chinese model of the university? // Higher Education Policy. – 2009. – Vol. 22, No. 3. – Pp. 306

конструкторских разработок. С другой стороны, это усилило значимость проекта «211» как максимально достижимого уровня государственной поддержки региональных университетов в автономном регионе и предопределило будущую направленность университетов Внутренней Монголии на участие в последующих инициативах, прежде всего в программе «Двойной первый класс».

Ход и этапы реализации проектов «211» и «985» продемонстрировали выраженную территориальную и институциональную асимметрию. В то время как проект «211» был направлен на создание широкой сети ведущих университетов по всей стране, включая национальные автономные регионы, проект «985» был более избирательным, концентрируя ресурсы в ограниченном числе ведущих исследовательских центров, расположенных в основном в экономически развитых и политически значимых регионах Китая.

Анализ участия университетов этих национальных автономных регионов в данных программах выявляет устойчивую закономерность: каждому региону, как правило, присваивался статус отдельного университета программы «211», который служил региональным академическим и кадровым центром. Таким образом, во Внутренней Монголии это был Университет Внутренней Монголии, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – Синьцзянский университет, в Гуанси-Чжуанском автономном районе – Университет Гуанси, в Нинся-Хуэйском автономном районе – Университет Нинся, а в Тибетском автономном районе – Тибетский университет. Такая конфигурация отражала стремление центрального правительства обеспечить базовый уровень научно-образовательного развития в этнически периферийных регионах, не перераспределяя ключевые ресурсы элитного сегмента высшего образования в их сторону.

Примечательно, что ни один университет из автономных районов не был включен в программу «985». Это обстоятельство демонстрирует сохранение структурного неравенства в системе высшего образования Китая,

где элитные исследовательские университеты сосредоточены в крупнейших городах восточного и центрального Китая. В национальных регионах высшее образование в основном выполняло прикладные, кадровые и интеграционные функции, ориентированные на подготовку специалистов для региональной экономики, государственного управления и культуры.

На этом фоне Университет Внутренней Монголии занимает типичное, но относительно стабильное положение среди университетов национальных автономных регионов. В отличие от Тибетского и Нинся-Хуэйского автономных регионов, где университеты в значительной степени зависят от прямых субсидий из центрального бюджета, Университет Внутренней Монголии отличается более диверсифицированной структурой финансирования и более тесной интеграцией в общекитайское научно-образовательное пространство. Его участие в проекте «211» способствовало развитию научных школ в области степной экологии, биологии, этнологии и монголоведения, что соответствует стратегическим целям регионального развития.

Отсутствие статуса Университета Внутренней Монголии в рамках проекта «985» не означало, что он был исключен из модернизации высшего образования. После запуска программы «Двойной первый класс» в 2017 г. произошел частичный пересмотр подходов: ряд университетов, включая Университет Внутренней Монголии, получили поддержку на уровне отдельных «первоклассных дисциплин». Однако даже в рамках новой модели сохраняется иерархический характер распределения ресурсов, и национальные регионы по-прежнему не рассматриваются как платформы для развития университетов мирового класса. Ниже рассмотрен опыт реализации программы «Двойной первый класс» в университете Внутренней Монголии.

Запуск государственной программы «Двойной первый класс» (双一流建设) в 2017 г. ознаменовал переход Китая от иерархической модели

поддержки отдельных университетов (проекты «211» и «985») к более гибкой системе развития ведущих дисциплин и исследовательских областей, в том числе в региональных и национальных автономных регионах. В отличие от предыдущих инициатив, новая программа охватывала не только институциональное, но и дисциплинарное лидерство, расширяя возможности для университетов периферийных регионов по интеграции в национальную образовательную стратегию.

В Автономном регионе Внутренняя Монголия Университет Внутренней Монголии, ранее включенный в проект «211», стал ключевым участником программы «Двойной первый класс». В ходе первого этапа отбора (2017 г.) университет был включен в программу по дисциплинарной модели «Двойной первый класс» то есть как университет с одной или несколькими приоритетными дисциплинами, а не как всеобъемлющий университет мирового класса. В рамках программы на региональном уровне Правительство автономии включило монгольский язык в перечень «первоклассных дисциплин» для выделения повышенного финансирования.

С точки зрения количественного участия, участие Университета Внутренней Монголии в программе «Двойной первый класс» сопровождалось увеличением государственного и регионального финансирования исследований и подготовки кадров. Согласно отчетам университета, с начала реализации программы наблюдается устойчивый рост числа аспирантов и докторантов в области гуманитарных и социальных наук, а также расширение исследовательских центров, занимающихся изучением этнокультурного наследия Внутренней Монголии ⁴⁰⁹. Одновременно увеличился объем грантов Национального фонда социальных и естественных наук Китая, полученных сотрудниками университета, что свидетельствует о растущей конкурентоспособности исследовательских групп.

⁴⁰⁹ Официальный сайт Университета Внутренней Монголии. электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.imu.edu.cn/yw/Research.htm>. Дата обращения: 08.01.2026 г.

За годы реализации проекта Университет Внутренней Монголии значительно расширил свою научно-образовательную деятельность. На исследовательском уровне университет активно участвует в национальных и региональных грантовых программах⁴¹⁰.

Отличительной чертой программы «Двойной первый класс» во Внутренней Монголии стало сочетание академической модернизации и этнокультурного воспроизводства. В отличие от университетов восточных провинций, которые в основном сосредоточились на технологических и научных прорывах, Университет Внутренней Монголии использовал свой статус «Двойного первого класса» для институционального укрепления дисциплин, связанных с языками и культурами этнических меньшинств. Это отразилось в развитии двуязычного образования (китайский и монгольский языки), расширении подготовки преподавательского состава для национальных школ и укреплении роли университета как регионального центра гуманитарной экспертизы.

Включение монгольского языка и ряда дисциплин монголоведения в программу «Двойной первый класс» ознаменовало принципиально новый этап в развитии гуманитарного и этнокультурного образования в Автономном районе Внутренняя Монголия. В отличие от предыдущих государственных инициатив (проекты 211 и 985), которые были сосредоточены в основном на институциональном развитии университетов и технологических областей, программа «двойного класса» впервые предоставила возможность признать национальные языковые дисциплины приоритетными на национальном уровне.

В Университете Внутренней Монголии монгольский язык рассматривается не как вспомогательная гуманитарная специальность, а как стратегически важная дисциплина, обеспечивающая сохранение, развитие и

⁴¹⁰ Официальный сайт Университета Внутренней Монголии. электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.imu.edu.cn/yw/Research.htm>. Дата обращения: 08.01.2026 г.

научное понимание языкового и культурного наследия монгольского народа. Это подчеркивает особый подход китайской образовательной политики к национальным автономным районам, который сочетает поддержку этнокультурных областей с целями академической конкурентоспособности. Количественные изменения, сопровождавшие присвоение статуса «двойной первоклассности», в первую очередь отразились на расширении кадрового и образовательного потенциала. В период с 2017 г. по начало 2020-х гг. в Университете Внутренней Монголии наблюдался устойчивый рост академического спроса на образовательные программы в области монгольского языка и литературы. Общее число зачисленных студентов (включая бакалавриат, магистратуру и докторантуру) возросло на 18%, что сопровождалось расширением контингента молодых исследователей, специализирующихся на комплексных лингвистических и филологических проектах⁴¹¹. Параллельно усилилось привлечение грантов Национального фонда общественных наук Китая, направленных на изучение монгольского языка, письменных памятников и социалингвистических процессов в приграничных регионах.

В институциональном плане статус «Двойной первый класс» способствовал развитию двуязычной модели высшего образования, в которой монгольский язык используется не только как предмет изучения, но и как язык обучения и научной коммуникации. Это особенно важно для подготовки преподавателей, переводчиков, исследователей и специалистов по культурной политике, работающих в этнических регионах. Таким образом, монгольский язык в рамках программы «Двойной первоклассности» выполняет двойную функцию: с одной стороны, он включен в систему оценки академического превосходства, а с другой – служит инструментом для воспроизведения этнокультурной идентичности.

⁴¹¹ 蒙古大学蒙古学学院概况 [Общие сведения о кафедре монгольского языка Университета Внутренней Монголии] // 内蒙古大学 [Официальный сайт Университета Внутренней Монголии]. – URL: <https://mgx.imu.edu.cn>

В более широком контексте признание монгольского языка дисциплиной, заслуживающей «Двойного первого класса», отражает трансформацию подходов Китая к гуманитарным и национальным наукам. Для Внутренней Монголии это означает институционализацию роли языка как ключевого элемента устойчивого развития региона, а также интеграцию этнокультурных приоритетов в национальную стратегию развития высшего образования мирового уровня.

Таким образом, участие университетов Внутренней Монголии в программе «Двойной первый класс» носит точечный и дисциплинарно ориентированный характер, отражая общую логику государственной политики КНР в отношении национальных автономий. Программа не устранила структурное неравенство в доступе к ресурсам по сравнению с бывшими вузами Проекта 985, однако обеспечила Университету Внутренней Монголии устойчивое развитие и позволила интегрировать этнокультурные приоритеты региона в рамки общенациональной стратегии построения первоклассного высшего образования.

В контексте национальной программы «двойной первый класс», направленной на повышение качества ведущих дисциплин в китайских университетах, биологические науки, включая репродуктивную биологию млекопитающих и биотехнологию, стали приоритетными для Университета Внутренней Монголии. Эта дисциплина была приоритетной в стратегии развития университета и укреплении научного потенциала, что позволило ему сосредоточить ресурсы на создании высококачественной исследовательской базы и расширении прикладных исследований, включая клонирование животных и технологии генетического улучшения.

Центральным элементом этой научной инфраструктуры является Научно-исследовательский центр лабораторных животных Университета Внутренней Монголии, который функционирует как ключевая лаборатория

репродуктивной биологии млекопитающих и биотехнологии под эгидой Министерства образования Китайской Народной Республики.

Реализация инициативы «двойной первоклассности» стала важным этапом институционализации и ресурсного усиления исследований в области репродуктивной биологии и клонирования животных в Университет Внутренней Монголии. Включение университета в число опорных региональных вузов позволило сконцентрировать научно-исследовательский потенциал на приоритетных для автономного района направлениях, прежде всего в сфере сельскохозяйственных и биотехнологических наук, тесно связанных со спецификой степного животноводства Внутренней Монголии.

Исследования по клонированию животных в университете развиваются не как автономная экспериментальная область, а как составная часть комплекса современных репродуктивных технологий, включающих соматический перенос ядра, эмбриональные манипуляции, криоконсервацию и формирование банков генетических ресурсов. В рамках инициативы «двойной первый класс» исследования получили устойчивую финансовую и организационную поддержку, что выразилось в модернизации лабораторной базы, расширении доступа к национальным грантовым программам и интеграции университетских научных подразделений в общекитайскую систему ключевых лабораторий.

Особое значение клонирование животных имеет для решения прикладных задач регионального развития. В условиях Внутренней Монголии данные технологии используются прежде всего для воспроизводства племенного крупного рогатого скота и овец с хозяйственно ценными признаками, повышения устойчивости животных к экстремальным климатическим условиям, а также для сохранения редких и локальных пород. Тем самым клонирование рассматривается не как самоцель, а как инструмент модернизации традиционного животноводства и укрепления продовольственной безопасности северных районов КНР. Проекты по

клонированию животных подробно представлены в таблице 5 «Научно-исследовательские проекты университетов Внутренней Монголии в области репродуктивных биотехнологий животных» в приложении.

Важным элементом реализации инициативы «двойной первый класс» стало сочетание научных исследований с подготовкой высококвалифицированных кадров. На базе Университета Внутренней Монголии развиваются магистерские и докторские программы по биотехнологии, зоотехнии и ветеринарии, в рамках которых аспиранты и молодые исследователи вовлекаются в проекты по репродуктивной биологии и клонированию животных. В настоящее время Университет Внутренней Монголии предлагает 13 программ докторантуры первого уровня, 26 программ магистратуры первого уровня, 15 программ магистратуры профессионального уровня и 9 постдокторских исследовательских станций⁴¹². Это способствует формированию устойчивого научного сообщества и закреплению кадров в регионе.

Таким образом, клонирование животных в Университете Внутренней Монголии в условиях реализации программы «двойной первый класс» представляет собой пример целенаправленной интеграции высоких биотехнологий в региональную модель развития высшего образования и науки. Данный опыт демонстрирует, что программа не только ориентирована на формирование университетов мирового уровня, но и выступает инструментом адаптации научных приоритетов к социально-экономическим и природно-географическим особенностям отдельных регионов Китая.

Программа «Двойной первый класс», запущенная в Китае в 2017 г., ознаменовала собой принципиально новый этап в государственной политике в сфере высшего образования, сместив акцент с поддержки университетов как институтов (проекты «211» и «985») на развитие отдельных дисциплин

⁴¹² Официальный сайт Университета Внутренней Монголии. электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.imu.edu.cn/yw/Research.htm>. Дата обращения: 06.02.2026 г.

мирового уровня. В национальных автономных регионах, включая Внутреннюю Монголию, реализация этой программы приобрела отчетливую региональную специфику, обусловленную этнокультурными, социально-экономическими и геополитическими факторами.

Уникальность программы «Двойной первый класс» во Внутренней Монголии проявляется, во-первых, в сочетании фундаментальных наук с этнокультурными дисциплинами. Наряду с биологией, экологией и химией, стратегическое значение приобрели области, связанные с монгольским языком, историей и культурой народов степного пояса. В этом контексте монгольский язык рассматривается не только как объект гуманитарных знаний, но и как инструмент государственной политики по сохранению культурного разнообразия и социальной стабильности в национальном автономном регионе. Включение лингвистических и филологических дисциплин в рамки программы «Двойной первый класс» отражает адаптацию национальной модели к региональным условиям.

Во-вторых, региональная особенность программы «Двойной первый класс» заключается в практико-ориентированной направленности научных исследований, отвечающей социально-экономическим потребностям Внутренней Монголии. Биотехнология, экология степных экосистем, животноводство.

Проведенный анализ власти государственной политики КНР в сфере высшего образования на цикле проектов ««211»», «985» и программы «двойной первоклассности» позволяет сделать вывод о поэтапной трансформации директивы дифференциации университетской системы Китая – от институциональной поддержки широкого круга вузов к селективному и дисциплинарно ориентированному развитию научно-образовательной способности.

Проект ««211»» сыграл ключевую роль в формировании опорных региональных университетов, включая Университет Внутренней Монголии,

обеспечив модернизацию инфраструктуры, обеспечение подготовки кадров и развитие базовых научных исследований. Для Внутренней Монголии участие Университета Внутренней Монголии в проекте «211» стало наивысшим уровнем институциональной государственной поддержки, доступным региону в условиях отсутствия вузов, включённых в элитный Проект 985. Это отразило структурное неравенство территориального распределения образовательных ресурсов в КНР, при котором ведущие университеты концентрируются преимущественно в восточных и центральных провинциях страны.

В целом опыт Внутренней Монголии показывает, что инициатива «двойной первоклассности» не устранила полностью структурные диспропорции, унаследованные от проектов эпохи «211» и «985», однако создала более гибкую и адаптивную модель развития высшего образования в национальных автономиях. Она сохранится в региональном образовательном университете, встроившись в общенациональную образовательную динамику, опираясь не только на технологические приоритеты, но и на собственные культурные и социальные ресурсы. В этом плане Внутренняя Монголия представляет собой показательный пример экономического этнокультурного фактора в современной системе государственного управления высшим образованием в КНР.

§ 4.3. Развитие высшего образования АРВМ как особое направление образовательной политики Китая во Внутренней Азии

Образовательная политика Китайской Народной Республики во Внутренней Азии является важным элементом ее комплексной стратегии социально-экономического, этнополитического и внешнеполитического развития приграничных регионов. В отличие от центральных и прибрежных регионов Китая, государство рассматривает Внутреннюю Монголию не только как регион модернизации, но и как пространство для трансграничного взаимодействия с Монголией и российскими регионами Сибири и Дальнего Востока. В этом контексте система образования служит инструментом для развития устойчивых гуманитарных, научных и кадровых связей.

Образовательная политика КНР, направленная на привлечение иностранных студентов, получила свое интенсивное развитие в начале 1980-х гг.

Согласно статистике, опубликованной в 2019 г., 492 185 иностранных студентов из 196 стран обучалось в высших учебных заведениях КНР⁴¹³. В Китае насчитывается 1004 высших учебных заведения во всех административно-территориальных единицах, включая автономные районы.

Число иностранных студентов из более чем 196 стран в китайских высших учебных заведениях увеличилось со 110 844 в 2004 г. до 492 185 в 2019 г. (см. диаграмму 3). Наибольшее количество иностранных учащихся представлено выходцами из Азии. Помимо граждан таких азиатских стран и регионов, как Республика Корея, Таиланд, Пакистан, Индия, Индонезия, Лаос, Монголия и Япония, в вузах КНР обучается большое число студентов из США и России (см. диаграмму 4).

Начиная с 2001 г. после принятия «Десятого пятилетнего плана развития национального образования» (《全国教育事业第十个五年计划》)

⁴¹³2018 Study in China Statistical Report [Статистический отчет об обучении иностранных студентов в Китае за 2018 год] // Ministry of Education of the People's Republic of China (中华人民共和国教育部): официальный сайт. – 2019. – URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html

правительство страны интенсифицировало прием на обучение иностранных граждан в вузы КНР по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры. Позже были поочередно приняты «План действий по активизации образования на 2003-2007 гг.» (2003-2007 年教育振兴行动计划, 2004), План «Учись в Китае» (留学中国计划, 2010), которые существенно повлияли на рост привлекательности получения китайского образования иностранцами.

Высшее образование играет важную роль в формировании устойчивых гуманитарных связей во Внутренней и Северо-Восточной Азии. Университеты Внутренней Монголии выполняют две основные функции: они готовят национальные кадры для автономного района и страны, а также служат институциональной базой для международного образовательного сотрудничества. Например, Институт международного образования при Университете Внутренней Монголии с момента начала приема иностранных студентов в Китае в 1980-х гг. подготовил более 4000 иностранных студентов из более чем 60 стран и регионов⁴¹⁴. Была создана и совершенствовалась система управления образованием для иностранных студентов. В настоящее время имеется достаточно широкий спектр форм и уровней обучения для иностранных студентов. В том числе это языковые стажировки, обменные программы, обучение по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры. В настоящее время в Институте обучается более 500 студентов из более чем 20 стран, в том числе граждане Монголии, РФ, Испании, Финляндии, Японии, Республики Корея, Кыргызстана, Узбекистана, Пакистана, Индии, Лаоса, Таиланда, Индонезии, Того, Нигерии и Бенина⁴¹⁵.

⁴¹⁴ 学院简介 [Общие сведения об Институте международного образования] // 内蒙古大学国际教育学院 [Институт международного образования Университета Внутренней Монголии] : официальный сайт. — URL: <https://iec.imu.edu.cn/ndjj.jsp>

⁴¹⁵ 学院简介 [Общие сведения об Институте международного образования] // 内蒙古大学国际教育学院 [Институт международного образования Университета Внутренней Монголии] : официальный сайт. — URL: <https://iec.imu.edu.cn/ndjj.jsp>

В масштабах всего автономного района ключевыми партнерами в этой сфере остаются приграничные государства. В частности, к началу 2017 г. во Внутренней Монголии обучалось 3666 иностранных студентов, из них из Монголии – 2703 студента (73,7%) и 274 – из России (7,4%)⁴¹⁶.

Образовательная политика Китая в отношении Монголии носит системный и долгосрочный характер. По данным Министерства образования КНР, Китай является ключевым направлением для монгольской академической мобильности: в 2018-2019 гг. более 10 100 монгольских студентов обучалось в стране, что составляет значительную долю международных образовательных потоков из Монголии (74%)⁴¹⁷. Китай также предоставляет различные стипендии монгольским студентам, с 2012 г. более 2500 монголов получили финансирование для обучения в китайских университетах, где большую долю занимают вузы Автономного района Внутренняя Монголия⁴¹⁸. Расширение двуязычных образовательных программ и подготовка специалистов в области гуманитарных и естественно-научных направлений способствует развитию профессионально и культурно ориентированной рабочей силы для взаимодействия с Китаем.

Сотрудничество с российскими регионами развивается преимущественно через межуниверситетское взаимодействие и академические обмены. Например, отдельные высшие учебные заведения во Внутренней Монголии выстраивают долгосрочные отношения с более чем 30 университетами России, привлекая студентов из приграничных регионов. Однако число российских студентов, участвующих в таких программах,

⁴¹⁶ 带-路”沿线国家推进教育合作 [Страны вдоль «Одного пояса, одного пути» продвигают сотрудничество в сфере образования] // 新华丝路 [Шёлковый путь Синьхуа] : официальный информационный портал Агентства Синьхуа. – 2017. – 28 сентября. – URL: <https://www.imsilkroad.com/news/p/53448.html>

⁴¹⁷ Статистический отчет об иностранных студентах в Китае за 2018 год // Министерство образования Китайской Народной Республики : официальный сайт. – 2019. – URL: moe.gov.cn

⁴¹⁸ Scholarship Program of the People's Government of the Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC for Mongolian Students // Ministry of Education and Science of Mongolia. – Ulaanbaatar, 2020. – URL: <https://scholarship.esis.edu.mn>

остается относительно скромным. Некоторые вузы в силу разных обстоятельств принимают на обучение не более 10 студентов в год.

Образовательная политика Китая во Внутренней Азии выступает как проявление «мягкой силы», дополняя экономическое и инфраструктурное сотрудничество. Посредством образовательных и научных каналов Китай создает устойчивые трансграничные сети, способствует распространению китайских академических стандартов и укрепляет свое присутствие в гуманитарном пространстве региона. В этом контексте Внутренняя Монголия вовсе не является периферией, а ключевым элементом образовательной стратегии Китая, направленной на укрепление позиций в Монголии и приграничных регионах Российской Федерации.

Автономный район Внутренняя Монголия занимает ключевое место в пространственной стратегии Китая, выступая одновременно образовательным центром и транзитным коридором на пересечении Китая, Монголии и российских сибирских и дальневосточных регионов. Такое сочетание функций определяется расположением региона, его этнокультурными особенностями и участием в ключевых государственных инициативах по социально-экономическому и инфраструктурному развитию.

В сфере образования Внутренняя Монголия является региональным центром подготовки кадров, ориентированным как на внутренние потребности Китая, так и на международное сотрудничество. Университеты АРВМ (Университет Внутренней Монголии, Педагогический университет Внутренней Монголии, Сельскохозяйственный университет Внутренней Монголии и другие) интегрированы в национальные программы модернизации высшего образования. Особое значение имеет поддержка двуязычного и этнокультурного образования, включающая подготовку специалистов по монгольскому языку, истории, педагогике, что укрепляет «мягкую силу» Китая в монгольских и евразийских делах.

Как транзитный узел, Внутренняя Монголия играет ключевую роль в сухопутной транспортной сети Северо-Восточной и Северной Азии. Через Автономный район Внутренняя Монголия проходят важные железнодорожные и автомобильные коридоры, связывающие центральный Китай с Монголией и Россией (Хух-Хото – Эрлянь – Улан-Батор; Маньчжурия – Забайкальск и др.). Эти маршруты используются для транспортировки сырья, энергетических ресурсов и промышленных товаров. Кроме того, они формируют особое трансграничное гуманитарное пространство, способствующее интеграции. Включение региона в инициативу «Один пояс, один путь» повышает его значение как центра образовательной, научной, транспортно-логистической инфраструктуры.

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» университеты Автономного района Внутренняя Монголия выступают в качестве институциональных посредников между экономическими и инфраструктурными проектами и гуманитарной составляющей внешней политики Китая. В отличие от прибрежных регионов Китая, где университеты в основном ориентированы на глобальные рынки и морские маршруты, вузы Внутренней Монголии, в первую очередь, интегрированы в северный сухопутный маршрут инициативы «Один пояс, один путь», связывающих Монголию и Российскую Федерацию. Это определяет их функциональную специализацию и приоритеты развития.

Университет Внутренней Монголии играет ключевую роль в реализации данной инициативы, являясь ведущим академическим центром региона и участником национальных программ по модернизации высшего образования. Через свои исследовательские центры, программы региональных и международных исследований, а также научные лаборатории, университет оказывает аналитическую и кадровую поддержку китайско-монгольско-российскому экономическому коридору. Его деятельность сосредоточена на подготовке специалистов, способных работать в условиях трансграничного

взаимодействия, а также на выполнении экспертных оценок, необходимых для реализации проектов в степных и приграничных регионах.

Педагогический университет Внутренней Монголии интегрирован в реализацию стратегической инициативы «Один пояс, один путь» преимущественно через гуманитарное и образовательное измерения. Программы вуза по подготовке и повышению квалификации преподавателей китайского и монгольского языков способствуют формированию устойчивой языковой и культурной инфраструктуры на трансграничном пространстве. За счет расширения образовательных обменов и академической мобильности данное учебное заведение выступает важным ресурсом для гуманитарных проектов, эффективно укрепляя межкультурную коммуникацию.

Университет национальностей Внутренней Монголии играет особую роль в этнокультурной поддержке инициативы, уделяя особое внимание исследованиям монгольской культуры, искусства, истории и традиционной экономики. Через свои центры монголоведения и этнологических исследований университет участвует в развитии общего гуманитарного пространства во Внутренней Азии, что обеспечивает устойчивость и социально-культурные основания инициативы «Один пояс, один путь» в приграничных регионах.

В ведущих вузах АРВМ функционируют специализированные научные центры. Например, в Университете Внутренней Монголии действуют Центр изучения Монголии и Центр русского языка и культуры.

Центр изучения Монголии при Университете Внутренней Монголии является платформой для исследований монгольского языка, литературы, истории и культуры как в Китае, так и за рубежом. Основные направления деятельности Центра включают фундаментальные и прикладные исследования в области монголоведения, подготовку аспирантов и докторантов, публикацию научных работ и работу с архивными данными, проекты по цифровизации. Центр активно участвует в международных

проектах, создавая условия для академического обмена и сотрудничества с исследователями из разных стран. Кроме того, он предоставляет аналитические и консультационные услуги правительственным и общественным организациям, способствуя внедрению академических знаний в практическую плоскость развития региона. Центр тесно сотрудничает с другими структурными подразделениями университета, в том числе Институт монгольского языка и литературы и Институт монгольской истории, обеспечивая комплексный подход к изучению монгольской цивилизации.

Центр был создан в рамках государственной политики поддержки этнокультурного образования и развития региональных исследований в автономных регионах, что делает его стратегически важным не только для АРВМ, но и для реализации образовательной и научной политики Китая во Внутренней Азии. Особое значение это обретает в плане повышения общественного запроса на изучение классической монгольской письменности в Монголии и регионах России. Классическая монгольская письменность (в российском востоковедении устоялся термин старописьменный монгольский язык) являлась универсальным средством коммуникации разных монгольских племен с периода Монгольской империи и вплоть до середины XX в. Социально-политические процессы в Цинской Империи привели к революции во Внешней Монголии и образованию теократического государства. Впоследствии тесная связь с СССР позволила отстаивать независимость и создать Монгольскую Народную Республику. Переход на социалистическую модель общественного развития, сильное влияние Советского Союза не могли не сказаться на развитии гуманитарной сферы Монголии. В 1941 г. страна перешла на кириллический алфавит, который используется и в настоящее время.

Расширение гуманитарного сотрудничества во Внутренней Азии между Российской Федерацией, Монголией и Китайской Народной Республикой

позволило классической монгольской письменности обрести новое значение в межгосударственных отношениях. Социально-экономическое развитие АРВМ имеет значение с точки зрения приграничного положения Внутренней Монголии и демонстрации ее темпов и качества развития в контексте межгосударственных отношений. Монгольская письменность избежала реформирования и использовалась во Внутренней Монголии в отличие от Бурят-Монгольской АССР и МНР, которые поэтапно перешли на латиницу и кириллицу. Согласно историческим данным, «монголы Внутренней Монголии в лице Народного комитета АРВМ высказались за продолжение использования старописьменного монгольского языка». Резонными являлись доводы в пользу необходимости сохранения и развития богатого культурного наследия, созданного на монгольской письменности, а также широкий характер распространения среди населения автономии. Имелись и политические причины, связанные с опасениями тесного сближения монгольских народов. Монгольская письменность получила поддержку со стороны китайского правительства и получила статус государственного языка в рамках АРВМ.

Центр русского языка и культуры создан в 2016 г. в рамках факультета иностранных языков. Центр является ключевым элементом университетской программы по преподаванию русского языка и популяризации русской культуры, выполняя задачи этнокультурного и языкового образования в автономном районе. Создание центра отражает стратегию Китая по развитию международного академического обмена и укреплению межкультурных связей, в том числе и со странами СНГ.

Основные направления деятельности Центра включают обучение студентов русскому языку и литературе, организацию культурных мероприятий (фестивалей, лекций и тематических клубов), а также поддержку академической мобильности и международного сотрудничества с российскими университетами и научно-исследовательскими организациями.

Центр активно участвует в организации стажировок, обмене преподавателями и вовлечении студентов в совместные научно-культурные проекты, способствуя интеграции языковой подготовки с практическим погружением в русскую культуру. Центр русского языка и культуры не только выполняет образовательную и исследовательскую функции, но и играет важную роль в культурной дипломатии, способствуя укреплению академических и культурных связей между Китаем и Россией. Деятельность Центра дополняет академическую экосистему Университета Внутренней Монголии, объединяя преподавание, культурную практику и международное сотрудничество в области русского языка и культуры.

Наряду с гуманитарными университетами, в реализации инициативы участвуют сельскохозяйственные и технические университеты Внутренней Монголии, обеспечивая подготовку специалистов для инфраструктурных, логистических и агроэкологических проектов. Их участие отражает практический характер инициативы «Пояса и пути» и подчеркивает важность высшего образования как инструмента долгосрочного развития человеческих ресурсов для трансграничного сотрудничества. Характеристика межвузовского сотрудничества между учреждениями высшего образования АРВМ КНР и Монголии представлена в таблице 6 «Сотрудничество высших учебных заведений Монголии и Внутренней Монголии».

В целом, университеты Внутренней Монголии выступают в качестве образовательного, научного и гуманитарного центра, связывая Китай с соседними странами. Благодаря учреждениям высшего образования инициатива приобретает не только инфраструктурное, но и социальное и гуманитарное измерение, позволяя рассматривать университеты региона как важный элемент в реализации стратегии «Один пояс, один путь» в северном направлении.

Сочетание образовательных и транзитных функций создает многоуровневую модель регионального развития: с одной стороны,

Внутренняя Монголия накапливает человеческий капитал и научные компетенции, адаптированные к специфике приграничной среды; с другой – обеспечивает институциональные и инфраструктурные условия для трансграничного взаимодействия. В результате регион выступает в качестве активного посредника в академических, культурных и экономических связях между Китаем, Монголией и Россией.

Китайско-монгольское сотрудничество в сфере высшего образования в XXI в. характеризуется стабильной институционализацией и опорой на приграничные регионы, при этом ключевую роль играет Автономный район Внутренняя Монголия КНР. Для граждан Монголии университеты этого региона служат не только географически доступными образовательными центрами, но и специализированными платформами для подготовки специалистов, ориентированными на монгольский язык, культуру и социально-экономические реалии Внутренней Азии. Образовательные программы для монгольских студентов реализуются в рамках межправительственных соглашений, государственных и региональных стипендиальных программ, а также прямых соглашений между китайскими и монгольскими университетами.

Значительный вклад вносит соглашение между Министерством образования и науки Монголии и правительством Автономного района Внутренняя Монголия, предусматривающее выделение целевых мест для граждан Монголии на обучение в университетах региона. С 2020 г. в рамках соглашения гражданам Монголии ежегодно будет предоставлено 200 мест для обучения по программам бакалавриата, 40 – по программам магистратуры и 20 – по программам докторантуры⁴¹⁹. Данный механизм отличается от общих китайских программ для иностранных студентов тем, что

⁴¹⁹ Засгийн газрын тэтгэлэгт хөтөлбөр (БНХАУ) // Боловсролын яам (Министерство образования Монголии): официальный портал. 2020. URL: <https://moe.gov.mn>

он ориентирован на двустороннее образовательное сотрудничество и развитие долгосрочных гуманитарных связей между Китаем и Монголией.

Ключевыми институциональными участниками китайско-монгольских образовательных программ являются Университет Внутренней Монголии, Педагогический университет Внутренней Монголии, Университет национальностей Внутренней Монголии, Сельскохозяйственный университет Внутренней Монголии, Университет науки и техники Внутренней Монголии (г. Баотоу). Эти университеты предлагают широкий спектр программ по подготовке специалистов в области педагогики, филологии, региональных исследований, географии, экономики, туризма, медицины, сельского хозяйства, экологии и инженерии. Отличительной особенностью образовательного процесса является то, что профессорско-преподавательский состав вузов, особенно структур, занимающихся академическими обменов и языковой подготовкой преимущественно представлен этническими монголами. Поэтому у студентов из Монголии не возникает проблем с коммуникацией на этапе адаптации к учебе в новом университете. К тому же немаловажное значение имеет вопрос научного руководства и написания магистерской или докторской диссертации.

Важным элементом образовательной политики Китая в отношении иностранных студентов, включая граждан Монголии, является система государственных стипендий, предоставляемых для обучения в университетах Китайской Народной Республики, в том числе в Автономном районе Внутренняя Монголия. Эти механизмы реализуются как на уровне центрального Правительства КНР, так и в рамках отдельных межправительственных соглашений между странами, направленных на расширение академических обменов и укрепление гуманитарных связей.

Наиболее крупной и институционализированной формой поддержки является Китайская государственная стипендия под эгидой Китайского стипендиального совета (国家留学基金委). В рамках двустороннего

образовательного сотрудничества между правительствами Монголии и Китая ежегодно выделяется определенная квота для монгольских студентов. Большим шагом стало подписание в 2013 г. между Монголией и Китаем документа, определяющего ключевые направления сотрудничества в среднесрочной и долгосрочной перспективе⁴²⁰. Образованный в 2014 г. Китайско-монгольский фонд культурного образования и социального развития учредил стипендиальную программу «Ведущая звезда» (Тэргүүлэгч од), предоставляющую финансовую поддержку студентам университетов Монголии. Так в период с 2014 по 2018 гг. предоставил 284 стипендии монгольским студентам⁴²¹.

Региональные стипендии, учрежденные правительством Автономного района Внутренняя Монголия, дополняют национальные инициативы, хотя их количество варьируется из года в год в зависимости от межрегиональных соглашений и бюджетных ресурсов. Такие региональные программы часто направлены на подготовку специалистов в соответствующих областях (монгольская филология, педагогика, агрономия и охрана окружающей среды), востребованных как в Монголии, так и в приграничных с Китаем регионах.

Отличительной чертой китайской стипендиальной политики является не только увеличение количества квот для иностранных студентов, но и расширение спектра финансовых льгот, включающих полное покрытие стоимости обучения, проживания и ежемесячные выплаты, размер которых варьируется в зависимости от уровня обучения. Динамика показателей свидетельствует о ежегодном расширении масштабов сотрудничества: от десятков получателей в предыдущие годы до сотен студентов, направляемых

⁴²⁰ 中蒙战略合作中长期发展纲要 [Среднесрочная и долгосрочная программа стратегического сотрудничества между Китаем и Монголией] // 中华人民共和国商务部 [Министерство коммерции КНР] : 官方网站. – 2013. – URL: mofcom.gov.cn

⁴²¹ 中蒙文化教育暨社会发展基金会举行“领航之星”奖学金颁奖仪式 [Китайско-монгольский фонд культурного, образовательного и социального развития провел церемонию вручения стипендий «Ведущая звезда»] // 中华人民共和国驻蒙古国大使馆 [Посольство КНР в Монголии] : 官方网站. 2018. URL: china-embassy.gov.cn

на обучение в Китай по государственной программе. Эта тенденция отражает растущее влияние китайской системы образования в Северо-Восточной Азии и растущий интерес монгольской молодежи к академическим возможностям университетов Внутренней Монголии.

Для Монголии китайские образовательные программы становятся альтернативой традиционному акценту на России и западных странах. Более того, образование монгольских студентов во Внутренней Монголии способствует развитию трудовых ресурсов, хорошо интегрированных в китайскую экономическую и культурную среду, укрепляя влияние Китая в гуманитарной сфере.

Сотрудничество между университетами Внутренней Монголии и российскими регионами начало развиваться в конце XX в. на фоне общего культурного и образовательного обмена между Китаем, Монголией и Россией. В 1980-1990-е гг. контакты носили эпизодический характер: это были отдельные научные визиты преподавателей, участие в конференциях, обмен научной литературой и краткосрочные стажировки студентов в приграничных регионах Бурятии, Алтая и Забайкалья.

С начала 2000-х гг. китайско-российское сотрудничество в сфере образования получило развитие. По состоянию на декабрь 2017 г. более 150 российских университетов установили партнерские отношения с более чем 600 китайскими вузами, подписав свыше 900 соглашений. В восьми различных областях были созданы российско-китайские университетские альянсы высокого уровня. На тот момент в КНР обучалось около 17 000 студентов из России, в то время как в РФ насчитывалось порядка 25 000 учащихся из Китая. Российских студентов принимали более 250 китайских высших учебных заведений, расположенных в 21 провинции, 5 автономных районах и 4 городах центрального подчинения⁴²².

⁴²² Итоги 18-го заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству: развитие академической мобильности и межвузовских альянсов // Посольство Российской Федерации в Китайской Народной Республике: официальный сайт. Пекин, 2017. URL: mid.ru

В Автономном районе Внутренняя Монголия 22 университета приняли 4553 иностранных студента, включая 329 граждан Российской Федерации. Вузы Внутренней Монголии установили стабильные партнерские отношения с российскими университетами и научно-исследовательскими учреждениями. В 2017 г. в общей сложности 238 человек из АРВМ получили государственные гранты для обучения за рубежом, при этом 57 из них были направлены в Россию. К этому времени 18 специальностей в вузах АРВМ получили лицензии Министерства образования КНР на реализацию совместных китайско-зарубежных образовательных программ. Среди них – 7 программ бакалавриата и 11 программ среднего профессионального образования. При активной поддержке правительств двух стран Китай и Россия продолжают планомерно расширять двусторонние академические обмены⁴²³.

В начале XXI в. высшие учебные заведения Сибири и Дальнего Востока активизировали сотрудничество с университетами Внутренней Монголии, что стало частью широкой тенденции к интернационализации образовательных систем в приграничных регионах России и Китая. Причинами такого развития событий стали ускоренное расширение сферы высшего образования во Внутренней Монголии, повышение качества и конкурентоспособности китайских университетов, а также заинтересованность региональных властей в укреплении образовательных, научных и культурных связей с соседними территориями России. Основными китайскими партнерами российских университетов были Педагогический университет Внутренней Монголии, Университет Внутренней Монголии, Институт Хулунбуир и другие специализированные учреждения, которые

⁴²³ 内蒙古自治区教育厅：内蒙古教育对外开放及教育交流合作情况 [Департамент образования Автономного района Внутренняя Монголия: Ситуация в сфере открытости образования, образовательного обмена и сотрудничества Внутренней Монголии] // 内蒙古自治区人民政府 [Народное правительство Автономного района Внутренняя Монголия]: 官方网站. – 呼和浩特, 2018. – URL: nmg.gov.cn.

сформировали платформы для трансграничной академической и научной мобильности.

Сотрудничество было комплексным и многоуровневым. Оно включало академическую мобильность студентов и преподавателей, совместное обучение магистрантов и аспирантов, проведение научных конференций и международных симпозиумов, участие в культурных и образовательных обменах, а также разработку совместных исследовательских проектов. Особое внимание было уделено изучению русского языка в китайских университетах, а также китайского языка и культуры в российских вузах. Так, на базе Педагогического университета Внутренней Монголии были организованы подготовительные и языковые курсы для российских студентов, которые позволили им пройти годовые курсы и магистратуру в китайских университетах. Данные о сотрудничестве университетов Восточной Сибири и Внутренней Монголии представлены в таблице 7.

Сфера сотрудничества постепенно расширялась. К середине 2010-х гг. более 80 студентов Педагогического университета обучались в Красноярском государственном педагогическом университете, а российские студенты заканчивали подготовительные программы и магистратуру в университетах Внутренней Монголии⁴²⁴. Помимо гуманитарных наук, развивались научные, технические и экономические проекты: совместные исследования в области агрономии, горного дела, информационных технологий и экологии стали основой для долгосрочных партнерских отношений между университетами. Например, институт Хулунбуир сотрудничал с Иркутским национальным исследовательским техническим университетом по проектам в области электронных информационных технологий, а Красноярский государственный аграрный университет совместно с Сельскохозяйственным

⁴²⁴ Международное сотрудничество: связи КГПУ им. В. П. Астафьева с вузами КНР // Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева: официальный сайт. – Красноярск, 2016. URL: kspu.ru

университетом разработали программы обмена и практики в области сельского хозяйства.

Особую роль в укреплении культурных связей сыграли институты Конфуция, открытые совместно с университетами Внутренней Монголии в регионах России. Эти центры способствовали развитию языковых компетенций, культурному обмену, организации лекций, мастер-классов и совместных научных мероприятий. В 2019 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между Красноярским государственным педагогическим университетом и Педагогическим университетом Внутренней Монголии о создании при партнерстве Института Конфуция в Красноярске.

Ключевым результатом этого взаимодействия стало создание устойчивой сети межвузовских контактов, включающей не только обмен студентами и преподавателями, но и совместные исследовательские лаборатории, публикации в международных журналах и участие в грантовых программах. Российские университеты, такие как Сибирский федеральный университет, Бурятский государственный университет, Забайкальский государственный университет, Иркутский государственный университет и Тувинский государственный университет, систематически расширяют сотрудничество с университетами Внутренней Монголии, что позволило укрепить научный потенциал региона, повысить квалификацию персонала и расширить доступ к образовательным ресурсам соседней страны.

Систематическое сотрудничество между Бурятским государственным университетом (БГУ) и высшими учебными заведениями Автономного района Внутренняя Монголия зародилось в начале 2000-х гг., став одной из наиболее устойчивых областей межуниверситетского взаимодействия между Восточной Сибирью и северными регионами Китая. Ключевым партнером БГУ с китайской стороны был Педагогический университет Внутренней Монголии.

Первое межуниверситетское соглашение между БГУ и Педагогическим университетом было подписано в октябре 2003 г. В 2006 г. сотрудничество значительно активизировалось: в июне 2006 г. делегация БГУ посетила университет, а 21 ноября 2006 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между университетами, определяющий приоритетные направления сотрудничества: академические обмены, подготовка научных кадров и совместные научно-исследовательские мероприятия (таблица 7).

В период 2007-2008 гг. партнерство перешло на устойчивую основу. В мае 2007 г. делегация из Педагогического университета посетила БГУ и приняла участие в международном симпозиуме «Особенности развития детей и молодежи монгольских народов». В апреле 2008 г. делегация БГУ во главе с ректором посетила Педагогический университет и подписала Меморандум о взаимопонимании, направленный на расширение академической мобильности и научного сотрудничества. В том же году два представителя БГУ были приняты в докторантуру по стипендиальной программе правительства Китая, а в 2009 г. пять выпускников БГУ были приняты в магистратуру Педагогического университета.

С начала 2010-х гг. сотрудничество характеризуется регулярным обменом студентами и преподавателями. В 2010 г. четыре преподавателя китайского языка из БГУ приняли участие в двухгодичной стипендиальной программе по международному преподаванию китайского языка в Институте Конфуция Педагогического университета. Начиная с 2012 г. студенты филологического факультета БГУ, по специальности «Русский язык как иностранный», ежегодно направлялись на стажировку в Педагогический университет Внутренней Монголии. С 2010-х гг. БГУ ежегодно получал квоты на обучение своих выпускников в магистратуре и докторантуре по различным гуманитарным специальностям.

Помимо Педагогического университета Внутренней Монголии, БГУ также развивал сотрудничество с другими университетами региона. В 2005 г.

БГУ открыл представительство в Хулунбуирском институте (г. Хайлар), что способствовало расширению образовательных и организационных связей. В 2007 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между БГУ и Университетом Внутренней Монголии, а ректор китайского вуза был удостоен звания почетного доктора Бурятского государственного университета. Весной 2008 г. делегация БГУ совершила официальный визит в Университет Внутренней Монголии.

Участие БГУ в трехстороннем российско-китайско-монгольском сотрудничестве стало важной областью взаимодействия. В 2005 г. БГУ совместно с Педагогическим университетом и Университетом Монголии провел международную конференцию на тему «Характеристики психологического развития монгольских подростков». С 2006 по 2009 гг. был реализован международный исследовательский проект «Характеристики физиологического и психологического развития детей и молодежи монголоязычных народов в многоэтническом пространстве», охватывающий Россию, Китай и Монголию. В сентябре 2015 г. в Педагогическом университете Внутренней Монголии было подписано соглашение о сотрудничестве в рамках реализации трехстороннего экономического коридора Россия-Монголия-Китай.

Количественно сотрудничество БГУ с университетами Внутренней Монголии остается стабильным. С 2008 по 2012 гг. в Педагогическом университете ежегодно обучались от 2 до 5 докторантов и магистрантов БГУ, а с 2012 г. десятки студентов БГУ участвовали в краткосрочных стажировках, практических занятиях и программах академической мобильности. Регулярно происходил обмен преподавателями, охватывающий гуманитарные науки и филологию.

Сотрудничество между Забайкальским государственным университетом и университетами Автономного района Внутренняя Монголия началось в конце 1990-х и начале 2000-х гг. и развивалось в рамках трансграничного

образовательного сотрудничества между восточными регионами Российской Федерации и северными регионами Китая. Географическая близость Забайкалья к Китаю, а также ориентация Забайкальского университета на инженерные, технологические, образовательные и гуманитарные науки обеспечили устойчивость этих контактов.

Одним из первых партнеров ЗабГУ стал Университет Внутренней Монголии, с которым в 2001 г. было подписано соглашение о сотрудничестве. Впоследствии сеть партнерства была расширена и включила в себя Педагогический университет Внутренней Монголии и Институт Хулунбуир. С 2004 по 2006 гг. были подписаны дополнительные соглашения, регулирующие обмен студентами и преподавателями, совместные исследовательские мероприятия и реализацию краткосрочных образовательных программ.

С 2005 по 2010 г. сотрудничество между Забайкальским государственным университетом и университетами Внутренней Монголии стало регулярным. В среднем 15-30 студентов из китайских университетов, обучающихся в Забайкальском государственном университете по специальностям «Русский язык как иностранный», «Педагогика», «Регионоведение» и «Экономика», ежегодно участвовали в программах академической мобильности. Забайкальский государственный университет ежегодно направлял 10-20 студентов в университеты Внутренней Монголии, в основном для языковых стажировок и практической подготовки. В этот период в программах обмена преподавателями участвовало 2-5 человек ежегодно.

Языковое и педагогическое сотрудничество стало важной областью взаимодействия. С 2007 г. преподаватели Забайкальского государственного университета регулярно приглашаются для участия в программах повышения квалификации и краткосрочных лекционных курсах в педагогических университетах Внутренней Монголии. Одновременно студенты из китайских

университетов проходили в Забайкальском государственном университете стажировки по методике преподавания русского языка, что способствовало формированию стабильных профессиональных контактов.

С начала 2010-х гг. сотрудничество Забайкальского государственного университета с университетами Внутренней Монголии стало более институционализированным и интегрированным в рамках российско-китайских межправительственных соглашений в сфере образования. С 2012 по 2016 год ежегодно от трех до шести выпускников Забайкальского государственного университета поступали в магистратуру и докторантуру университетов Внутренней Монголии по стипендиальным программам правительства КНР. Одновременно расширилась практика проведения совместных научных конференций и семинаров, в основном по вопросам трансграничного развития, межкультурной коммуникации и региональной экономики.

Таким образом, система высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия представляет собой пример прагматичной реализации концепции «мягкой силы» КНР, адаптированной к специфике приграничного геополитического пространства. Через механизмы университетского обучения государство осуществляет целенаправленное социокультурное вовлечение сопредельных территорий, формируя профессиональный и управленческий потенциал для долгосрочного партнерства в евразийском пространстве. Наиболее полно данный потенциал раскрывается на монгольском направлении, что позволило КНР занять доминирующие позиции в структуре международной мобильности Монголии (73,7%). В отношении Российской Федерации проекция образовательной «мягкой силы» со стороны вузов АРВМ носит более сдержанный характер: развертывание профильной инфраструктуры (Центров русского языка, Институтов Конфуция) пока не привело к масштабированию встречных студенческих

потоков, удерживая двустороннее взаимодействие в рамках локального межвузовского партнерства с регионами Сибири и Дальнего Востока.

Выводы по четвертой главе.

Образовательная политика периода «реформ и открытости», осуществлялась в рамках реализации концепции «четырёх модернизаций». Главной особенностью является то, что эти нововведения изменили роль высшего образования в китайском обществе. Высшая школа была переосмыслена как стратегический ресурс модернизации, от которого зависит эффективность государственного развития в новых условиях. Принципиальные изменения коснулись модели управления – по результатам политической борьбы между «левыми» и «правыми» был осуществлен переход к прагматичным подходам управления, ориентированным на качество подготовки кадров и развитие научных исследований. В этих условиях система высшего образования Внутренней Монголии по своей сути мало отличалась от общенациональной. Специфика сохранялась лишь в этнокультурной направленности и ориентации на потребности региональной экономики.

Анализ государственных образовательных проектов (««211»», «985», инициатива «двойной первый класс») показал, что развитие высшего образования в КНР носит выражено дифференцированный характер. Вузы Внутренней Монголии не были включены в число участников этих программ за исключением проекта «211», где единственным университетом, представлявшим регион, был классический университет (内蒙古大学). Эти проекты предоставляли существенную поддержку, выражавшуюся в масштабах ресурсного обеспечения учреждений. После запуска нового проекта «Двойной первоклассный уровень», отдельные направления Университета Внутренней Монголии были включены в эту программу дисциплинарной специализации.

Особое место в системе высшего образования АРВМ занимает этнокультурное и языковое измерение. Поддержка монгольского языка, развитие монголоведных исследований, сохранение классической монгольской письменности в университетской среде свидетельствуют о том, что высшая школа выступает важным инструментом реализации национальной политики КНР. В отличие от других регионов страны, во Внутренней Монголии этнокультурный компонент институционально встроен в образовательную и научную деятельность ведущих вузов.

В то же время развитие естественно-научных и прикладных направлений подготовки отражает ориентацию высшего образования на социально-экономические потребности региона. Исследования в области сельского хозяйства, животноводства, биотехнологий и экологии демонстрируют тесную связь университетской науки с региональной экономикой и задачами устойчивого развития северных территорий КНР. Это позволяет рассматривать высшее образование Внутренней Монголии как важный фактор модернизации традиционных отраслей и формирования регионального человеческого капитала.

Университеты региона играют значимую роль в развитии гуманитарных и образовательных связей Китая с Монголией и российскими регионами Сибири и Дальнего Востока. Подготовка иностранных студентов, реализация совместных образовательных программ, академические обмены и научное сотрудничество способствуют формированию пространства межкультурного взаимодействия. В этом контексте высшее образование выступает не только внутренним ресурсом развития, но и инструментом внешней политики КНР, реализующим задачи «мягкой силы» и приграничного сотрудничества.

Анализ нормативно-правовых и программных документов показал, что образовательная политика КНР в отношении национальных автономных районов сочетает элементы поддержки и контроля. С одной стороны, декларируется необходимость учета региональной специфики и

этнокультурного многообразия; с другой – автономные районы встроены в централизованную систему управления высшим образованием, что ограничивает их институциональную самостоятельность. Данная двойственность является характерной чертой китайской модели образовательной системы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что система высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия представляет собой многоуровневый и многофункциональный механизм, сочетающий задачи модернизации, национальной интеграции и трансграничного взаимодействия. Опыт Внутренней Монголии демонстрирует специфику развития высшей школы в национальных автономных районах КНР и позволяет расширить представления о роли образования как инструмента государственной политики в многонациональном и приграничном пространстве Китая

Заключение

Автономный район Внутренняя Монголия являет собой уникальный пример развития национальной автономии в истории КНР. В силу сложных геополитических процессов, протекавших в середине прошлого столетия во Внутренней Азии, руководство КПК пошло на реализацию ряда шагов, направленных на укрепление своих позиций в регионе. Важным решением, имевшим стратегическое значение, стало образование первой национальной автономии Китая – Автономного района Внутренняя Монголия. Официальной датой создания АРВМ считается 1 мая 1947 г. Лидер монгольских коммунистов Уланьфу (монг. Улаанхүү / кит. 乌兰夫) провел большую работу, смог сплотить население региона для борьбы с Гоминьданом и японскими милитаристами. Эти процессы сыграли важную роль в объединении Китая под знаменем КПК. После образования КНР в 1949 г. руководство страны стало реализовывать программу социально-экономического развития, направленную на сокращение разрыва между развитым юго-востоком и отстающим северо-западом. Отдельное внимание было уделено приграничным национальным районам, где АРВМ являлся своеобразной модельной территорией, где проходили апробацию подходы и принципы социально-экономической и национальной политики КПК. В качестве первоочередных задач, которые следовало решить, были определены обеспечение продовольствием, снижение инфляции, развитие образования и здравоохранения. Внутренней Монголии в силу ее исторических и геополитических характеристик центральное руководство страны уделяло особое внимание, в том числе в деле развития социальной сферы. В начале 1950-х гг. Компартия начала реализацию политики «открытия дверей для рабочих и крестьян» (向工农开门) в сфере образования. Открытие школ для рабочих и крестьян, ликвидация безграмотности, реализация этнокультурного образования явились важной составляющей новой системы образования КНР.

Система образования Автономного района Внутренняя Монголия на начальном этапе развития КНР представляла собой сеть учебных заведений, преимущественно религиозного характера, которые были направлены на обучение детей азам грамоты, изучение религиозных текстов и буддийской философии. Существовало несколько светских школ, созданных маньчжурской администрацией для подготовки кадров из числа коренного населения, в которых обучали монгольскому, китайскому, маньчжурскому языкам, арифметике. К моменту образования КНР в автономии не было ни одного высшего учебного заведения. Формирование системы высшего профессионального образования началось лишь в 1952 г., когда стали создаваться педагогические институты, готовившие кадры для расширения сети школ и увеличения охвата населения региона начальным и средним образованием.

Система высшего профессионального образования Автономного района Внутренняя Монголия формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи с общенациональной стратегией социально-экономической и политической модернизации Китайской Народной Республики, отражая как общие закономерности реформирования высшей школы в КНР, так и специфические региональные и этнокультурные особенности.

Исторический анализ показал, что становление высшего образования во Внутренней Монголии было обусловлено совокупностью социально-политических факторов, связанных с формированием национальной районной автономии, задачами интеграции приграничных территорий и необходимостью подготовки национальных кадров. На ранних этапах развития высшая школа региона выполняла преимущественно компенсаторную функцию, направленную на преодоление кадрового дефицита в экономике автономного района. В последующем, по мере институционального укрепления, высшие учебные заведения Внутренней

Монголии стали важным элементом регионального управления и социального развития.

Создание первых педагогических институтов в Улан-Хото, Гуйсуе (Хух-Хото) и Баотоу продемонстрировало синхронизацию образовательной политики с социально-экономическими задачами региона. Позже на базе профессиональных техникумов и училищ стали создаваться технические, лесопромышленные учебные заведения. В этих центрах формировалась образовательная и научная база, готовились специалисты для реализации программ индустриализации, строительства транспортной инфраструктуры, металлургической и горнорудной промышленности. Таким образом, образование выступало не только инструментом культурного и национального развития, но и стратегическим ресурсом социально-экономической модернизации региона.

Политические события середины XX в., сопровождавшиеся созданием автономии, проведением земельной реформы, индустриализацией и реализацией национальной образовательной политики, заложили фундамент для развития системы высшего профессионального образования во Внутренней Монголии. Организация школ, педагогических институтов, профессиональных училищ и институтов национальностей позволила сформировать кадровый потенциал, необходимый для управления региональной экономикой, реализации национальной автономии и сохранения этнокультурной идентичности населения. В совокупности эти меры определили эффективность реформ, реализованных во Внутренней Монголии. Повышение валового охвата начальным и средним образованием, повышение уровня грамотности населения, формирование национальной интеллигенции, развитие науки, в том числе в сфере биотехнологий (агроэкология и клонирование животных) стало возможным в силу реализации комплекса мероприятий – от создания нормативных основ до реализации конкретных проектов в области высшего образования. Несмотря

на сложные этапы развития общественных отношений, высшее образование АРВМ смогло выполнить свою функцию по подготовке специалистов, сформировать сеть учреждений, сохранить и развить этнокультурную составляющую, в том числе в плане сохранения богатого письменного наследия.

Историю развития высшего образования АРВМ можно разделить на несколько этапов. Начальный этап определяется моментом создания первого вуза Внутренней Монголии – Педагогического института в 1952 г. в г. Улан-Хото. Особый импульс развития институт получил после 1954 г., когда был перевезен в г. Гуйсуй (Хух-Хото), ставший административным центром автономии. В эти годы были заложены нормативные основы реализации образования, укомплектован штатный состав, определены направления развития. В эти же годы начали создаваться другие образовательные учреждения, которые готовили специалистов для разных отраслей экономики – сельскохозяйственный институт, медицинский институт, высшая техническая школа. Таким образом, первый этап развития высшего образования в АРВМ – это время организации и развития учреждений высшего образования в 1952-1957 гг.

Следующим этапом является этап коренной перестройки общества (1958-1976 гг.). В условиях «большого скачка» государственная политика была направлена на значительное расширение охвата высшим профессиональным образованием населения страны и автономии. Поскольку эти шаги не были хорошо подготовлены методически и материально-технически, это сказалось на снижении качества подготовки специалистов. Начало 1960-х гг. было отмечено тенденцией к сокращению количества высших учебных заведений. Например, в 1963 г. закрылся Педагогический институт г. Баотоу. С началом «культурной революции» изменился общий вектор образовательной политики. Во главу угла теперь ставили не профессиональную подготовку, а формирование идеологически грамотных,

активных и самоотверженных кадров. Массовые кампании по перевоспитанию затронули и АРВМ. С 1966 г. практически все учебные заведения высшего образования приостановили свою деятельность. Китайские, отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что период культурной революции оказал деструктивное влияние на систему высшего образования. Вместе с тем, система образования в целом выявила устойчивость базовых образовательных структур, горизонтальных связей, что позволило сравнительно быстро восстановить высшую школу и заложить основы для дальнейшей модернизации в рамках единой системы образования КНР после завершения культурной революции.

Третий этап хронологически начинается в 1977 г., и связан с изменениями в образовательной политике после разгрома «банды четырех». В этом году был восстановлен общенациональный экзамен в вузы гаокао (高考), который позволил объективно оценивать качество знаний абитуриентов. Особый импульс высшее образование Автономного района Внутренняя Монголия получило в рамках политики «реформ и открытости», начавшейся в 1978 г. После III Пленума ЦК КПК 11-го созыва в Китае началось обновление системы образования. Вернувшийся к руководству страной Дэн Сяопин в развитии страны ключевую роль отводил науке и технике, что, в свою очередь, невозможно без совершенствования образования и подготовки кадров. Государство направило значительные средства на улучшение инфраструктуры и условий обучения. Объем вклада в образование неуклонно рос, что привело к качественным переменам в университетах и возросшей конкуренции на международном уровне. Одновременно перед образованием была поставлена стратегическая цель – к 2020 г. построить «общество малого благоденствия», что требовало повышения общего уровня образования, всеобщего среднего образования и развития непрерывного образования. В результате были реализованы мероприятия, создавшие условия для качественного роста. Принятие в 1986 г. «Закона КНР об обязательном

образовании» существенно повлияло на процесс общественного развития страны. В этот период особое внимание уделялось подготовке педагогических и научно-технических кадров для проведения «четырёх модернизаций». Благодаря этим мерам заметно поднялся образовательный уровень населения, о чем свидетельствуют данные переписи населения. Так, неграмотность сократилась с 15,8% в 1990 г. до 6,7% в 2000 г.

Началом четвертого этапа можно считать старт реализации государственных проектов в сфере высшего образования. В 1995 г. была запущена программа «211», в рамках которой было отобрано порядка 100 ключевых университетов, которые получили особую материальную и организационно-методическую помощь. Это позволило резко нарастить финансирование отобранных вузов, повысить их приборно-техническую базу, привлечь большое количество высококлассных специалистов к научно-образовательным проектам и т.д.

Второй проект, получивший название «985» был принят в мае 1998 г. По итогам реализации этого проекта правительство Китая планировало создать мировые исследовательские университеты, способные по качеству образования и научным разработкам конкурировать с ведущими вузами мира. В рамках данной программы развития были отобраны вузы, получившие дополнительную финансовую и организационно-методическую поддержку. Эти шаги заложили основы формирования образования мирового уровня в условиях Китая. В эту программу ни один вуз АРВМ не был включен.

В 2010 г. была принята краткосрочная стратегия развития высшего образования до 2020 г., которая была направлена на интеграции и инновации в вузовской системе. В рамках государственной стратегии особое внимание уделялось развитию вузов приграничных и национальных регионов (западный Китай). 18 августа 2015 г. на заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформ был рассмотрен и одобрен «Общий план по созданию университетов мирового класса и первоклассных

дисциплин». Этот проект можно кратко перевести как «двойной первый класс» (双一流), который направлен на «строительство университетов мирового класса и создание первоклассных дисциплин». Первый этап программы был рассчитан на пять лет. Стадия реализации началась в сентябре 2017 г. когда Министерство образования и другие ведомства объявили список первой группы университетов и дисциплин, включенных в программу. По сути, этот проект заменил предыдущие два («211» / «985»). Инициатива была обеспечена дополнительными ресурсами на избранные направления обучения и исследований.

Университет Внутренней Монголии с 1997 г. входит в число участников проекта «211», в рамках которого получает финансовую поддержку, выполняет целевые показатели, развивает научно-лабораторную базу, готовит кадры для стратегических отраслей (животноводство, сельское хозяйство, обеспечение продовольственной безопасности), что определяет его статус как ключевого вуза региона. Проект «985» преимущественно охватывал университеты востока страны, поэтому вузы региона не были включены в список участников; однако проект «двойной первый класс» (双一流) дал новый импульс росту качества образования. Университет Внутренней Монголии включен в список вузов «первоклассных дисциплин»: например, «первоклассной» дисциплиной по национальному проекту была объявлена биология. В целом проекты «211» и «985» создали в Китае культуру высоких стандартов высшего образования, усилили конкуренцию университетов и ускорили их включение в мировые рейтинги. Аналогично, новая программа «двойной первый класс» стимулирует исследовательское развитие вузов, включая региональные, и требует совершенствования инфраструктуры и кадрового состава.

Участие Университета Внутренней Монголии в национальных стратегиях играет важную роль в реализации образовательных и социальных программ, особенно в рамках освоения западных и приграничных регионов.

В 2004 г. вуз был включен в число университетов, софинансируемых Правительством автономии и Министерства образования КНР. Участие ведущего университета автономии в этих проектах помогает готовить специалистов высокого уровня, способных осуществлять модернизацию экономики и общества Северо-Востока страны, а также дает региону преференции при распределении ресурсов и кадров.

Образовательная политика в АРВМ учитывает национально-культурный фактор. В регионе сохраняется двуязычная система обучения, существуют национальные школы, где образование преимущественно ведется на родном монгольском языке (на основе классической монгольской письменности). В целом по стране нет единой учебной программы с выделением национально-регионального компонента, поэтому в КНР функционировали специализированные национальные школы для этнических меньшинств. Государство активно финансирует развитие этнокультурного образования. Например, в 1990-2009 гг. государство выделило примерно 4 трлн юаней на развитие образования в автономных районах (включая Внутреннюю Монголию). Кроме того, руководство КНР осознает особую роль высшего образования в национальных районах, особенно приграничных (например, Внутренняя Монголия или Синьцзян-Уйгурский районы). Развитие вузов здесь рассматривается как инструмент социализации национальных меньшинств и механизм реализации внешнеполитической стратегии.

АРВМ граничит с Монголией и Россией, что создает естественные условия для развития международных связей, в том числе и в сфере образования. Правительство автономии и руководство страны стимулируют академические обмены и совместные образовательные проекты, которые рассматриваются как особое направление культурной дипломатии. Вузами региона подписаны соглашения об обмене и сотрудничестве с университетами Монголии и России, действует программа стипендий для

иностранных студентов. В рамках инициативы «Пояс и путь» китайские университеты (включая вузы АРВМ) объединились в Союз университетов «Пояса и пути» для подготовки квалифицированных кадров на международном уровне. Образовательное сотрудничество Внутренней Монголии с Монголией и Россией расширяется – проводятся совместные научные конференции, создаются учебные курсы и исследовательские центры. При поддержке вузов АРВМ в Монголии и регионах России (Республика Калмыкия, Красноярский край) были открыты Институты Конфуция. В 2025 г. в г. Дархан (Монголия) открылся филиал самого крупного негосударственного вуза АРВМ – Хундэ (鸿德学院). Кроме того, имеются планы на открытие филиалов в г. Иркутск и г. Улан-Удэ. Все это усиливает культурное и интеллектуальное влияние Китая в регионе, способствует продвижению китайского языка и культуры.

Высшее образование в Автономном районе Внутренняя Монголия служит важным инструментом региональной модернизации. Развитие вузов сочетает массовый рост и повышение качества: расширяется доступ к высшему образованию, улучшается инфраструктура и учебные стандарты. Университеты автономии обеспечивают регион квалифицированными специалистами (как в технических, так и в гуманитарных областях), что способствует экономическому и социальному развитию территории. Одной из основных задач в региональной образовательной политике является сохранение монгольского языка и письменности в системе образования. Более того, классическая монгольская письменность стала одним из брендов Внутренней Монголии в условиях взаимодействия с Монголией и Россией. Таким образом, система высшего образования Внутренней Монголии не только отражает общие тенденции китайских реформ, но и адаптирована к региональным условиям: она выступает катализатором модернизации, экономического роста и региональной интеграции в рамках стратегии построения «общества среднего достатка».

В начале XXI в. сформировалась многоуровневая и интегрированная система сотрудничества между университетами Сибири, Дальнего Востока России и Внутренней Монголии Китая, охватывающая академическую, научную, культурную и экономическую сферы. Это сотрудничество не только расширило возможности для профессионального и академического роста студентов и преподавателей, но и послужило инструментом региональной интеграции, укрепления трансграничных связей и формирования стабильной сети гуманитарных связей во Внутренней Азии.

Образовательная политика Китайской Народной Республики во Внутренней Азии является важным элементом ее комплексной стратегии социально-экономического, этнополитического и внешнеполитического развития приграничных регионов. В отличие от центральных и прибрежных регионов Китая, государство рассматривает Внутреннюю Монголию не только как регион модернизации, но и как пространство для трансграничного взаимодействия с Монголией и российскими регионами Сибири и Дальнего Востока. В этом контексте система образования служит инструментом для развития устойчивых гуманитарных, научных и кадровых связей в Северо-Восточной и Центральной Азии.

Список сокращений и условных обозначений

АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

АПН СССР – Академия педагогических наук Союза Советских Социалистических Республик

АРВМ – Автономный район Внутренняя Монголия

ВСНП – Всекитайское собрание народных представителей

ИВЯ – Институт восточных языков

КПК – Коммунистическая партия Китая

КНР – Китайская Народная Республика

МНР – Монгольская Народная Республика

РАО – Российская академия образования

ЦК КПК – Центральный Комитет Коммунистической партии Китая

ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

г.р. – Год рождения

кл. – Класс / классы

монг. – Монгольский язык

СПО – Среднее профессиональное образование

PCI-S (Conference Proceedings Citation Index - Science) – Международный индекс цитирования материалов научных конференций (раздел «Естественные и технические науки»)

CSSCI (Chinese Social Sciences Citation Index) – Китайский индекс цитирования социальных и гуманитарных наук

EI (Engineering Index) – Международный индекс цитирования технической и инженерной периодики

SCI (Science Citation Index) – Международный индекс цитирования публикаций в области естественных и точных наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Официальные документы, нормативно-правовые акты и сборники документов

1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики 4-го созыва (документы). – Пекин : [б. и.], 1975. – С. 56–57.

Белые книги [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр. – URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/node_2063555.htm (дата обращения: 12.09.2025).

Двусторонние договоры [Электронный ресурс] // Правовой департамент МИД России : официальный сайт МИД РФ. – URL: mid.ru.

Конституционные акты Китая. Хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. – С. 12. – URL: bgpu.ru.

Россия и Монголия разработают новую Программу научно-образовательного сотрудничества [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования РФ : официальный сайт. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru>.

Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы : в 5 т. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М. : Памятники исторической мысли, 2005. – Т. 5 : Советско-китайские отношения, кн. 2 : 1949 – февраль 1950 г. – 608 с.

Советско-китайские отношения, 1952–1955 : сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – Ижевск : КнигоГрад, 2015. – 339 с.

Советско-китайские отношения: 1917–1957 : сборник документов / отв. ред. И. Ф. Курдюков, В. Н. Никифоров, А. С. Перевертайло. – М. : Издательство восточной литературы, 1959. – 469 с.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. – URL: mid.ru.

На китайском языке

2022 nian quanguo jiaoyu shiye fazhan tongji gongbao (2022 年全国教育事业发展统计公报) [Электронный ресурс] // 中国政府网 : официальный сайт. – URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 10.06.2026). [Статистический бюллетень развития национального образования в 2022 г.].

«211 工程»建设实施方案 : 1995 年 / 国家计划委员会, 国家教育委员会, 财政部. – 北京 : 国务院办公厅, 1995. – 14 页. [План реализации строительства «Проекта 211» : 1995 г. / Госплан КНР, Госкомитет по образованию, Министерство финансов КНР. – Пекин : Канцелярия Госсовета КНР, 1995. – 14 с.].

邓小平. 邓小平文选 : 全 3 卷. 第 1 卷 / 邓小平. – 北京 : 人民出版社, 1994. – 398 页. [Дэн Сяопин. Избранные произведения : в 3 т. Т. 1 / Дэн Сяопин. – Пекин : Народное издательство, 1994. – 398 с.].

国家教委关于面向 21 世纪深化职业教育教学改革的意见 : 1998 年 2 月 / 国家教育委员会. – 北京 : 国家教育委员会, 1998. – 8 页. [Мнения Государственного комитета по образованию КНР об углублении реформы преподавания предметов профессионального образования навстречу XXI веку : февр. 1998 г. / Государственный комитет по образованию КНР. – Пекин : Государственный комитет по образованию КНР, 1998. – 8 с.].

国务院关于加强教师队伍建设的意见：2012年8月20日 / 国务院. – 北京：国务院，2012. – 11 页. [Мнения Госсовета КНР об усилении подготовки преподавательского состава：20 авг. 2012 г. / Госсовет КНР. – Пекин：Госсовет КНР, 2012. – 11 с.].

国务院关于印发统筹推进世界一流大学和一流学科建设总体方案的通知：国发〔2015〕64号 / 中华人民共和国国务院. – 北京：国务院，2015. – 9 页. [Уведомление Госсовета КНР об издании общего плана по скоординированному продвижению создания университетов мирового класса и дисциплин первоклассного уровня：№ 64 (2015) (Проект «Двойной первоклассный») / Госсовет КНР. – Пекин：Госсовет КНР, 2015. – 9 с.].

中华人民共和国高等教育法：1998年8月29日通过，2015年、2018年修正. – 北京：中华人民共和国主席令，2018. – 24 页. [Закон КНР о высшем образовании：принят 29 авг. 1998 г., с изменениями 2015 и 2018 гг. – Пекин：Указ Председателя КНР, 2018. – 24 с.].

国家教委关于建设短期职业大学试点工作的通知：1995年12月 / 国家教育委员会. – 北京：国家教育委员会，1995. – 4 页. [Уведомление Государственного комитета по образованию КНР о построении пилотных краткосрочных учреждений профессионального образования：дек. 1995 г. / Государственный комитет по образованию КНР. – Пекин：Государственный комитет по образованию КНР, 1995. – 4 с.].

国家教委关于面向 21 世纪深化职业教育教学改革的意见：1998年2月 / 国家教育委员会. – 北京：国家教育委员会，1998. – 8 页. [Мнения Государственного комитета по образованию КНР об углублении реформы преподавания предметов профессионального образования навстречу XXI веку：февр. 1998 г. / Государственный комитет по образованию КНР. – Пекин：Государственный комитет по образованию КНР, 1998. – 8 с.].

国务院关于大力推进职业教育改革与发展的决定：2002 年 8 月 24 日 / 国务院. – 北京：国务院, 2002. – 12 页. [Постановление Госсовета КНР о всемерном продвижении реформы и развития профессионального образования：24 авг. 2002 г. / Госсовет КНР. – Пекин：Госсовет КНР, 2002. – 12 с.].

中共中央、国务院关于深化教育改革全面推进素质教育的决定：1999 年 6 月 13 日 / 中共中央, 国务院. – 北京：中共中央、国务院, 1999. – 15 页. [Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР об углублении реформы образования и комплексном продвижении вперед воспитания качественных характеристик：13 июня 1999 г. / ЦК КПК, Госсовет КНР. – Пекин：ЦК КПК, Госсовет КНР, 1999. – 15 с.].

中华人民共和国民办教育促进法：2002 年 12 月 28 日通过, 2018 年修正. – 北京：中华人民共和国主席令, 2018. – 18 页. [Закон КНР о стимулировании негосударственного образования (о содействии частному образованию)：принят 28 дек. 2002 г., с поправками 2018 г. – Пекин：Указ Председателя КНР, 2018. – 18 с.].

Zhonggong zhongyang bangong ting, guowuyuan bangong ting yinfa «jiakuai tuijin jiaoyu xiandaihua shishi fang'an (2018–2022)» (中共中央办公厅、国务院办公厅印发《加快推进教育现代化实施方案 (2018–2022 年)》) [Электронный ресурс] // 中国政府网：официальный сайт. – URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 10.06.2026). [Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета опубликовали План реализации ускоренной модернизации образования 2018–2022 гг.].

Zhonggong zhongyang, guowuyuan yinfa «zhongguo jiaoyu xiandaihua 2035» (中共中央、国务院印发《中国教育现代化 2035》) [Электронный ресурс] // 中国政府网：официальный сайт. – URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 10.06.2026). [Центральный Комитет КПК и Государственный Совет опубликовали «План модернизации 系统的教育 Китая до 2035 г.».].

Zhonghua renmin gongheguo gaodeng jiaoyu fa (中华人民共和国高等教育法) [Электронный ресурс] // 中国政府网 : официальный сайт. – URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 10.06.2026). [Закон о высшем образовании КНР].

国家中长期教育改革和发展规划纲要 (2010–2020 年) : 2010 年 7 月 8 日 / 中共中央, 国务院. – 北京 : 人民出版社, 2010. – 52 页. [Государственная программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования (2010–2020 гг.) : от 8 июля 2010 г. / ЦК КПК, Госсовет КНР. – Пекин : Народное издательство, 2010. – 52 с.].

国务院关于大力发展职业教育的决定 : 2005 年 10 月 28 日 / 国务院. – 北京 : 国务院, 2005. – 10 页. [Постановление Госсовета КНР о всемерном развитии профессионального образования : 28 окт. 2005 г. / Госсовет КНР. – Пекин : Госсовет КНР, 2005. – 10 с.].

教育部办公厅关于开展博士研究生教育综合改革试点工作的通知 : 教研厅函 (2017)2 号 / 教育部办公厅. – 北京 : Канцелярия Министерства образования КНР, 2017. – 4 页. [Уведомление Канцелярии Министерства образования КНР о пилотной работе по комплексному реформированию образования докторантов : № 2 (2017) / Канцелярия Министерства образования КНР. – Пекин : Канцелярия Министерства образования КНР, 2017. – 4 с.].

教育部关于全面提高高等职业教育教学质量的若干意见 : 2006 年 11 月 16 日 / 教育部. – 北京 : 教育部, 2006. – 6 页. [Мнения Министерства образования КНР по поводу всестороннего повышения качества преподавания в учреждениях высшего профессионального образования Китая : 16 нояб. 2006 г. / Министерство образования КНР. – Пекин : Министерство образования КНР, 2006. – 6 с.].

教育部关于“十二五”期间加强中等职业学校教师队伍建设的意见：
2011 年 12 月 23 日 / 教育部. – 北京：教育部, 2011. – 8 页. [Мнения
Министрства образования КНР об усилении подготовки педагогических
кадров для средних профессиональных учебных заведений в период 12-й
пятилетки : 23 дек. 2011 г. / Министерство образования КНР. – Пекин :
Министерство образования КНР, 2011. – 8 с.].

教育部、国家发展改革委、财政部关于深化研究生教育的意见：
教研〔2013〕1 号 / 教育部, 国家发展改革委, 财政部. – 北京：教育部, 2013.
– 9 页. [Замечания Министерства образования, Государственного комитета
по развитию и реформам и Министерства финансов КНР по углублении
реформы послевузовского образования : № 1 (2013) / Министерство
образования КНР, Государственный комитет по развитию и реформам
КНР, Министерство финансов КНР. – Пекин : Министерство образования
КНР, 2013. – 9 с.].

教育部办公厅关于进一步规范和加强研究生培养管理的通知：**教研厅**
〔2019〕1 号 / 教育部办公厅. – 北京：教育部办公厅, 2019. – 6 页.
[Уведомление Канцелярии Министерства образования КНР о дальнейшей
стандартизации и усилении управления подготовкой аспирантов : № 1
(2019) / Канцелярия Министерства образования КНР. – Пекин :
Канцелярия Министерства образования КНР, 2019. – 6 с.].

教育部办公厅关于统筹全日制和非全日制研究生管理工作的通知：**教**
研厅〔2016〕2 号 / 教育部办公厅. – 北京：教育部办公厅, 2016. – 5 页.
[Уведомление Канцелярии Министерства образования КНР о координации
управления аспирантами очной и заочной форм обучения : № 2 (2016) /
Канцелярия Министерства образования КНР. – Пекин : Канцелярия
Министерства образования КНР, 2016. – 5 с.].

国务院关于加快发展现代职业教育的决定：2014年5月2日 / 国务院 . – 北京：国务院，2014. – 14 页. [Постановление Госсовета КНР об ускорении развития современной системы профессионального образования : 2 мая 2014 г. / Госсовет КНР. – Пекин : Госсовет КНР, 2014. – 14 с.].

中华人民共和国宪法：1982年12月4日通过. – 北京：全国人民代表大会，1982. – 32 页. [Конституция Китайской Народной Республики : принята 4 дек. 1982 г. / Всекитайское собрание народных представителей. – Пекин : Всекитайское собрание народных представителей, 1982. – 32 с.].

中华人民共和国教育法：1995年3月18日通过, 2015年、2021年修正. – 北京：中华人民共和国主席令，2021. – 28 页. [Закон КНР об образовании : принят 18 марта 1995 г., с изменениями 2015 и 2021 гг. / Указ Председателя КНР. – Пекин : Указ Председателя КНР, 2021. – 28 с.].

小平. 邓小平文选：全3卷 / 邓小平. – 北京：人民出版社，1994. – 第1卷. – 398 页；第2卷. – 467 页. [Дэн Сяопин. Избранные произведения : в 3 т. / Дэн Сяопин. – Пекин : Народное издательство, 1994. – Т. 1. – 398 с. ; Т. 2. – 467 с.].

教育部关于加快新时代研究生教育改革发展的意见：教研〔2020〕9号 / 教育部. – 北京：教育部，2020. – 12 页. [Предложения об ускорении реформы и развития высшего послевузовского образования в новую эпоху : № 9 (2020) / Министерство образования КНР. – Пекин : Министерство образования КНР, 2020. – 12 с.].

教育部等六部门关于印发《现代职业教育体系建设规划（2014–2020年）》的通知：2014年6月16日 / 教育部等. – 北京：教育部等，2014. – 45.[План построения современной системы профессионального образования КНР на 2014–2020 гг. : док. Министерства образования КНР и др. ведомств от 16 июня 2014 г. – Пекин : Министерство образования КНР, 2014. – 45 с.].

2005 年：中国教育发展报告 / 编. – 北京：社会科学文献出版社, 2005. – 316 页. [Доклад о развитии образования в Китае в 2005 г. – Пекин：Издательство литературы по общественным наукам, 2005. – 316 с.].

教育部关于全面提高高等教育质量的若干意见：教高〔2012〕4号 / 中华人民共和国教育部. – 北京：教育部, 2012. – 14 页. [Ряд заключений Министерства образования КНР по всестороннему повышению качества высшего образования：№ 4 (2012) / Министерство образования КНР. – Пекин：Министерство образования КНР, 2012. – 14 с.].

教育部关于面向 21 世纪振兴教育行动计划的通知：教外〔1999〕1 号 (985 工程) / 教育部. – 北京：教育部, 1999. – 19 页. [Уведомление Министерства образования КНР о плане действий по оживлению образования навстречу XXI веку：№ 1 (1999) (Запуск «Проекта 985») / Министерство образования КНР. – Пекин：Министерство образования КНР, 1999. – 19 с.].

内蒙古自治区人民政府工作报告：2024 年 1 月 30 日在内蒙古自治区第十四届人民代表大会第二次会议上 / 王莉霞. – 呼和浩特：内蒙古自治区人民政府, 2024. – 38 页. [Отчет о работе Народного правительства Автономного района Внутренняя Монголия：доложен 30 янв. 2024 г. на 2-й сессии СНП АРВМ 14-го созыва / Ван Лися. – Хух-Хото：Народное правительство АРВМ, 2024. – 38 с.].

中共中央、国务院关于印发《中国教育改革和发展纲要》的通知：1993 年 2 月 13 日 / 中共中央办公厅, 国务院办公厅. – 北京：中共中央办公厅、国务院办公厅, 1993. – 25 页. [Программа реформ и развития образования в Китае：док. ЦК КПК и Госсовета КНР от 13 февр. 1993 г. / Канцелярия ЦК КПК, Канцелярия Госсовета КНР. – Пекин：Канцелярия ЦК КПК, Канцелярия Госсовета КНР, 1993. – 25 с.].

中共中央关于教育体制改革的决定：1985 年 5 月 27 日 / 中国共产党中央委员会。— 北京：中国共产党中央委员会，1985。— 18 页。[Постановление ЦК КПК о реформе структуры образования：май 1985 г. / Центральный Комитет Коммунистической партии Китая。— Пекин：Центральный Комитет Коммунистической партии Китая，1985。— 18 с.]

中共中央关于经济体制改革的决定：1984 年 10 月 20 日 / 中国共产党中央委员会。— 北京：中国共产党中央委员会，1984。— 22 页。[Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы：окт. 1984 г. / Центральный Комитет Коммунистической партии Китая。— Пекин：Центральный Комитет Коммунистической партии Китая，1984。— 22 с.]

中华人民共和国义务教育法：1986 年 4 月 12 日通过，2006 年、2015 年、2018 年修正。— 北京：中华人民共和国主席令，2018。— 26 页。[Закон КНР об обязательном образовании：принят 12 апр. 1986 г., с изменениями 2006, 2015 и 2018 гг. / Указ Председателя КНР。— Пекин：Указ Председателя КНР，2018。— 26 с.]

中华人民共和国国务院政府工作报告：2024 年 3 月 5 日在第十四届全国人民代表大会第二次会议上 / 李强。— 北京：国务院，2024。— 42 页。[Отчет о работе Правительства Китайской Народной Республики：доложен 5 марта 2024 г. на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва / Ли Цян。— Пекин：Госссовет КНР，2024。— 42 с.]

中华人民共和国教师法：1993 年 10 月 31 日通过。— 北京：中华人民共和国主席令第 14 号，1993。— 16 页。[Закон КНР об учителях：принят 31 окт. 1993 г. / Указ Председателя КНР № 14。— Пекин：Указ Председателя КНР № 14，1993。— 16 с.]

中华人民共和国民族区域自治法：1984 年 5 月 31 日通过，2001 年 2 月 28 日修正。— 北京：全国人民代表大会，2001。— 20 页。[Закон КНР о национальной районной автономии：принят 31 мая 1984 г., с изменениями

от 28 февр. 2001 г. / Всекитайское собрание народных представителей. – Пекин : Всекитайское собрание народных представителей, 2001. – 20 с.].

中华人民共和国学位条例 : 1980 年 2 月 12 日通过, 2004 年 8 月 28 日修正. – 北京 : 全国人民代表大会常务委员会, 2004. – 12 页. [Положение об ученых степенях КНР : принято 12 февр. 1980 г., с поправками от 28 авг. 2004 г. / Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. – Пекин : Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, 2004. – 12 с.].

中华人民共和国职业教育法 : 1996 年 5 月 15 日通过, 2022 年 4 月 20 日修订. – 北京 : 中华人民共和国主席令 第 113 号, 2022. – 24 页. [Закон КНР о профессиональном образовании : принят 15 мая 1996 г., в редакции от 20 апр. 2022 г. / Указ Председателя КНР № 113. – Пекин : Указ Председателя КНР № 113, 2022. – 24 с.].

国务院学位委员会、教育部关于进一步严格规范学位与研究生教育质量管理的若干意见 : 学位〔2020〕19 号 / 国务院学位委员会, 教育部. – 北京 : 教育部, 2020. – 14 页. [Замечания Комитета по ученым степеням при Госсовете КНР и Министерства образования КНР по дальнейшему жесткому регулированию управления качеством ученых степеней и послевузовского образования : № 19 (2020) / Комитет по ученым степеням при Госсовете КНР, Министерство образования КНР. – Пекин : Министерство образования КНР, 2020. – 14 с.].

《内蒙古自治区志·教育志（2001—2010）》 / 内蒙古自治区地方志编纂委员会编. – 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 2015. – 680 页. [Хроника Автономного района Внутренняя Монголия. Образование (2001–2010) / сост. Комитет по компиляции местных хроник АРВМ. – Хух-Хото : Народное издательство Внутренней Монголии, 2015. – 680 с.].

《中华人民共和国土地改革法》构建及新的政策规定 [Электронный ресурс] // 中国军网 (81.cn) : официальный сайт. – URL: 81.cn (дата обращения: 10.06.2026). [Закон КНР «О земельной реформе»: принятие и новые политические положения].

中国民族教育发展报告 (2017) ·内蒙古卷 / 编. – 北京 : 社会科学文献出版社, 2017. – 284 页. [Доклад о развитии этнического образования в Китае (2017). Том «Внутренняя Монголия». – Пекин : Издательство литературы по общественным наукам, 2017. – 284 с.].

中国统计年鉴 / 国家统计局编. – 北京 : 中国统计出版社. – 出版年刊. – 1050 页 . [Статистический ежегодник Китая / Государственное статистическое управление КНР. – Пекин : Китайское статистическое издательство. – Ежегодное издание. – 1050 с.].

中国蓝皮书 [Электронный ресурс] // 中国科学院 : официальный сайт. – URL: cas.cn (дата обращения: 12.09.2025). [Синяя книга Китая. – Электронный текстовый документ].

内蒙古师范大学志 (1952–1992) / 编纂委员会编. – 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 1993. – 773 页. [Хроника Педагогического университета Внутренней Монголии (1952–1992) / сост. Редакционный комитет. – Хух-Хото : Народное издательство Внутренней Монголии, 1993. – 773 с.].

内蒙古师范大学志 (1993–2004) / 内蒙古师范大学志编委会编. – 呼和浩特 : 内蒙古教育出版社, 2005. – 868 页. [Хроника Педагогического университета Внутренней Монголии (1993–2004) / сост. Редколлегия хроники ВМПУ. – Хух-Хото : Издательство образования Внутренней Монголии, 2005. – 868 с.].

内蒙古师范大学志 (2005–2012) / 内蒙古师范大学志编委会编著. – 呼和浩特 : 内蒙古教育出版社, 2012. – 912 页. [Хроника Педагогического университета Внутренней Монголии (2005–2012) / сост. Редколлегия

хроники ВМПУ. – Хух-Хото : Издательство образования Внутренней Монголии, 2012. – 912 с.].

内蒙古自治区志·教育志 / 奇锦玉, 李高销编著. – 呼和浩特 : 内蒙古教育出版社, 2017. – 1134 页. [Хроника Автономного района Внутренняя Монголия. Раздел «Образование» / Ци Цзиньюй, Ли Гаосяо. – Хух-Хото : Издательство образования Внутренней Монголии, 2017. – 1134 с.].

内蒙古自治区志·教育志: 2001–2010 / 《内蒙古自治区志·教育志》编纂委员会编. – 北京 : 方志出版社, 2022. – 542 页. [Хроника Автономного района Внутренняя Монголия. Раздел «Образование»: 2001–2010 / сост. Редакционный комитет хроники АРВМ. – Пекин : Издательство местных хроник (Фанчжи), 2022. – 542 с.].

内蒙古自治区教育成就 (1947–1997 统计资料) / 内蒙古自治区教育委员会编. – 呼和浩特 : 内蒙古教育出版社, 1997. – 346 页. [Достижения в области образования Автономного района Внутренняя Монголия (статистические материалы 1947–1997 гг.) / сост. Комитет по образованию АРВМ. – Хух-Хото : Издательство образования Внутренней Монголии, 1997. – 346 с.].

内蒙古自治区民族教育条例 : 2016 年 5 月 27 日通过 / 内蒙古自治区人民代表大会常务委员会. – 呼和浩特 : 内蒙古自治区人大常委会, 2016. – 18 页. [Положение об этническом образовании в Автономном районе Внутренняя Монголия : принято 27 мая 2016 г. / Постоянный комитет СНП Автономного района Внутренняя Монголия. – Хух-Хото : ПК СНП АРВМ, 2016. – 18 с.].

内蒙古自治区民族教育条例 : 2021 年修订 / 内蒙古自治区人民代表大会常务委员会. – 呼和浩特 : 内蒙古自治区人大常委会, 2021. – 22 页. [Положение об этническом образовании в Автономном районе Внутренняя Монголия : новая редакция 2021 г. / Постоянный комитет СНП

Автономного района Внутренняя Монголия. – Хух-Хото : ПК СНП АРВМ, 2021. – 22 с.].

民族教育蓝皮书 / 编. – 北京 : 社会科学文献出版社, 2019. – 342 页.

[Синяя книга по этническому образованию. – Пекин : Издательство литературы по общественным наукам, 2019. – 342 с.].

Полевые материалы

Интервью с информантом Дайцинем (1967 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Ло Цзяньцзинем (1942 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Насанбаяром (1939 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Син Ляньшунем (1937 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Сонинбаяром (1982 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Сю Жиганем (1940–2015) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Тогтохом (1970–2024) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Хасой (1976 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Цуй Ин (1963 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Чжоу Цюаньшэном (1964 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с информантом Чжоу Юшу (1964 г. р.) // Полевые материалы автора.

Интервью с Фань Ни (1997 г. р.) // Полевые материалы автора.

Монографии, сборники и учебные пособия

На русском языке

Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. – М. : Наука, 1980. – 162 с.

Базарова А. Н. Основные тенденции развития системы высшего профессионального образования КНР: 1978–2008 гг. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2011. – 236 с.

Балдаев Р. Л. Народное образование в Монгольской Народной Республике. – М. : Наука, 1971. – 184 с.

Балдаев Р. Л. Создание и развитие системы народного образования в МНР (1921–1965 гг.) : дис. ... канд. пед. наук / Балдаев Р. Л. ; Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1967. – 215 с.

Боревская Н. Е. Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. – М. : Восточная литература, 2003. – 271 с.

Боревская Н. Е. Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте / Н. Е. Боревская ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М. : ИДВ РАН, 2009. – 176 с.

Боревская Н. Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае. – М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2002. – 146 с.

Буяров Д. В. Современный Китай на пути перемен (социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны в последней четверти XX - начале XXI вв.) / Д. В. Буяров ; Благовещенский государственный педагогический университет. – Москва : Русайнс, 2019. – 160 с.

Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР / [М. И. Сладковский, К. Ф. Котов, А. А. Москалев и др.] ; под ред. М. И. Сладковского. – Москва : Политиздат, 1975. – 126 с.

Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : НОФМО, 2008. – 368 с.

Гармаева Т. И. Студенческая молодежь в социальном пространстве столиц Внутренней Азии / Т. И. Гармаева, А. А. Шахаева, К. Б.-М. Митупов. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2016. – 162 с.

Грайворонский В. В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв. – Лос-Анджелес ; Улан-Батор : Агиймаа, 2015. – 284 с.

Гурулева Т. Л. Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество. – Москва : ВКН, 2018. – 462 с.

Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : Восточная литература, 2009. – Т. 5 : Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – 1055 с.

Дылыков С. Д. История образования автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957 гг.) / С. Д. Дылыков. – Москва : [б. и.], 2022. – 495 с.

Завьялова О. И. Большой мир китайского языка / О. И. Завьялова ; Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – 2-е изд., расшир. и доп. – Москва : Восточная книга, 2014. – 320 с.

Зуенко И. Ю. Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы) : монография / И. Ю. Зуенко. – Москва : МГИМО-Университет, 2023. – 362 с.

История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина ; Ин-т востоковедения РАН. – Москва : ИВ РАН, 2007. – 448 с.

Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика, идеология / отв. ред. М. И. Сладковский ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : Наука, 1980. – 367 с.

Кляус В. Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии : Очерки фольклора и традиционной культуры / В. Л. Кляус ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2015. – 384 с.

Кляус В. Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии : исследования, тексты, комментарии / В. Л. Кляус ; отв. ред. А. С. Архипова ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – Москва : ИМЛИ РАН, 2021. – 381 с.

Ковалев М. М. Китай в XXI веке: обгоняющая модернизация / М. М. Ковалев, Лю Цзэпин. – Минск : БГУ, 2011. – 172 с.

Кузнецова В. В. Эволюция системы образования Китая / В. В. Кузнецова, О. А. Машкина. – Москва : КУРС, 2022. – 264 с.

Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона : Российско-китайские отношения на рубеже веков / В. Л. Ларин ; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – 424 с.

Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.) / В. Л. Ларин. – Москва : Восток-Запад, 2005. – 390 с.

Латкин А. П. Экспорт образовательных услуг университетов: теория, методология, practice / А. П. Латкин, Б. Ван, И. П. Черная. – Владивосток : Владивостокский государственный университет, 2024. – 136 с.

Лиштованный Е. И. Из истории общества обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920–1980-е годы) : учеб. пособие / Е. И. Лиштованный. – Иркутск : ИГУ, 1992. – 78 с.

Михалев М. С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. – Москва : ИКСА РАН, 2023. – 295 с.

Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / под ред. Б. В. Базарова. – Иркутск : Оттиск, 2016. – 624 с.

Монгольские народы в геополитических проекциях Внутренней Азии / отв. ред. Б. В. Базаров ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ : ИМБТ СО РАН, 2018. – 288 с.

Москалев А. А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы) / А. А. Москалев ; Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. – 183 с.

Москалев А. А. Нация и национализм в Китае. – Москва : Памятники исторической мысли, 2005. – 327 с.

Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). – Москва : Памятники исторической мысли, 2001. – 222 с.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под общ. ред. Н. И. Лапина. – Москва : Весь Мир, 2011. – 256 с.

Овдиенко И. Х. Внутренняя Монголия / И. Х. Овдиенко. – Москва : Географгиз, 1954. – 167 с.

Отечественная историография КНР : некоторые направления / под ред. Н. Л. Мамаевой, И. Н. Сотниковой ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : Наука — Восточная литература, 2015. – 263 с.

Пономарев Р. Е. Образовательное пространство / Р. Е. Пономарев. – Москва : МАКС Пресс, 2014. – 100 с.

Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ / отв. ред. Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяомань. – Москва : [б. и.], 2007. – 592 с.

Кузык Б. Н. Китай и Россия 2050: стратегия соразвития / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. – Москва : Институт экономических стратегий, 2006. – 656 с.

Педагогическая энциклопедия : в 4 т. / гл. ред. И. А. Каиров, Ф. Н. Петров. – Москва : Советская энциклопедия, 1964–1968. – Т. 1 : А – Ефимов. – 1964. – 831 с. ; Т. 2 : Ж – М. – 1965. – 911 с. ; Т. 3 : Н – См. – 1966. – 879 с. ; Т. 4 : С – Я. – 1968. – 911 с.

Россия – Китай: тенденции развития образования в XXI веке: сравнительный анализ / отв. ред. В. П. Борисенков, Мэй Ханьчэн. – Москва : Наука, 2019. – 662 с.

Скачков П. Е. Внутренняя Монголия. Экономико-географический очерк / П. Е. Скачков. – Москва : Исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем, 1933. – 151 с.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков ; отв. ред. В. С. Мясников. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. – 503 с.

Смирнов Д. А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину / Д. А. Смирнов ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : ИДВ РАН, 2005. – 324 с.

Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

Тенденции развития научно-образовательной среды в современных университетах Китая и России : коллективная монография / отв. ред. Е. И. Бражник. – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2019. – 216 с.

Тодаева Б. Х. Баоаньский язык / Б. Х. Тодаева ; Академия наук СССР, Институт народов Азии. – Москва : Наука, 1964. – 159 с.

Тодаева Б. Х. Дунсянский язык / Б. Х. Тодаева ; Академия наук СССР, Институт народов Азии. – Москва : Издательство восточной литературы, 1961. – 152 с.

Традиционный Китай на пути к модернизации / В. Г. Гельбрас, Ж. В. Петрунина, А. А. Киреев [и др.]. – Москва : КРАСАНД, 2013. – 320 с.

Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая / Б. Х. Тодаева ; Академия наук СССР, Институт народов Азии. – Москва : Издательство восточной литературы, 1960. – 138 с.

Тодаева Б. Х. Монгорский язык: Исследование, тексты, словарь / Б. Х. Тодаева ; Академия наук СССР, Институт востоковедения. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. – 392 с.

Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – 276 с.

Хао Пин. Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае. – Москва : Шанс, 2019. – 432 с.

Хуан Чжунцзин. Китайский путь развития фундаментального образования / пер. с кит. Ван Юе [и др.]. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 576 с.

Цыбикова Б. Х.-Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР: Сказки. – Иркутск : Оттиск, 2020а. – 336 с.

Цыбикова Б. Х.-Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР: Устные рассказы. – Иркутск : Оттиск, 2020б. – 336 с.

Яковлев А. Г. Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике / А. Г. Яковлев ; Акад. наук СССР, Ин-т китаеведения. – Москва : Издательство восточной литературы, 1959. – 112 с.

На английском и китайском языках

Bilingual Education in China: Practices, Policies and Concepts / ed. by Anwei Feng. – Clevedon : Multilingual Matters LTD, 2007. – 288 p.

China's Education Development and Policy, 1978–2008 / ed. by Zhang Xiulan. – Leiden ; Boston : Brill, 2011. – 480 p.

China's national minority education culture, schooling, and development / edited by Gerard A. Postiglione. – New York ; London : Garland Publishing, 1999. – 434 p.

Education and social change in China: inequality in a market economy / edited by Gerard A. Postiglione. – Armonk, New York ; London : M.E. Sharpe, 2006. – 224 p.

Education and Society in Post-Mao China / ed. by Edward Vickers, Zeng Xiaodong. – New York : Routledge, 2017. – 395 p.

Higher Education Reform in China. Beyond the Expansion / ed. by W. John Morgan, Bin Wu. – New York : Routledge, 2011. – 174 p.

Martin Singer. Educated Youth and the Cultural Revolution in China. – Ann Arbor : The University of Michigan, Center for Chinese studies, 1971. – 116 p.

Neimenggu shifan daxue zhi. 1952–1992 (内蒙古师范大学志。1952–1992) / ed. dou boju, sheng liu chengfa. – Huh-Hoto : Neimenggu renmin chubanshe, 1993. – 773 p.

Neimenggu zizhiquzhi, jiaoyuzhi (内蒙古自治区志, 教育志) / Qi Jinyu, Li Gaoxiao. – Huh-Hoto : Neimenggu jiaoyu chubanshe, 2014. – 460 p.

Ross Garnaut, Ligang Song, Cai Fang. China's 40 Years of Reform and Development. 1978–2018. – Canberra : Australian National University, 2018. – 708 p.

Saldana J. Coding Manual for Qualitative Researchers. – New York : Sage Publications, 2021. – 440 p.

Su Yongjian. Zhongguo gaodeng jiaoyu zhiliang baozhang yunxing jizhi ji biange yanjiu (苏永建. 中国高等教育质量保障运行机制及变革研究). – Beijing : Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2020. – 326 p.

Suzanne Pepper. China's Education Reform in the 1980s: Policies, Issues and Historical Perspectives. – Berkeley : University of California Press, 1990. – 196 p.

Ulanfu (乌兰夫). Ulanfu huiyilu (乌兰夫回忆录). – Beijing : Zhonggong dangshi ziliao chubanshe, 1989. – 448 p.

Zhang Renjie. Zhongwai jiaoyu bijiao shigang: xiandai juan (张人杰. 中外教育比较史纲：现代卷). – Jinan : Shandong jiaoyu chubanshe, 1997. – 512 p.

Zhongguo gaodeng jiaoyu xuesheng xinxiwang (Zhongguo daxue 1895–1995: yige wenhua chongtu de shijie) (中国大学 1895–1995：一个文化冲突的世界) / Xu Meide ; p. Xu Haoying. – Beijing : Jiaoyu kexue chubanshe, 1999. – 319 p.

Zhongguo de jiaoyu yanjiu: 1978–2020 (中国的教育研究：1978–2020：一部分领域与指标为例) / An Jing, Zhao Zhidun, Wang Yuchun. – Beijing : Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2023. – 163 p.

Zhongguo shandong xiandaihua jianshi (中国式现代化简史). – Beijing : Xiandai zhongguo chubanshe, 2023. – 350 p.

Zhongming Wu. The Theory of Chinese Modernization. – Beijing : The Commercial Press, 2025. – 481 p.

储朝晖. 中国大学精神的历史与省思 / 储朝晖. – 太原：山西教育出版社，2010. – 364 页. [Чу Чжаохуэй. Размышления об истории и духе китайских университетов / Чу Чжаохуэй. – Тайюань : Издательство просвещения Шаньси, 2010. – 364 с.].

段从宇. 中国高等教育区域协调发展研究 / 段从宇. – 北京：科学出版社，2015. – 212 页. [Дуань Цуньюй. Исследование регионального скоординированного развития высшего образования в Китае / Дуань Цуньюй. – Пекин : Наука, 2015. – 212 с.].

顾明远. 制度的建构与超越 — 北京师范大学与 20 世纪的中国师范教育 / 顾明远主编；胡艳, 米靖著. – 北京：北京师范大学出版社, 2005. – 283 页. [Гу Минюань. Создание и выход за рамки системы — Пекинский

нормальный университет и китайское педагогическое образование в XX веке / под ред. Гу Минюаня ; авт. Ху Янь, Ми Цзин. – Пекин : Издательство Пекинского нормального университета, 2005. – 283 с.].

国外私立高等教育发展研究 / 李文成, 韩和鸣主编. – 郑州 : 郑州大学出版社, 2007. – 288 页. [Исследование развития зарубежного частного высшего образования / под ред. Ли Вэньчэна, Хань Хэмина. – Чжэнчжоу : Издательство Чжэнчжоуского университета, 2007. – 288 с.].

黄俊杰. 全球化时代的大学通识教育 / 黄俊杰. – 北京 : 北京大学出版社, 2006. – 194 页. [Хуан Цзюньцзе. Общеобразовательная подготовка в университетах в эпоху глобализации / Хуан Цзюньцзе. – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2006. – 194 с.].

呼和浩特教育志 / 呼和浩特教育志编写组编 ; 主笔张云鹏 ; 编辑: 宋克文, 赖锦年, 郝其铮. – 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 1989. – 253 页. [Хроника образования города Хух-Хото / сост. Команда по компиляции хроники образования Хух-Хото ; гл. ред. Чжан Юньпэн ; ред.: Сун Кэвэнь, Лай Цзиньнянь, Цэ Цичжэн. – Хух-Хото : Народное издательство Внутренней Монголии, 1989. – 253 с.].

胡鞍钢. 2020 中国全面建设小康社会 / 胡鞍钢. – 北京 : 清华大学出版社, 2007. – 105 页. [Ху Аньган. Всестороннее построение Китая общества «сяокан» в 2020 г. / 胡鞍钢. – Пекин : Издательство Университета Цинхуа, 2007. – 105 с.].

李均. 中国高等教育研究史 / 李均. – 广州 : 广东高等教育出版社, 2005. – 435 页. [Ли Цзюнь. История исследований в области высшего образования в Китае / Ли Цзюнь. – Гуанчжоу : Издательство высшего образования провинции Гуандун, 2005. – 435 с.].

高等教育改革 : 理念与实践 / 刘少雪, 张应强主编. – 上海 : 上海交通大学出版社, 2007. – 202 页. [Реформа высшего образования: концепция и

практика / под ред. Лю Шаосюэ, Чжан Инцяна. – Шанхай : Издательство Шанхайского университета Цзяотун, 2007. – 202 с.].

中国教师教育 30 年 / 梅新林主编. – 北京 : 中国社会科学出版社, 2008. – 397 页. [30 лет педагогического образования в Китае / под ред. Мэй Синьлиня. – Пекин : Китайское издательство общественных наук, 2008. – 397 с.].

中国教育思想通史 : 第八卷 / 本卷作者: 苏渭昌 ; 责任编辑: 龙育群. – 长沙 : 湖南教育出版社, 1996. – 412 页. [Всеобщая история китайской педагогической мысли : в 8 т. Т. 8 / авт. тома Су Вэйчан ; отв. ред. Лун Юйцзюнь. – Чанша : Издательство просвещения Хунани, 1996. – 412 с.].

高等教育改革论 / 唐玉光, 房剑森著. – 桂林 : 广西师范大学出版社, 2002. – 320 页. [Теория реформы высшего образования / авт. Тан Юйгуан, Фан Цзиньсэнь. – Гуйлинь : Издательство Гуансийского нормального университета, 2002. – 320 с.].

王伟光. 中国式现代化是中国特色社会主义的现代化 [Электронный ресурс] / 王伟光 // 红旗文稿 : официальный сайт. – 2023. – URL: hswh.org.cn (дата обращения: 22.03.2026). [Ван Вэйгуан. Модернизация в китайском стиле — это модернизация социализма с китайской спецификой. – Электронный текстовый документ].

中国大学 1895–1995 : 一个文化冲突的世界 / [加] 许美德著 ; 许浩英译. – 北京 : 教育科学出版社, 1999. – 319 页. [Университеты Китая 1895–1995: Мир культурных противоречий / Рут Хейхо ; пер. Сюй Хаоин. – Пекин : Издательство «Педагогическая наука», 1999. – 319 с.].

人力资本与中国高等教育体制改革研究 / 张日新著. – 北京 : 中国经济出版社, 2007. – 186 页. [Исследование человеческого капитала и реформы системы высшего образования в Китае / авт. Чжан Рисинь. – Пекин : Китайское экономическое издательство, 2007. – 186 с.].

中国教育百年 / 郑金洲, 瞿葆奎著. – 北京 : 教育科学出版社, 2002. – 353 页. [Сто лет китайской педагогики / авт. Чжэн Цзиньчжоу, Цюй Баоквэй. – Пекин : Издательство «Педагогическая наука», 2002. – 353 с.].

Научные статьи

На русском языке

Абилекова Г. К. КНР в эпоху реформ Дэн Сяопина / Г. К. Абилекова // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. – 2012. – № 1 (58). – С. 9–13.

Амосова Т. В. Эволюция правовых основ языковой политики Монголии: конкуренция иностранных языков (историко-правовой анализ) / Т. В. Амосова // Искусство правоведения. – 2025. – № 4. – С. 22–32.

Андрианов В. Д. Роль Дэн Сяопина в разработке теории социализма с китайской спецификой и особенности современной модели социального рыночного хозяйства Китая / В. Д. Андрианов // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – Вып. 18, ч. 1. – С. 17–27.

Бадараев Д. Д. Влияние процессов глобализации на систему жизнеобеспечения монгольского общества / Д. Д. Бадараев, А. М. Бадонов // Власть. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 105–110.

Бадараев Д. Д. Номадизм в АРВМ КНР в условиях промышленного прессинга пастбищных территорий / Д. Д. Бадараев // Власть. – 2016. – Т. 24, № 5. – С. 139–145.

Базина О. О. Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.: история создания, принятия и внесения поправок / О. О. Базина // Социальные и гуманитарные науки. – 2025. – № 1. – С. 57–70.

Балдано М. Н. Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции / М. Н. Балдано // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2015. – Т. 13. – С. 92–100.

Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы / М. Н. Балдано // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 52–59.

Бальчиндоржиева О. Б. Интегрированное развитие индустриальной и экологической цивилизации в КНР (на примере Внутренней Монголии) / О. Б. Бальчиндоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 14-1. – С. 138–140.

Береговая О. А. Развитие российско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования на современном этапе / О. А. Береговая, А. С. Боброва, М. А. Юрченко // Дискурс. – 2023. – Т. 9, № 5. – С. 86–97.

Бикмаева К. И. Проблема установления легитимного языка на примере введения латинской графики в Монгольской Народной Республике в 30-е годы XX века / К. И. Бикмаева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1-2. – С. 252–262.

Бикмаева К. И. Становление системы образования в Монголии / К. И. Бикмаева // Mongolica. – 2018. – Т. 21. – С. 16–20 (100.pdf p. 6).

Бикмаева К. И. Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике / К. И. Бикмаева // Монголоведение. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 232–246.

Бобыло А. М. Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ) / А. М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 1. – С. 18–29.

Боревская Н. Е. Изучение китайской школы и педагогической мысли в России / Н. Е. Боревская // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. – Москва : Восточная литература, 2009. – Т. 5 : Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – С. 711–715.

Боревская Н. Е. КНР: «охота за умами». Урок для России? (Электронный ресурс) / Н. Е. Боревская // Российский совет по международным делам : официальный сайт. – 2025. – URL: russiancouncil.ru (дата обращения: 11.11.2025).

Борох О. Н. Модернизация китайского типа: эволюция концепции / О. Н. Борох, А. В. Ломанов // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 1. – С. 31–47.

Борох О. Н. От западных знаний к национальному учебнику: эволюция социально-экономических взглядов Ли Цюаньши / О. Н. Борох // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12, вып. 3. – С. 426–451.

Борох О. Н. От переосмысления советской модели к поиску китайского пути / О. Н. Борох, А. В. Ломанов // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 7. – С. 45–55.

Булдакова В. Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов / В. Г. Булдакова // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 77–81.

Буяров Д. В. Двухязычное образование в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в 2000-е годы / Д. В. Буяров // Образование в КНР и КНДР: перспективы для России. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2023. – С. 117–150.

Буяров Д. В. Демографическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района в первой четверти XXI века / Д. В. Буяров, Д. Д. Иванов // Человеческий капитал. – 2025. – № 8 (200). – С. 35–44.

Буяров Д. В. Национальная политика КНР на рубеже 1970–80-х гг. по 2000-е гг. / Д. В. Буяров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы III международной научно-практической конференции. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. – Вып. 3. – С. 138–150.

Буяров Д. В. Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при председателе КНР Си Цзиньпине (2012–2024 гг.) / Д. В. Буяров // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 5. – С. 142–155.

Ван Ян Реформирование системы высшего образования в Китае в XX – начале XXI в. / Ван Ян // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 3. – С. 62–71.

Виноградов А. В. Китайская модернизация в сравнительной перспективе / А. В. Виноградов // Сравнительная политика. – 2010. – Т. 1, № 1. – С. 104–120.

Виноградов А. В. Отечественное китаеведение о проблемах модернизации и моделях развития Китая / А. В. Виноградов // Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н. Л. Мамаева. – Москва : Памятники исторической мысли, 2014. – С. 291–317.

Винокурова А. В. Из Монголии в Канаду: за образованием и работой / А. В. Винокурова, О. Мунхбат, В. Алтансукх, М. Чанцалсурэн // Respublica Literaria. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 48–58.

Владимирова Д. А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий / Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей, А. А. Карловская // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – № 1. – С. 123–137.

Воробьева Т. А. Взаимоотношения в треугольнике США – СССР – КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980

гг.) / Т. А. Воробьева, В. Т. Юнгблюд // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – № 1 (64). – С. 59–82.

Ганхуяг А. Особенности ценностных ориентаций современной молодёжи Монголии / А. Ганхуяг // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 9 (53). – С. 40–42.

Герасимова Т. Г. Ежегодник «КНР: политика, экономика, культура» – 55 лет аналитики и понимания Китая / Т. Г. Герасимова // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2025. – Т. 7, № 4. – С. 110–126 .

Гольман М. И. С. Д. Дылыков – ученый-монголовед (к 100-летию со дня рождения) / М. И. Гольман // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2012. – № 4. – С. 198–200.

Гордон А. В. Парадигма китайской модернизации в понятиях «второй модерности» / А. В. Гордон // Россия и современный мир. – 2015. – № 1 (86). – С. 30–47.

Гулева М. А. Основные тенденции развития негосударственного образования в КНР в XXI веке / М. А. Гулева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2022. – Т. 14, вып. 2. – С. 176–192.

Гулева М. А. Профессиональное образование в КНР и перспективы его развития / М. А. Гулева // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 12. – С. 51–57.

Гурулева Т. Л. Национальное образование в Китае: современное состояние и меры государственного регулирования / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 1. – С. 107–119.

Гурулева Т. Л. Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития / Т. Л. Гурулева // Высшее образование в России. – 2017. – № 7 (214). – С. 152–164.

Гурулева Т. Л. Стратегические рубежи развития системы образования КНР в XXI веке / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 4. – С. 145–153.

Гурулева Т. Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года / Т. Л. Гурулева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 185–197.

Гурулева Т. Л. Языковая политика КНР на современном этапе (2021–2024 гг.): основные направления и особенности реализации / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 4. – С. 169–184.

Дацышен В. Г. Китайские практиканты на советских предприятиях в Сибири. К проблеме учебно-производственной миграции китайцев в СССР / В. Г. Дацышен // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 1. – С. 141–154.

Дацышен В. Г. Становление современного китаеведческого образования в восточных регионах России в 1980–1990-х гг. / В. Г. Дацышен // Современные востоковедческие исследования. – 2020. – Т. 2, № 5. – С. 55–61.

Джагаева О. А. Вклад РСФСР / СССР в развитие системы образования Монгольской Народной Республики в 1921–1945 гг. / О. А. Джагаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 4 (61). – С. 32–36.

Джагаева О. А. Сотрудничество СССР и МНР в области образования и науки в 1940-е гг. / О. А. Джагаева // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 261–263.

Донецкая С. С. Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления / С. С. Донецкая, В. Бин // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 636–554.

Донецкая С. С. Реформирование системы высшего образования в Китае / С. С. Донецкая, Цзи Цяньнань // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 8/9. – С. 116–128.

Дырхеева Г. А. Русский язык в оценках монголов: социалингвистическая репрезентация / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2025. – № 3 (49). – С. 48–60.

Дырхеева Г. А. Русский язык как иностранный в образовательном пространстве Монголии: компетенции, лояльность, установки / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова, Ц. Саранцацрал // Социалингвистика. – 2023. – № 1 (13). – С. 89–110 (100.pdf p. 9).

Дырхеева Г. А. Языковая политика Монголии: проблема возрождения старомонгольской письменности / Г. А. Дырхеева, Г. Наранчимэг // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 98–104 (100.pdf p. 9).

Е Яньхуа Инкорпорация китайских вузов в мировое образовательное пространство: результаты и проблемы / Яньхуа Е // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 1 (112). – С. 48–54 (100.pdf p. 9).

Кашин В. Б. Эволюция и трансформационные процессы политики и управления в сфере образования в Китае в 1978–2019 гг. / В. Б. Кашин, А. Д. Янькова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 389–409.

Клепиков В. З. О реформе образования в Китае / В. З. Клепиков // Педагогика. – 2001. – № 9. – С. 67–69.

Константинова М. А. Гармонизация образовательного пространства КНР: новые пути решения проблемы / М. А. Константинова // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. – 2011. – № 9. – С. 44–48.

Константинова М. А. Инновационные тенденции в образовательной системе КНР (по материалам китайских исследователей) / М. А. Константинова // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. – 2011. – № 10. – С. 195–200.

Кочукова Е. А. Особенности этнической классификации народов в КНР (по материалам работ Фэй Сяотуна) / Е. А. Кочукова // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 1. – С. 58–63.

Кузнецова В. В. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния / В. В. Кузнецова, О. А. Машкина // Сравнительная политика. – 2020. – № 11 (2). – С. 139–150.

Кузнецова В. В. Проект «Шуан илю». Глобализация китайского высшего образования / В. В. Кузнецова, О. А. Машкина // Образовательная политика. – 2019. – № 4 (80). – С. 76–90.

Лазарева Т. В. Автономный район Внутренняя Монголия – 60 лет со дня образования / Т. В. Лазарева // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 4. – С. 113–124.

Лазарева Т. В. Действие системы районной национальной автономии в КНР: эффект, трудности, инновации / Т. В. Лазарева // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М. Л. Титаренко / гл. ред. С. Л. Тихвинский. – Москва : Памятники исторической мысли, 2004. – С. 327–335.

Ларин В. Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы / В. Л. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 2. – С. 40–53.

Лешуков О. В. Флагманские университеты: от советского опыта к поиску новой модели / О. В. Лешуков, И. Д. Фрумин // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – Т. 21, № 4 (110). – С. 22–29.

Ли Мэнлун История и реальность «китайской модели» развития высшего образования с точки зрения слияния университетов / Ли Мэнлун, Цинь Бэнчюю, Бай Янцзин // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 527–575.

Ли Яньхуэй Новая динамика высшего образования в Китае / Яньхуэй Ли // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6 (28). – С. 151–160.

Ли Яньхуэй Развитие высшего образования в Китае / Яньхуэй Ли // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. – С. 256–262.

Мажинский С. В. Особенности проведения аграрных преобразований коммунистической партией Китая во Внутренней Монголии в период с 1947 по 1949 гг. / С. В. Мажинский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 6 (26). – С. 100–102.

Мажинский С. В. Индустриальное развитие и миграционные процессы в Автономном районе Внутренняя Монголия в годы первой пятилетки (1952–1957 гг.) / С. В. Мажинский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 1 (27). – С. 67–70.

Михальченкова Н. А. Китайские университеты в условиях глобализации и трансформации государственной политики / Н. А. Михальченкова // Вестник МГУ. Серия 27, Глобалистика и геополитика. – 2016. – № 1. – С. 56–71.

Наваанзоч Х. Высшее образование в Монголии / Х. Наваанзоч, Д. Мунхбат // Вестник Московского госуниверситета. Серия 7, Философия. – 2013. – № 3. – С. 51–62.

Намжилова В. О. Внутренняя Монголия как энергетический форпост Китая / В. О. Намжилова // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 2. – С. 22–29.

Намжилова В. О. Внутренняя Монголия: стратегическое позиционирование северной периферии Китая / В. О. Намжилова // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 5. – С. 97–108.

Намжилова В. О. Экономическое развитие Автономного района Внутренняя Монголия в начале XXI века / В. О. Намжилова // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 3. – С. 75–83.

Петрунина Ж. В. Международное сотрудничество Китая в сфере высшего образования в XXI веке / Ж. В. Петрунина // Образование в КНР и КНДР: перспективы для России. – Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2023. – С. 9–60.

Саранцацрал Ц. Языковая политика и языковая ситуация по иностранным языкам в современной Монголии / Ц. Саранцацрал // Языки коренных народов: перспективы развития, государственная и институциональная поддержка : материалы международной конференции. – Улан-Удэ : Изд-во ИМБТ СО РАН, 2019. – С. 197–200.

Сачко Г. В. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? / Г. В. Сачко // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2018. – № 1 (18). Специальный выпуск. – С. 75–83.

Семенова С. С. Образование в Китае: история и современность / С. С. Семенова // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 5 (120). – С. 126–130.

Сергеева А. А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР (с начала периода «реформ и открытости») / А. А. Сергеева // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. – 2011. – № 1. – С. 43–53.

Сидорова А. В. Китайский космополитизм и система высшего образования КНР конца 1970–2000 гг. / А. В. Сидорова // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2011. – № 2. – С. 79–86.

Синь Фанкунь. Реализация в КНР проекта «Первоклассные университеты и специальности международного уровня»: роль местных органов власти / Синь Фанкунь // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 75–86.

Смирнов Д. А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину / Д. А. Смирнов ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : ИДВ РАН, 2005. – 324 с.

Смирнов Д. А. Особенности трансформации идеино-политической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике / Д. А. Смирнов // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 5. – С. 18–29.

Солощева М. А. Позитивная дискриминация в образовании в КНР: pro et contra / М. А. Солощева // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 5 (718). – С. 49–55.

Суворова Е. А. Основные направления политики реформ и развития системы образования в КНР в последней четверти XX в. / Е. А. Суворова // Россия и АТР. – 2016. – № 1. – С. 261–268.

Суворова Е. А. Становление системы образования в Китае во второй половине XX в. / Е. А. Суворова // Россия и АТР. – 2015. – № 1. – С. 198–204.

Сюй Ин. Основные тенденции распространения западных теорий высшего образования в современном Китае / Сюй Ин // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 12. – С. 88–91.

Сянпин Шэнь. Мировоззренческий универсум Дэн Сяопина / Шэнь Сянпин // Свободная мысль. – 2017. – № 4 (1664). – С. 41–64.

Сянянь Ли. Проблема самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 г. по настоящее время) / Ли Сянянь // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 4. – С. 124–130.

Томских А. А. Стратегия территориальной организации высшего образования Китая / А. А. Томских // География и природные ресурсы. – 2013. – № 1. – С. 174–181.

Томтогтох Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии / Г. Томтогтох // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4 (18). – С. 207–213.

Трощинский П. В. Национальная политика и территориальная целостность КНР / П. В. Трощинский // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 25–33.

Ульянов М. Ю. Древний Китай в работах советских китаеведов 20–30 гг. XX в. (краткий обзор) / М. Ю. Ульянов // Общество и государство в Китае. – 2018. – Т. XLVIII, ч. 2. – С. 154–194.

Хилханова Э. В. Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии / Э. В. Хилханова, В. В. Иванов // Социолингвистика. – 2023. – № 2 (14). – С. 129–153.

Хилханова Э. В. Люди и (языковые) ландшафты в теории и практике социолингвистики (на примере Улан-Батора) / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Монголоведение. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 275–293.

Хилханова Э. В. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди / Э. В. Хилханова // Монголоведение. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 591–609.

Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды по монголоведению / А. Н. Хохлов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2012. – № 4. – С. 50–61.

Ху Аньган. Путь китайской модернизации (1949–2014) / Ху Аньган // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 90–109.

Хухбатор Б. Советский ученый П. Г. Сердюченко и «литературный язык»: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х

гг. / Б. Хухбатор // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2021. – № 1 (41). – С. 48–60.

Чебаненко Е. Н. Государственное финансирование и политика дифференциации вузов – основа модернизации высшего образования в КНР / Е. Н. Чебаненко // Материалы научно-методической конференции СЗИУ РАНХиГС. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 258–262.

Чжан П. Сотрудничество Внутренней Монголии и регионов Сибири: от дешевой рабочей силы до студентов и профессоров (1983–2016 гг.) / П. Чжан, В. Г. Дацышен // Современная научная мысль. – 2024. – № 2. – С. 157–164.

Чудодеев Ю. В. Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН / Ю. В. Чудодеев // Ориенталистика. – 2018. – Т. 1, № 3-4. – С. 424–460.

Чэнь Чжаомин. Реформирование системы образования в Китае / Чэнь Чжаомин // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 1. – С. 61–69.

Шао Хайкунь. Становление и развитие системы высшего образования в КНР в 1949–2000 гг. / Шао Хайкунь // Вестник Московского университета. Серия 20, Педагогическое образование. – 2017. – № 4. – С. 88–96.

Шаосюе Цзя. Реализация закона КНР «О высшем образовании» в Китае: достижения, проблемы и пути решения / Цзя Шаосюе // Lex russica. – 2023. – Т. 76, № 8. – С. 109–122.

Шахрай С. М. Новые тенденции академической мобильности в треугольнике Китай – Россия – США / С. М. Шахрай, Ч. Чжан // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2, № 4. – С. 70–80.

Юсупова Т. И. Монгольские аспиранты в Академии наук СССР в 1930-х гг.: политическая необходимость, академическая ответственность, результаты обучения / Т. И. Юсупова, Н. С. Яхонтова // Magistra Vitae:

электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2025. – Т. 10, № 1. – С. 12–24.

Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество в структуре международной деятельности АН СССР, 1921–1961 гг. / Т. И. Юсупова // Науки производить и совершить: из истории Российской академии наук. – Санкт-Петербург : ИИЕТ РАН, 2019. – С. 148–158.

На английском языке

Adamson B. China's English: A History of English in Chinese Education. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2004. – 240 p.

Adamson B. Models for Trilingual Education in the People's Republic of China / B. Adamson, A. Feng // Minority Languages and Multilingual Education / eds. D. Gorter, V. Zenotz, J. Cenoz. – Dordrecht : Springer, 2014. – P. 29–44. – (Educational Linguistics ; vol. 18). – URL: https://doi.org/10.1007/978-94-007-7317-2_3.

Cai Y. Chinese higher education reforms and tendencies: Implications for Norwegian higher education in cooperating with China / Y. Cai ; Norwegian Centre for International Cooperation in Education. – Bergen : SIU, 2011. – 42 p.

Cai Y. Chinese higher education: The changes in the past two decades and reform tendencies up to 2020 / Y. Cai // China and Brazil: Challenges and Opportunities / eds. L. d. C. Ferreira, J. A. G. Albuquerque. – Campinas : Anablumme, 2013. – P. 91–118.

Cai Y. Developing Chinese Higher Education in Tensions / Y. Cai, F. Yan // Encyclopedia of Educational Philosophy and Theory / ed. by M. A. Peters. – Singapore : Springer, 2019. – P. 1–6.

Chen L. P. Some reviews and forecasts of the development of ethnic minority education in China / L. P. Chen // Guizhou Ethnic Studies. – 1999. – № 1. – P. 135–144.

Enkhtur A. Bringing Knowledge Home: Agency and Organizational Climate in Returnees' Contributions to Mongolian Higher Education / A.

Enkhtur, O. Enkhtur, N. Davaajav, S. Gundsambuu // International Journal of Educational Research. – 2025. – Vol. 133. – Art. 102732. – P. 1–15.

Fan G. Changes in Educational Institutions in China: 1978–2020 / G. Fan // Handbook of Education Policy Studies / eds. G. Fan, T. S. Popkewitz. – Singapore : Springer Open, 2020. – P. 111–129.

Fan L. The Expansion of Education in China 1949–1995 / L. Fan // The American Educational Research Association (AERA) Annual Meeting. – Chicago : AERA, 1997. – 30 p.

Jacob J. W. Social Justice in Chinese Higher Education: Regional Issues of Equity and Access / J. W. Jacob // Review of Education. – 2006. – Vol. 52, № 1-2. – P. 149–169.

Landry R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study / R. Landry, R. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – Vol. 16, № 1. – P. 23–49.

Li X. Mechanism and Model of Cooperation between China, Mongolia and Russia in Higher Education / X. Li, L. Guo // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 19. – P. 87–94.

Mei Wu. The Impact of Measures Aimed at Achieving Equity and Quality in Chinese Ethnic Minority Education / Mei Wu // International Handbook on Education Development in Asia-Pacific / eds. J. Lee, C. Han. – Singapore : Springer, 2022. – P. 104–121.

Mok Ka Ho. Riding over socialism and global capitalism: changing education governance and social policy paradigms in post-Mao China / Ka Ho Mok // Comparative Education. – 2005. – Vol. 41, № 2. – P. 217–242.

Narantuya O. Impact of Internationalization on Mongolian Higher Education / O. Narantuya // Journal of Positive School Psychology. – 2022. – Vol. 6, № 3. – P. 6075–6080.

Ogden S. Higher education in the People's Republic of China: New directions in the 1980s / S. Ogden // Higher Education. – 1982. – Vol. 11, № 1. – P. 85–109.

Postiglione Gerard Expanding Higher Education: China's Precarious Balance / Gerard Postiglione // The China Quarterly. – 2020. – № 244 : Special Issue (Change, Contradiction and the State: Higher Education in Greater China). – P. 920–941.

Ross Garnaut. China's 40 Years of Reform and Development. 1978–2018 / Ross Garnaut, Ligang Song, Cai Fang. – Canberra : Australian National University, 2018. – 708 p.

Saldana J. Coding Manual for Qualitative Researchers / J. Saldana. – New York : Sage Publications, 2021. – 440 p.

Sautman Barry Preferential Policies, Affirmative Action, Ethnic Minorities and China's Universities (Электронный ресурс) / Barry Sautman // Pacific Rim Law & Policy Journal. – 1998. – Vol. 7, № 1. – URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol7/iss1/3> (дата обращения: 11.11.2025).

Singer M. Educated Youth and the Cultural Revolution in China / M. Singer. – Ann Arbor : The University of Michigan, Center for Chinese studies, 1971. – 116 p.

Stewart V. Made in China: Challenge and Innovation in China's Vocational Education and Training System / V. Stewart. – Washington, DC : National Center on Education and the Economy, 2015. – 51 p.

Teng X. Preferential Policies for Ethnic Minorities and Educational Equality in Higher Education in China / X. Teng, X. Ma // Affirmative Action in China and the U.S. International and Development Education / eds. M. Zhou, A. M. Hill. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 83–98.

Tsang Mun Chui. Education and National Development in China since 1949: Oscillating Policies Enduring Dilemmas / Tsang Mun Chui // China Review. – 2000. – Vol. 12, № 2. – 26 p.

Wang G. China's Higher Education Reform / G. Wang // China Currents. Journal of the Center for Chinese Studies. – 2010. – Vol. 9, № 1. – P. 44–58.

Xiong Weiyan. Profile of a Comparative and International Education Leader: Ka Ho Mok / Weiyan Xiong // Global Comparative Education: Journal of the WCCES. – 2021. – Vol. 5, № 1-2. – P. 189–202.

Yang Z. Globalization and Higher Education Reform in China / Z. Yang // Higher Education in the Era of Globalization / eds. K. H. Mok, R. Rosenberg. – New York : Routledge, 2012. – P. 135–156.

На китайском языке

宝金華. 清朝末期の内モンゴルにおける近代学校に関する歴史的研究 / 宝金華 // 比較教育学研究. – 2008. – 第 36 号. – P. 112–134. [Бао Цзиньхуа. Историческое исследование современных школ во Внутренней Монголии в конце эпохи династии Цин / Бао Цзиньхуа // Сравнительное образование. – 2008. – № 36. – С. 112–134].

池田健雄. 満洲蒙地、齊齊哈爾の研究—教育・文化を中心に / 池田健雄 // 千葉大学大学院人文公共学府研究プロジェクト報告書. – 2025. – 第 388 集. – P. 28–56. [Икэда Такэо. Исследование образования и культуры в Маньчжурии, Монголии и Цицикаре / Икэда Такэо // Отчет о научно-исследовательском проекте Высшей школы гуманитарных и общественных наук Университета Тиба. – 2025. – Т. 388. – С. 28–56].

北村友人. 比較教育学と開発研究の関わり (Электронный ресурс) / 北村友人 // 比較教育学研究. – 2005. – 第 31 号. – P. 241–252. – URL: jst.go.jp (дата обращения: 13.11.2025). [Китамура Юдзин. Взаимосвязь между сравнительным образованием и исследованиями в области развития

/ Китамура Юдзин // Сравнительное образование. – 2005. – № 31. – С. 241–252].

李小红. 新中国民族教育的历史变迁、当前问题及未来展望 (Электронный ресурс) / 李小红, 吴曼丽, 郭琪琪 // 内蒙古师范大学学报. – 2023. – 第 1 期 (总第二十三期). – URL: swu.edu.cn (дата обращения: 10.06.2026). [Ли Сяохун. Историческая эволюция, текущие проблемы и перспективы развития образования для этнических меньшинств в Новом Китае / Ли Сяохун, У Маньли, Го Цици // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. – 2023. – Вып. 1. – С. 105–114].

刘晓娟. "一带一路"背景下开启中俄高校文化之旅 / 刘晓娟 // 金融理论与教学. – 2018. – № 2. – 3 页. [Лю Сяюань. Начало культурного путешествия между китайскими и российскими университетами в контексте инициативы «Один пояс, один путь» / Лю Сяюань // Финансовая теория и обучение. – 2018. – № 2. – С. 3].

阙明坤. 我国独立学院转设法律纠纷探微 – 基于三个典型案例文本的分析 / 阙明坤, 郑育琛 // 教育发展研究. – 2021. – № 5. – С. 36–44. [Цюэ Минкунь. Исследование юридических споров при реорганизации независимых институтов в Китае: на основе анализа текстов трех типичных судебных дел / Цюэ Минкунь, Чжэн Юйчэнь // Исследования в области развития образования. – 2021. – № 5. – С. 36–44].

汤建民. 2017 中国民办本科院校及独立学院科研竞争力评价研究报告 / 汤建民 // 高等教育研究通讯. – 2018. – № 1. – С. 1–8. [Тан Цзяньмин. Исследовательский отчет об оценке научно-исследовательской конкурентоспособности частных бакалаврских вузов и независимых институтов Китая в 2017 году / Тан Цзяньмин // Вестник исследований высшего образования. – 2018. – № 1. – С. 1–8].

王鉴. 试论我国少数民族教育政策重心的转移问题 / 王鉴 // 民族教育研究. – 2009. – 第 3 期, 第 20 卷, 总第 92 期. – 18–25 页. [Ван Цзянь. К

вопросу о смещении акцентов в политике образования этнических меньшинств в Китае / Ван Цзянь // Исследования этнического образования. – 2009. – Т. 20, № 3. – С. 18–25].

王书武. 中俄合作办学教学管理发展分析 / 王书武, 宋丽荣 // 黑河学院学报. – 2016. – 第 7 卷, № 1. – 3 页. [Ван Шуву. Анализ развития управления преподаванием в китайско-российском совместном обучении / Ван Шуву, Сун Лижун // Журнал Хэйхэского института. – 2016. – Т. 7, № 1. – С. 3].

谢维和. 高等教育：区域发展的新地标 / 谢维和 // 中国高教研究. – 2018. – 第 4 期. – 12–15 页. [Се Вэйхэ. Высшее образование: новая веха в региональном развитии / Се Вэйхэ // Исследования высшего образования Китая. – 2018. – № 4. – С. 12–15].

薛寒. 1947 年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于 Nvivo 软件对政策文本的分析 (Электронный ресурс) / 薛寒, 苏德 // 内蒙古师范大学学报. – 2020. – 第 1 期. – URL: swu.edu.cn (дата обращения: 10.06.2026). [Сюэ Хань. Эволюция образовательной политики в отношении этнических меньшинств Внутренней Монголии с 1947 года — анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo / Сюэ Хань, Су Дэ // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. – 2020. – № 1. – С. 32–41].

叶开开. 独立学院转设历程、现实境遇和行动路向——以江西省独立学院为例 / 叶开开 // 教育进展. – 2025. – № 15. – С. 1010–1016. [Е Кайкай. Процесс реорганизации независимых институтов, реальная ситуация и направления действий: на примере независимых институтов провинции Цзянси / Е Кайкай // Прогресс в области образования. – 2025. – № 15. – С. 1010–1016].

Литература на монгольском языке

Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос хойшхи үеийн Орос – Монгол, Хятад-Монголын харилцаа / Н. Алтанцэцэг // Стратеги судлал сэтгүүл. – 2002. – № 2. – 78–86 х. [Алтанцэцэг Н. Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения в период после 1990-х годов / Н. Алтанцэцэг // Журнал стратегических исследований. – 2002. – № 2. – С. 78–86].

Ариунгуа Н. БНХАУ-ын Баруун хойд бүс нутгийг эрчимтэй хөгжүүлэх бодлого ба ӨМӨЗО-ы мал аж ахуйн бүс нутгийн хөгжлийн төлөв / Н. Ариунгуа // Олон улс судлал сэтгүүл. – 2002. – № 1. – 175–180 х. [Ариунгуа Н. Политика интенсивного развития Северо-Западного региона КНР и перспективы развития скотоводческих районов АРВМ / Н. Ариунгуа // Журнал международных исследований. – 2002. – № 1. – С. 175–180].

Ариунгуа Н. Монгол дахь хятад судлал / Н. Ариунгуа, Ч. Батцэцэг // Олон улс судлал. – 2006. – № 4. – 108–127 х. [Ариунгуа Н. Китаеведение в Монголии / Н. Ариунгуа, Ч. Батцэцэг // Международные исследования. – 2006. – № 4. – С. 108–127].

Батцэцэг Ч. Монгол-Хятадын харилцаанд ӨМӨЗО-ны эзлэх байр суурь [XX зууны дунд үеэс XXI зууны эхэн] : докторын диссертаци / Батцэцэг Ч. – Улаанбаатар, 2004. – 257 х. [Батцэцэг Ч. Место АРВМ в монголо-китайских отношениях [с середины XX века до начала XXI века] : док. дис. / Батцэцэг Ч. – Улан-Батор, 2004. – 257 с.].

Ж.Өлзий Өвөр Монголын Өөртөө Засах Орны зарим үндэстэн, ястны гарал үүсэл, зан заншил / Ж. Өлзий. – Улаанбаатар : [б. и.], 1990. – 143 х. [Ж. Өлзий Происхождение и обычаи некоторых наций и этнических групп Автономного района Внутренняя Монголия / Ж. Өлзий. – Улан-Батор : [б. и.], 1990. – 143 с.].

Жамсран Л. Хятад дахь Монголчууд / Л. Жамсран, Ү. Эрдэнэбаяр, Н. Алтанцэцэг. – Улаанбаатар : [б. и.], 1996. – 168 х. [Жамсран Л. Монголы в

Китае / Л. Жамсран, Ү. Эрдэнэбаяр, Н. Алтанцэцэг. – Улан-Батор : [б. и.], 1996. – 168 с.].

Шинжлэх Ухааны Академийн Олон Улс Судлалын Хүрээлэн [Электронный ресурс] // Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл. Түүх, соёл : официальный сайт. – URL: <https://iis.ac.mn/de27fb78> [дата обращения: 13.11.2025]. [Институт международных исследований Академии наук Монголии. Раздел «Научные статьи. История, культура»].

Литература на старомонгольском языке

Bayatur D. Ts. Pürbü kiged tegün-ü “Orčin čay-un mongγol bičig-ün kelen-ü kereglegen-ü kele jüi”-yin tuqai // Üyiles-yin dүrүge. – Hүlүн Buyir : Öbүr Mongγol-un arad-un keblel-үн qoriy-a, 2003. – С. 43–45.

Gereltү S. Üyiles-үн jolboy-a (Ded-professor, uran bičilgeten D. Serenbatu-yin tuqai tatalγ-a) // Üyiles-yin dүrүge. – Hүlүн Buyir : Öbүr Mongγol-un arad-un keblel-үн qoriy-a, 2003. – С. 79–89.

Liu Sui. Neyigem-dү qanduγulan surγayuli erkilejү čidaburitan-i ülemjiken kümүjigүlүne // Üyiles-yin dүrүge. – Hүlүн Buyir : Öbүr Mongγol-un arad-un keblel-үн qoriy-a, 2003. – С. 3–10.

Qastuyay-a S. Hүlүн Buyir degedү surγayuli-yin angqan-u professor // Üyiles-yin dүrүge. – Hүlүн Buyir : Öbүr Mongγol-un arad-un keblel-үн qoriy-a, 2003a. – С. 52–56.

Qastuyay-a S. Jirүken tamir-yian üyiles-tegen šinggegegči // Üyiles-yin dүrүge. – Hүlүн Buyir : Öbүr Mongγol-un arad-un keblel-үн qoriy-a, 2003б. – С. 61–64.

Qastuyay-a S. Nam-un üyiles-tү үnenči-ber jidekүнүm (Hүlүн Buyir degedү surγayuli-yin mongγol kelen-ü salburi-yin nam-un egүr-үн šүji lui Šan-i temdeglebe) // Üyiles-yin dүrүge. – Hүlүн Buyir : Öbүr Mongγol-un arad-un keblel-үн qoriy-a, 2003в. – С. 74–78.

Qastuyay-a S. Sodon бүтүгел-yier-yien üyiles-yien bosqanam (Ded-professor J. Sendema bayši-yi temdeglebe) // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003г. – C. 90–92.

Qastuyay-a S. Širγayu čirmayily-a šildeg amjilta // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003д. – C. 96–98.

Qastuyay-a S. Ündüsüten-ü-ben surγan kümüjil-ün üyiles-tü nasun turšida jidekün-e // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003e. – C. 65–67.

Qastuyay-a S. Üyiles-tegen jidekügsen ünenči oroldoly-a // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003ж. – C. 93–95.

Serenbatu D. Arad-un bayši-yin ariγun jidekül // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003a. – C. 46–47.

Serenbatu D. Eke ke-le-ben surγaju suduluγsan jam mür // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003б. – C. 68–73.

Serenbatu D. Erdemten bayši-yin erkim üyiles // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003в. – C. 57–60.

Serenbatu D. Hülün Buyir degedü surγayuli-yin mongγol ke-le udqa jokiyal-un salburi-yin odoki bayidal ba iregedüi-yin tösöb // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003г. – C. 37–40.

Serenbatu D. Üyiles-ün aldar // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003д. – C. 48–51.

Yongγorjab, Sečenggerel. Hülün Buyir degedü surγayuli-yin mongγol ke-le udqa jokiyal-un salburi-yin tobči teüke // Üyiles-yin дүрүге. – Hülün Buyir : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003. – C. 11–36.

Авторефераты и диссертации

Афанасьева Е. А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая 1991–2006 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Афанасьева Е. А. ; Томский гос. ун-т. – Томск, 2007. – 293 с.

Бороноева Д. Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Бороноева Д. Ц. ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2000. – 23 с.

Ван Ци. Становление и развитие государственно-общественной системы обеспечения качества высшего образования Китая : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Ван Ци ; Забайкальский гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2012. – 221 с.

Го Синь. Социокультурные эффекты модернизации профессионального образования в Китае : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Го Синь ; Забайкальский гос. ун-т. – Чита, 2013. – 198 с.

Дэмбэрэл Э. Эволюция системы образования в Монголии: начало XX–XXI вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Дэмбэрэл Э. ; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2011. – 180 с.

Каплунова М. Я. Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Каплунова М. Я. ; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2017. – 202 с.

Клиновский В. А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Клиновский В. А. ; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2012. – 143 с.

Лазарева Т. В. Кадровая политика в национальных районах КНР, 1949–2001 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Лазарева Т. В. ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва, 2002. – 204 с.

Лиштованный Е. И. Сотрудничество КПСС и МНРП в руководстве подготовкой кадров народной интеллигенции МНР [1921–1980-е гг.] [на

материалах Восточной Сибири] : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Лиштованный Е. И. ; Иркутский гос. ун-т. – Иркутск, 1987. – 49 с.

Лю Цяофан. Развитие негосударственного высшего образования в КНР в конце XX – начале XXI вв.: организационно-правовой аспект : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Лю Цяофан ; Ин-т стратегии развития образования РАО. – Москва, 2022. – 169 с.

Лю Чжиянь. Регионализация профессионального образования Китая в условиях его реформирования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Лю Чжиянь ; Забайкальский гос. ун-т. – Чита, 2018. – 219 с.

Мажинский С. В. Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Мажинский С. В. ; Национальный исследовательский Томский гос. ун-т. – Томск, 2014. – 214 с.

Морозова Н. В. Языковая политика КНР на современном этапе (2001–2013 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Морозова Н. В. ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва, 2019. – 188 с.

Намжилова В. О. Проблемы освоения западных регионов КНР (на примере АРВМ) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Намжилова В. О. ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва, 2011. – 159 с.

Очиров Ц. С. Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия КНР в период «культурной революции» (1966–1976 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.2 / Очиров Ц. С. ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2021. – 185 с.

Сагаев Н. Ц. Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в 1921 – нач. 1990-х гг. в российской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Сагаев Н. Ц. ; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2012. – 24 с.

Фэн Цзунжэнь. Институционализация современной художественной культуры в контексте культурных индустрий (на примере АРВМ КНР) : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Фэн Цзунжэнь ; Забайкальский гос. ун-т. – Чита, 2019. – 146 с.

Цзян Сяоянь. Основные тенденции модернизации систем профессионального образования в Китае и России (сравнительный анализ) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Цзян Сяоянь ; Казанский гос. ун-т. – Казань, 2009. – 20 с.

Цыбенков Б. Д. Социально-политическая история дауров (XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук : 5.6.2 / Цыбенков Б. Д. ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2023. – 551 с.

Цыремпилова В. Э. Трансформация позиции КПК в отношении монгольского мира последней четверти XX – первой четверти XXI вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Цыремпилова В. Э. ; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2019. – 265 с.

Цян Мэнсинь. Динамика и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере высшего образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Цян Мэнсинь ; Московский гос. лингвистический ун-т. – Москва, 2022. – 181 с.

Чжан Пэйюань. Российско-китайское межрегиональное сотрудничество в сфере высшего образования в конце XX – начале XXI вв. на примере Восточной Сибири и Внутренней Монголии : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.2 / Чжан Пэйюань ; Сибирский федеральный ун-т. – Красноярск, 2025. – 236 с.

Батсайхан Б. Эволюция системы образования в Монголии: начало XX–XXI вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Батсайхан Б. ; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2011. – 181 с.

Ван Бин. Организационно-методические положения развития экспорта образовательных услуг университетов Приморского края в КНР :

автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Ван Бин ; Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. – Владивосток, 2022. – 22 с.

Гарри И. Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете: 1951–2001 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Гарри И. Р. ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2009. – 497 с.

Грачева Ю. А. Особенности положения народа нас в Китае: история и современность : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Грачева Ю. А. ; Ин-т востоковедения РАН. – Москва, 2020. – 228 с.

Жоголев Д. А. Политика коммунистической партии Китая в районах национальной автономии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.04 / Жоголев Д. А. ; Ин-т Дальнего Востока АН СССР. – Москва, 1991. – 178 с.

Соловьева Н. А. Трансформация этнической культуры в условиях культурной модернизации Китая [на примере национальных меньшинств ва, ли, мяо, хуэй] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Соловьева Н. А. ; Забайкальский гос. ун-т. – Чита, 2016. – 143 с.

Томских А. А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук : 25.00.36 / Томских А. А. ; Пермский гос. национальный исследовательский ун-т. – Пермь, 2013. – 43 с.

Ху Яньсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае: анализ теоретических подходов и социальных практик в конце XX - начале XXI вв. : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.08 / Ху Яньсинь ; Российский ун-т дружбы народов. – Москва, 2006. – 186 с.

Цэдэндамбын Батбаяр. Основные направления политики руководства КНР в отношении АРВМ в 1976–1984 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Цэдэндамбын Батбаяр ; Институт Дальнего Востока АН СССР. – Москва, 1987. – 206 с.

Чжэн Кай. Национально-территориальная автономия в Китайской Народной Республике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Чжэн Кай ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 186 с.

Юань Фаньфань. Организационно-педагогические условия приобщения студентов к научно-исследовательской деятельности в университетах Китая : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Юань Фаньфань ; Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2018. – 278 с.

武福英. 内蒙古中小学蒙语授课教育的历史回顾及今后发展的几点建议 : 硕士学位论文 / 武福英. – 呼和浩特 : 内蒙古师范大学, 2004. – 33 页. [У Фуин. Исторический обзор образования на монгольском языке в начальных и средних школах Внутренней Монголии и несколько предложений по его будущему развитию : магист. дис. / У Фуин. – Хух-Хото : Педагогический университет Внутренней Монголии, 2004. – 33 с.].

Интернет-источники

Жэньминь жибао (人民日报): официальный сайт газеты. – Пекин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: people.com.cn.

Информационное агентство «Синьхуа» (新华社): официальный сайт. – Пекин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.cn.

Китай (中国): официальный сайт журнала. – Пекин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kitaichina.com.

Контемпорари Ворлд (Contemporary World / 当代世界): официальный сайт журнала. – Пекин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: idvcppc.org.

Молодежь Китая (中国青年): официальный сайт журнала. – Пекин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyp.com.cn.

Нэймэнгу жибао (内蒙古日报): официальный сайт газеты Правительства Автономного района Внутренняя Монголия. – Хух-Хото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nmgrb.cn.

Нэймэнгу синьвэнь ван (内蒙古新闻网): официальный портал Автономного района Внутренняя Монголия (китайская версия). – Хух-Хото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nmgnews.com.cn.

Нэймэнгу синьвэнь ван (内蒙古新闻网): официальный портал Автономного района Внутренняя Монголия (русская версия). – Хух-Хото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nmgnews.com.cn.

Радиотелевизионная станция Внутренней Монголии (内蒙古广播电视台): официальный сайт. – Хух-Хото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nmtv.cn.

中国社会科学网 [Китайская академия общественных наук]: официальный канал // WeChat: [медиаплатформа]. ID аккаунта: [cssn_cn](https://www.cssn.cn). URL: qq.com

中国高等教育 [Высшее образование в Китае: журнал]: официальный канал // WeChat: [медиаплатформа]. ID аккаунта: [zggdjy1965](https://www.zggdjy1965.com). URL: qq.com

北方民族大学学报 [Ученые записки Северного университета национальностей: журнал]: официальный канал // WeChat: [медиаплатформа]. ID аккаунта: [bfmzdxhb](https://www.bfmzdxhb.com). URL: qq.com

Статистические данные по развитию непрерывного образования в КНР // ЮНЕСКО: официальный сайт. URL: unesco.org

Статистические данные по уровням и направлениям образования в КНР // Национальное бюро статистики КНР [国家统计局]: официальный сайт. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Сравнение уровня образования этнических меньшинств и ханьцев среди населения в возрасте 6 лет и старше по данным национальных переписей 2000 и 2010 г. (в %)

Уровень образования	2000 г. Национальные меньшинства (少数民族)	2000 г. Ханьцы (汉族)	2010 г. Национальные меньшинства (少数民族)	2010 г. Ханьцы (汉族)
Не посещали школу (未上过学)	15.77	8.98	8.27	4.71
Начальное образование (初等教育)	44.97	37.57	39.35	27.80
Среднее образование (中等教育)	36.54	49.55	45.27	57.74
Высшее образование (高等教育)	2.73	3.91	7.12	9.74
Итого (总计)	100.01	100.01	100.01	99.99

Источник: 成杰, 任新民. 新形势下民族教育优惠政策的当前挑战与未来转向——基于教育平等视角 [Чэн Цзе, Жэнь Синьминь. Современные вызовы и будущие направления преференциальной политики в области этнического образования в новых условиях: на основе концепции равенства в образовании] // 湖北民族学院学报 (哲学社会科学版) [Вестник Хубэйского института национальностей (Серия: Философия и общественные науки)]. 2018. № 1.

Таблица 2. Статистические данные о среднем уровне образования этнических меньшинств с населением более одного миллиона человек по результатам национальных переписей населения 2000 и 2010 г.

Национальность	2000	2010
Корейцы (朝鲜)	9.41	10.32
Маньчжуры (满)	8.08	9.13
Монголы (蒙古)	7.95	9.25
Казахи (哈萨克)	7.85	8.69
Чжуаны (壮)	7.31	8.17
Туцзя (土家)	6.98	8.19
Бай (白)	6.95	8.16

Хуэй (回)	6.86	8.16
Ли (黎)	6.83	8.02
Яо (瑶)	6.81	7.71
Дун (侗)	6.78	7.91
Мяо (苗)	5.88	7.21
Уйгуры (维吾尔)	6.77	8.04
Дайцы (傣)	5.77	6.83
Буи (布依)	5.66	7.04
И (彝)	5.32	6.52
Хани (哈尼)	4.76	6.44
Тибетцы (藏)	3.52	5.37

Источник: 成杰, 任新民. 新形势下民族教育优惠政策的当前挑战与未来转向——基于教育平等视角 [Чэн Цзе, Жэнь Синьминь. Современные вызовы и будущие направления преференциальной политики в области этнического образования в новых условиях: на основе концепции равенства в образовании] // 湖北民族学院学报 (哲学社会科学版) [Вестник Хубэйского института национальностей (Серия: Философия и общественные науки)]. 2018. № 1.

Таблица 3. Распределение общего числа трудоустроенных выпускников по уровням образования

Масштабы и уровень трудоустройства	Кол-во выпускников	Трудоустроено	Уровень трудоустройства
Всего	134 380 чел.	91 529 чел.	68,11%
研究生 (Магистратура и докторантура)	6 707 чел.	3 496 чел.	52,12%
本科生 (Бакалавриат)	64 150 чел.	37 804 чел.	58,93%
专科生 (Профессиональное обучение)	63 523 чел.	50 229 чел.	79,07%

Источник: 内蒙古自治区人力资源和社会保障厅 [Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения Автономного района Внутренняя Монголия] : 官方网站. – URL: nmg.gov.cn

Таблица 4. Направления занятости выпускников 2020 г. (%)

Направление занятости (毕业去向)	Всего (总体) чел.	Всего (总体) %	Магистры и докт. (研究生) чел.	Магистры и докт. (研究生) %	Бакалавриат (本科生) чел.	Бакалавриат (本科生) %	Колледжи / Спец. (专科生) чел.	Колледжи / Спец. (专科生) %
Трудоустройство по соглашению (签就业协议形式就业)	60 207	44,80	2 733	40,75	22 683	35,36	34 791	54,77
Трудоустройство по трудовому договору (签劳动合同形式就业)	2 793	2,08	273	4,07	1 861	2,90	659	1,04
Другие формы найма и занятости (其他录用形式就业)	7 718	5,74	111	1,65	2 508	3,91	5 099	8,03
Ассистенты на научных проектах (科研助理)	7	0,01	1	0,01	6	0,01	—	—
Призыв на обязательную военную службу (应征义务兵)	175	0,13	—	—	70	0,11	105	0,17
Государственные низовые проекты (国家基层项目)	729	0,54	9	0,13	637	0,99	83	0,13
Региональные низовые проекты (地方基层项目)	559	0,42	18	0,27	478	0,75	63	0,10
Собственный бизнес (自主创业)	169	0,13	6	0,09	68	0,11	95	0,15
Свободные профессии / Самозанятость (自由职业)	2 302	1,71	8	0,12	1 955	3,05	339	0,53
Продолжение обучения (маг. / бак.) (升学)	16 412	12,21	330	4,92	7 167	11,17	8 915	14,03
Выезд на учебу/работу за границу (出国、出境)	458	0,34	7	0,10	371	0,58	80	0,13
В поиске работы (не трудоустроены) (待就业)	42 349	31,51	3 196	47,65	25 906	40,38	13 247	20,85
Временно отказались от трудоустройства (暂不就业)	502	0,37	15	0,22	440	0,69	47	0,07

Источник: 内蒙古自治区人力资源和社会保障厅 [Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения Автономного района Внутренняя Монголия] : 官方网站. – URL: nmg.gov.cn

Таблица 5. Научно-исследовательские проекты университетов Внутренней Монголии в области репродуктивных биотехнологий животных

№	Название проекта (на китайском языке)	Русский перевод	Уровень реализации	Основное содержание
1	建设动物生殖生物 技术一流学科项目	Проект формирования первоклассной дисциплины «Репродуктивная биотехнология животных»	с 2017 г.	Создание и развитие научной базы по репродуктивной биологии и

				клонированию животных
2	家畜体细胞核移植与遗传改良研究项目	Проект соматического переноса ядра и генетического улучшения животных	2016-2022 гг.	Разработка технологий SCNT; клонирование племенных овец и КРС с хозяйственно ценными признаками
3	草原畜牧业关键生物技术创新项目	Проект координированных инноваций биотехнологий степного животноводства	2018-2024 гг.	Применение клонирования и эмбриональных технологий для повышения устойчивости животных к природно-климатическим условиям степей
4	北方特色畜禽种质资源保护与利用重点项目	Ключевой проект по сохранению генетических ресурсов северных пород	2015-2020 гг.	Создание биобанков клеток и эмбрионов; клонирование редких и локальных пород Внутренней Монголии
5	动物生物技术高层次人才培养计划 (双一流专项)	Программа подготовки высококвалифицированных кадров в области биотехнологии животных	с 2019 г.	Подготовка магистров и аспирантов; вовлечение молодых исследователей в проекты по клонированию и репродуктивным биотехнологиям

Таблица 6. Сотрудничество высших учебных заведений Монголии и Внутренней Монголии.

Университеты	Страна	Партнер	Форма сотрудничества
Университет Внутренней Монголии	Монголия	Монгольский государственный университет	Академические обмены; совместные магистерские и аспирантские программы; научные проекты
Университет Внутренней Монголии	Монголия	Академия наук Монголии	Совместные исследования; экспертное сопровождение трансграничных проектов
Педагогический университет Внутренней Монголии	Монголия	Монгольский государственный университет образования	Подготовка и повышение квалификации педагогических кадров; языковые программы
Педагогический университет Внутренней Монголии	Монголия	Министерство образования Монголии	Совместные образовательные программы; краткосрочные стажировки
Университет национальностей Внутренней Монголии	Монголия	Университеты аймаков (Дархан, Эрдэнэт)	Этнокультурные и регионоведческие программы; студенческие обмены

Сельскохозяйственный университет Внутренней Монголии	Монголия	Монгольский государственный аграрный университет	Совместные исследования в области животноводства; прикладные образовательные программы
Технологический университет Внутренней Монголии	Монголия	Университет науки и технологий Монголии	Подготовка специалистов по логистике и инфраструктуре; стажировки
Университеты Внутренней Монголии (сетевые проекты)	Монголия	Университетские консорциумы коридора Китай – Монголия – Россия	Сетевые образовательные программы; конференции; академическая мобильность

Таблица 7. Сотрудничество университетов Восточной Сибири и Внутренней Монголии

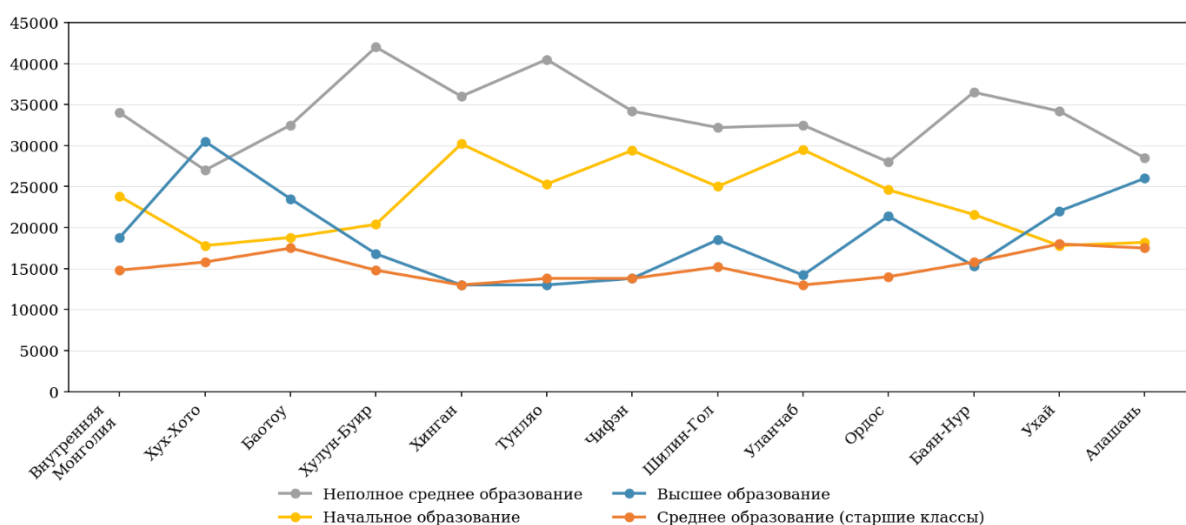
Российский университет / регион	Вуз Внутренней Монголии	Год начала сотрудничества	Форма сотрудничества / проекты
Сибирский федеральный университет (Красноярск)	Хулунбуирский институт	2008-2009	Соглашение о совместной образовательной и научной деятельности; обмен студентами и преподавателями; участие в олимпиадах и летних школах; стажировки (2012–2019)
Красноярский государственный педагогический	Педагогический университет	2007	Соглашение о сотрудничестве; практика

университет	Внутренней Монголии		студентов; лекции преподавателей; программа «2+2»; создание Института Конфуция в Красноярске (2019)
Красноярский государственный аграрный университет	Сельскохозяйственный университет АРВМ	2017	Подписание соглашения о сотрудничестве; обмен студентами и преподавателями
Хакасский государственный университет	Педагогический университет Внутренней Монголии	2011	Сотрудничество в рамках международных проектов (не все соглашения реализованы)
Тувинский государственный университет	Педагогический университет Внутренней Монголии	2013	Соглашение о сотрудничестве; стажировки студентов; обмен преподавателями; программа по изучению русского и китайского языков; соглашение на 5 лет (2019)
Бурятский государственный университет	Педагогический университет Внутренней Монголии, Хулунбуирский институт	2003-2005	Межвузовские соглашения; академическая мобильность студентов и преподавателей; участие в научных конференциях; стипендии для магистров и докторантов; спортивные и

			культурные мероприятия; трёхсторонние проекты Россия–Монголия–КНР
Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления (Улан-Удэ)	Маньчжурский институт	2012	Подписание соглашения о сотрудничестве; обмен преподавателями
Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления (Улан-Удэ)	Маньчжурский институт	2012	Подписание соглашения о сотрудничестве; обмен преподавателями
Забайкальский государственный университет	Хулунбуирский институт, Маньчжурский институт	2016-2019	Партнёрские соглашения; обмен студентами; краткосрочные практики; образовательные программы
Иркутский государственный университет	Маньчжурский институт	2009	Обучение студентов; участие в культурных и новогодних мероприятиях; обмен студентами
Иркутский национальный исследовательский технический университет	Хулунбуирский институт	2014-2017	Сотрудничество в горном деле и электронно-информационных технологиях; совместные образовательные программы; стажировки; обмен

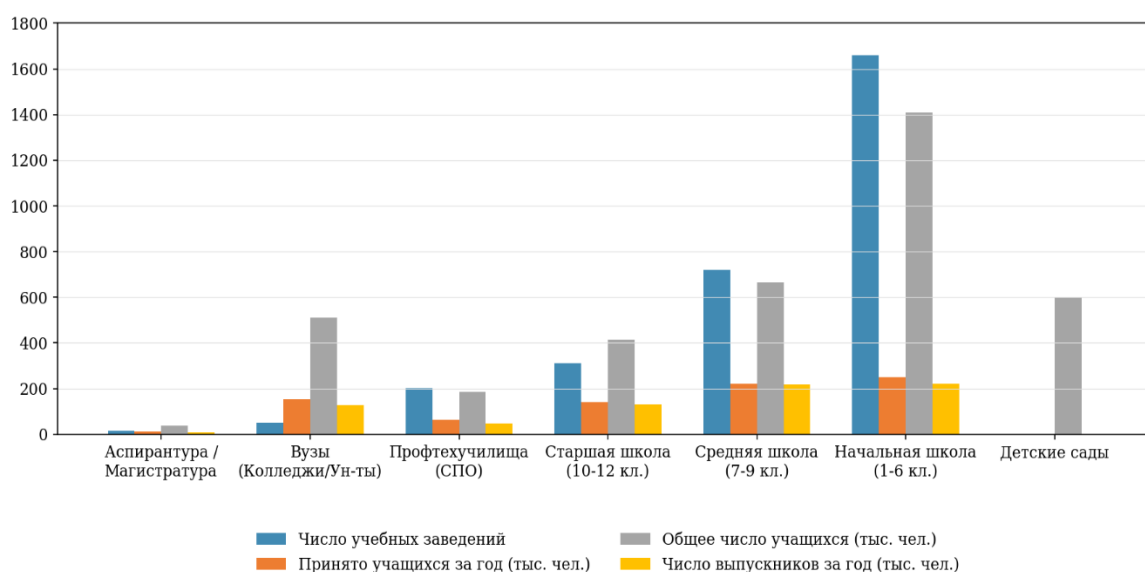
			преподавателями и студентами
Сибирский институт искусств (Красноярск)	Хулунбуирский институт	с 2000 г.	Практика студентов на художественных факультетах

Диаграмма 1. Статистика образования во Внутренней Монголии (на каждые 100 000 человек, 2020 г.)

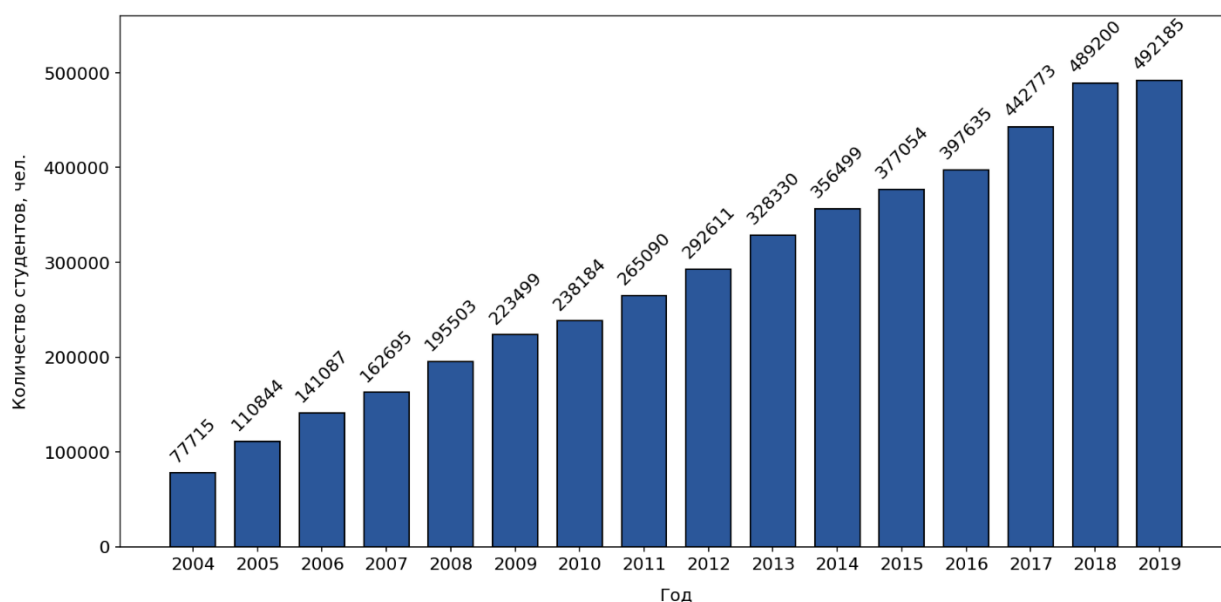
Источник: Exploration on the Development of National Education in Inner Mongolia [Исследование развития национального образования во Внутренней Монголии] // ResearchGate : информ. портал.

Диаграмма 2. Образование во Внутренней Монголии (2020 г.)

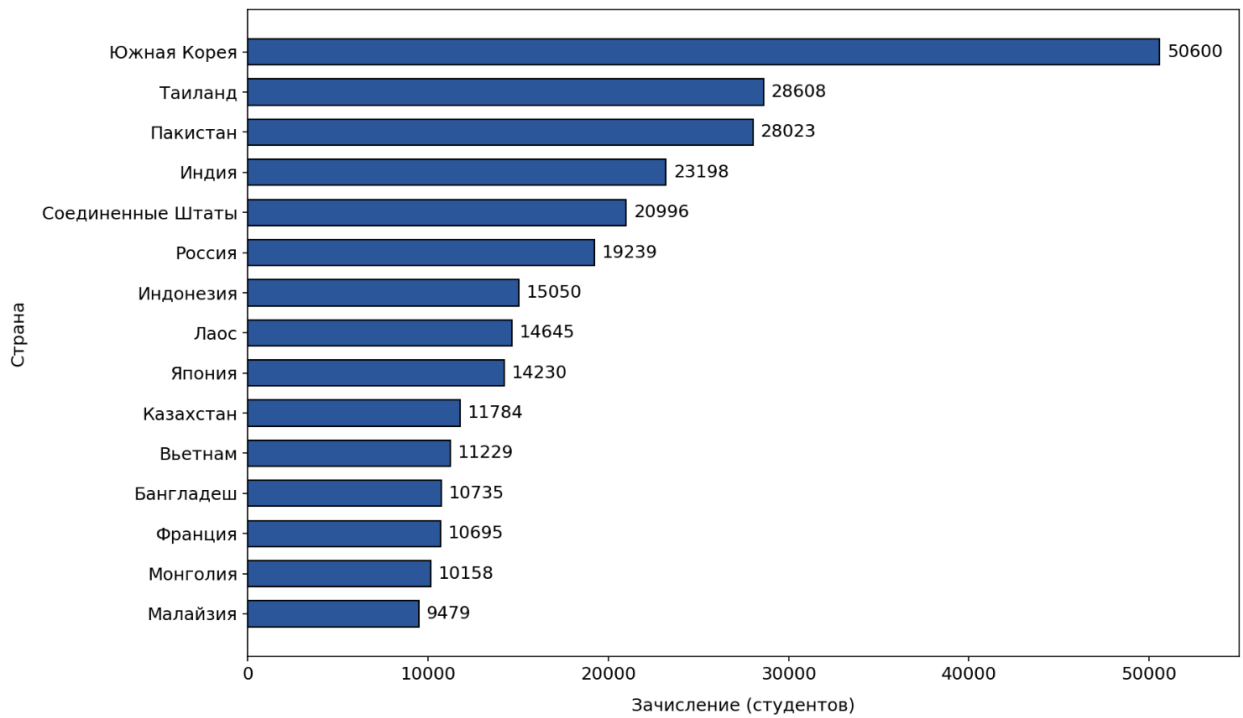
Источник: Exploration on the Development of National Education in Inner Mongolia [Исследование развития национального образования во Внутренней Монголии] // ResearchGate : информ. портал.

Диаграмма 3. Динамика численности иностранных студентов в КНР (2004-2019 гг.)

Источник: 中华人民共和国教育部 [Министерство образования Китайской Народной Республики] : 官方网站
 . – 北京. – URL: moe.gov.cn

Диаграмма 4. Распределение численности иностранных студентов в КНР по странам происхождения

Источник: 中华人民共和国教育部 [Министерство образования Китайской Народной Республики] :
 官方网站. – 北京. – URL: moe.gov.cn